

Российский государственный гуманитарный университет  
Russian State University for the Humanities



RSUH/RGGU BULLETIN  
№ 13 (93)

Academic Journal

Series:  
*Philology.*  
*Journalism. Literary Criticism*

Moscow 2012

ВЕСТНИК РГГУ  
№ 13 (93)

Научный журнал

Серия «Филологические науки.  
Журналистика. Литературная критика»

Москва 2012

УДК 070  
ББК 65.050.2я5

Главный редактор  
Е.И. Пивовар

Заместитель главного редактора  
Д.П. Бак

Ответственный секретарь  
Б.Г. Власов

Серия «Филологические науки. Журналистика.  
Литературная критика»

Редакционная коллегия:

М.П. Одесский – отв. редактор  
Е.Н. Басовская  
В.Л. Гопман  
О.И. Киянская  
Н.В. Ростова  
Н.К. Сванидзе  
Д.М. Фельдман  
Т.Н. Худобина-Землянских  
П.Э. Шульцман

ISSN 1998-6769

© Российский государственный  
гуманитарный университет, 2012

## СОДЕРЖАНИЕ

### История журналистики и литературной критики

<i>Т.А. Чубасова</i> Журнал «Утренний свет» как образец масонской журналистики . . . . .	11
<i>О.И. Киянская</i> К истории газеты «Северная пчела»: Ф.В. Булгарин и Российско-американская компания . . . . .	24
<i>А.Г. Готовцева</i> «Мой “Архив” будет официальным журналом Министерства просвещения»: Об одном несостоявшемся журнальном проекте Ф.В. Булгарина . . . . .	43
<i>Е.М. Иваницкая</i> Журнал «Соревнователь просвещения и благотворения» в историко-литературном контексте 1820-х гг. . . . .	57
<i>Д.П. Лыцинская</i> Журнал «Отечественные записки» П.П. Свиньина в политическом контексте 1820-х гг. . . . .	66
<i>М.М. Липкин</i> Журналист В. Жаботинский о «женском вопросе»: несколько рецептов творческой кухни . . . . .	73
<i>Д.М. Фельдман</i> Грани скандала: «Повесть непогашенной луны» Б.А. Пильняка в газетно-журнальном контексте 1920-х гг. . . . .	79
<i>Л.Ф. Кацис</i> К проблеме чтения и восприятия критической статьи в газете, книге, посмертном сборнике: Берковский. Мандельштам. Пастернак . . . . .	107
<i>Т.С. Кутаренкова</i> Русская периодическая печать во Франции в 1920-х гг.: типология и проблемы развития . . . . .	117

<i>В.Л. Гопман</i> Рецепция фантастических романов Артура Кларка в отечественной прессе второй половины XX в. ....	130
--	-----

---

### **История публицистики. Риторика**

---

<i>Н.А. Бачинская</i> Публицистика Ивана Грозного (дипломатические послания от имени бояр) .....	141
--	-----

<i>М.П. Одесский</i> Автобиографическая публицистика М.А. Бакунина и идеология «славянской взаимности» .....	153
--	-----

<i>С.М. Волошина</i> Проблема житнетворчества в автобиографической публицистике В.С. Печерина («Замогильные записки» и роман Ж. Санд «Спиридион») .....	171
--	-----

<i>М.Н. Байкина</i> Советский кинематограф 20–30-х гг. в публицистике М.Е. Кольцова .....	183
---	-----

<i>А.В. Нестеров</i> «Дело наше – почти антропологическое...»: Поэтическая публицистика И. Бродского и У.Х. Оден .....	192
--	-----

<i>С.Е. Эрлих</i> «Пушкин никогда не был связан с декабристами». Современная монархическая публицистика о мифологической паре «Пушкин – декабристы» .....	206
--	-----

---

### **Проблемы теории электронных СМИ**

---

<i>А.А. Новикова</i> Телевизионная картина мира как объект исследования в журналистике .....	217
--	-----

<i>М.М. Алиева</i> Телеканал «Россия 24» как этап развития информационного вещания .....	227
--	-----

<i>Л.В. Хочунская</i> Современный медийный образ как архетип .....	237
---	-----

---

### **Язык СМИ**

---

<i>А.А. Симон</i> Наука «с человеческим лицом» (Об антропоцентризме в научно-популярном медиатексте) .....	246
--	-----

<i>Е.П. Буторина</i> Прецедентные феномены как фактор стабильности дискурса медиа. На материалах газеты «Московский комсомолец» (1961 и 2009 гг.) ...	256
---	-----

<i>А.М. Бекина</i> Использование спортивной метафоры в публицистическом тексте (На материале изданий «Русский репортер» и «Русский Newsweek» 2007–2010 гг.) .....	267
--	-----

---

### **Библиография**

---

<i>М.П. Нагибина</i> Рецензия на книгу: Басинский П.В. Лев Толстой: бегство из рая. М.: Астрель: АСТ, 2011. 636 с. ....	275
---	-----

<i>В.Н. Тищенко</i> Рецензия на книгу: The Economist: Style Guide: The Bestselling Guide to English Usage. L.: MACMILLAN, 2010. 264 p. ....	278
---	-----

Abstracts .....	281
-----------------	-----

Сведения об авторах .....	291
---------------------------	-----

## CONTENTS

### History of Journalism and Literary Criticism

<i>T.A. Chubasova</i> “Utrennyi svet” magazine as an example of masonic journalism .....	11
<i>O.I. Kiyanskaya</i> Concerning the history of the newspaper “Severnaya ptchela”. F.V. Bulgarin and the Russian-American company .....	24
<i>A.G. Gotovtseva</i> “My ‘Archiv’ will be official magazine of the Ministry of public education”. About one failed journalistic project by F.V. Bulgarin .....	43
<i>E.M. Ivanitskaya</i> The journal “Sorevnovatel prosveshenia i blagotvorenia” in the historical and literary context of the 1820s .....	57
<i>D.P. Lyschinskaya</i> The journal “Otechestvennie zapiski” by P.P. Svinyin in the political context of the 1820s .....	66
<i>M.M. Lipkin</i> V. Jabotinsky-journalist on the “women question”. Professional secrets ....	73
<i>D.M. Feldman</i> The aspects of the scandal. “A Story of the Unextinguished Moon” by B.A. Pilnyak in the journalism of the 1920s .....	79
<i>L.F. Katsis</i> Towards the problem of reading and perception of a critical article in newspapers, books and posthumous collections of articles. Berkovsky. Mandelstam. Pasternak .....	107
<i>T.S. Kutarenkova</i> Russian press in France in the 1920s. Typology and problems of development .....	117



<i>V.L. Gopman</i> Reception of Arthur Clarke's science fiction novels in Russian periodicals of the second half of the XXth century .....	130
--	-----

---

### History of Publicism. Rhetoric

---

<i>N.A. Bachinskaya</i> Publicism of Ivan the Terrible (Diplomatic letters written under the name of boyars) .....	141
--	-----

<i>M.P. Odesskiy</i> M. Bakunin's autobiographical publicism and the ideology of "Slavic mutuality" .....	153
---	-----

<i>S.M. Voloshina</i> Problem of life-creation in the autobiography by V.S. Petcherin "Memoirs of behind the tomb" ("Zamogil'nye zapiski") and G. Sand's "Spiridion" .....	171
---	-----

<i>M.N. Baykina</i> Soviet cinema of the 1920–1930s in M. Koltsov's journalism .....	183
---	-----

<i>A.V. Nesterov</i> "Our case is of anthropological perspective in some kind...". Political publicism of J. Brodsky and W.H. Auden .....	192
---	-----

<i>S.E. Ehrlich</i> "Pushkin was never associated with the Decembrists". A modern monarchic publicism about the mythological pair "Pushkin – Decembrists" .....	206
--	-----

---

### Problems of the Theory of the Electronic Mass Media

---

<i>A.A. Novikova</i> The TV picture of the world as an object of study in the journalism .....	217
---	-----

<i>M.M. Aliyeva</i> "Russia 24" TV-Channel as a stage of development of information broadcasting .....	227
--	-----

<i>L.V. Hochunskaya</i> The modern media image as an archetype .....	237
---	-----

---

### **Language of Mass Media**

---

<i>A.A. Simon</i> Human-faced science (About the anthropocentrism in the popular science mediatext) .....	246
---	-----

<i>E.P. Butorina</i> Precedent phenomena as a stability factor of discourse media. On the material of the newspaper “Moskovsky Komsomolets” (1961 vs 2009) .....	256
---	-----

<i>A.M. Bekina</i> Sports metaphor in publicistic text (On the material of “Russian reporter” and “Russian Newsweek” magazines 2007–2010) .....	267
---	-----

---

### **Books in Review**

---

<i>M.P. Nagibina</i> Review on the book: Basinskiy P. Leo Tolstoy: Flight from Eden. M.: Astrel, AST, 2011. 636 p. ....	275
---	-----

<i>V.N. Tichshenko</i> Review on the book: The Economist: Style Guide: The Bestselling Guide to English Usage. L.: MACMILLAN, 2010. 264 p. ....	278
---	-----

Abstracts .....	281
-----------------	-----

General data about the authors .....	291
--------------------------------------	-----

## История журналистики и литературной критики

---

Т.А. Чубасова

### ЖУРНАЛ «УТРЕННИЙ СВЕТ» КАК ОБРАЗЕЦ МАСОНСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

В статье идет речь о журнале «Утренний свет», издававшемся известным российским просветителем и масоном Н.И. Новиковым во второй половине XVIII в. Изучается история издания, анализируются размещенные в нем публикации, делается вывод о принадлежности «Утреннего света» к масонской журналистике, превратившей журналистику эпохи Екатерины в общекультурный феномен.

*Ключевые слова:* Н.И. Новиков, журнал «Утренний свет», журнал «Вечерняя заря», М.Н. Муравьев, «Предуведомление».

20 декабря 1853 г. Л.Н. Толстой записал в дневнике: «Читая философское предисловие Карамзина к журналу «Утренний свет», который он издавал в 1777 году и в котором он говорит, что цель журнала состоит в любомудрии, в развитии человеческого ума, воли и чувства, направляя их к добродетели, я удивлялся тому, как могли мы до такой степени утратить понятие о единственной цели литературы – нравственной, что заговорите теперь о необходимости нравоучения в литературе, никто не поймет вас»<sup>1</sup>.

Толстой ошибался – философское предисловие к журналу «Утренний свет» написал не Н.М. Карамзин, а Н.И. Новиков, один из выдающихся российских просветителей XVIII в. Собственно, он и группа его друзей и соратников были издателями «Утреннего света». В организации журнала участвовали М.М. Херасков, В.И. Майков, И.П. Тургенев, Н.Н. Трубецкой, А.М. Кутузов, И.В. Лопухин, П.А. Татищев, А.А. Черкасский, А.А. Тейльс. Среди основных сотрудников журнала выделялся будущий воспитатель

Т.А. Чубасова

императора Александра I М.Н. Муравьев, который не был масоном, хотя положительно относился к концепции издания. Позже, когда журнал стал издаваться в Москве, к нему подключился И.Г. Шварц.

Впрочем, ошибка Толстого объяснима: в свое время Карамзин сблизился с кружком Новикова, объединявшим ведущих литераторов того времени. Общение с этими людьми и сотрудничество в изданиях Новикова серьезно повлияли на формирование взглядов Карамзина. Свою признательность Новикову автор «Истории государства Российского» выразил в записке к Александру I, написанной в 1818 г. Обращаясь к императору, Карамзин просил о помощи семье просветителя, разоренной после гонений на Новикова в начале 90-х гг. XVIII в. «Новиков как гражданин, полезный своею деятельностью, заслуживал общественную признательность; Новиков как теософический мечтатель по крайней мере не заслуживал темницы <...> Бедность и несчастье его детей подают случай государю милосердному вознаградить в них усопшего страдальца, который уже не может принести ему благодарности в здешнем свете, но может принести ее всевышнему»<sup>2</sup>, – писал Карамзин.

Журналистская и масонская деятельность Новикова, конечно же, неоднократно становилась предметом изучения; на эту тему написано множество статей и монографий. Таковы ставшие классическими работы Г.В. Вернадского «Русское масонство в царствование Екатерины II»<sup>3</sup> и А.Н. Пыпина «Русское масонство XVIII и I четверти XIX века»<sup>4</sup>. Специально Новикову-масону также посвящен целый ряд дореволюционных работ. В первую очередь следует назвать работу М.Н. Лонгинова «Новиков и московские мартинисты»<sup>5</sup>. Данное исследование содержит в себе подробный и очень редкий фактический материал о Новикове и его окружении.

В советскую эпоху работ, в которых бы изучался журнал «Утренний свет», было мало. В монографии Г.П. Макогоненко «Николай Новиков и русское просвещение XVIII века» анализ деятельности Новикова до его ареста в 1792 г., смысла и содержания его просветительской работы, внутренних отношений среди московских масонов позволил выдвинуть и обосновать оригинальную точку зрения на особую позицию Новикова внутри московского масонства и русского масонства вообще<sup>6</sup>. В 1976 г. вышел сборник «Н.И. Новиков и общественно-литературное движение его времени», в котором помещен ряд научных статей о периоде активной деятельности Новикова и его друзей. В этот сборник

вошла статья Н.Д. Кочетковой «Немецкие писатели в журнале Новикова “Утренний свет”»<sup>7</sup>. В данной работе содержатся необходимые сведения для понимания характера журнала и правильного представления о содержании «Утреннего света». Однако объем работы слишком мал, чтобы ответить на все вопросы, возникающие при изучении этого журнала. Кроме того, автор останавливается по преимуществу на «немецкой» составляющей журнала.

В постсоветскую эпоху интерес к Новикову – издателю журналов – практически совсем угас. Выходят лишь единичные работы, в которых деятельность Новикова становится объектом изучения<sup>8</sup>.

\* \* \*

Общеизвестен факт, что Новиков был одним из самых видных масонов второй половины XVIII в. Биографию просветителя исследователи условно разделяют на два этапа – до и после вступления в масонский орден. До вступления в братство «вольных каменщиков» в 1775 г. Новиков уже стал известным журналистом и издателем. Однако как журналист он прославился, прежде всего, своими общественными выступлениями на страницах сатирических журналов.

Большинство журналов, выходивших в первое десятилетие правления Екатерины II, были сатирическими. Несмотря на то что их целью было исправить человеческие пороки, содержание статей должно было развлекать читателей. Публика охотно читала сатирические журналы, в том числе и журналы самого Новикова, но мало кто серьезно думал об улучшении нравов. После вступления в масонскую ложу Новиков решил, что для исправления пороков общества нужно начать его просвещать. Ю.М. Лотман утверждал: «Новиков соединял в себе практика и мечтателя. Любое дело горело в его руках. Он умел и любил заниматься практическим организаторством, создавая типографии и журналы, научные общества и аптеки. Практическая хватка его была исключительной. Он мог, начав с копейки, взятой в долг, в короткий срок организовать дело, оборот которого исчислялся сотнями тысяч. Однако вся эта кипучая практическая деятельность имела для него смысл лишь потому, что с ее помощью он надеялся превратить Россию в прекрасное царство просвещения и братства»<sup>9</sup>. Журнал «Утренний свет» начал издаваться в сентябре 1777 г. Он был учрежден в благотворительных целях: деньги, получаемые издателем, шли на содержание двух училищ для мальчиков и девочек, Екатерининского и Александровского соответственно.

Отчеты об успехах и результатах благотворительной деятельности журнала печатались, как правило, на последних страницах. Кроме того, издатели публиковали письма жертвователей. Как выясняется, с помощью журнала Новиков сумел создать крупное благотворительное общество, правда, не имевшее определенного устава и членства, но от этого действовавшее не менее эффективно. Издатели начали получать помощь деньгами, помещением для школ, вещами. Многие лица стали принимать на свой счет содержание питомцев. В скором времени на деньги от подписки и пожертвований были устроены два полноценных училища с пансионерами и приходящими учениками. Заведения были торжественно открыты и освящены архиепископом Новгородским и Санкт-Петербургским Гавриилом.

Новиков использовал все свои связи и знакомства, чтобы организовать массовую подписку на журнал. Так, М.Н. Муравьев, активно сотрудничавший в «Утреннем свете», писал отцу: «Также, милостливый государь батюшка, просил меня Николай Иванович Новиков переслать к вам несколько объявлений об издании «Утреннего света», ежемесячного издания, для подписки»<sup>10</sup>. Муравьев просит раздать кое-кому, а кто изволит подписаться, собрать. «Я думаю, будут иные охотники. Особливо намерение издателей для заведения школ для бедных, кажется, может побудить многих. А для вас уже подписался я за три рубля, и дядюшка подписался»<sup>11</sup>. Примечательно, что имена тех, кто подписывался на журнал, печатались в начале каждого номера издания. Так, в IV части журнала среди подписчиков можно найти имя отца Муравьева – Никиты Артамоновича, к которому тот писал с просьбой помочь организовать подписку.

Первые пять частей были напечатаны в Санкт-Петербурге в Типографии Императорского Сухопутного Шляхетского Кадетского Корпуса, последние четыре части – в Университетской Типографии в Москве. Кроме того, в Москве были переизданы первые пять частей, вышедшие в столичной типографии. Тираж журнала составил 1000 экземпляров, после чего потребовалось издавать допечатку. По тем временам это было большим успехом.

Цена журнала «Утренний свет» была назначена в Санкт-Петербурге 3 руб. 50 коп. При основании журнала бывший в то время генерал-аудитор Петр Хлебников пожертвовал для печатания «Утреннего света» необходимое количество бумаги, поэтому в столице цена была назначена 3 руб. 50 коп., а в других городах – 4 руб. Но спустя несколько месяцев после выхода первого номера Хлеб-

ников умер – и Новиков был вынужден повысить цену до 4 руб. и в Санкт-Петербурге.

Однако благотворительный характер издания позволил подписчикам давать большую сумму за номер. Цена на подписку зависела от самих читателей – от заинтересованности подписчика в благотворительной деятельности журнала. К примеру, за один экземпляр журнала князь Михаил Михайлович Вадбальский выслал 10 руб., «его благородие» Иван Семенович Захаров – 5 руб., а петербургское купечество за 3 экземпляра отдало 50 руб. Поначалу подписывались те, кто лично знал Новикова или сотрудников «Утреннего света», в том числе и члены масонских лож. Например, Василий Чулков, который состоял в ложе «Директория VIII провинции», был отмечен в числе подписавшихся во II части «Утреннего света». В списках подписчиков встречается фамилия князя Алексея Голицына, которого исследователь масонства А.И. Серков называет «первым русским мартинистом»<sup>12</sup>. Голицын числился членом ложи, действовавшей в Петербурге в 1756–1759 гг.

Активная деятельность Новикова по распространению журнала дала результаты, и география журнала заметно расширилась. Если в мае 1778 г. на «Утренний свет» подписались читатели из Санкт-Петербурга, Москвы, Казани, Пскова и Твери, то в ноябре этого же года журнал читали подписчики из Тамбова, Глухова, Харькова, Переяславля, Полтавы, Смоленска и других городов. Можно предположить, что такая высокая читательская активность в провинции была вызвана модой, пришедшей из столицы. Михаил Муравьев пишет: «Здесь в городе все подписываются, и Тверь, я думаю, захочет подражать Петербургу. Благо, что дано средство. Хорошо добро делать из какой бы причины ни было. Хоть для того, что так водится»<sup>13</sup>. Влияние «Утреннего света» на провинциальную публику показывает стихотворение «К «Утреннему свету», посвященное журналу и опубликованное в сборнике Тверской семинарии в 1779 г.:

Поправить предприняв испорченные нравы,  
И добродетели святы открыть уставы,  
И вкупе бедности призрение подать,  
И юность к истине и чести воспитать,  
Собрание мужей и честных и ученых,  
Сколь добродетельных, столь также просвещенных  
Плоды трудов своих в свет книгу издает,  
Котора «Утренний» от них зовется «свет» <...><sup>14</sup>

В стихотворении правильно отмечены многие черты, характерные для «Утреннего света»: высококвалифицированный состав писательской группы, интерес издателей к этическим проблемам и поставленные ими просветительские и благотворительные цели. Между Тверской семинарией и журналом существовала тесная связь. Автор стихотворения – Петр Терликов – был сотрудником «Утреннего света». В частности, он опубликовал оду на рождение великого князя Константина Павловича в VI части «Утреннего света». Как утверждает Е.П. Привалова, среди учителей и воспитанников старших классов Тверской семинарии «Утренний свет» пользовался большой популярностью<sup>15</sup>.

\* \* \*

В «Предуведомлении», напечатанном в первой части журнала в сентябре 1777 г. и так восхитившем много десятилетий спустя Толстого, издатели журнала обозначают цель «Утреннего света»: «Весьма униженную на свете добродетель возвести паки на ее величественный престол, а порок, яко гнусное и человеческой природе противоречащее вещество, представить свету во всей его наготе...»<sup>16</sup>. «Предуведомление» стало программным заявлением журнала. Авторам «Предуведомления» важно определение места человека в мире. Вопрос о человеке, его бытийном статусе и предназначении в мире природы и обществе – вот тема, заявленная издателями в первом номере «Утреннего света». Предполагалось, что журнал поможет читателям понять, что такое истина и добродетель: «...издаваемые нами листы должны наполнять истинами, по природе человеческой основание свое имеющими...»<sup>17</sup>. Стоит отметить, что тематика «Утреннего света», где во главу угла ставится личность и душа, впервые встречается в отечественной журналистике. «Ничего преизящнее, величественнее и благороднее человека и его от источника благ происходящих свойств не находим... Ничто полезнее, приятнее и наших трудов достойнее быть не может, как то, что теснейшим союзом связано с человеком и предметом своим имеет добродетель, благоденствие и счастье его»<sup>18</sup>, – говорится в «Предуведомлении».

«Не должны ли мы тогда все наши старания с большим предумыслием и благоразумием учреждать, дабы читающим согражданам доставлять удовольствие, а не читающих привлекать к собственной их пользе?»<sup>19</sup> – утверждает в «Предуведомлении». Издатели «Утреннего света» впервые попытались наполнить содержание журнала статьями и произведениями, нравственно вос-



питающими читателя. В журнале были помещены многочисленные переводы из древних и новых писателей по разным вопросам нравственности: поэтические размышления о смерти и бессмертии английского поэта Эдварда Юнга «Юнговы ночи», «Мнения» французского философа Блеза Паскаля и переводы из немецких писателей.

Характер обсуждаемых в журнале проблем, многообразие предложенных подходов и полученных выводов шире, чем идеология масонства; точнее определить их как корпус просветительских идей, актуализированных в духовном братстве «вольных каменщиков», считает исследователь А.П. Валицкая<sup>20</sup>.

«Утренний свет» был наполнен пиетизмом – мистически-благочестивым настроением, которое в большей степени издатели черпали из немецкой литературы. Поддерживая постоянные связи с немецкими масонами, члены новиковского кружка хорошо знали и крупных, и второстепенных авторов Германии. Одно из наиболее значимых по объему и содержанию произведений – «Федон, или О бессмертии души». «Федон» был написан философом Мозесом Мендельсоном (дедом композитора Феликса Мендельсона-Бартольди). Позднее для переложения на русский язык нравоучительных произведений лучших европейских авторов по инициативе Новикова при Московском университете была учреждена Переводческая семинария (1782–1786). В «Федоне» Мендельсон попытался представить себе, какими доводами Сократ нашего времени стал бы доказывать ученикам идею бессмертия. Трактат был написан в форме диалога учеников Сократа и Платона. Образцом послужил диалог Платона «Федон», в котором шла речь о последних часах Сократа и обсуждались вопросы бессмертия души. Центральная идея Мендельсона соотносится с философией Сократа и заключается в обосновании бессмертия человеческой души. «Когда же мы точно уверены о бессмертии нашей души, то научаемся, во-первых, оным уверением познавать величество свойств творца нашего, потом в особенности бесконечную его премудрость, благость и правосудие, и признавать оные с величайшим благоговением и благодарностию», – впоследствии напишет Новиков в заключительной статье «Утреннего света»<sup>21</sup>.

В первой части «Утреннего света», непосредственно после «Предуведомления», была напечатана статья «Житие и свойства Сократовы». Эта статья, открывающая первую сентябрьскую книжку «Утреннего света», представляет собой перевод из предположенного «Федону» жизнеописания Сократа – «Leben und

Charakter des Sokrates». Высокое представление о человеке и его нравственных возможностях – вот что в первую очередь привлекало издателей «Утреннего света» в сочинении Мендельсона. Здесь развивалась мысль о том, что вся природа, все животные должны быть полезны человеку, который занимает «в великом мире первейшее место».

С сочинениями Мендельсона был хорошо знаком и Н.М. Карамзин. Несмотря на то что Карамзин отлично владел немецким языком, с русским переводом он мог познакомиться, скорее всего, в «Утреннем свете». Немаловажным фактом, подтверждающим данное предположение, является то, что в числе первых подписчиков журнала была Настасья Ивановна Плещеева, с которой Карамзин впоследствии был связан многолетней дружбой. Таким образом, напечатанный в «Утреннем свете» перевод «Федона» не прошел незамеченным, он привлек внимание русских литераторов XVIII в., по своему воспринявших и осмысливших это произведение.

Еще одно произведение, напечатанное в «Утреннем свете» и написанное немецким писателем, – «Путешествие добродетели». Перевод этого сочинения появился вначале в «Утреннем свете», а затем вышел отдельным изданием. По инициалам переводчика – «А.К.» – исследователи приписывают этот перевод А.М. Кутузову, одному из издателей журнала. В словаре Х.Г. Кайзера устанавливается принадлежность этого сочинения Г.В. Берришу<sup>22</sup>. Авторы словаря называют его «странствующим писателем», перечень его отдельных изданий превышает 40 книг. Кроме того, Берриш печатался в различных альманахах и журналах. Как выяснили исследователи, темы сочинений этого немецкого автора близки русским масонам. Сюжет «Путешествия добродетели» заключается в любви китайского принца Тсангли к итальянке Клеменции, завершающейся их счастливым бракосочетанием. В диалогах персонажей, рассуждающих о философии, религии, политике, культуре, науке, литературе, слышится голос самого автора. В этом произведении автор стремится отстоять не официальную религию Церкви, а «внутреннюю» религию, религию сердца, за которую ратовали масоны. Русские масоны встретили в «Путешествии добродетели» соответствующие их взглядам высказывания о бессмертии души, о необходимости нравственного совершенствования, о пользе науки и образования. Еще один аспект, на котором останавливается автор и который волновал масонов, – проблема идеального государя. Берриш высказывал мысль о том, что государь должен быть справедливым и благотворительным.

Истинно великий государь «тайных наушников презирает, а защищает тех, кои именем его учиненные злоупотребления обличают явно»<sup>23</sup>.

В «Утреннем свете» встречаются такие жанры, как ода, элегия, стансы, сонеты, посвящения. Так, в первой части журнала издатель опубликовали четыре стихотворения. Среди них ода «Счастье», написанная поэтом В.И. Майковым и посвященная М.М. Хераскову. Это посвящение неслучайно, поскольку М.М. Херасков был редактором журнала «Полезное увеселение», издававшегося при Московском университете с января 1760 по июнь 1762 г. К писателям, составившим литературную группу «Полезного увеселения», относился и Майков.

О Херасков, ты свидетель  
Можешь верный в том мне быть,  
Что хранящим добродетель  
Должно счастье служить<sup>24</sup>.

Ода «Бог», помещенная рядом с одой «Счастье», провозглашает величие и могущество Бога. В стихотворении обозначается путь к достижению Бога, который исповедовали масоны, – постижение Бога через самосовершенствование:

О смертный! К достиженью Бога  
Тебе назначена дорога:  
Ищи ее в душе твоей...<sup>25</sup>

Еще в 50-х гг. XVIII в. Майков сблизился с масоном И.П. Елагиним, с 1772 г. являлся членом «Великой Провинциальной ложи», также Майков посещал собрания лож «Озирис» и «Урания». Возможно, именно собрания «Урании» способствовали его сближению с Новиковым.

Во второй части журнала в 1778 г. была опубликована еще одна ода Майкова под названием «Ода ищущим мудрости». Ода обращена к масонам, заявлявшим, что они «ищут мудрости». В первой строфе Майков называет масонов «чадами утреннего света», как бы подчеркивая масонский смысл названия журнала, в котором печаталась ода:

О, чада утреннего света,  
В собраньи нашего совета  
Сия дочь неба председит...<sup>26</sup>

Т.А. Чубасова

Как можно судить по творчеству поэта, масонство для него было средством поиска духовного совершенствования, улучшения человеческой природы, средством помогать ближнему, направляя его на пути добродетели, считает А.В. Западов<sup>27</sup>. В одах «Счастье» и «Ищущим премудрости» поэт обращается к «чадам утреннего света» с предложением искать «вышних тайн», не боясь лжи, которую сплетают против высоких душ «злоречивые зоилы», пишет исследователь<sup>28</sup>.

Еще одно стихотворное произведение, отражающее нравственно-религиозную концепцию «Утреннего света», – «Нравоучительные стихи»:

Коль счастлив хочешь быть, ты Богу подражай;  
Будь кроток, милосерд, являйся терпеливым  
Несчастливым другом будь, но другом справедливым;  
Художества люби, науки почитай,  
Ко всем будь милостив и бедного питай<sup>29</sup>.

В «Утреннем свете» можно также встретить стансы, сонеты и посвящения. Например, в III части журнала опубликован сонет, посвященный писателям и поэтам: «Пииты! Мы должны выдать вам в жизни дань». В стансах противопоставлялись порочная городская жизнь и спокойная сельская жизнь. В первой части журнала были опубликованы стихи, посвященные Екатерине II в честь ее тезоименитства и по случаю открытия первого училища для бедных детей 24 ноября 1777 г.:

ТЕБЕ училище, Богиня, посвящаем.  
Сей малый храм ТВОИМ воззреньем освети: –  
Что лучше в дар тебе имеем принести<sup>30</sup>.

Уже прошло то время, когда Новиков полемизировал с императрицей на страницах сатирических журналов – он теперь сосредоточился на других вопросах. В целом Новиков всегда превозносил ум и просвещенность монархини, несмотря на то, что Екатерина с подозрением относилась к масонскому обществу.

Кроме того, в журнале были опубликованы дневниковые записи «Дщицы для записывания» Михаила Муравьева. Как утверждает Л.И. Кулакова, публикация отрывков из его дневника явилась победой нового направления, утверждением нового жанра: «Читателям “Утреннего света” предлагались не статьи и афоризмы

крупного мыслителя, а размышления сержанта Измайловского полка. Частный человек требовал внимания к себе, к своему духовному миру»<sup>31</sup>. В своих записях Муравьев делится размышлениями: «Считай мгновения: каждое приходило к тебе, способно поместить доброе дело. Сколько уже поверглось их в бездну вечности!»<sup>32</sup>.

Г.П. Макогоненко считает, что Муравьев задолго до Карамзина выступил с сентиментальной прозой, которая непосредственно и органически выросла из его писем – «тематически, стилистически и, главное, эстетически»<sup>33</sup>. Формула «размышление самого себя», как-то употребленная Муравьевым в одном из писем, по мнению Макогоненко, стала основополагающей формулой эстетики русского сентиментализма: «Рожденная в письмах формула была немедленно перенесена в литературу – опубликована в “Дщцах для записывания”»<sup>34</sup>.

«Утренний свет» прекратил свое существование в 1780 г. по воле издателей. В заключительном номере были опубликованы сведения об успехах училищ, на которые шли средства, вырученные от журнала. Кроме того, читателям журнала сообщалось, на что ушли их деньги – они смогли ознакомиться с денежным оборотом училищ. Завершала номер статья под заглавием «Нравоучение как практическое наставление», ее автором исследователи считают самого Новикова. В ней издатель объяснял причины закрытия журнала и объявлял о подписке нового издания, служащего продолжением «Утреннего света».

Как пояснил Новиков, издатели «Утреннего света» стремились открыть читателям язык познания, которым пользовались древние мудрецы. «Но как мы заметили, что многие из наших читателей сими тройкими материями несколько или совсем были недовольны, то сею частию оканчиваем наш журнал», – пишет Новиков, добавляя, что просьбой некоторых издатели побуждены с наступлением будущего года начать новый журнал.

Следующим журналом, издаваемым Новиковым и его соратниками, стал журнал «Вечерняя заря». Издатели характеризовали новый журнал следующим образом: «Вечерняя заря» – издание, «открывающее человеку путь к познанию Бога, самого себя и своих должностей, которые представлены как в нравоучениях, так и в примерах оных, то есть небольших историях, повестях, анекдотах и других сочинениях стихами и прозою; служащее продолжением “Утреннего света”»<sup>35</sup>.

\* \* \*

Масонский журнал «Утренний свет», который до сих пор не нашел должного осмысления в истории отечественной журналистики, сыграл важнейшую роль как в жизни самого Новикова, так и в отечественной культуре конца XVIII в. Став масоном, Новиков инициировал издание журнала, в котором сотрудничали лучшие литераторы эпохи. Многие произведения, которые были популярны в то время в Европе, стали доступны русскому читателю именно благодаря «Утреннему свету». Журналистика Екатерининской эпохи перестала быть сатирической и злободневной; она стала феноменом общекультурным.

#### Примечания

---

- <sup>1</sup> Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 22 т. М.: Художественная литература, 1978–1985. Т. 21. С. 529.
- <sup>2</sup> Карамзин Н.М. Избранные сочинения: В 2 т. М.; Л.: Художественная литература, 1964. Т. 2. С. 232.
- <sup>3</sup> Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 2001. 567 с.
- <sup>4</sup> Пытин А.Н. Русское масонство, XVIII и первая четверть XIX в. Пг.: Огни, 1916. 571 с.
- <sup>5</sup> Лонгинов М.Н. Новиков и московские мартинисты. СПб.: Изд-во «Лань»; Санкт-Петербургский университет МВД России, 2000. 672 с.
- <sup>6</sup> Макогоненко Г.П. Николай Новиков и русское просвещение XVIII века. М.; Л.: Гослитиздат, 1952. 544 с.
- <sup>7</sup> Кочеткова Н.Д. Немецкие писатели в журнале «Утренний свет» // XVIII век. Вып. 11: Н.И. Новиков и общественно-литературное движение его времени. Л.: Наука, 1976. С. 113–124.
- <sup>8</sup> Сазонова Л.И. Переводной роман в круге масонского чтения // Масонство и русская литература XVIII – начала XIX в. М.: УРСС, 2000. 272 с.; Серков А.И. История русского масонства XIX века. СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 2000. 390 с. Ср.: Серков А.И. Русское масонство: Энциклопедический словарь, 1731–2000. М.: РОССПЭН, 2001. 1222 с.
- <sup>9</sup> Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М.: Книга, 1987. С. 36.
- <sup>10</sup> Кулакова Л.И. Н.И. Новиков в письмах М.Н. Муравьева // XVIII век. Вып. 11: Н.И. Новиков и общественно-литературное движение его времени. С.18.
- <sup>11</sup> Там же.
- <sup>12</sup> Серков А.И. Русское масонство... С. 251.
- <sup>13</sup> Кулакова Л.И. Указ. соч.

Журнал «Утренний свет» как образец масонской журналистики

- 14 Продолжение четвертое Тверской семинарии школьных упражнений 1779 года. М., 1779. С. 20.
- 15 *Привалова П.Е.* О забытом сборнике Тверской семинарии // XVIII век. Вып. 5. М.; Л.: Наука, 1962. С. 409.
- 16 Предупреждение // Утренний свет. СПб., 1777. Ч. I. С. VII.
- 17 Там же. С. VII.
- 18 Там же. С. XI.
- 19 Там же. С. VII.
- 20 *Валицкая А.П.* Идея совершенства человека в новиковской редакции масонства // Новиков и русское масонство: Материалы конференции 17–20 мая 1994 года. М.: Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы им. М.И. Рудомино, 1996. С. 5–6.
- 21 О добродетели // Утренний свет. М., 1780. Ч. IX. С. 214.
- 22 *Кочеткова Н.Д.* Указ. соч. С. 119.
- 23 Путешествие добродетели (продолжение) // Утренний свет. СПб., 1778. Ч. II. С. 250.
- 24 *Майков В.И.* Ода «Счастью» // Утренний свет. СПб., 1778. Ч. II. С. 251.
- 25 *Майков В.И.* Ода «Бог» // Утренний свет. СПб., 1778. Ч. II. С. 252.
- 26 *Майков В.И.* Ода ищущим мудрости // Утренний свет. СПб., 1778. Ч. II. С. 188.
- 27 *Майков В.И.* Избранные произведения. М.; Л.: Сов. писатель, 1966. С. 13.
- 28 Там же.
- 29 Нравоучительные стихи // Утренний свет. СПб., 1777. Ч. I. С. 54.
- 30 Там же.
- 31 *Муравьев М.Н.* Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1967. С. 28.
- 32 *Муравьев М.Н.* Дщцы для записывания // Утренний свет. 1778. Ч. IV. С. 269.
- 33 *Макогоненко Г.П.* Письма русских писателей XVIII века и литературный процесс // Письма русских писателей XVIII века. Л.: Наука, 1980. С. 35.
- 34 Там же. С. 34.
- 35 Вечерняя заря. М., 1782. Ч. I. С. I.

О.И. Киянская

К ИСТОРИИ ГАЗЕТЫ «СЕВЕРНАЯ ПЧЕЛА»:  
Ф.В. БУЛГАРИН И РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКАЯ  
КОМПАНИЯ

В статье речь идет о публикациях в газете «Северная пчела», посвященных деятельности Российско-американской компании в 1825 г. Анализируются взаимоотношения издателя «Северной пчелы» Ф.В. Булгарина с правителем дел Компании К.Ф. Рылеевым, делается вывод о возможной принадлежности некоторых статей в этой газете перу Рыльева.

*Ключевые слова:* К.Ф. Рылеев, Ф.В. Булгарин, Н.И. Греч, О.М. Сомов, «Северная пчела», Российско-американская компания, поэма «Войнаровский», альманах «Полярная звезда».

Исследователей, изучающих историю отечественной словесности первой четверти XIX в., неизменно удивлял и удивляет факт дружбы двух литераторов и журналистов, которые, казалось бы, никак не могли оказаться друзьями: Кондратия Рыльева и Фаддея Булгарина. Рылеев, «поэт-гражданин», всегда мыслился как образец чести и честности, как человек, отдавший жизнь борьбе за свободу отечества. Булгарин, напротив того, давно снискал себе славу беспринципного коммерсанта от литературы, для которого не было ничего святого, шпиона и доносчика. Эта дружба кажется тем более странной, что репутация Булгарина как «литературного недоноска», «гада на поприще литературы», «зайца», который «бежит между двух неприятельских станов», стала складываться задолго до восстания на Сенатской площади<sup>1</sup>. И об этой репутации Булгарина Рылеев прекрасно знал. Согласно мемуарам журналиста Николая Греча, «Рылеев, раздраженный верноподдан-

---

© Киянская О.И., 2012



ническими выходками газеты, сказал однажды Булгарину: “Когда случится революция, мы тебе на «Северной пчеле» голову отрубим”»<sup>2</sup>.

Историки литературы делали и делают попытки объяснить эту странную дружбу будущего висельника с будущим информатором тайной полиции. Правда, спектр мнений на эту тему небогат. Исследователи прошлых лет рассуждали по преимуществу о том, что Булгарин умело обманывал Рылеева, скрывая под маской дружбы «рenegатство» – желание открыто «перейти в стан реакции»<sup>3</sup>. В современных же работах доминирует концепция, согласно которой «хороший» Рылеев пытался нравственно перевоспитать «плохого» Булгарина, «апеллируя к понятиям “чести” и “порядочности”»<sup>4</sup>.

Известно, что познакомились они в начале 20-х гг. XIX в. в Петербурге и быстро подружились. Рылеев сотрудничал в изданиях Булгарина, переводил его произведения с польского языка на русский (в 1821 г. за перевод болгаринской сатиры «Путь к счастью» был избран членом-корреспондентом Вольного общества любителей российской словесности), посвятил ему думы «Мстислав Удалий» и «Михаил Тверской». Булгарин же печатался в альманахе Рылеева «Полярная звезда», с неизменной теплотой отзывался о его литературной деятельности. Свои связи с Булгариным Рылеев будет характеризовать как «горячность нежной дружбы»<sup>5</sup>. Этой дружбе немало способствовала работа на общего покровителя – министра духовных дел и народного просвещения князя А.Н. Голицына<sup>6</sup>. Голицын потерял свое влияние в мае 1824 г., однако его падение не повлекло за собой разрыва между Рылеевым и Булгариным.

Данная статья не претендует на полный анализ взаимоотношений двух литераторов. Задача ее гораздо скромнее: проанализировать эти взаимоотношения в связи с историей газеты «Северная пчела». Как известно, газета эта выходила в Петербурге с 1825 г. Официально у газеты было два издателя: Булгарин и Греч. Однако для современников не было секретом, что ключевой фигурой в «Северной пчеле» был именно Булгарин.

\* \* \*

28 февраля 1825 г. в «Северной пчеле», в рубрике «Новые книги», появляется рецензия на только что вышедшую в Москве поэму Рылеева «Войнаровский». Рецензию написал Булгарин, о чем свидетельствует прозрачный псевдоним «Ф.Б.». Булгарин писал: «Вот истинно национальная Поэма! Чувствования,

О.И. Киянская

события, картины природы – все в ней русское, списанное с натуры, так сказать, на месте. Публике было уже известно существование сей поэмы из отрывков, помещенных в “Полярной звезде” на 1824 г., и все любители отечественной словесности с нетерпением ожидали выхода ее в свет. Она долго ходила по рукам в рукописи; автор долго прислушивался к разногласным советам записных парнасских советников, прислушивался и к некоторым справедливым замечаниям истинных знатоков – и наконец решился напечатать свою поэму без всяких перемен и поправок, точно так, как она вылилась у него из ума и сердца в первые минуты вдохновения. Нам кажется, что он поступил хорошо; по крайней мере, теперь все принадлежит ему одному, а в этой поэме так много прекрасного, что автору, право, не должно раскаиваться в своем деле».

В поэме Рылеева, согласно Булгарину, можно было – при желании – найти и недостатки: «некоторые повторения, некоторые неровности в стихах, может быть излишнее пристрастие автора к описанию картин природы, которые, впрочем, живы и прелестны». Однако недостатки эти незначительны, и на них вообще не стоит обращать внимания. «Эта поэма доставила нам удовольствие, даже при неоднократном чтении. Это чистая струя, в которой отсвечивается душа благородная, возвышенная, исполненная любви к родине и человечеству. Воображение никогда не заносило поэта за пределы рассудка, в мечты, в туманы, он смотрел на природу, наблюдал сердце человеческое, чувствовал, мыслил – и писал. Творение достойно хвалы, поэт – уважения и благодарности!» – констатирует Булгарин<sup>7</sup>.

Рецензия эта, занимавшая четыре газетных подвала, редко становится объектом анализа. Даже советских исследователей, неадекватно высоко ценивших поэтический талант автора «Войнаровского», настораживал безудержный восторг Булгарина по адресу поэмы. Ни раньше, ни позже никто таким образом творения Рылеева не оценивал.

Эта рецензия выглядит тем более странной, что ровно за две недели до нее Рылеев отправил в Санкт-Петербургский цензурный комитет следующее отношение:

«Февраля 14 дня 1825 года

№ 155-й

Главное правление Российско-американской компании поручило просить оный комитет не одобрять к напечатанию в издаваемых здесь журналах статей, касающихся до оной компании или колоний ее, без приложения компанейской печати и подписи

кого-либо из чиновников канцелярии, ибо в противном случае могут быть открыты или тайны компании, или помещены ошибочные и превратные известия. Гласность первых и неосновательность вторых могут послужить ко вреду дел Российско-американской компании. Таким образом, одно из подобных известий напечатано в № 20 «Северной пчелы», будто бы от медика, находящегося в службе компании, тогда как одного около двух лет на службе в колониях не имеется. Канцелярия Главного правления оной компании просит почтить ее по сему предмету ответным уведомлением.

Правитель канцелярии Рылеев»<sup>8</sup>.

В данном документе «поэт-гражданин» неожиданно предстает в необычной для себя роли – в роли доносчика и душителя свободной прессы. В роли же «пострадавших» выступают Булгарин и Греч, издатели «Северной пчелы».

Для того чтобы уяснить смысл этого документа, а также рецензии Булгарина на поэму «Войнаровский», следует, прежде всего, восстановить историко-биографический контекст появления обоих этих текстов.

\* \* \*

Российско-американская компания (РАК), о которой идет речь в обращении Рылеева в Цензурный комитет, была в начале XIX в. крупнейшей торгово-промышленной организацией России. Учрежденная в конце XVIII в., она занималась, прежде всего, добычей калана – морского бобра, широко распространенного в северной части Тихого океана, у берегов Америки, от Аляски до Калифорнии. Компания эта была одним из важнейших для России экономических предприятий и потому находилась «под высочайшим его императорского величества покровительством»<sup>9</sup>.

РАК владела обширными землями на северо-западном берегу Американского континента. Главным ее портом и столицей русских владений в Америке был Новоархангельск, расположенный на острове Ситка (Ситха; официальное название – остров Баранова). Среди владений компании – острова Кадьяк, Уналашка и Атха (Атка), на которых располагались соответствующие поселения (на острове Кадьяк поселение называлось Павловская гавань).

К началу 20-х гг. XIX в. Российско-американская компания стала, можно сказать, полугосударственной структурой: Главное правление ее располагалось в Санкт-Петербурге, среди акционеров были «высочайшие особы» – император Александр I, цесаре-

вич Константин Павлович и обе императрицы: Мария Федоровна и Елизавета Алексеевна. Акционерами были такие видные чиновники империи, как граф Н.П. Румянцев и адмирал Н.С. Мордвинов<sup>10</sup>. Активное сращивание РАК с государственным аппаратом дало повод некоторым историкам вообще видеть в компании «прямую агентуру короны»<sup>11</sup>.

В первые годы существования РАК ее экономическое положение было стабильным, однако в 20-е гг. XIX в. компанию постиг тяжелый экономический кризис. Отчасти он был связан с общероссийским послевоенным кризисом, отчасти же явился следствием неумелого хозяйствования. У берегов русских колоний в Америке шла активная контрабандная торговля – прежде всего, тем же самым каланом. Директорам компании казалось, что стоит запретить ее указом «свыше», как доходы вырастут и финансовое положение выправится. По просьбе руководства РАК в сентябре 1821 г. император Александр I издал «постановление», запрещающее подданным русской короны торговать с иностранцами в Русской Америке<sup>12</sup>.

Контрабандную торговлю запретительными мерами полностью пресечь не удалось: местное начальство было не в состоянии уследить за каждым местным жителем и за каждым приезжим купцом. Однако этим «постановлением» колонии были поставлены перед угрозой вымирания: у иностранцев колониальное начальство приобретало многие необходимые товары, в основном – продовольствие. Предполагалось, что колонии будут снабжаться из метрополии путем снаряжения кругосветных экспедиций, но денег на снаряжение этих экспедиций в начале 20-х гг. XIX в. не оказалось.

Согласно донесениям главного правителя колоний, М.И. Муравьева, в 1821–1824 гг. ситуация в колониях была следующей: «В Ситхе все валится, однако ж не в такой еще ветхости, исключая церкви и дома для миссии, но что хуже ситхинского, то дряхлость людей, ибо во всей Павловской гавани я нашел 4 человек, способных работать, и почти одни креолы и каюры исполняют все службы. Русские все стары или хворы»; «госпиталь в Кадьяке почти не существовал. Он походил на богадельню. Это привело меня в замешательство более тем, что лекарь г-н Волков, который со мной находится, впал в жестокую болезнь и именно меланхолию»; «зима наступает, а людям нечем будет обогреться. К 5 октября осталось в магазинах сахару-леденцу 25 фунтов, сахарного песку 17 пуд[ов], патоки 30 пуд, рому 1 ведро  $\frac{2}{8}$  и 250 штофов джину»; «в ноябре

месяце не только промышленные, но и не один чиновник не будет иметь чашки чаю. Я уже поутру перестал пить чай, хотя эту привычку имел 25 лет, а [в]вечеру единственно для приезда военных офицеров подают чай»; «хлеба у нас от 1 ноября на восемь месяцев с большим ограничением, другой провизии мало. В Кадьяке, Уналашке и прочих местах до июня 1824 года сахару, патоки, рому и прочего совсем нет» и т. п.<sup>13</sup>

Международный престиж компании упал, прибыли резко сократились.

Именно в этой ситуации, в апреле 1824 г., правителем дел и акционером компании с правом решающего голоса стал Рылеев – к тому времени уже известный петербургский литератор и журналист. Вступив в должность, Рылеев принялся активно заниматься делами компании. Вскоре правитель дел стал участником тайного общества, решившего свергнуть самодержавие. В его планах заговорщика русским колониям в Америке стала отводиться особая роль: именно туда планировалось отправить царскую семью после победы революции<sup>14</sup>.

\* \* \*

Первый номер «Северной пчелы» вышел 1 января 1825 г. Открывался он статьей о российско-американских колониях: «Ново-Архангельский порт (на острове Ситхе). 12 мая 1824. Могу уведомить вас, что в главной колонии, равно как и во всех прочих российско-американских колониях, все состоит в добром порядке и благоустройстве. Русские, креолы, алеуты наслаждаются желаемым здоровьем; больных мало, а особенных болезней, благодаря Богу, нет и не было. С окружающими нас дикими народами стоит мир и тишина, а связи с Калифорниєю, откуда мы получаем разные нужные для нас товары, более и более укрепляются».

Далее сообщалось, что «главный правитель колоний, флота капитан М.И. Муравьев» занимается среди местного населения пропагандой «прививания коровьей оспы». И его действия оказываются успешными: «Г. штаб-лекарь Новицкий привил оную сперва детям некоторых простых людей, а впоследствии, когда оказалось хорошее ее действие, и самому монтерейскому губернатору г. Марчано, его жене и детям»<sup>15</sup>.

Следующая статья, посвященная РАК, появляется в «Северной пчеле» спустя неделю, 8 января 1825 г.: «Командир отправленного Российскою-Американскою компаниею (sic!) в колонии ее шлюпа «Елена», лейтенант Чистяков, встретился 5/17 ноября

О.И. Киянская

в полдень на Северном Атлантическом океане, в широте N 8°, долготы W от Гринвича 23° 54', с английским купеческим судном, и, воспользовавшись сим случаем, прислал донесение Главному правлению оной компании, что он оставил Портсмут 4/16 октября и, пройдя не более 20 миль попутным ветром, имел постоянно крепкие и жестокие ветры между S и W; но достигнув широты N 45° и долготы W 12°, от сего пункта получил ветер попутный; он идет в Рио-де-Жанейро, где надеется быть в первых числах декабря. Притом просил он известить родных его и прочих офицеров, конечно, желающих знать о судьбе их, что они находятся в совершенном здравье»<sup>16</sup>.

13 января последовало еще одно известие из Новоархангельска – своеобразный гимн компании: «Ново-Архангельский порт (На острове Ситхе) в мае 1824. “Удовлетворяя желанию вашему иметь некоторые сведения о нашем отдаленном крае, сообщая вам известия о числе жителей колоний наших и о состоянии у них земледелия и скотоводства. По составленным в Америке в конце 1823 года спискам, состоит в ведомстве Российско-американской компании, по всем занимаемым ею местам, кроме островов, к ведомству Атхинского отдела принадлежащим, следующее число жителей: а) креолов мужеского пола 291, женского 262, итого 553 человека; б) алеутов и других народов муж[еского] пола 4150, женск[ого] 4265 чел[овек], итого 8415; всего 8968 чел[человек]. В Атхинском же отделе, по спискам 1821 года, было алеутов муж[еского] пола 365, жен[ского] 386, итого 751 чел[овек], следовательно, всего в колониях будет около десяти тысяч человек. В сие число не включены природные русские. В селении Росс с некоторого времени производится хлебопашество, и хотя первоначальные опыты не оказывают такого плодородия, какого бы, судя по тамошнему климату, ожидать можно было, но если на сию часть обращено будет должное внимание, то без всякого сомнения земледелие в Россе можно довести до того, что со временем будет оно продовольствовать хлебом наши колонии, или, по крайней мере, служить значительным к их продовольствию подкреплением.

В 1823 году было посеяно 185 пуд пшеницы и 34 пуда ячменю, а снято 1815 п[удов] пшеницы и 137 п[удов] ячменю. – Начальство колонии, сообразно с желанием компании, прилагает старание об улучшении и распространении хлебопашества, сколько обстоятельств позволяют. – Скотоводство в Россе значительно увеличилось. К 1-му числу октября 1823 года было там налицо разного скота: 213 быков, 842 овцы, 81 свинья, 46 лошадей. В других

наших колониях, по суровости их климата, хлебопашества завести нельзя, но огородный овощ в Кадьяке и Ситхе родится хорошо. Скота в Кадьяке довольно размножилось, и тамошнее скотоводство составляет немаловажную экономическую статью. В Ситхе содержат скота сколько потребно, дабы в случае нужды иметь свежее мясо. То же можно сказать и об Уналашке»<sup>17</sup>.

По форме первая и третья публикации представляют собой частные письма – тех, кто служит или служил в Русской Америке или побывал там. Письма эти – плод журналистского вымысла. Во-первых, в основе их лежит закрытая «компанейская» информация: о начальном этапе привития коровьей оспы, о результатах своеобразной «переписи населения» 1824 г. и т.п. Версию о литературном происхождении этих текстов подтверждает и вторая публикация: естественно, частный человек, житель колоний, не мог знать содержания письма лейтенанта П.Е. Чистякова, командира плывшего в колонии шлюпа «Елена». Естественно также, что частный человек, будучи в здравом уме, не мог в письме расхваливать быт обитателей Русской Америки – при том, что они на самом деле умирали с голоду.

Трудно заподозрить в авторстве всех трех статей Греча или Булгарина: составителем их мог быть только тот, кто хорошо ориентировался в делах РАК, был в курсе «компанейской» статистики и переписки. Статьи были написаны одним из сотрудников главного правления компании – и этот факт представляется бесспорным. Однако среди этих сотрудников было только два человека, владевших пером. Кроме самого Рылеева, это был Орест Сомов – рылеевский подчиненный, столоначальник РАК, известный литератор и сотрудник «Северной пчелы». Можно с большой долей уверенности утверждать, что автором этих статей был или Рылеев, или Сомов.

Версия о том, что статьи написал сам Рылеев, представляется более обоснованной. Он – единственный из всех чиновников РАК – в полном объеме владел сведениями о компании. Более того, писать такие документы, «о пользах и интересах компании ходатайствовать»<sup>18</sup> просто входило в обязанность правителя дел РАК. Однако если автор статей – Сомов, то они не могли быть написаны, а тем более напечатаны без ведома и одобрения Рылеева. Публикации эти были призваны, говоря современным языком, формировать положительный имидж РАК в общественном мнении – в практически безвыходной для компании ситуации.

О.И. Киянская

Читатели «Северной пчелы» должны были увериться: население русских колоний живет дружно, все обитатели Русской Америки здоровы, они занимаются земледелием и овощеводством, разводят крупный рогатый скот. Словом, колонии успешно развиваются и ни в чем не терпят нужды. Единственное, о чем приходится заботиться начальству колоний – это о прививании коровьей оспы местным жителям. Истинное же состояние дел – постигший компанию кризис, голод в Новоархангельске, вооруженные конфликты с местными жителями – составляло «тайны компании» и разглашению не подлежало.

Эти публикации тем более были важны Рылееву, что серьезно поднимали не только внутренний, но и международный престиж РАК. Из «Северной пчелы» сообщения о Русской Америке переводила и перепечатывала выходившая в Санкт-Петербурге на французском языке газета «Journal de St.-Petersburg». Публикуя материалы о компании, газета – официальный орган российского МИД, предназначенный для распространения за границей, – ссылалась на «Северную пчелу», «Abeille du Nord»<sup>19</sup>.

\* \* \*

История «российско-американских» публикаций «Северной пчелы» характеризует не только журналистскую деятельность Рылеева, Греча и Булгарина. В немалой степени она интересна и для характеристики личных взаимоотношений Рылеева и Булгарина.

Известно, что взаимоотношения эти не были ровными: друзья-литераторы часто ссорились. Так, резкая размолвка между ними возникла в сентябре 1823 г.: Булгарин пытался перекупить право издания официальной газеты «Русский инвалид» у петербургского журналиста Александра Воейкова. Рылеев публично встал на сторону Воейкова и написал Булгарину письмо: «После всего этого, ты сам видишь, что нам должно расстаться... Я прошу тебя забыть о моем существовании, как я забываю о твоём: по разному образу чувствования и мыслей нам скорее можно быть врагами, нежели друзьями»<sup>20</sup>. Отношения вскоре были восстановлены – во многом благодаря тому, что Воейков вовсе не был образцом журналистской честности. Он пиратским образом перепечатывал в «Русском инвалиде» материалы «Полярной звезды».

Но в июне 1824 г. отношения эти вновь стали достаточно напряженными: Рылеев принял предложение Антона Дельвига стать его секундантом на дуэли с Булгариным. Причина дуэли точно не известна, однако известно, что Булгарин отказался от дуэли и ве-



лел передать Дельвигу, что он «на своем веку видел более крови, нежели он чернил»<sup>21</sup>. Очевидно, в ответ на отказ Булгарина Рылеев написал ему письмо следующего содержания: «Любезный Фаддей Венедиктович! Дельвиг соглашается все забыть с условием, чтобы ты забыл его имя, а то это дело не кончено. Всякое твое громкое воспоминание о нем произведет или дуэль, или убийство. Dixit. Твой *Рылеев*»<sup>22</sup>. Впрочем, вскоре и эта история была забыта: на одном из литературных обедов «Булгарин пьяный мирился и лобызался с Дельвигом» – «точно был тогда чистый понедельник!»<sup>23</sup>.

Судя по материалам о РАК, опубликованным в «Северной пчеле», начало 1825 г. Рылеев и Булгарин встретили в состоянии «нежной дружбы». В первой половине января, кроме трех публикаций о РАК, «Северная пчела» опубликовала отрывок из неоконченной поэмы Рылеева «Палей»<sup>24</sup>.

Однако уже 19 января Булгарин писал к их общему с Рылеевым приятелю, Петру Муханову: «С Рылеевым мы вчера жестоко поссорились и, кажется, навсегда. Мне кажется, что он виноват противу меня и крепко. Но это мне не помешает почитать его всегда добрым и честным человеком и любить заочно. – Ни говорить, ни писать противу него не стану дурно, ибо во мне есть еще кроха совести. Я не почитаю всех тех дурными, с которыми поссорюсь, ибо я сам болван порядочный, горяч, часто бываю дерзок: это физика – много крови»<sup>25</sup>.

По-видимому, декларируемое в письме желание Булгарина не писать о Рылееве «дурно» продиктовано не только «крохой совести». Рылеев в начале 1825 г. – всероссийская литературная знаменитость, редактор культового альманаха «Полярная звезда». У него – как у правителя дел РАК – было много знакомств в высшем свете, ему покровительствовал адмирал Николай Мордвинов. Мордвинов, член правления РАК, был не только могущественным политическим деятелем. У адмирала была устойчивая репутация экономиста-либерала и – соответственно – неизменная популярность в среде читателей «Северной пчелы».

Булгарину и Гречу не было никакого смысла затягивать очередной конфликт с Рылеевым. И спустя две недели после частного письма Булгарина к Муханову Греч публикует в «Северной пчеле» письмо тому же адресату – под названием «Петербургские записки». Скрывшись под своим традиционным псевдонимом Д.Р.К.<sup>26</sup>, Греч сообщает Муханову: «Из небольшого отрывка, напечатанного в «Северной пчеле», ты известился, что К.Ф. Рылеев

пишет новую поэму «Палей». Дарование сего поэта, избравшего благородное поприще отечественных событий, видимо усовершенствуется с каждой новой пиесой. Публика отменно любит его, и если он будет несколько более прилежать к отделке своих стихов, то, вероятно, займет отличное место между отличными поэтами. Во всех его произведениях видна какая-то теплота душевная, уважение к правам человечества и любовь к родине, которые приковывают читателя к сочинению и заставляют любить сочинителя»<sup>27</sup>.

Очевидно, Булгарин рассчитывал, что после этой публикации тщеславный поэт восстановит взаимоотношения с ним. Однако, судя по дальнейшим событиям, этого не произошло. Вполне возможно, что Рылеев посчитал недостаточным хвалебный отзыв о себе, исходящий от Греча, а не непосредственно от Булгарина. Кроме того, строки о том, что Рылеев «вероятно, займет отличное место между отличными поэтами», не могли удовлетворить авторское самолюбие правителя дел РАК.

Еще 10 дней спустя в «Северной пчеле» появляется новая статья о Русской Америке: «Мы несколько раз сообщали читателям нашим разные сведения из Ново-Архангельского порта. Нелишним считаем поместить здесь краткое описание сего места, присланное оттуда одним медиком, находящимся на службе в РАК. “Новоархангельск, колонии и порт Российско-американской компании лежит на острове Ситх, неподалеку от северо-западного берега Америки, под 57° сев[ерной] широты. Климат там теплее, чем в Лифляндии; стужа редко достигает 15 градусов; но почти ежедневно идет дождь и носятся густые туманы, неприятные для иностранцев. Несмотря на то, болезней здесь мало. Весь остров утесист и неспособен к земледелию; с великим трудом разводят по морскому берегу картофель. Утесы покрыты не землею, а только мхом; и в этом мхе растут пребольшие ели и лиственницы в таком множестве, что весь остров кажется одним непроницаемым лесом. На приморском берегу обитают тамошние природные жители, питающиеся рыбою и немногими кореньями. Платье шьют они из дорогих бобровых, собольих и лисьих шкур; но большею частью ходят нагишом, даже при стуже в 6°, и купаются ежедневно в холодной воде. Они смелы и хитры, умеют владеть огнестрельным оружием и при случае воруют и грабят весьма искусно. Лице свое раскрашивают они красным, черным и зеленым цветами и набивают волосы мелкими птичьими перьями. Женщины прокалывают нижнюю губу деревянною палочкою, от чего губа отвисает до невероятной длины. Чем длиннее губа, тем прекраснее

дама! – Жизненных припасов здесь мало, и они чрезвычайно дороги. Нет земледелия: следственно, нет хлеба и овощей, кроме картофеля и репы. По недостатку пажитей, нет ни рогатого скота, ни овец, ни лошадей. Десяток яиц стоит 5 р[ублей], пара кур 10 р[ублей], шефель картофеля 30 р[ублей]. Хлеб и масло привозят из-за моря. Ближайшая плодоносная земля, Калифорния, лежит в 2000 верстах отсюда»<sup>28</sup>.

Статья была подписана буквами «О.Р.В.», которые, как впоследствии объяснял Булгарин, означали ссылку на выходящую в Риге немецкоязычную газету «Ostsee-Provinzen Blatt» («Остзейские провинциальные ведомости»). Статью эту через три дня перепечатала газета «Journal de St.-Petersburg»<sup>29</sup>.

Публикация эта описывала ситуацию в колониях гораздо точнее, чем три предыдущие. Земля, на которой невозможно заниматься земледелием, холод, дороговизна, воровство и грабежи, странные, непонятые европейцу нравы и привычки местных жителей – со всем этим ежедневно сталкивались служившие в Америке российские сотрудники РАК. «Тайна компании», таким образом, была явлена миру.

О мотивах, побудивших Греча и Булгарина напечатать эту статью, можно только догадываться. Возможно, Булгарина задел тот факт, что Рылеев не помирился с ним после публикации Греча. Возможно, сыграли роль особенности болгаринского характера, его «дерзость» и «горячность» – а заодно и стремление наказать Рылеева, не пожелавшего мириться.

Для Рылеева это был сильный удар. Из его частной переписки следует, что все первые месяцы 1825 г. он занимался подготовкой к важнейшему в жизни РАК событию: к намеченному на 18 марта общему собранию акционеров. На повестке дня стояли вопросы о балансе компании, ее экономических потерях, положении в колониях и т. п.<sup>30</sup> На этом собрании вполне мог быть поставлен и вопрос о правителе дел, так и не сумевшем создать в периодической печати положительный имидж РАК.

О намеченном на 18 марта собрании Булгарин знал – ибо тоже был акционером РАК с правом решающего голоса.

И, естественно, издатель «Пчелы» и представить себе не мог, что Рылеев пожалуется на него в цензуру: именно в это время, в феврале 1825 г., цензуру проходила третья книжка «Полярной звезды» (цензурное разрешение – 20 марта). Ее читал Александр Бируков – один из одиозных цензоров 20-х гг. и притом давний друг Булгарина. «Булгарин приворожил к себе Бирукова», –

О.И. Киянская

констатировал в 1825 г. известный журналист и баснописец А.Е. Измайлов<sup>31</sup>.

В «Полярной звезде» же, между прочими стихами, помещалась известная рылеевская «Исповедь Наливайки»:

Известно мне: погибель ждет  
Того, кто первый восстает  
На утеснителей народа –  
Судьба меня уж обрекла.  
Но где, скажи, когда была  
Без жертв искуплена свобода?<sup>32</sup>

Но Булгарин, по-видимому, недооценил Рылеева. Пост правителя дел оказался для него в тот момент важнее, чем судьба альманаха. В истории с «антикомпанейской» статьей Рылеев выступил вовсе не как поэт, не как издатель и не как участник политического заговора. Он выступил как функционер, наделенный официальной властью и немалыми связями: его жалоба поступила в Цензурный комитет непосредственно в день выхода «Северной пчелы» с этой статьей. Донос в цензуру явно писался Рылеевым наспех: строки о том, что «медика» «около двух лет на службе в колониях не имеется», дезавуировали первую публикацию об успехах в привитии коровьей оспы местным жителям.

Разбирательство в Цензурном комитете было по тому времени необычно быстрым; оно заняло меньше двух недель. От Булгарина и Греча потребовали объяснений; они утверждали, что не имели желания нанести вред компании, что статья эта – всего лишь перепечатка из «Остзейских ведомостей». Однако Цензурный комитет не стал разбираться в том, каким образом эта статья попала в рижскую газету и кто ее написал. Собственно, от цензурного ведомства Рылеев этого и не требовал: он желал только наказать строптивых издателей «Северной пчелы».

26 февраля комитет официально отвечал правителю дел: «На отношение канцелярии главного правления Российско-американской компании от 14 сего февраля о неодобрении к напечатанию статей, касающихся до компании или ее колоний, без предварительного согласия на то канцелярии главного правления, – С[анкт]-П[етер]бургский цензурный комитет имеет честь отвечать, что оным комитетом положено поступать впредь согласно с отношением канцелярии главного правления. Вследствие сего Комитет отнесся к гг. издателям “Северной пчелы” коллежскому

советнику Гречу и отставному капитану Булгарину с подтверждением, чтобы они впредь не присылали в цензуру никаких даже и переведенных с иностранных языков статей, до оной компании или колоний ее касающихся, без приложения компанейской печати и подписи кого-либо из чиновников канцелярии»<sup>33</sup>.

Издателям «Северной пчелы» было предписано дать опровержение.

\* \* \*

Однако опровержение в «Северной пчеле» так и не появилось – а отношения Рылеева и Булгарина вскоре восстановились. Методы, с помощью которых Булгарину удалось этого достигнуть, свидетельствуют: «отставной капитан» был тонким психологом, прекрасно понимавшим не только особенности собственной натуры, но и особенности характера и мироощущения Рылеева. Собственно, печатным ответом на отношение Рылеева в цензуру можно считать рецензию Булгарина на поэму «Войнаровский».

Сохранившееся письмо Рылеева к Булгарину, написанное по прочтении этой рецензии, свидетельствует: поэт понимал, что ему публично, грубо и бессовестно льстят, но ничего не мог с собой поделать: «Любезный Фаддей Венедиктович. Читал твоё суждение о «Войнаровском» с чувством. Вижу, что ты по-прежнему любишь меня; ничто другое не могло заставить тебя так лестно отзываться о поэме, и это обязывает меня благодарить тебя и сказать, что и я не переставал и, верно, не перестану любить тебя. Прошу верить этому. Знаю и уверен, что ты сам убежден, что нам сойтись невозможно и даже бесчестно: мы слишком много наговорили друг другу грубостей и глупостей, но, по крайней мере, я не могу, не хочу и не должен остаться в долгу: я должен благодарить тебя. Прилично или неприлично делаю, отсылая к тебе письмо это – не знаю еще: следую первому движению сердца. Во всяком случае надеюсь, что поступок мой припишешь человеку, а не поэту. Прошу тебя также, любезный Булгарин, вперед самому не писать обо мне в похвалу ничего; ты можешь увлечься, как увлекся, говоря о «Войнаровском», а я человек: могу на десятый раз и поверить; это повредит мне – я хочу прочной славы, не даром, но за дело».

Булгарин на полученном письме приписал: «Письмо сие расцеловано и орошено слезами. Возвращаю назад, ибо подлый мир недостойн быть свидетелем таких чувств и мог бы перетолковать – а я понимаю истинно». Рылеев, вновь возвращая письмо Булгарину, написал после его приписки: «Напрасно отослал письмо:

я никогда не раскаиваюсь в чувствах, а мнением подлого мира всегда пренебрегал. Письмо твое и должно остаться у тебя»<sup>34</sup>.

Примирение, таким образом, было достигнуто. Рецензию Булгарина на «Войнаровского» как раз и можно считать искомым опровержением, вполне устроившим правителя дел РАК. Собрание же акционеров прошло для него весьма удачно, и вопрос об «антикомпанейских» публикациях поднят не был. «Я и без компании молодец: лишь бы она цвела», – таков итог собрания в изложении самого Рылеева<sup>35</sup>.

Однако на хвале в адрес «Войнаровского» Булгарин не остановился. Через несколько дней он публикует еще одну рецензию – на сборник Рылеева «Думы», вышедший в Москве практически одновременно с «Войнаровским». «Любовь к отечеству и чистейшая нравственность суть отличительные черты сего сочинения. Достоинство пиитическое также неоспоримо», – утверждает он<sup>36</sup>. Еще несколько дней спустя в «Северной пчеле» появляется сообщение о выходе «Полярной звезды» на 1825 г.: «Вообще заметно было с самого появления «Полярной звезды» (в 1823 г.), что в ней преимущественно и стихи и проза говорили нам о нашей отчизне или посвящены были ее воспоминаниям. В нынешней «Полярной звезде» это еще яснее видно»<sup>37</sup>.

Об окончательном восстановлении «горячности нежной дружбы» Рылеева и Булгарина свидетельствует появившаяся 9 сентября в «Северной пчеле» еще одна статья о Русской Америке: «Принадлежащий Российско-американской компании бриг «Волга», отправленный мая 4-го сего года из главной фактории колоний, Ново-Архангельского порта, что на острове Баранова (Ситх), прибыл 6-го июля на Охотский рейд с значительным грузом пушных товаров. Плавание имел он благополучное. Главное правление Российско-американской компании, извещая о сем гг. ее соучастников, долго поставляет уведомить их, что, по донесениям, в колониях состоит все благополучно. В продовольствии всякого рода совершенный достаток, а с окружающими народами мир и доброе согласие»<sup>38</sup>. Последним же сообщением из Америки, опубликованным в «Северной пчеле» до декабрьских событий 1825 г., было сообщение о том, что «из частных писем, получаемых из Северо-американских колоний, узнали мы, что близ Александровского редута (в Кенайской губе), в утесах на берегу реки Кускохана, находят много мамонтовых костей, как то: позвонки, ребра, ноги, зубы сего зверя и т. п.»<sup>39</sup>. Автором этих публикаций, по-видимому, снова был Рылеев (или – с его ведома и по его поручению – Орест Сомов).

\* \* \*

Среди донесений Булгарина в III Отделение есть сведения, подтверждающие мемуарное высказывание Греча – о том, что Рылеев собирался отрубить Булгарину голову на «Северной пчеле». Булгарин, рассказывая о себе в третьем лице, дважды возвращается к этому сюжету. В 1826 г. он писал: «Что Булгарин вытерпел за свой образ мыслей от партии, некогда сильной в обществе, которой пагубные замыслы открылись впоследствии, сие известно всем, составлявшим круг их знакомства. Булгарина даже стращали публично, что со временем ему отрубят голову на “Северной пчеле” за распространение неевропейских (так они называли) идей». Два года спустя в очередном донесении он конкретизировал свой рассказ: «Известно, что Рылеев угрожал Булгарину за столом у купца Северина при многочисленном собрании, что придет время, когда ему, Булгарину, отрубят голову на “Северной пчеле”. – До такой степени газета сия была ненавистна заговорщикам»<sup>40</sup>.

История, рассказанная самим Булгариным, мало чем отличается от рассказа Греча. По-видимому, Рылеев действительно позволил себе пошутить над Булгариным – и эта шутка, ввиду последовавших вскоре трагических событий, стала восприниматься как свидетельство идейных расхождений друзей-журналистов. По крайней мере, такой трактовки очень хотел сам Булгарин: дружба с казненным преступником темным пятном лежала на его поздней биографии.

Между тем содержание «Северной пчелы» на 1825 г., публикация там поздних произведений самого Рылеева, а также рецензий на его «Думы» и «Войнаровского» говорят об обратном: в 1825 г. образ мыслей Булгарина вовсе не был «верноподданническим». Даже если Булгарин и имел тайное желание «перейти в стан реакции», он не мог не понимать: явленное вольнолюбиво настроенной публике, это желание приведет к упадку его журнальных предприятий.

Как показала история со статьями, посвященными Русской Америке, Рылееву вовсе не была «ненавистна» болгаринская газета. Напротив, взгляды Рылеева и Булгарина на роль журналистов и журналистики в обществе были схожими. Как Булгарин для решения личных проблем не останавливался перед откровенным враньем и грубой лестью, так и Рылеев, исполняя должность правителя дел РАК, сознательно искажал «для публики» положение дел в колониях.

О.И. Киянская

Фраза о необходимости «отрубления» болгаринской головы явно была вызвана «нереволюционными» причинами. Рылеев произнес свою угрозу «за столом у купца Северина при многочисленном собрании». Купец Андрей Северин, коммерции советник, в 20-е гг. XIX в. был одним из трех директоров РАК, прямым начальником Рылеева. Вряд ли за его столом правитель дел мог говорить о будущей «революции» – скорее, о «российско-американских» публикациях в газете. По-видимому, публикации эти были хорошо известны тем, кто собрался на обеде у директора.

С точки зрения и самого Рылеева, и его друзей, многие из которых тоже служили в компании, Булгарин, опубликовав «антикомпанейскую» статью, проявил себя как негодяй. И потому был вполне достоин казни на «Северной пчеле». Но он сумел оправдаться перед Рылеевым – а потому мог быть допущен на обед к Северину, вновь стал «своим». Можно с уверенностью говорить, что именно эта история сыграла не последнюю роль в формировании репутации Булгарина среди современников. В основе этой репутации лежала, прежде всего, журналистская деятельность издателя «Северной пчелы» – а не его стремление во что бы то ни стало изменить собственным вольнолюбивым убеждениям.

#### Примечания

- <sup>1</sup> *Бестужев А.А.* Письма к П.А. Вяземскому // Литературное наследство. М.: АН СССР, 1956. Т. 60. Ч. 2. Кн. 1. С. 221–222; Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. III. С. 41.
- <sup>2</sup> *Греч Н.И.* Записки о моей жизни. М.; Л.: Academia, 1930. С. 694.
- <sup>3</sup> См., напр.: *Цейтлин А.Г.* Творчество Рылеева. М.: АН СССР, 1955. С. 202.
- <sup>4</sup> *Кузовкина Т.Д.* Феномен Булгарина: Проблема литературной тактики. Тарту: Изд-во Тартуского ун-та, 2007. С. 40–41.
- <sup>5</sup> *Рылеев К.Ф.* Полн. собр. соч. / Ред., вступ. ст. и коммент. А.Г. Цейтлина. М.; Л.: Academia, 1934. С. 469.
- <sup>6</sup> См. об этом: *Готовцева А.Г., Киянская О.И.* Из истории русской журналистики 1820-х годов: К.Ф. Рылеев, Ф.В. Булгарин и П.П. Свиньин // Вестник РГГУ. Серия «Журналистика. Литературная критика». 2011. № 6. С. 11–36.
- <sup>7</sup> Северная пчела. 1825. № 32. 14 марта. С. 1–4.
- <sup>8</sup> Российский государственный исторический архив (г. Санкт-Петербург, далее – РГИА). Ф. 777. Оп. 1. Д. 443. Л. 1–1 об.
- <sup>9</sup> Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собрание I. СПб., 1830. Т. 25 (1798–1809). С. 700.



- <sup>10</sup> Список акционеров по состоянию на июнь 1825 г. см.: *Петров А.Ю.* Российско-американская компания: деятельность на отечественном и зарубежном рынках. М.: ИВИ РАН, 2006. С. 285–293. Ср.: Список акционерам Российско-Американской компании // Восточная литература. URL: [http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Reisen/XIX/1800-1820/Issl\\_russ\\_tich\\_ok\\_XIX/121-140/123.phtml?id=4215](http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Reisen/XIX/1800-1820/Issl_russ_tich_ok_XIX/121-140/123.phtml?id=4215) (дата обращения: 02.09.2011).
- <sup>11</sup> *Окунь С.Б.* Российско-американская компания. М.; Л.: Соцэкгиз, 1939. С. 91.
- <sup>12</sup> См.: ПСЗРИ. Собрание I. СПб., 1830. Т. 37. С. 824–832.
- <sup>13</sup> Донесение М.И. Муравьева в Главное правление РАК о его прибытии на Кадьяк, состоянии там построек, госпиталя, училища для мальчиков, недостатке людей, положении артелей и др. // Восточная литература. URL: [http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Reisen/XIX/1800-1820/Issl\\_russ\\_tich\\_ok\\_XIX/61-80/69.phtml?id=4161](http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Reisen/XIX/1800-1820/Issl_russ_tich_ok_XIX/61-80/69.phtml?id=4161) (дата обращения: 02.09.2011); Письмо М.И. Муравьева директорам РАК о тяжелом положении колоний, отсутствии провизии и товаров, непродуманных действиях Главного правления и его намерении по истечении срока возвратиться в Россию // Восточная литература. URL: [http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Reisen/XIX/1800-1820/Issl\\_russ\\_tich\\_ok\\_XIX/101-120/102.phtml?id=4194](http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Reisen/XIX/1800-1820/Issl_russ_tich_ok_XIX/101-120/102.phtml?id=4194) (дата обращения: 02.09.2011); Донесение М.И. Муравьева в Главное правление РАК о затруднительном положении колоний из-за вступления в силу новых привилегий РАК, отсутствии провизии и товаров для торговли с жителями, утрате Компанией выгод в Русской Америке // Восточная литература. URL: [http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Reisen/XIX/1800-1820/Issl\\_russ\\_tich\\_ok\\_XIX/101-120/104.phtml?id=4196](http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Reisen/XIX/1800-1820/Issl_russ_tich_ok_XIX/101-120/104.phtml?id=4196) (дата обращения: 02.09.2011); Донесение М.И. Муравьева в Главное правление РАК о препятствиях колошей промыслу летом 1821 г., состоянии морского и материкового промыслов в Русской Америке // Восточная литература. URL: [http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Reisen/XIX/1800-1820/Issl\\_russ\\_tich\\_ok\\_XIX/61-80/72.phtml?id=4164](http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Reisen/XIX/1800-1820/Issl_russ_tich_ok_XIX/61-80/72.phtml?id=4164) (дата обращения: 02.09.2011).
- <sup>14</sup> См. об этом: *Готовцева А.Г., Киянская О.И.* Правитель дел: К истории литературной, финансовой и конспиративной деятельности К.Ф. Рыльева. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 152–187.
- <sup>15</sup> Северная пчела. 1825. № 1. 1 янв. С. 1.
- <sup>16</sup> Там же. № 4. 8 янв. С. 1.
- <sup>17</sup> Там же. № 6. 13 янв. С. 1.
- <sup>18</sup> ПСЗРИ. Т. 25. С. 711.
- <sup>19</sup> См.: *Journal de St.-Petersburg.* 1825. № 2. 3/15 янв. С. 3; 1825. № 5. 10/22 янв. С. 4; 1825. № 7. 15/27 янв. С. 5.
- <sup>20</sup> *Рылеев К.Ф.* Полн. собр. соч. С. 470.
- <sup>21</sup> *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 12. С. 159.

О.И. Киянская

- 22 *Рылеев К.Ф.* Сочинения / Сост., вступ. ст. и коммент. С.А. Фомичева. Л.: Худ. лит., 1987. С. 308.
- 23 *Бестужев А.А.* Указ. соч. С. 228.
- 24 Северная пчела. 1825. № 2. 3 янв. С. 4.
- 25 Русская литература. 1971. № 2. С. 114.
- 26 *Масанов И.Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. М.: Всесоюзная книжная палата, 1956. Т. 1. С. 318.
- 27 Северная пчела. 1825. № 15. 3 февр. С. 3.
- 28 Там же. № 20. 14 февр. С. 1.
- 29 См.: *Journal de St.-Petersburg*. 1825. № 21. 17 февр./1 марта. С. 6.
- 30 *Рылеев К.Ф.* Сочинения. С. 325–326.
- 31 *Измайлов А.Е.* Письма к П.Л. Яковлеву // Пушкин: Исследования и материалы. Л.: Наука, 1978. Т. 8. С. 175.
- 32 Полярная звезда на 1825 г. // Полярная звезда, изданная А. Бестужевым и К. Рылевым. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 714.
- 33 РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 443. Л. 5–5 об.
- 34 *Рылеев К.Ф.* Полн. собр. соч. С. 488.
- 35 *Рылеев К.Ф.* Сочинения. С. 326–327.
- 36 Северная пчела. 1825. № 37. 26 марта. С. 1–3.
- 37 Там же. № 41. 4 апр. С. 2; ср.: № 40. 2 апр. С. 1–4.
- 38 Там же. № 116. 26 сент. С. 1; ср.: *Journal de St.-Petersburg*. 1825. № 117. 28 сент.
- 39 Там же. 1825. № 119. 3 окт. С. 1.
- 40 Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III Отделение / Публ., сост., предисл. и коммент. А.И. Рейтблата. М.: НЛЮ, 1998. С. 75, 245.

А.Г. Готовцева

«МОЙ “АРХИВ” БУДЕТ ОФИЦИАЛЬНЫМ  
ЖУРНАЛОМ МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ»:  
ОБ ОДНОМ НЕСОСТОЯВШЕМСЯ ЖУРНАЛЬНОМ  
ПРОЕКТЕ Ф.В. БУЛГАРИНА

В данной статье речь идет об одном из несостоявшихся проектов Ф.В. Булгарина – о проекте превращения его журнала «Северный архив» в официальный журнал Министерства духовных дел и народного просвещения. Несмотря на то что следы этого проекта были замечены исследователями в переписке той поры, официальных документов, подтверждающих факт существования такого начинания, до сих пор не было найдено. Статья призвана восполнить этот пробел в истории отечественной журналистики первой четверти XIX в. В приложении публикуется «Проект преобразования “Северного архива”», составленный Булгариным и направленный в Министерство духовных дел и народного просвещения.

*Ключевые слова:* Ф.В. Булгарин, А.Н. Голицын, Д.П. Рунич, Н.Ф. Остолопов, «Северный архив», «Журнал Департамента народного просвещения», проект объединения журналов.

Современные исследователи признают: при всех негативных сторонах литературной деятельности Ф.В. Булгарина, он был незаурядным человеком и блестящим журналистом. Успех журнала «Северный архив», выходявшего с 1822 г., «свидетельствует о незаурядных способностях создателя журнала, его довольно широкой образованности, предприимчивости, умении выстраивать отношения с читательской аудиторией»<sup>1</sup>.

Собственно, эти качества Булгарина умела ценить и российская власть – поскольку остро нуждалась в формировании выгодного для себя общественного мнения. Традиционно считается, что открытое сотрудничество журналиста с властью началось после

поражения восстания 14 декабря 1825 г. Пойти на это сотрудничество журналиста заставил страх: среди заговорщиков у него было много друзей и знакомых. Однако представляется, что это расхожее мнение в корне неверно: задолго до событий на Сенатской площади Булгарин искал контактов с властью, стремился стать официальным, «правительственным» журналистом. Этот статус, прежде всего, приносил моральные дивиденды. Кроме того, вполне возможен был и финансовый выигрыш.

В 1822–1823 гг. Булгарин был весьма активен в «налаживании связей» с Министерством духовных дел и народного просвещения – и на этот факт исследователи уже давно обратили внимание<sup>2</sup>. Так, еще в 1900 г. было опубликовано письмо попечителя Санкт-Петербургского учебного округа Д.П. Рунича министру духовных дел и народного просвещения А.Н. Голицыну (от 15 декабря 1822 г.). Как следует из письма, Рунич изложил министру просьбу Булгарина об официальной поддержке журнала «Северный архив». Попечитель считал, что журнал вполне достоин этой поддержки, и потому предложил «правлению здешнего университета о выписании как для университета, так и для прочих высших учебных заведений и гимназий С.-Петербургского округа по одному экземпляру полного издания означенного журнала и впредь о подписке на получение оногo». Рунич спрашивал Голицына: «не благоугодно ли будет вашему сиятельству предложить и прочим г.г. попечителям обратить внимание на сей журнал». Министр с этим согласился – и во все учебные округа России был разослан соответствующий циркуляр<sup>3</sup>.

Циркуляр этот в последнее время неоднократно попадал в сферу внимания исследователей. Так, в 2009 г. Т.Б. Шишкова защитила кандидатскую диссертацию, в которой анализу этого сюжета посвящен отдельный параграф. Исследовательница указывает: «В ответ на циркуляр министра просвещения некоторые попечители учебных округов в апреле 1823 года прислали отказы подписываться на “Северный архив”, мотивируя свои решения отсутствием средств или незнанием большей частью преподавателей русского языка». «Нам не удалось найти документов, свидетельствующих о существовании какого-либо проекта по превращению “Северного архива” в официальный журнал Министерства, несмотря на то, что упоминания о таких планах встречаются»; «невозможно с уверенностью говорить о том, что такой план существовал в недрах министерства», – констатирует автор диссертации<sup>4</sup>.

«Мой “Архив” будет официальным журналом Министерства просвещения»...

Однако и Т.Б. Шишкову, и других разбиравших этот вопрос исследователей ставит в тупик сообщение самого издателя «Северного архива», датированное 13 февраля 1823 г. В письме польскому историку И. Лелевелю Булгарин утверждал: «Мой “Архив” будет официальным журналом Министерства просвещения»<sup>5</sup>. Получается, что утверждение это было пустой бравадой, не подкрепленной фактами.

Между тем в Российском государственном историческом архиве (РГИА, Санкт-Петербург) обнаружены документы, серьезно корректирующие исследовательские представления о взаимоотношениях издателя «Северного архива» с функционерами Министерства просвещения. Речь в этих документах идет вовсе не об обязательной подписке на «Северный архив» – представляется, что этот сюжет вообще оказался для Булгарина побочным. Речь идет о поглощении булгаринским изданием «Журнала Департамента народного просвещения», официального издания соответствующего департамента, входившего в состав «сугубого министерства».

\* \* \*

«Журнал Департамента народного просвещения» выходил в Петербурге с 1821 г. Он не был первым в России периодическим изданием, освещающим деятельность власти по управлению отечественным образованием. С 1803 г. при Академии наук под редакцией академиков Н.Я. Озерецковского и Н.И. Фусса выходило «Периодическое сочинение о успехах народного просвещения». Однако став в 1816 г. исполняющим должность, а в 1817 г., при создании «сугубого министерства» – министром духовных дел и народного просвещения, князь Голицын пересмотрел концепцию министерского издания. «Периодическое сочинение...» министру не нравилось: в журнале печатались лишь «доклады о частных случаях», а на материалы, которые могли бы информировать читателя об общем состоянии и «ходе сей важной части», «не доставало статей». Учитывая все это, министр решил «дать нынешнему журналу другое основание». Голицын забрал журнал из Академии наук и подчинил его непосредственно Департаменту народного просвещения<sup>6</sup>. Департамент должен был финансировать новое издание и распространять его по учебным заведениям.

Первый номер обновленного издания, «Журнала Департамента народного просвещения», вышел в январе 1821 г. А «дабы сохранить непрерывную связь <...> с прежним периодическим сочинением», было решено «в начале ныне издаваемого журнала»

поместить «все высочайшие повеления, последовавшие со времени прекращения оногo». Таким образом, открывался журнал Высочайшим манифестом 24 октября 1817 г. об учреждении Министерства духовных дел и народного просвещения<sup>7</sup>.

Предполагалось, что в «Журнале Департамента...» будет четыре основных раздела:

I. Высочайшие повеления и действия Министерства по части народного просвещения.

II. Сведения об ученых и учебных заведениях.

III. Науки и художества. Библиография.

IV. Изящная словесность и смесь.

С небольшими вариациями такое деление на разделы сохранялось до конца издания журнала. «Журнал Департамента...» имел преимущественное право публиковать официальные документы, касавшиеся проблем образования и просвещения, и это право строго охранялось цензурой<sup>8</sup>.

Редактировал министерский журнал Николай Остолопов<sup>9</sup> – известный поэт-баснописец, сатирик и филолог, большой поклонник раннего творчества Пушкина. В том же 1821 г., например, вышел «Словарь древней и новой поэзии», который составлял Остолопов. Третья, последняя, часть это издания содержала статью «Романический или романтический», в которой единственным примером российской романтической поэмы была названа поэма «Руслан и Людмила»<sup>10</sup>. К моменту назначения редактором министерского журнала Остолопов успел завоевать себе репутацию опытного чиновника и талантливового литератора. Он был членом Вольного общества любителей российской словесности, печатался в журналах «Соревнователь просвещения и благотворения» и «Благонамеренный», в 1806 г. сам издавал журнал «Любитель словесности». Впоследствии он будет печататься в «Полярной звезде» Александра Бестужева и Кондратия Рылеева. «Притчи Остолопова оригинальны резкостию и правдою нравоучений; сатиры его едки и портретны. Он оказал большую услугу словесности изданием Словаря поэзии», – утверждал Бестужев в своем знаменитом «Взгляде на старую и новую словесность в России», опубликованном в 1823 г. в «Полярной звезде»<sup>11</sup>.

Однако, несмотря на включенность Остолопова в литературный процесс, по части «изящной словесности» «Журнал Департамента...» сильно отставал от других столичных изданий. Раздел этот был довольно беден. Поначалу он заполнялся по преимуществу произведениями самого Остолопова, в частности его литерату-

«Мой “Архив” будет официальным журналом Министерства просвещения»...

роведческим трудом «Ключ к сочинениям Державина»<sup>12</sup>. В дальнейшем же этот раздел заполнялся статьями на философско-нравственные и религиозные темы, по преимуществу переводными как из латинских, так и из европейских и даже восточных авторов<sup>13</sup>. Интерес журнала к религиозной философии и евангельским сюжетам вполне объясним: новое министерство соединяло в себе народное просвещение и «дела духовные», а министр Голицын был президентом Российского библейского общества.

Впрочем, «Журнал Департамента...» никогда не позиционировал себя в качестве литературного издания, ибо призван был, прежде всего, обеспечивать информационную поддержку деятельности собственного учредителя. Он не участвовал в журнальной полемике и не помещал на своих страницах объявлений о выходе других журналов, как это делали литературные периодические издания. Исключения были сделаны лишь для двух изданий: для «Соревнователя просвещения и благотворения» и для «Северного архива». «Соревнователь» был органом Вольного общества любителей российской словесности, входившего – на особых правах – в состав голицынского министерства<sup>14</sup>. Печатание в «Журнале Департамента...» объявления о его выходе было оправданно.

Иное дело – «Северный архив», частное коммерческое предприятие Булгарина. О нем в «Журнале Департамента...» было помещено три известия, и первое из них в декабрьском номере за 1821 г.<sup>15</sup> Вывод здесь однозначен: Булгарин, начиная издавать журнал, рассчитывал на министерскую поддержку. Очевидно, еще до выхода первого номера он провел переговоры с министерскими чиновниками – и вследствие этого «Журнал Департамента...» поместил анонс нового издания.

\* \* \*

Мы не знаем, чем конкретно не угодил Остолопов функционерам «от просвещения». Однако из документов явствует: к 1823 г. он как редактор министерского журнала перестал соответствовать интересам Голицына. В недрах министерства появился проект слияния «Журнала Департамента народного просвещения» с булгаринским «Северным архивом».

Как следует из официальных документов, проект этот начал обсуждаться в январе 1823 г.: 25 января о нем состоялось положительное «определение» Главного правления училищ – особого структурного подразделения Министерства просвещения, ведавшего, кроме прочего, и официальными изданиями Департамента<sup>16</sup>.

9 февраля 1823 г. датирован пространный документ (публикуется в приложении к настоящей статье), составленный Булгариным лично и «скромно» названный «Проект преобразования “Северного архива”». Совершенно очевидно, что упоминаемое выше письмо Лелевелю, датированное 13 февраля, журналист написал под прямым впечатлением от происходившего. Булгарину казалось – и, надо признать, казалось не без оснований, – что его журнал как никогда близок к тому, чтобы стать единственным ведомственным министерским изданием.

Новый журнал должен был состоять из двух частей. Первая часть оставалась на «откуп» министерским чиновникам. Они должны были обеспечить доставку Булгарину официальной информации по части народного просвещения. Под названием «Статьи литературные, сообщаемые министерством народного просвещения» оставлял Булгарин и раздел «Изящной словесности», существующий в «Журнале Департамента...». Вторая часть, которую должен был составлять лично Булгарин, должна была посвящаться «истории, статистике, путешествиям, литературе и наукам точным». Новое издание должно было носить название «Северный архив, журнал, издаваемый при Департаменте народного просвещения».

В стремлении стать «ведомственным журналистом» Булгарину оказывал поддержку не только уже упоминавшийся выше Рунич, но и всесильный министр Голицын. Голицын, согласившись с «определением» Главного правления училищ, просил только доставить ему сведения, «на каком основании, согласно с определением Главного училищ правления 25-го минувшего января, соглашается г. Булгарин принять на себя издание “Журнала Департамента народного просвещения”», поскольку это было нужно «для соображения некоторых хозяйственных расчетов»<sup>17</sup>. Таким образом, очевидно: принципиальное решение в данном случае было принято. Упоминание о «Северном архиве» как о министерском издании встречается и в «Сводном каталоге сериальных изданий России (1801–1825)», издаваемом в настоящее время Российской национальной библиотекой в Петербурге<sup>18</sup>.

Документы свидетельствуют: Булгарин планировал начать издание обновленного «Северного архива» с 1 марта 1823 г. и хотел даже добиться остановки печатания соответствующего номера «Журнала Департамента народного просвещения». При этом сам собою решался и вопрос подписки: на официальное издание были обязаны подписываться все учебные заведения.



«Мой “Архив” будет официальным журналом Министерства просвещения»...

Но издание это так и не состоялось: помешали ему именно «хозяйственные расчеты». 23 марта Рунич сообщил Голицыну:

По возложенному на меня поручению Главного правления училищ я предлагал издателю «Северного архива» Булгарину, чтобы он сведения, которые Департамент народного просвещения, вместо издания собственного журнала, для включения оных в издаваемый им журнал доставлять ему будет, помещал в оный, согласясь уступить после сего журнал свой казенным учебным заведениям по самой дешевой цене. Г[осподин] Булгарин подал мне объяснение, что издание 24 книжек в год в числе 1200 экземпляров будет ему стоить по самой крайней цене 15.600 рублей, а потому каждый экземпляр приходится по своей цене 13 рублей, за которые он готов отпустить нужное для безденежной рассылки от Департамента число 550 экземпляров, без всякого для себя вознаграждения, просит одного только снисхождения, чтобы причитающиеся ему деньги были уплачены в два срока, то есть в начале и конце года, при заключении условия, для предварительных издержек.

Донося Вашему сиятельству об отзыве г[осподина] Булгарина, долгом поставляю присовокупить, что я полагаю справедливым прибавить ему к требуемой цене по 2 рубля на экземпляр, ибо сия добавка составит только 1100 рублей, сумму весьма незначительную, так что едва и порядочного писца на таковое жалованье в год найти можно. Прибавка сия не может также почтяться обременительною для Департамента, ибо по исчисленным на издание расходам, в подносимой у сего смете возвысит цену каждого экземпляра до 15 рублей. Но и в сем случае безденежное доставление журнала учебным заведениям, коего расходуется на сие 550 экземпляров, обойдется Департаменту в 8.250 рублей, почти в половину того, во что обходится издание «Журнала Департамента народного просвещения»; если же принять в основание цену, Булгариным объявленную, тогда на издание официальных известий Департамент издержит только 7.150 рублей, и в таком случае будет иметь значительную выгоду.

Сверх того журнал «Северный архив» есть один из наилучших, и по содержанию своему признан даже может быть классическим руководством при преподавании истории, географии и статистики, особенно отечественных; а потому соединяя два важнейших предмета – историю и официальные сведения о успехах народного просвещения и меры, по сему правительством приемлемые, превзойдет далеко всякий журнал, отдельно ту или другую часть заключающий.

Естьли Ваше сиятельство справедливым признать изволите требовать от учебных заведений, в которых журнал сей рассылаться будет, хоть по 6 рублей в год, тогда сие послужит еще к уменьшению расходов по изданию и оно обойдется Департаменту только в 4.950 рублей<sup>19</sup>.

А.Г. Готовцева

С одной стороны, Булгарин требовал, чтобы «все хозяйственные рассмотрения, т. е. получение дохода и распределение расходов», остались в полном его распоряжении. С другой стороны, согласно проекту, министерство было обязано не только рассылать журнал по подведомственным ему заведениям, но еще и оказывать содействие в его распространении «по военным, по разным присутственным местам, посредством г.г. министров, губернаторов и дворянских предводителей», а также оплачивать «пересылку» журнала подписчикам. Булгарин желал также, чтобы к нему доставлялись выписанные за казенный счет иностранные журналы. Расчеты, без которых министерские функционеры не могли дать окончательного согласия на выпуск «Архива» под министерским грифом, отняли много времени.

\* \* \*

С самого начала 1824 г. у Голицына начались большие неприятности. В результате длившейся несколько месяцев интриги, во главе которой стоял граф А.А. Аракчеев и в которой участвовали высшие церковные иерархи, министр потерял свою должность. Его отставка последовала 15 мая 1824 г., дело же о слиянии двух изданий было официально закрыто лишь в ноябре 1824 г.<sup>20</sup> «Журнал Департамента народного просвещения» перестал выходить еще раньше, последний его номер увидел свет в феврале этого года.

Новая эпоха в отечественной журналистике, наступившая после отставки Голицына, заставила Булгарина пересмотреть свою журналистскую тактику. При новом министре, А.С. Шишкове, настаивать на слиянии изданий было бесполезно: новый министр начал с того, что отверг все начинания Голицына, обвинив предшественника в желании погубить не только отечественное просвещение, но и православную веру. Вместо «Журнала Департамента...» Шишков распорядился печатать новое министерское издание под названием «Записки, издаваемые от Департамента народного просвещения». Попытка издавать «Записки» окончилась полным провалом: за четыре года министерской деятельности Шишкова вышло всего две книги и еще одна после его отставки.

Через две недели после произошедших в министерстве перемен, в конце мая 1824 г., Булгарин направляет новому министру новый проект – об объединении собственного «журнального предприятия» с изданиями Н.И. Греча<sup>21</sup>, в типографии которого Булгарин с самого начала печатал свой «Северный архив». Этот проект, как известно, был спустя несколько лет реализован – в отличие от

«Мой “Архив” будет официальным журналом Министерства просвещения»...  
проекта превращения «Северного архива» в официальное министерское издание.

Приложение

1

**Проект слияния журнала «Северный архив» с «Журналом Департамента народного просвещения», представленный Ф.В. Булгариным в Министерство духовных дел и народного просвещения, 9 февраля 1823 г.**

#### **ПРОЕКТ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ СЕВЕРНОГО АРХИВА<sup>22</sup>**

##### Литературная часть

Журнал, удостоившийся внимания просвещенной российской и иностранной публики, не должен изменять своего названия и редактора: присовокупляя официальные статьи к издаваемому мною журналу, прошу всепокорнейше оставить его наружность в прежнем виде, с следующими только изменениями.

##### Заглавие на обертке:

Северный архив, журнал, издаваемый при Департаменте народного просвещения.

Заглавный лист при каждой части:

Северный архив, журнал истории, статистики, путешествий, литературы и наук точных, с присовокуплением официальных известий по министерству народного просвещения, издаваемый при Департаменте народного просвещения Ф. Булгариным.

##### Содержание

Журнал будет разделен на две части:

#### ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I. Официальные известия по части народного просвещения. Издатель станет помещать оные, основываясь во всей точности на сообщаемых ему актах. Кроме того, просит он начальство сообщить всем состоящим в его ведении учебным и ученым заведениям в государстве о доставлении ему непосредственно и не в продолжительном времени сведений о происхо-

А.Г. Готовцева

дящих в оных испытаниях, публичных актах, собраниях и трудах их членов, об издаваемых ими книгах и пр.

II. Статьи литературные, сообщаемые министерством народного просвещения.

## ЧАСТЬ ВТОРАЯ

составленная самим издателем

I. История, древняя и новая, отечественная и иностранная.

II. Статистика, преимущественно отечественная, география древняя и новая и политическая экономия

III. Путешествия. Занимательные путешествия по всем странам света, исключая сентиментальных и характерических (так). Преимущественно будут помещаемы путешествия, заключающие в себе известия статистические и географические.

IV. Литература. Речи, отрывки из классических и отличных сочинений по всем родам красноречия; статьи философические, нравственные изречения и пр.

V. Точные науки и искусства. Статьи терминологические; о новых открытиях в науках, и отличных произведениях в искусствах; также о изобретениях и усовершенствованиях по части фабрик и мануфактур. Известия о новых мерах и предприятиях разных правительств и частных людей для открытия в науках, искусствах и пр.

VI. Критика. Критика книг исторических, географических и статистических; рассмотрение новых карт и планов, также и произведений литературы, достойных внимания публики, особенно особ, занимающихся науками, искусствами и воспитанием юношества. – Строжайшая благопристойность и беспристрастие будут наблюдаемы в сих критиках.

VII. Смесь. Объявления о новых книгах, журналах, испытаниях в частных учебных заведениях и пр.

Соблюдение строжайшей нравственности и уважения к лицам будет первым правилом в издании сего журнала. Все анакреонтики, мечтания незрелых умов, излишние чувствований и т. д. исключаются из одного.

«Северный архив» будет выходить как доньше, двумя книжками в месяц. К каждой части, состоящей из шести книжек, прилагаемы будут чертежи с изображением видов, планов, портретов, снимков с рукописей и т. п.

### Хозяйственная часть

I. Все хозяйственные рассмотрения, т. е. получение дохода и распределение расходов, остаются при издателе без всякого отчета. Журнал сей, как предприятие, составленное и поддерживаемое его трудами и пожертвованиями, всегда останется его собственностью.

«Мой “Архив” будет официальным журналом Министерства просвещения»...

II. Кроме первой части, в которой будут помещаемы официальные и полуофициальные статьи, издатель остается совершенным хозяином журнала: собственная его польза и честь зависят будут от рачительного выбора и наблюдения обработки статей, сообразных с его целию, с требованиями публики и намерениями благотворного правительства.

III. Исторический журнал требует издержек особого рода: на покупку книг и манускриптов, на уплату за составление выписок и снятие копий в библиотеках и архивах, за переводы статей с иностранных, частию мертвых языков и т.п.; и потому остающихся с типографическими издержками денег нельзя почитать чистою выручкою. Для благоуспешного же хода журнала необходимо нужно содействие правительства в распространении оного по всем училищам духовным и гражданским, а если возможно, то и по военным, по разным присутственным местам, посредством г.г. министров, губернаторов и дворянских предводителей. В училища, состоящие под ведением Департамента народного просвещения, издатель обязуется доставлять сей журнал по цене, в какую обходится напечатание экземпляра, предоставляя, однако ж, пересылку и укладку на счет Департамента. Если же, посредством деятельных мер правительства, число подписчиков умножится до такой степени, что вырученной суммы будет достаточно на все издержки по сему изданию, то издатель за счастье себе почтет отдавать безденежно в училища нужное число экземпляров.

IV. Департамент принимает на себя выписку нужных для сего издания иностранных журналов, которыми издатель будет пользоваться, оставляя их потом собственностию Департамента.

V. Издатель просит отрядить к нему, если возможно, двух сторожей для посылок, коим он готов платить жалованье.

VI. Издатель просит присылать к нему следующие для помещения в журнал официальные статьи за скрепою.

VII. Издатель просит оставить журнал его в ведении Цензурного комитета для скорости, также позволения посылать статьи в цензуру в корректурных листах, по примеру «Инвалида» и других казенных изданий.

VIII. Одно только деятельное и благосклонное участие правительства в распространении сего журнала по местам, ему подведомственным, может поддержать оный и возвести на высшую степень; ибо, при нынешних своих средствах, издатель не в состоянии раздавать оного безденежно, печатая сверх того двойное против прежнего число. Издатель просит скорейшего разрешения, ибо от замедления он потерпит значительный убыток, при перепечатании в двойном числе первых нумеров нынешнего года, для пополнения издания. А как журнал Департамента едва только начали печатать, то можно бы остановить издание, отдав издателю «Северного архива» официальные статьи, которые он поместит к 1-му марту.

А.Г. Готовцева

Подвергая все сие благосклонному рассмотрению министерства народного просвещения, повторяю мою просьбу о скором разрешении сего дела, для предохранения меня от излишних и вовсе бесполезных издержек.

сего 9 февраля 1823  
С[анкт-]Петербург

Издатель «Северного архива»  
Фаддей Булгарин

(РГИА. Ф. 733. Оп. 87. Д. 199. Л. 2–5 об.)

## 2

**Черновик расчетов издержек на издание журнала «Северный архив», составленный Ф.В. Булгариным, 8 марта 1823<sup>23</sup>.**

Счет издания «Северного архива», 24-х книжек в числе 1200 экземпляров.

Печатание 130 листов в год по вольным ценам стоит 40 рублей за лист.

130 листов

40 рублей

---

5200

4340 рублей стоит бумага, обертка и печатание обертки.

1152 – переплетчик по 4 копейки за книжку.

800 рублей 4 картинки. За рисунки, литографию и бумагу.

2500 сотрудник А.А.Н.<sup>24</sup>, переводчик и два писца.

1000 на покупку материалов

500 два служителя по журналу

100 рублей трудничных наборщикам, тередорщикам<sup>25</sup> и проч.

---

Итого 15592 рублей

---

разделя 1200 экземпляров на 15.592 рубля

1200 / 15.592 / 13 рублей

– 12000

---

3592

Сего 8 марта 1823 года.

Издатель «Северного архива»

Ф. Булгарин.

(РГИА. Ф. 733. Оп. 87. Д. 199. Л. 10)

«Мой “Архив” будет официальным журналом Министерства просвещения»...

Примечания

- <sup>1</sup> *Акимова Н.Н.* Ф.В. Булгарин: литературная репутация и культурный миф. Хабаровск: Изд-во Хабаровского гос. пед. ун-та, 2002. С. 44–45.
- <sup>2</sup> См., напр.: *Селезнев М.Б.* Литературная репутация Ф.В. Булгарина в литературно-эстетических дискуссиях 1820–1840-х годов: дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2008. С. 53; *Шишкова Т.Б.* Литературная позиция и тактика Ф.В. Булгарина-журналиста в 1820-е годы: формирование и развитие: дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. С. 24; *Готовцева А.Г., Киянская О.И.* Из истории русской журналистики 1820-х годов: К.Ф. Рылеев, Ф.В. Булгарин, П.П. Свинын // Вестник РГГУ. Серия «Журналистика. Литературная критика». 2011. № 6. С. 11–36.
- <sup>3</sup> *Н. Д.* [Дубровин Н.Ф.] К истории русской литературы. Булгарин и Греч как издатели журналов // Русская старина. 1900. Т. 103. № 9. С. 559–563.
- <sup>4</sup> *Шишкова Т.Б.* Указ. соч. С. 25–26.
- <sup>5</sup> Письма Фаддея Булгарина к Иоахиму Лелевелю: (Материалы для истории рус. лит., 1821–1830 г.). [Варшава]: [б.и.], 1877. С. 8–9.
- <sup>6</sup> Журнал Департамента народного просвещения. 1821. Ч. I. Январь. С. IV.
- <sup>7</sup> Там же. С. 3–65; Февраль. С. 118–153.
- <sup>8</sup> См.: Сводный каталог сериальных изданий России (1801–1825). СПб.: Изд-во Рос. национальной б-ки, 2000. Т. 2. С. 283.
- <sup>9</sup> См. об этом: РГИА. Ф. 733. Оп. 1. Д. 173.
- <sup>10</sup> *Остолопов Н.Ф.* Словарь древней и новой поэзии: В 3 ч. СПб.: Тип. имп. рос. академии, 1821. Ч. 3. С. 28–40.
- <sup>11</sup> Полярная звезда, изданная А. Бестужевым и К. Рылевым. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1960. С. 23.
- <sup>12</sup> Журнал Департамента народного просвещения. 1821. Ч. I. Январь. С. 99–109; Февраль. С. 250–263; Март. С. 370–380; Апрель. С. 520–527; Ч. II. Июнь. С. 186–193; Ч. III. Сентябрь. С. 143–153; Октябрь. С. 278–288; Декабрь. С. 544–547. См. также отд. издание: *Остолопов Н.Ф.* Ключ к сочинениям Державина. СПб.: Тип. Ив. Глазунова, 1822.
- <sup>13</sup> См., напр.: *Аттар Ф.* О пагубных для человека вещах / (Из книги советов Шейха-Ферид-Эддина-Атгара). С персидского С-в // Журнал Департамента народного просвещения. 1821. Ч. I. Март. С. 380–383; О средстве соединения нашего с Богом: Сокращ. перевод // Там же. 1821. Ч. II. Август. С. 536–544; *Роллен III.* Слово святого Иоанна Златоустаго при низвержении Евтропия / (Из *Traité des études, par Rollin*); [Пер.] И. Богданов // Там же. 1822. Ч. IV. Январь. С. 105–113; О уповании на милосердие Божие, к утешению душ, страхом повергаемых в уныние // Там же. 1822. Ч. IV. Февраль. С. 185–219; Март. С. 335–360; Ч. V. Май. С. 106–124; Июль. С. 358–370; Ч. VI. Октябрь. С. 165–204; 1823. Ч. VII. Март. С. 284–297; *Сенека Л.А.* Письма Сенеки:

А.Г. Готовцева

- С латинского // Там же. 1822. Ч. V. Август. С. 478–491; Благотворное действие от чтения Нового завета: (Из Миссионерских известий) // Там же. 1822. Ч. VI. Сентябрь. С. 107–112; Иисус Христос требует смирения // Там же. Декабрь. С. 387–408; *Цицерон М.Т.* Цицероново рассуждение о старости / [Пер.] Н. Оз. [Н.Я. Озерецковский] // Там же. 1823. Ч. VII. Апрель. С. 369–380; *Саль Ф. де.* Советы, служащие к предохранению от искушений / [Отрывок из сочинений Франциска де Саль] // Там же. 1823. Ч. VIII. Август. С. 367–385 и др.
- <sup>14</sup> Месяцеслов с росписью чиновных особ, или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1820. Ч. 1. СПб., 1820. С. 699–704. Объявление о выходе журнала «Соревнователь просвещения и благотворения» см.: Журнал Департамента народного просвещения. 1821. Ч. III. Ноябрь. С. 424–427.
- <sup>15</sup> Журнал Департамента народного просвещения. 1821. Ч. III. Декабрь. С. 554–561; 1822. Ч. IV. Февраль. С. 248–255; Ч. VI. Октябрь. С. 235–243.
- <sup>16</sup> РГИА. Ф. 733. Оп. 87. Д. 199. Л. 1.
- <sup>17</sup> Там же. Л. 6.
- <sup>18</sup> Сводный каталог сериальных изданий России ... Т. 2. С. 283.
- <sup>19</sup> РГИА. Ф. 733. Оп. 87. Д. 199. Л. 7–9.
- <sup>20</sup> Там же. См. пометку на обложке дела.
- <sup>21</sup> Дело о разрешении Н.И. Гречу и Ф.В. Булгарину совместного издания журналов: «Сын отечества», «Северный архив» и «Северная пчела» // РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 438.
- <sup>22</sup> Документ написан Ф.В. Булгариным собственноручно.
- <sup>23</sup> Документ написан Ф.В. Булгариным собственноручно.
- <sup>24</sup> Так в оригинале.
- <sup>25</sup> Тередорщик (от итал. *tiratore* – печатник) – один из рабочих, обслуживавших ручной печатный станок.



Е.М. Иваницкая

ЖУРНАЛ «СОРЕВНОВАТЕЛЬ ПРОСВЕЩЕНИЯ  
И БЛАГОТВОРЕНИЯ» В ИСТОРИКО-  
ЛИТЕРАТУРНОМ КОНТЕКСТЕ 1820-х гг.

В данной статье речь идет о журнале «Соревнователь просвещения и благотворения» – одном из самых интересных журналов 1820-х гг., издававшемся Вольным обществом любителей российской словесности. Анализируется история изучения этого журнала, основные проблемы, обсуждавшиеся в журнале, дается представление о месте журнала в политической жизни Пушкинской эпохи.

*Ключевые слова:* журнал «Соревнователь просвещения и благотворения», А.Н. Голицын, Ф.Н. Глинка, А.Д. Боровков, К.Ф. Рылеев, просвещение, благотворительность.

Журнал «Соревнователь просвещения и благотворения» – официальный орган Вольного общества любителей российской словесности и один из ведущих журналов начала XIX в. – незаслуженно забыт исследователями. Работ, в которых было бы предпринято монографическое изучение этого журнала, на сегодняшний день не существует.

Между тем в дореволюционной историографии высказывались две противоположные точки зрения на, так сказать, идейную направленность этого журнала – и, соответственно, издававшего его Вольного общества. Одна из них принадлежит А.Н. Пыпину. Он утверждал, что общество это было вполне легальным, преследовало, прежде всего, благотворительную цель – и эти основания его деятельности в полной мере отражались в журнале<sup>1</sup>. Пыпин признавал, что основной костяк и общества, и журнала составляли молодые литераторы либерального направления, однако утверждал,

что «по характеру своих тенденций, по связям с масонскими ложами и по лицам, его составлявшим, это общество, по-видимому, было как бы посредствующим звеном между Библейским обществом и либеральными стремлениями молодого поколения»<sup>2</sup>.

Библейское общество, как известно, было создано в 1812 г. под председательством князя Александра Голицына, известного временщика Александра I, будущего министра духовных дел и народного просвещения. Целью этого общества был перевод Библии на языки народов, населяющих Россию, в том числе и на русский язык. Однако фактически это общество было организацией, исполнявшей правительственные функции: в его рядах состояло большинство должностных лиц Российской империи. Пыпин постулировал: несмотря на либерализм многих членов общества, оно находилось под патронажем правительства и лично князя Голицына. Соответственно, и журнал общества был почти официальным органом Библейского общества и Министерства духовных дел и народного просвещения.

Другую точку зрения сформулировал в 1909 г. В.И. Семевский. Согласно ему, Вольное общество любителей российской словесности было связано, прежде всего, с декабристским Союзом благоденствия – поскольку, согласно Уставу Союза, конспираторам следовало действовать на общественное мнение, в частности, через организацию легальных филиалов и периодических изданий<sup>3</sup>. Эта точка зрения стала господствующей в годы советской власти. Так, В.Г. Базанов утверждал: «Декабристы и Пушкин были родоначальниками всего, что связано было в начале XIX века с прогрессивной мыслью, с мотивами высокого патриотизма, борьбы за благо родной страны»; «Вольное общество любителей российской словесности, провозглашенное в 1818 году “ученой республикой”, являлось литературным плацдармом декабристов, оно сыграло значительную роль в идеологической и литературно-эстетической подготовке деятелей восстания 14 декабря, а также оказало влияние на формирование взглядов передовой литературной молодежи, не входившей в тайные общества, но испытывавшей на себе влияние декабристских идей»<sup>4</sup>.

Между тем вряд ли можно говорить о некоем «литературном деле» участников конспиративных организаций, их единой литературной позиции. В литературном процессе 20-х гг. XIX в. писатели-декабристы не составляли отдельную группу и не вели собственную «литературную политику». Они разделяли разные – порой противоположные – эстетические принципы. В Вольное общество

же входили, как известно, далеко не только будущие участники восстания на Сенатской площади. Основателем общества был, в частности, А.Д. Боровков – будущий правитель дел Следственной комиссии по делу декабристов, человек, которого сложно заподозрить в симпатиях к идеям заговорщиков.

Таким образом, на сегодняшний день история Вольного общества любителей русской словесности и его журнала нуждается в коренном переосмыслении. Предстоит по-новому осмыслить содержание «Соревнователя просвещения и благотворения», соотнести это содержание с историко-литературным контекстом 20-х гг. XIX в.

Данная статья не претендует на то, чтобы представить полное описание исследуемого журнала. Ее задача – описать наиболее актуальные для русского общества темы и проблемы, на которые откликался журнал.

\* \* \*

Вольное общество любителей российской словесности (ВОЛРС) возникло в январе 1816 г. усилиями четырех литераторов-дилетантов: братьев А.Д. и И.Д. Боровковых, Е.П. Люценко и А.А. Никитина. Согласно воспоминаниям А.Д. Боровкова цель составления этого общества была «войти в связи с известными литераторами», «огласить себя в их кругу». Первый вариант устава был написан Никитиным<sup>5</sup>. Изначально новая организация называлась Обществом соревнователей просвещения и благотворения. В жизни общества необходимо разделять два периода: «первый, обнимающий около двух лет, период организационный, когда устав его еще не был утвержден; второй обнимает более продолжительный период, когда общество уже было высочайше утверждено». Устав императором был утвержден лишь 19 января 1818 г.<sup>6</sup>, и в 1819 г. напечатан в журнале «Сын отечества». С 1816 г. «попечителем» нового общества считался князь Голицын.

Возникает закономерный вопрос о том, почему талантливые литераторы, маститые писатели и поэты, такие как Ф.Н. Глинка, Е.А. Баратынский, А.С. Грибоедов, А.А. Дельвиг, А.А. Бестужев, П.А. Плетнев, К.Ф. Рылеев, О.М. Сомов, Н.И. Греч и многие другие, поверили четырем никому не известным чиновникам – и в итоге вступили в общество. Представляется, что ответ следует искать именно в общественно-политической ситуации: начало XIX в. ознаменовалось расцветом всякого рода общественных организаций, как явных, так и тайных. Профессиональная

Е.М. Иваницкая

организация литераторов тоже существовала – ею было Вольное общество любителей словесности, наук и художеств, возглавляемое А.Е. Измайловым. Однако «измайловское общество» к 20-м гг. XIX в. уже перестало отвечать запросам большинства литераторов: идейная позиция самого Измайлова была неясной, деньги от издания его журнала «Благонамеренный» шли в его личный доход. После организации Общества соревнователей оба общества существовали параллельно, затем большая часть «измайловцев» перешла в новую организацию – и в итоге членом ВОЛРС стал сам Измайлов.

В августе 1816 г. А.А. Никитин представил на суд членов общества проект издания литературного журнала. В конце 1817 г. было решено издавать журнал под названием «Труды Вольного общества любителей Российской словесности». Окончательное название журнала, под которым он выходит в течение нескольких лет: «Соревнователь просвещения и благотворения». Первый номер нового журнала вышел 15 января 1818 г., последний – 1 октября 1825 г.

При анализе содержания этого журнала обращает на себя внимание тот факт, что наполнение его книжек вполне соответствовало названию. Участники общества, публиковавшие на страницах издания свои произведения, стремились, прежде всего, образовывать читателя. Поскольку главным культурным событием конца 1810 – начала 1820-х гг. был выход томов «Истории государства российского» Н.М. Карамзина, под образованием участники журнала подразумевали, прежде всего, приобщение читателей к родной истории.

Одной из самых «неизведанных» частей России считалась в начале XIX в. Украина. Интерес к ее истории был в этот период очень высок. Печатается «Грамматика малороссийского наречия» А. Павловского (1818), член Вольного общества любителей российской словесности Н.А. Церетелев пишет «Опыт собрания старинных малороссийских песней» (1819), публикуется «История Малой России» Н.Н. Бантыш-Каменского, в 1818 г. Российская Академия предпринимает издание «Малороссийского словаря». Общероссийскую популярность обретает поэт И.П. Котляревский, сочинивший на «малороссийском наречии» поэму «Энеида», в конце XVIII – начале XIX в. несколько раз переизданную, а также пьесы «Наталка-полтавка» и «Москаль-чаровник» (1819)<sup>7</sup>.

Вполне в русле этого увлечения Украиной выступает и «Соревнователь»: уже в первом его номере печатается вторая часть неоконченной повести Федора Глинки «Зиновий Богдан Хмель-

ницкий, или Освобожденная Малороссия»<sup>8</sup>. «Великий муж» Хмельницкий показан в повести как бескомпромиссный борец с поляками, как истинный патриот, желающий свободы своей родине – Украине. В.Г. Базанов утверждал, что с публикацией повести Глинки Вольное общество «меняло свое направление и становилось на пути общественно значимой литературы»<sup>9</sup>.

Тему Украины продолжил на страницах соревнователя и Кондратий Рылеев – как известно, под непосредственным влиянием повести Глинки была написана его дума «Богдан Хмельницкий», опубликованная в «Соревнователе» в 1822 г. (№ 6). Вообще публикации произведений Рылеева были весьма значимыми в деле «соревнования» просвещению: в журнале Рылеев опубликовал шесть стихотворений из цикла «Думы» – некоторые из них, как, например, дума «Святослав» или знаменитая дума «Смерть Ермака» – опирались на «Историю государства Российского» Карамзина. Цель же написания и публикации дум, по словам самого Рылеева (ссылавшегося на мнение польского поэта Ю. Немцевича), состояла, в частности, в том, чтобы «знакомить» юношество «со светлейшими эпохами народной истории»<sup>10</sup>.

Однако просвещение понималось авторами журнала не только как описание исторических событий или жизнеописания «великих мужей». Немало места в журнале отводилось описанию современного состояния, географических и этнографических особенностей и России, и других стран. Здесь следует отметить, прежде всего, очерк А.Д. Боровкова о жизни киргизов «Поездка на Илецкую Защиту»<sup>11</sup>, «Записки о Голландии 1815 года» Н.А. Бестужева<sup>12</sup>, «Изустные народные предания о городе Белом Смоленской губернии» О. Палковича: «Сей город основан, так сказать, рожден и погребен среди лесов, между гор, болот и озер»<sup>13</sup> и т. п.

Просвещать читателей следовало и в области литературы – поэтому журнал часто печатал переводы иностранных авторов. Основатель Общества А.А. Никитин, к примеру, предлагал читателям приобщиться к творчеству Оссиана, Горация, Гете, Шиллера и т. д.<sup>14</sup> Естественно, не оставался журнал равнодушным и к современной отечественной словесности: помимо публикаций поэтических произведений членов Общества и близких к ним литераторов, там печатались и теоретические статьи, посвященные современному для 20-х гг. XIX в. литературному процессу. В 1823 г. в журнале публикуются статьи О.М. Сомова «О романтической поэзии», явившиеся первым по времени обоснованием в русской литературе эстетики романтизма<sup>15</sup>.

Е.М. Иваницкая

Журнал прославлял и тех современников, кто, по мнению членов Вольного общества, наиболее отличился на ниве «просвещения» и «благотворения». Пример тому – известная в истории литературы кампания по прославлению императрицы Елизаветы Алексеевны, жены Александра I. Императрица была известна в свете как человек либеральных взглядов и, что особенно важно, как щедрая благотворительница. Современный биограф императрицы утверждает: «Значительное место в жизни Елизаветы занимала благотворительная деятельность, деньги на которую она брала из своих личных средств. <...> Она была попечительницей Дома трудолюбия (позднее Дом трудолюбия был переименован в Елизаветинский институт) и Патриотического института, основанного для сирот воинов, убитых в Отечественную войну 1812 года. На эти учебные заведения императрица тратила огромные деньги, следила за тем, чтобы преподавание там шло на высоком уровне»<sup>16</sup>.

В 1818 г. в журнале появилось стихотворение А.А. Никитина «Отсутствие Северной богини»<sup>17</sup>, посвященное отъезду государыни из столицы в Москву. В этом стихотворении Елизавета названа «отрадой» сирот, «надеждой вдов» и «оградой» наук. В конце того же года «Соревнователь» опубликовал стихотворение Глинки «К бюсту венценосной благотворительницы бедных, сирот и несчастных»<sup>18</sup>. Такого же рода – и стихотворение А.С. Пушкина «Ответ на вызов написать стихи в честь ее императорского величества государыни императрицы Елизаветы Алексеевны», опубликованное в «Соревнователе» в 1819 г.:

Небесного земной свидетель,  
Воспламененною душой  
Я пел на троне добродетель  
С ее приветною красой.  
Любовь и тайная свобода  
Внушали сердцу гимн простой;  
И неподкупный голос мой  
Был эхо русского народа<sup>19</sup>.

«Соревнователь» постоянно печатал на своих страницах сообщения о благотворительной деятельности императрицы<sup>20</sup>.

И при этом сам журнал активно вел благотворительную деятельность. «Вся выгода (от издания журнала – *Е. И.*) уходит в пользу тем, которые, занимаясь Науками и Художествами, требуют

дополнительной помощи. Вдовы их и сироты обоего пола имеют равное право на пособие Общества, которое для сей же цели будет издавать особыми книгами полезные сочинения и переводы знаменитейших классических писателей, имея многие уже в готовности»<sup>21</sup>.

Однако издавать журнал было делом весьма трудоемким: материалы собирались медленно, и потому номера выходили с заметным опозданием. Несколько раз Вольное общество собиралось его закрыть – но не решалось этого сделать. Тираж издания был маленьким: в среднем 200–300 экземпляров. Цена за годовое издание в Санкт-Петербурге, на качественной бумаге составляла 25 рублей, а с пересылкой по России – 30 рублей. Журнал был дорогим: полугодовая подписка обходилась в 15 рублей, с пересылкой – 18 рублей. В примечаниях к объявлению журнала указывалось: так как вырученные деньги идут в помощь бедным, то желающие могут вносить за экземпляр и более указанной суммы.

\* \* \*

Таким образом, из проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

Журнал «Соревнователь просвещения и благотворения» был либеральным изданием: в нем печатались прежде всего те литераторы, которые имели устойчивые либеральные репутации. Никакой политической «крамолы» в нем не содержалось: издание это было вполне легальным, проходило обычную цензуру, и трудно счесть «Соревнователь» печатным органом Союза благоденствия.

Зато вполне уместным представляется предположение Пыпина, что журнал был органом «голицынской» партии при дворе. Собственно, просвещение и благотворительность были главными лозунгами Голицына. Сам он был не только министром просвещения и не только президентом Библейского общества – но и руководил Императорским человеколюбивым обществом и еще несколькими благотворительными организациями. Кроме того, он был личным другом императрицы Елизаветы Алексеевны, которую так славил авторы журнала. Соответственно, закрытие журнала осенью 1825 г. следует объяснять не только экономическими причинами. В мае 1824 г. Голицын был отправлен в отставку – и следовать его идеям стало в общем небезопасно.

- <sup>1</sup> *Пытин А.Н.* Общественное движение в России при Александре I. СПб.: Академический проект, 2001. С. 421.
- <sup>2</sup> *Пытин А.Н.* Религиозные движения при Александре I. СПб.: Академический проект, 2000. С. 120.
- <sup>3</sup> *Семевский В.И.* Политические и общественные идеи декабристов. СПб.: Тип. Первой Трудовой Артели, 1909. С. 439.
- <sup>4</sup> *Базанов В.Г.* Ученая республика. М.; Л.: Наука, 1964. С. 4, 364. Ср. также: *Оксман Ю.Г.* Предисловие // Рылеев К.Ф. Полн. собр. стихотворений. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1934. С. 23; *Цейтлин А.Г.* Творчество Рылеева. М.: АН СССР, 1955. 304 с.; *Архипов В.А., Базанов В.Г., Левкович Я.Л.* Литературно-эстетические позиции «Полярной звезды» // Полярная звезда, изданная А. Бестужевыми и К. Рылеевым. М.; Л.: АН СССР, 1960. С. 806, 883; *Костин В.И.* Декабрист Ф.Н. Глинка: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1972; *Архипова А.В.* Литературное дело декабристов. Л.: Наука, 1987. 190 с.
- <sup>5</sup> *Боровков А.Д.* Автобиографические записки // Русская старина. 1898. № 10. С. 538.
- <sup>6</sup> *Браиловский С.Н.* К вопросу о Пушкинской плеяде // Русский филологический вестник. 1909. Т. 61. С. 52–53.
- <sup>7</sup> См. об этом подробнее: *Ситовський В.В.* Україна в російському письменстві. Київ: УАН, 1928. Ч. 1.
- <sup>8</sup> *Глинка Ф.Н.* Зиновий Богдан Хмельницкий, или Освобожденная Малороссия // Соревнователь просвещения и благотворения. 1819. Ч. 5. № 1. С. 1–16; № 2. С. 129–170; Ч. 6. № 4. С. 1–26; № 6. С. 237–266.
- <sup>9</sup> *Базанов В.Г.* Вольное общество любителей российской словесности. Петрозаводск: Госиздат Карело-Финской ССР, 1949. С. 150.
- <sup>10</sup> *Рылеев К.Ф.* Полн. собр. соч. / Ред., вступ. ст. и коммент. А.Г. Цейтлина. М.; Л.: Academia, 1934. С. 120.
- <sup>11</sup> *Боровков А.Д.* Поездка на Илецкую Защиту // Соревнователь... 1819. Ч. V. № 1. С. 17–38.
- <sup>12</sup> *Бестужев Н.А.* Записки о Голландии 1815 года // Там же. 1821. Ч. XV. № 9, 10, 11. С. 33–64; 179–226; 257–298.
- <sup>13</sup> *Палкович О.* Изустные народные предания о городе Белом Смоленской губернии // Там же. 1818. Ч. II. № 4. С. 126.
- <sup>14</sup> См., напр.: *Никитин А.А.* Ода Горация к Августу // Там же. 1819. Ч. VI. № 5. С. 78–80. Геге И.В. Романс. К другу / Пер. А.А. Никитина // Там же. 1818. Ч. I. № 2. С. 114–115.
- <sup>15</sup> *Сомов О.М.* О романтической поэзии // Там же. 1823. Ч. XXIII и XXIV. № 7. С. 43–59; № 8. С. 151–169; № 9. С. 263–306; № 11. С. 125–147.



- <sup>16</sup> *Привалихина С.В.* Русская судьба немецкой принцессы. Тула: Лев Толстой, 2009. С. 340.
- <sup>17</sup> *Никитин А.А.* Отсутствие северной богини // Соревнователь... 1818. Ч. II. № 5. С. 209–215.
- <sup>18</sup> *Глинка Ф.Н.* К бюсту венценосной благотворительницы бедных, сирот и несчастных // Там же. 1818. Ч. IV. № 12. С. 88–89.
- <sup>19</sup> *Пушкин А.С.* Ответ на вызов написать стихи в честь ее императорского величества государыни императрицы Елизаветы Алексеевны // Там же. 1819. Ч. 8. № 10. С. 70–71.
- <sup>20</sup> См.: Записки общества // Там же. 1820. Ч. 9. № 3. С. 341; Записки общества // Там же. 1821. Ч. 13. № 2. С. 124; Летописи общества // Там же. 1822. Ч. 17. № 2. С. 233; Летописи общества // Там же. Ч. 18. № 4. С. 113; Летописи общества // Там же. 1823. Ч. 21. № 2. С. 232; Летописи общества // Там же. Ч. 21. № 3. С. 348; О существующих в России училищах по методе взаимного обучения // Там же. 1823. Ч. 22. № 4. С. 107 (о пожертвованиях в пользу Общества учреждения училищ по методе взаимного обучения); Летописи общества // 1824. Ч. 25. № 2. С. 195.
- <sup>21</sup> [От ред.] // Соревнователь просвещения и благотворения. 1818. Ч. I. № 1. С. 1.

Д.П. Лыщинская

ЖУРНАЛ «ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ»  
П.П. СВИНЬИНА В ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ  
1820-х гг.

Статья посвящена истории журнала П.П. Свиньина «Отечественные записки» в политическом контексте 1820-х гг. В ней анализируются политические взгляды Свиньина, делается вывод о близости этих взглядов взглядам известного адмирала-лингвиста А.С. Шишкова, проводится сопоставительный анализ текстов Шишкова и Свиньина. Делается вывод о том, что, добиваясь благосклонности Шишкова, Свиньин искал покровительства А.А. Аракчеева.

*Ключевые слова:* «Отечественные записки», П.П. Свиньин, А.С. Шишков, А.А. Аракчеев, политический контекст, русская журналистика.

Исследователям журналистики давно известно, что с самого начала XVIII в., с первых шагов отечественной журналистики, она находилась под постоянным контролем власти, и Александровская эпоха не стала здесь исключением. Однако ситуация, сложившаяся в журналистике 20-х гг. XIX в., во многом отличалась от ситуации XVIII в. Во-первых, за более чем столетнее существование газет и журналов их количество увеличилось во много раз. Во-вторых, журналистика изменилась качественно. В XVIII в. в России, с одной стороны, существовали, так сказать, проправительственные журналы, выражавшие мнения верховной власти («Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», «Всякая всячина» и т. п.), а также те журналы, которые – в той или иной мере – пытались вступать с верховной властью в диалог и даже оппонировать ей («Трудолюбивая пчела», «Трутень» и т. п.). Век спустя спектр мнений, выраженных в журналистике, стал

---

© Лыщинская Д.П., 2012

гораздо шире. Прежде всего, это касалось проправительственных изданий: они стали ориентироваться, по преимуществу, не на верховную власть – к которой все тогдашние журналисты по определению относились лояльно. Журналисты связывали направленность своих журналов с деятельностью того или иного приближенного к власти вельможи. Наиболее удачные журналистские проекты осуществлялись тогда, когда взгляды этого вельможи совпадали со взглядами издателя журнала.

В данной работе речь идет об одном из таких журналов – об «Отечественных записках» (1820–1830), которые издавал литератор Павел Петрович Свиньин. Журнал Свиньина пользовался большой популярностью: количество его подписчиков достигало 1400 человек<sup>1</sup>. При этом подписка на журнал стоила немалых денег: 25 руб. при заказе журнала столичным жителем и 30 руб. «с пересылкою».

Несмотря на явный успех журнала у читателей, особым исследовательским вниманием он не пользовался. В работах, посвященных А.С. Пушкину и литературе его эпохи, журналистике начала XIX в., имя Свиньина всегда упоминается. Однако существует всего несколько статей, специально посвященных этой теме. Лейтмотив их заключается в том, что журнал Свиньина был «консервативным» и даже «реакционным» – в отличие от большинства других столичных журналов, которые оцениваются как «либеральные».

Так, например, А.А. Формозов утверждает: «Не приходится закрывать глаза на близость Свиньина к реакционному крылу русской литературы 1820–1830-х годов, проявившуюся и в некоторых статьях “Отечественных записок”»<sup>2</sup>. О.А. Проскурин уверен, что журнал Свиньина был «беспроblemным» и эта «беспроblemность» отталкивала читателя: «В этом практически полном отсутствии проблемного контекста (а вовсе не в мелких передержках и «преувеличениях от увлечения») и заключена основная историческая “ложь” “Отечественных записок”. Ее-то, в сущности, и не могли простить Свиньину читатели, заинтересованные не столько в восхвалении, сколько в улучшении окружающего русского быта»<sup>3</sup>. Консервативного «цивилизатора провинции» видит в Свиньине И.П. Кулакова<sup>4</sup>.

Обобщающего монографического исследования, специально посвященного «Отечественным запискам», на сегодняшний день не существует. Данная статья, конечно, тоже не может претендовать на роль такого исследования. Ее цель другая: отнесясь

Д.П. Лыщинская

от идеологических ярлыков, определить место журнала в политическом контексте эпохи.

\* \* \*

«Любить Отечество велит природа, Бог. А знать его – вот честь, достоинство и долг!» – гласил эпитафия к журналу. Собственно, «любовь к отечеству» была общим местом для журналистов послевоенной эпохи. Однако большинство из них понимали эту любовь в просветительно-реформаторском смысле: как стремление переустроить русскую жизнь на более справедливых началах.

Свиньин же в качестве образца для подражания – в деле «любви к отечеству» – избрал знаменитого адмирала А.С. Шишкова, теоретика Беседы любителей русского слова, автора знаменитого «Рассуждения о старом и новом слоге Российского языка» (1803 г.), а в 20-х гг. XIX в. – президента Российской академии. При анализе статей Свиньиных в «Отечественных записках» бросается в глаза их близость – не только идейная, но и стилистическая – к статьям и речам Шишкова.

Так, в 1811 г. Шишков пишет «Рассуждения о любви к Отечеству» – и читает его на заседании Беседы. «Воспитание, – размышляет Шишков, – должно быть отечественное, а не чужеземное. Ученый чужестранец может преподавать нам, когда нужно, некоторые знания свои в науках; но не может вложить в душу нашу огня народной гордости, огня любви к Отечеству, точно так же, как я не могу вложить в него чувствований моих к моей матери»; «он (ученый чужестранец) научит меня своему языку, своим нравам, своим обычаям, своим обрядам; воспалит во мне любовь к ним; а мне надобно любить свои. Две любви не бывают совместны между собою. Он покажет мне славу своих единосемцев, а мои погребены будут во мраке забвения. Он возбудит во мне желание читать его писателей; пристрастит меня к их слогу, выражениям, словам; а чрез то отвратит меня от чтения собственных моих книг, от познания красот языка моего: каждое слово его будет мне казаться прелестным, каждое слово мое – грубым; ибо кто может устоять против возбужденной с малых лет склонности и привычки?»<sup>5</sup>.

Девять лет спустя Свиньин в «Отечественных записках» воспроизводит рассуждения Шишкова: «Должно всего более обращать внимание на нравственность наставников и учителей, на образ их мыслей, и потом уже на их познания»; «иностранные учителя или совсем не знакомят юного Россиянина с его отечеством, ибо сами мало о нем знают, или учат по книгам жалким, несправед-

ливым, пристрастным; во-вторых, говоря часто при ребенке с свойственным каждому честному человеку восторгом и предпочтением о своем отечестве, они невольно охлаждают в нем любовь к России и внушают уважение к той или другой иноземной стране»<sup>6</sup>.

«Визитной карточкой» Шишкова была его любовь к российскому «корнесловию» – и скептическое отношение к заимствованиям из языков иностранных. В принципе, он был не против изучения иностранных языков – если это знание не наносило ущерба знанию родного языка: «Похвально знать чужие языки, но не похвально оставлять для них свой собственный. Мы уже сказали, что язык есть первейшее достоинство человека, следовательно, свой язык есть первейшее достоинство народа»<sup>7</sup>.

Следуя ему, Свиньин тоже утверждает, что само по себе знание языков не есть порок. Порочно стремление молодых дворян вообще не говорить по-русски: «Я из числа первых партизан сего учения (т. е. изучения иностранных языков – *Д. Л.*). Но не могу равнодушно видеть, что болтание на французском языке ставится первым предметом в воспитании благородного Россиянина, что он может заменить все недостатки оного и сделать репутацию Россиянина!»<sup>8</sup>.

По мнению Шишкова, в том, что российские дворяне не знают родного языка, виноваты опять-таки французы: «Какое знание можем мы иметь в природном языке своем, когда дети знатнейших бояр и дворян наших от самых юных ногтей своих находятся на руках у Французов, прилепляются к их нравам, научаются презирать свои обычаи, нечувствительно получают весь образ мыслей их и понятий, говорят языком их свободнее, нежели своим, и даже до того заражаются к ним пристрастием, что не токмо в языке своем никогда не упражняются, не токмо не стыдятся не знать оного, но еще многие из них сим постыднейшим из всех невежеством, как бы некоторым украшающим их достоинством, хвастают и величаются?»<sup>9</sup>. «Все то, что собственное наше, стало становиться в глазах наших худо и презренно. Они учат нас всему: как одеваться, как ходить, как стоять, как петь, как говорить, как кланяться, и даже как сморкать и кашлять. Мы без знания языка их почитаем себя невеждами и дураками. Пишем друг к другу по-французски. Благородные девицы наши стыдятся спеть русскую песню. Мы кликнули клич, кто из французов, какого бы роду, звания и состояния он ни был, хочет за дорогую плату, сопряженную с великим уважением и доверенностию, принять на себя попечение о воспитании наших детей? Явились их престрашные толпы;

Д.П. Лыщинская

стали нас брить, стричь, чесать. Научили нас удивляться всему тому, что они делают; презирать благочестивые нравы предков наших, и насмехаться над всеми их мнениями и делами. Одним словом, они запрягли нас в колесницу, сели на оную торжественно и управляют нами – а мы их возим с гордостью, и те у нас в посмеянии, которые не спешат отличать себя честью возить их!»<sup>10</sup>.

С этим его мнением соглашается и Свиньин: «Положим, что знание Французского языка доставляет молодому человеку блестящие знакомства в высшем кругу людей, в кругу столь завидном, столь лестном для тщеславия молодости; но сколько часто случалось мне слышать насмешки, забавные каламбуры французских парикмахеров и поваров на счет разговоров наших в так называемом высшем обществе на их языке! И не уже ли стремление к сему совершенству – совершенству сравняться в умении столь же правильно говорить по-французски, как французский парикмахер – должно составлять преимущество Российского воспитания?»<sup>11</sup>.

\* \* \*

Как мы видим, Свиньин – верный ученик Шишкова и в языке, и в своеобразно понятой «любви к отечеству». Примеры, приведенные выше, – лишь малая часть «заимствований» Свиньина из Шишкова. И здесь естественным образом возникает вопрос о причинах подобных «заимствований».

С одной стороны, следует ответить на этот вопрос положительно: Свиньин, бывший дипломат, много лет проживший за границей, в своем журнале всеми силами старался доказать свою «русскость». Его журнал прославлял простых людей «из народа», самородков, которыми, по его мнению, следует гордиться. Названия статей в его журнале достаточно красноречивы: «Письмо первое в Москву о русском химике Власове», «Письмо второе в Москву о русском механике Калашникове», «Приключения Суханова, русского природного ваятеля», «Третье письмо в Москву о изобретателе Кукине», «Федор Алексеевич Семенов, мясник-астроном в Курске» и т. п. Смысл этих статей заключался, в частности, в том, что Россия столь богата талантами, что русским людям не следует искать талантов вне своего отечества. Соответственно, «природный» русский язык, по мнению Свиньина, вполне отвечал запросам столь талантливого народа.

Однако, с другой стороны, это увлечение Шишковым, «русскостью» и русским языком имело отчетливо выраженную политиче-

скую цель, вполне понятную современникам. Шишков в 20-е гг. вовсе не был пожилым чудаком-лингвистом, чьи стилистические и галлофобские идеи выглядели глубоким анахронизмом. Шишков был влиятельным вельможей, членом Государственного совета. Более того, все знали, что при дворе он был креатурой всеильного временщика А.А. Аракчеева – в 1824 г. Аракчеев добился назначения Шишкова министром просвещения. При этом в отставку вынужден был уйти князь А.Н. Голицын, бывший для многих современников как раз символом вольномыслия. Делая ставку на Шишкова, Свиньин таким образом добивался покровительства Аракчеева.

Причем, добиваясь покровительства Аракчеева, Свиньин использовал не только ссылки на работы Шишкова. Он прямо воспевал Аракчеева – и доказательством тому служит его очерк «Поездка в Грузино», опубликованный в 1818 г. в журнале «Сын отечества». Анализируя этот очерк, содержащий в себе безудержные похвалы по адресу Аракчеева и его новгородского имения Грузино, современные исследователи справедливо утверждают: «Скорее всего, в лице графа Свиньин просто искал (и приобрел) покровителя – занятие, вполне традиционное для литераторов Пушкинской эпохи. В 1818 г. покровительство Свиньину было особенно нужно: его прежний патрон, князь Н.И. Салтыков, председатель Государственного совета и Комитета министров, умер за два года до того»<sup>12</sup>.

Подводя итоги, следует отметить: сделав ставку на Аракчеева, Свиньин проиграл. Покровительство временщика, которого большинство образованных современников считали «хитрым льстецом» и «змеем», привело к тому, что журналист стал объектом сатирических нападок. В печати Свиньина открыто называли лгуном, «медным лбом» и «свиньей из людей». После того, как Аракчееву удалось поставить Шишкова на место Голицына, нападки эти стихли.

Однако после смерти Александра I Аракчеев ушел с политической арены, а в 1828 г. оставил должность и Шишков. И хотя патристические идеи Свиньина были созвучны теории официальной народности, выдвинутой новым министром, С.С. Уваровым, дружбы с Аракчеевым и Шишковым ему не простили. Власть отказалась поддерживать «Отечественные записки» – и в 1830 г. Свиньин был вынужден отказаться от издания журнала. В том же 1830 г. А.С. Пушкин написал «сказку» «Маленький лжец», где подводился своеобразный итог журналистской деятельности издателя

Д.П. Лыщинская

«Отечественных записок»: «Павлуша был опрятный, добрый, прилежный мальчик, но имел большой порок. Он не мог сказать трех слов, чтобы не солгать. Папенька его в его именины подарил ему деревянную лошадку. Павлуша уверял, что эта лошадка принадлежала Карлу XII и была та самая, на которой он ускакал из Полтавского сражения. Павлуша уверял, что в доме его родителей находится поваренок-астроном, форейтор-историк и что птичник Прощка сочиняет стихи лучше Ломоносова. Сначала все товарищи ему верили, но скоро догадались, и никто не хотел ему верить даже тогда, когда случалось ему сказать и правду»<sup>13</sup>.

#### Примечания

- <sup>1</sup> Изъявление благодарности от издателя «Отечественных записок» // Отечественные записки. 1829. № 116. С. 500–501.
- <sup>2</sup> *Формозов А.А.* Первый русский историко-археологический журнал // Вопросы истории. 1967. № 4. С. 208.
- <sup>3</sup> *Проскурин О.А.* Первые «Отечественные записки», или О лжи и патриотизме // Отечественные записки. 2001. № 1. С. 278.
- <sup>4</sup> *Кулакова И.П.* Отечественный мечтатель // Там же. 2002. № 3. С. 368.
- <sup>5</sup> *Шишков А.С.* Огонь любви к отечеству. М.: Ин-т русской цивилизации, 2011. С. 42–43.
- <sup>6</sup> *Свиньин П.П.* Второе письмо из Москвы // Отечественные записки. 1820. № 3. С. 47–50.
- <sup>7</sup> *Шишков А.С.* Огонь любви к отечеству. С. 379.
- <sup>8</sup> *Свиньин П.П.* Указ. соч. С. 50.
- <sup>9</sup> *Шишков А.С.* Рассуждение о старом и новом слоге российского языка. СПб., 1803. С. 8.
- <sup>10</sup> Там же. С. 133.
- <sup>11</sup> *Свиньин П.П.* Указ. соч. С. 49.
- <sup>12</sup> *Готовцева А.Г., Киянская О.И.* Из истории русской журналистики 1820-х гг.: К.Ф. Рылеев, Ф.В. Булгарин и П.П. Свиньин // Вестник РГГУ. Серия «Журналистика. Литературная критика». 2011. № 6. С. 22.
- <sup>13</sup> *Пушкин А.С.* Маленький лжец // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 11. С. 101.



М.М. Липкин

ЖУРНАЛИСТ В. ЖАБОТИНСКИЙ  
О «ЖЕНСКОМ ВОПРОСЕ»:  
НЕСКОЛЬКО РЕЦЕПТОВ ТВОРЧЕСКОЙ КУХНИ

В статье исследуются источники ранней публицистики Владимира Жаботинского в газете «Ha Tzofe» («Наблюдатель») по «женскому вопросу». Для одной из ранних ивритских статей Жаботинского автор находит ее тематический источник – серию посредственных статей неизвестного автора, писавшего под псевдонимом Чевонибар в провинциальных «Елисаветградских новостях». Жаботинский, взяв за основу и пересмыслив проблематику (проституция, бесправие женщин) и некоторые элементы композиции этих статей, создает совершенно оригинальное мастерское произведение, в котором уже виден будущий замечательный публицист.

*Ключевые слова:* Жаботинский, Чевонибар, провинциальная пресса России начала XX в., еврейская пресса России начала XX в., «Гацофэ», «Елисаветградские новости», Семен Юшкевич, проституция, еврейский вопрос.

Владимир Евгеньевич Жаботинский (1880–1940), известный более всего как один из лидеров сионистского движения, начинал свою общественную деятельность как журналист и писатель. Он сравнительно быстро приобрел всероссийскую известность, его материалы были востребованы в разных периодических изданиях, столичных и провинциальных. Уже в 1904 г. варшавская ежедневная газета «Наблюдатель» («Гацофэ»), издававшаяся на иврите, предложила ему вести постоянную рубрику, получившую название «Летучие листки» («Алим порхим»).

Продолжая работать в других изданиях под разными псевдонимами, в частности в газете «Елисаветградские новости»<sup>1</sup>, Жаботинский опубликовал в «Гацофэ» в 1904 г. за подписью «Вальдемар Жаботинский» (дань польскому франкофильству плюс указание на свою ассимилированность) четыре статьи, причем в одной из них он затрагивает проблему проституции. Об этой проблеме шла речь за несколько месяцев до того в «Елисаветградских новостях» в серии статей за подписью А. Чевонибар. Согласно «Словарю псевдонимов» И.Ф. Масанова, наиболее вероятный автор, пишущий под этим псевдонимом, – Адольф Харитонович Рабинович, хотя ни факт сотрудничества этого автора в «Елисаветградских новостях», ни именно такой вариант написания псевдонима (есть Чивонабар и Чевинибар) у И.Ф. Масанова не отражены<sup>2</sup>. Связь этих статей со статьей Жаботинского в «Гацофэ» очевидна. Жаботинский не мог не читать материалов (любого литературного качества) на интересующую его тему, и, конечно же, он не мог пропустить статей, опубликованных в той самой газете «Елисаветградские новости», где сотрудничал и сам. Тем интереснее проследить, как работал с материалом молодой Жаботинский, что он сохранял, что изменял, чем дополнял и как, взяв за основу чужой вымученный неумелый текст, он создавал свой, яркий, содержательный и узнаваемый по стилю.

Но прежде, чем перейти к статье Жаботинского<sup>3</sup>, рассмотрим серию статей в «Елисаветградских новостях» за подписью «А. Чевонибар»<sup>4</sup>.

Начиная довольно бойко: «Целый ряд газетных сообщений о продаже женщин и девушек свидетельствует <...>», автор переходит к изложению проблемы очень уж издалека: «Красноводские туркмены, посещая Астрахань для закупки мануфактуры и бакалеи, запасаются кстате женами <...>». Далее в этом же и следующем<sup>5</sup> очерке автор все-таки переходит к теме проституции, вовлечения в нее женщин и продаже их в публичные дома в Варшаве, Харькове, Буэнос-Айресе. В наше время выводы автора назвали бы «политкорректными»: «После этого краткого очерка торговли женщинами, из которого видно, что ею занимаются представители разных национальностей – татары, поляки, русские, евреи и др. – мы предложим читателю “картинки” из жизни “продавцов” <...>». И в следующем выпуске<sup>6</sup> появляется злобная фигура, которую автор именует «Семен Моисеевич Греблев» – с виду respectable господин, в действительности же – торговец «живым товаром». Далее автор, похоже, исчерпав тему и рассказав все или

почти все, что знает, переносит своего героя Семена Моисеевича Греблева в компанию городской интеллигенции<sup>7</sup>, где молодой адвокат читает ему, а заодно и читателям, подобие лекции о положении женщины в древней Спарте. Присутствующий здесь же следователь, не оставаясь в долгу, рассказывает столь же академичным образом о положении женщины в древних Афинах. В пятом выпуске<sup>8</sup> недавние милые собеседники – следователь и адвокат – отправляют Семена Моисеевича Греблева в тюрьму (следует детальное описание тюрьмы), но закон и справедливость торжествуют недолго, он выходит на свободу и готов к новым начинаниям в прежнем русле.

Что же делает с этим фактографическим и литературным материалом Жаботинский? Внешне он создает некую композиционную аналогию статьям Чевонибара – говорит о проституции в еврейской среде, приводит примеры, переходит к образу «торговца», но по существу создает совершенно оригинальное произведение с другой, как вскоре выясняется, постановкой проблемы и другими выводами.

Обозначив тему («Только что в еврейской газете, выходящей в Одессе, встретилось мне письмо читателя, который с болью в сердце говорит о еврейских девушках, вынужденных идти в публичные дома»), он продолжает статью как литературно-критическую и, иллюстрируя тему проституции пересказом эпизода из повести С.С. Юшкевича «Еврей», описывает ситуацию совершенно «неполиткорректным» образом: прежде всего как национальную, еврейскую. Это оправданно в газете, выходящей на иврите и, следовательно, обращенной исключительно к еврейским читателям. Однако при внимательном чтении мы обнаружим интересное явление: пересказывая пассаж Юшкевича о жизни еврейской бедноты, Жаботинский демонстрирует полное пренебрежение к тексту, перевирая имена персонажей, состав их семей и сюжетные подробности. Несомненно, Жаботинский делает это сознательно: тогда как русская критика в массе своей писала о Юшкевиче в восторженных тонах (см., например, статью А.С. Глинки-Волжского<sup>9</sup>), еврейская критика относилась к Юшкевичу сдержанно-доброжелательно, отмечая его склонность к дешевым драматическим эффектам и слабое знание еврейской жизни (см., например, критические статьи С.Л. Цинберга<sup>10</sup> и И.Г. Эйзенбета<sup>11</sup>). Но Жаботинский ничего об этом не говорит, он не превращает свою статью ни в литературно-критическую, ни в информационную, ни в беллетристически-драматичные «картинки из жизни».

В отличие от Чевонибара, Жаботинский приводит примеры судьбы проституток, опираясь не на полицейские отчеты и газетные репортажи, а на литературу, в данном случае на рассказы и очерки Л.О. Кармена: «Одесситы, конечно, помнят рассказ г-на Кармена “Список”, опубликованный в одной здешней газете под рубрикой “На дне Одессы”. В этом “Списке” автор с болью и гневом рисует картину того, как пользуются “мамзелью” в такого рода доме. После двух-трех лет этой гнусной жизни она попадает в лечебницу, оттуда – на рынок, где натурально помирает с голоду. “Ремесло” ее уже не кормит, а за душою – ни гроша. И никто не даст ей куска хлеба <...> Кто она, эта “мамзель”? Еврейка». Жаботинский остается, прежде всего, в рамках проблемного, а не фактографического и не литературного подхода: «Мы пытаемся бежать от этих вопросов, не вдумываться, а если порой они всплывают на поверхность, мы кричим: “Позор!” и все в нас кипит, бурлит <...> Я, признаться, не понимаю этого кипения. Конечно, мне совсем не доставляет удовольствия ужасно грязное пятно на репутации общины, но надо быть уж очень наивным, чтобы считать это самым отвратительным из наших пятен. Есть у нас кое-что похлеще, о чем действительно нужно кричать в голос, потому что именно это – наш позор». И далее, ссылаясь на другие свои источники (материалы суда над кронштадтским полицмейстером Шафровым), Жаботинский говорит о содержателях и организаторах этого бизнеса: «Похоже, это становится нашим народным промыслом. По-моему, настоящий позор не “мамзели”, продающиеся, чтобы спастись от голода, а те, кто торгует их телом ради наживы и веселой жизни <...>».

Здесь же появляется и образ, аналогичный тому, который беллетристически расписан в очерках Чевонибара: «Вы, конечно, слышали про “торговлю белыми рабынями”. Специальные агенты, мужчины и женщины, уговаривают нищих девушек, в основном евреек, ехать за границу, уверяя, что там у них будет чистая, честная работа. Зачастую такой агент – черноусый молодец, стремится понравиться девушке и становится женихом; порой ведет ее под хулу, вступает в законный брак, а после – голую, босую, – продает в бордель где-нибудь в Турции или Южной Америке. Почти вся такая коммерция идет через Одессу, и здешняя полиция ловит этих агентов. Местные газеты публикуют их списки, не скупясь на комментарии. С чувством законной гордости мы отмечаем: едва ли не все они – сыны Авраама, Исаака и Иакова».

На этом месте Жаботинский переходит от темы еврейской проституции к другим порокам, бытующим в еврейской среде и по-

рождающим крайне негативный стереотип в отношении евреев, причем стереотип этот не во всем неверен. Начав с письма читателя, он закольцовывает статью также письмом читателя и здесь же ставит последний публицистический штрих в теме проституции: «Но вот передо мною лежит письмо одного читателя, выговаривающего мне за следующие строки из стихотворения “Памяти Герцля”: “<...> Пусть сыновья уйдут в ночные воров, // И дочери в позорные дома, // Когда тебя и песнь твою забудем <...>”. “Как можно писать такое? – возмущается автор письма. – Какое будущее предсказываете вы нашему народу?”. Хочу сказать этому уважаемому господину и многим другим уважаемым господам, что проклятье мое бледнее того, что мы видим в жизни. Дочери наши не только ушли в позорные дома, но и содержат их; сыновья творят такое, что лучше бы пошли в ночные воров. Все народы осыпают нас бранью, нет конца и края нашему падению, мерзость наша беспредельна. Но если и сейчас мы не хотим обновить нашу жизнь, уйти от низости и позора, то проклятье мое недостаточно».

Итак, мы можем сказать, что в 1904 г. 23–24-летний Жаботинский достиг творческой зрелости как литератор и публицист, виртуозно работающий с материалом. Причем материал этот и указать-то напрямую неловко: ведь в отличие от текстов С.С. Юшкевича и Л.О. Кармена, текст Чевонибара характеризуется совсем уж низким литературным качеством, дешевыми приемами, слабым владением материалом и непродуманностью его подачи, неспособностью автора выдержать единую стилистику. Еще более важно, что уже к тому времени Жаботинский вполне сформировался как общественный деятель, ставший позднее одним из лидеров сионизма. Будь его формулировки опубликованы не в еврейской прессе и не на еврейском языке, мы могли бы назвать их если не антисемитскими, то уж, во всяком случае, юдофобскими. Но в узком кругу, среди «своих», Жаботинский мог позволить себе говорить гораздо более резко и целенаправленно, сочетая при этом «провокационность» формулировок с ответственностью выводов, которые представляют собой отнюдь не риторическую фигуру, а подлинное дело жизни Владимира (Зеева) Жаботинского.

#### Примечания

---

<sup>1</sup> О работе Жаботинского в этой газете см.: *Кацис Л.* Новые псевдонимы Вл. Жаботинского: Год 1904: (Зет, Zet, Турист, Ваш корреспондент, Читатель, Иш-

М.М. Липкин

- Мацлиах) // Жаботинский В. (З.) Полное собрание сочинений: В 9 т. Минск: Met, 2012. Т. 4. (в печати). Первые три псевдонима относятся к «Елисаветградским новостям».
- <sup>2</sup> Масапов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. М.: Советский писатель, 1958. Т. 3.
- <sup>3</sup> Жаботинский Вальдемар. Летучие листки. (Алим порхим.) III // Гацофэ. Варшава. 1904. 16 сент. № 505. С. 2, с пометкой «Петербург 22 августа 1904 г.» (иврит, перевод мой. – М. Л.)
- <sup>4</sup> Чевонибар А. Продавцы женщин // Елисаветградские новости. 1904. 14 янв. № 55; 15 янв. № 56; 16 янв. № 57; 26 янв. № 67; 4 февр. № 75.
- <sup>5</sup> Там же. 1904. 15 янв. № 56.
- <sup>6</sup> Там же. 1904. 16 янв. № 57.
- <sup>7</sup> Там же. 1904. 27 янв. № 67.
- <sup>8</sup> Там же. 1904. 4 февр. № 75.
- <sup>9</sup> Глинка [Волжский] А.С. Об «Еврейях» С.С. Юшкевича // Глинка [Волжский] А.С. Собр. соч.: В 3 кн. М.: Модест Колеров, 2005. Кн. 1 (1900–1905). С. 410–424.
- <sup>10</sup> Цинберг С.Л. Бытописатель распада // Еврейская жизнь. 1904. Июнь. С. 142–160. Он же. Ассимилированный бытописатель еврейства: О творчестве С. Юшкевича // Еврейский мир: трехмесячный журнал. 1910. Кн.1. Янв.–март. С. 125–132.
- <sup>11</sup> Эйзенбет И.Г. Евреи в драме г. Чирикова и в повести г. Юшкевича // Еврейская жизнь. 1904. Июль.

Д.М. Фельдман

ГРАНИ СКАНДАЛА: «ПОВЕСТЬ НЕПОГАШЕННОЙ  
ЛУНЫ» Б.А. ПИЛЬНЯКА В ГАЗЕТНО-  
ЖУРНАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ 1920-х гг.

В статье анализируется история одного из самых громких литературных скандалов 20-х гг.: публикации «Повести непогашенной луны» Б.А. Пильняка, где содержались прозрачные намеки на то, что М.В. Фрунзе был убит по приказу И.В. Сталина. Автор доказывает, что написание повести было частью плана оппозиционных Сталину группировок партийной элиты, возглавлявшихся Л.Д. Троцким. Целью этих группировок была компрометация Сталина и его последующее смещение с поста Генерального секретаря ЦК партии.

*Ключевые слова:* Б.А. Пильняк, «Повесть непогашенной луны», М.В. Фрунзе, И.В. Сталин, Л.Д. Троцкий, «Правда», «Известия», «Рабочая газета».

Сумбур в периодике

Начало скандала было почти незаметным. 29 октября 1925 г. «Правда», «Известия», «Рабочая газета» и ряд других изданий поместили заметку «Состояние здоровья наркомвоенмора и председателя РВС СССР тов. М.В. Фрунзе»<sup>1</sup>.

Подобного рода публикации не были тогда событием исключительным. Насторожить читателей могла разве что неожиданность: «состояние здоровья» так называемых «первых лиц» или «вождей» обсуждалось в прессе, когда о болезни было предварительно объявлено, а Фрунзе считался вполне здоровым. К тому же и сообщение было невнятным: «Для ликвидации болезненных явлений со стороны желудочно-кишечного тракта тов. М.В. Фрунзе,

Д.М. Фельдман

согласно заключения (sic! – Д. Ф.) профессоров в составе В.Н. Розанова, П.И. Елистратова, А.М. Касаткина и П.Н. Обросова помещен в Боткинскую больницу».

Чем обусловлены «болезненные ощущения» – не указывалось. Зато составившие «заключение» были весьма известными специалистами, что и подтверждало наличие опасности. И все же публикация была не на первой странице, как обычно полагалось, если «состояние здоровья» признавалось «критическим». Да и в заметке уточнялось: «Самочувствие тов. Фрунзе хорошее, пульс и температура нормальные».

30 октября «Вечерняя Москва» напомнила о теме краткой заметкой – в разделе хроники. И на этот раз ни о чем тревожном не упоминалось: «Вчера в Боткинской больнице профессором В.Н. Розановым была проведена операция по удалению круглой язвы желудка больного тов. Фрунзе»<sup>2</sup>.

Сообщалось также, что при операции присутствовали профессора И.И. Греков и А.В. Мартынов. Это можно было понять, с одной стороны, как свидетельство высокого статуса пациента. А с другой – в качестве напоминания о возможной опасности. Но итог был оптимистичен: «Операция прошла благополучно».

Такой вывод сразу подтверждался. Безымянный автор подчеркивал: «Состояние здоровья тов. Фрунзе вполне удовлетворительно. По предположению врачей, через 2 недели тов. Фрунзе будет здоров».

В тот же день «Рабочая Москва» опубликовала заметку о проходившем 29 октября в Колонном зале Дома Союзов собрании комсомольцев и коммунистов, призванных для прохождения службы в армии. В телеграмме, принятой собранием, указывалось, что призывники желают наркомвоенмору «скорейшего выздоровления»<sup>3</sup>.

30 октября и «Красная звезда» поместила сходного рода заметку – «Проводы в Красную армию партийного и комсомольского молодняка». Текст приветственной телеграммы был приведен и там<sup>4</sup>.

Зато на следующий день «Правда» опубликовала заметку «Болезнь наркомвоенмора М.В. Фрунзе». Такая же заметка напечатана была и в «Известиях»<sup>5</sup>.

На этот раз безымянный автор начинал издали. Сообщал, что нарком «страдает болезненными явлениями в области желудочно-кишечного тракта уже около 10 лет, со времен тюремного заключения при царском режиме, когда он перенес в тюрьме тиф и заболел аппендицитом».



Если верить заметке, лечение в тюремных условиях не было эффективным. Наоборот, «после операции у тов. Фрунзе постепенно развились признаки нового заболевания в форме кишечных кровотечений с болезненными ощущениями в области двенадцатиперстной кишки».

Далее сообщалось, что нарком лечился в Крыму. Но «болезненные ощущения в области двенадцатиперстной кишки, выхода желудка и желчного пузыря и на месте рубца от бывшей операции аппендицита оставались, что и заставило обсудить положение больного на нескольких широких консилиумах с участием как московских, так и ленинградских специалистов – терапевтов и хирургов – в составе И.И. Грекова, В.Ф. Ланг, С.П. Федорова, В.Н. Розанова, А.В. Мартынова, Н.И. Бурденко, И.И. Елистратова, Л.Т. Левина, А.Ю. Канель, А.М. Касаткина, В.В. Крамера, Б.А. Александрова».

Список опять доказывал, что собрались лучшие. В первую очередь этим обосновывался вывод: «После детального изучения истории болезни тов. Фрунзе, ряда лабораторных исследований и тщательного изучения рентгеновских снимков, консультанты пришли к заключению, что здесь налицо вся картина язвенного процесса в области двенадцатиперстной кишки, угрожающего как повторными кровотечениями, так и прободением самой язвы, хотя бы даже и заглошшей на время в результате лечения. Решено было для ликвидации болезненных явлений прибегнуть к оперативному вмешательству».

Операция была, согласно заметке, проведена 29 октября. Тогда и возникли неожиданные осложнения: «Больной трудно засыпал, плохо переносил наркоз и оставался под наркозом 1 час 06 минут, получив за это время 60 граммов хлороформа и 140 граммов эфира».

Сам факт столь подробного описания уже свидетельствовал, что ситуация была опасной. И сказанным далее это сразу подтверждалось: «Ввиду падения пульса во время наркоза приходилось прибегать к впрыскиваниям, возбуждающим сердечную деятельность».

После операции заметных улучшений не было. Если верить заметке, ситуация даже ухудшалась: «За истекшие 1 1/2 суток все время приходилось бороться с продолжающейся сердечной слабостью».

Современников, умевших читать между строк, заметка вновь насторожила. Понятно было, что опасная ситуация обусловлена не столько болезнью или операционной травмой, сколько наркозом. Однако все это противоречило сведениям, опубликованным

Д.М. Фельдман

30 октября «Вечерней Москвой». Там, опять же со слов врачей, было сказано, что цель операции – «удаление круглой язвы желудка». Упоминаний о «язвенном процессе в области двенадцатиперстной кишки» и осложнениях там не было, указывался конкретный – и краткий – срок полного выздоровления. Отсюда следовало, что сотрудники «Рабочей Москвы», «Красной звезды» и прочих газет, печатавших заметки «о скорейшем выздоровлении», еще 30 октября ни о каких осложнениях не знали. А в редакциях «Известий» и «Правды» – знали.

Пока слухи распространялись по столице, вышли дневные и вечерние издания. В «Рабочей газете», например, была напечатана заметка с броским заголовком «Тов. Фрунзе выздоравливает»<sup>6</sup>.

Она была схожа с заметкой, ранее опубликованной «Вечерней Москвой». Автор, тоже безымянный, убеждал читателей, что опасения беспочвенны: «Вчера утром в больнице им. д-ра Боткина больному тов. Фрунзе была сделана операция по удалению язвы желудка. Операцию проводил проф. Розанов. По словам присутствовавших при операции проф. Мартынова и проф. Грекова, тов. Фрунзе хорошо перенес сложную операцию, продолжавшуюся 40 мин. Операция закончилась благополучно. После операции в течение всего дня и вечером тов. Фрунзе чувствовал себя хорошо».

Отсюда следовало, что операция проведена не 29 октября, а днем позже – 30 октября, причем осложнений нет. Автор подчеркивал: «Врачи предполагают, что через две недели тов. Фрунзе будет здоров».

Читателям оставалось лишь гадать, кто допустил ошибки. Разумеется, «Правда» – главная партийная газета. Как тогда говорили, Центральный орган партии. Там публикация непроверенных сведений маловероятна. В «Известиях» тоже. Эта газета правительственным официозом считалась. Но «Рабочая Москва» – издание Московского комитета партии. Маловероятна была и тут публикация непроверенных сведений. «Красная звезда» – издание Наркомата по военным и морским делам. Там вроде бы не полагалось ошибаться, если речь шла о наркомвоенморе. А «Рабочая газета» – издание ЦК партии. Не ЦО, конечно, и все же статус ее был достаточно высок.

Разрешились противоречия в тот же день. Правительственный официоз и главная партийная газета совместно опубликовали, можно сказать, листовку газетного формата – «Экстренный выпуск». Под названиями обеих газет и, соответственно, издающих организаций напечатано в траурной рамке: «Скончался Нарком-

военмор и Председатель Реввоенсовета СССР Михаил Васильевич Фрунзе»<sup>7</sup>.

Ниже помещены портрет и краткая биография наркомвоенмора. Рядом – «Правительственное сообщение», где указаны время и обстоятельства смерти: «В ночь на 31 октября от паралича сердца умер после операции...»

Опубликован был и приказ РВС, посвященный смерти Фрунзе. Кроме того, указывалось: «Похороны покойного состоятся 3 ноября».

Более подробно события, последовавшие за операцией, были описаны в «Бюллетене о смерти М.В. Фрунзе». Рубеж там был уточнен: «После 24 часов 30 октября...»

Согласно этому документу консультации лучших специалистов не прекращались до смерти пациента. Однако никаких результатов не дали «все принятые меры для поднятия сердечной деятельности».

Что за меры – не пояснялось. Указано было только, что больной «в 5 час. 40 мин. 31 октября скончался при явлениях паралича сердца».

Так, за три дня было сообщено, что Фрунзе не вполне здоров, но скоро выздоровеет, опасно болен, уже выздоравливает и – умер.

Сам по себе газетный сумбур не соответствовал официальной версии смерти Фрунзе. Несоответствие же воспринималось как опровержение.

#### Череда случайностей

Примечательно, что в печати объяснить причины газетного сумбура никто и не пытался. Официальная версия смерти наркомвоенмора обосновывалась свидетельствами очевидцев, мнениями специалистов и т. д.

1 ноября в «Правде», «Известиях» и прочих газетах были вновь напечатаны и биография наркомвоенмора, и приказ РВС, и «Правительственное сообщение», и «Бюллетень о смерти М.В. Фрунзе». Все это шло под общим заголовком: «Умер товарищ Фрунзе, верный сын нашей партии, преданнейший боец рабочего класса, мужественный и бесстрашный герой Гражданской войны, вождь и строитель Красной армии».

Сообщение о смерти Фрунзе и само по себе было скандальным. Гораздо более скандальным, чем сумбур в столичной периодике.

Д.М. Фельдман

Как известно, должности наркомвоенмора и предреввоенсовета занимал ранее Л.Д. Троцкий. Это его традиционно называли «вождем и строителем Красной армии». Но с 1922 г. он постоянно лечился от лихорадки на южных курортах, так что Политбюро ЦК партии уже неоднократно обсуждало возможность замены. Инициатором был И.В. Сталин, в 1922 г. ставший генеральным секретарем ЦК партии. В 1924 г., после смерти В.И. Ленина, вопрос замены болеющего наркомвоенмора очередной раз актуализовался. Кандидатура преемника считалась вроде бы очевидной – «ветеран партии», в период гражданской войны командовал армиями и фронтами.

Ситуация была отражена и в опубликованной газетой биографии наркомвоенмора. Указывалось, что «1 апреля 1924 года тов. Фрунзе назначается заместителем председателя РВС и вследствие тяжелой болезни тов. Троцкого фактически руководил Красной армией»<sup>8</sup>.

Кстати, Фрунзе тогда и сорока не исполнилось. Он был на шесть лет моложе своего всемирно знаменитого начальника. Подразумевалось, что и «состояние здоровья» возможного преемника не вызывает опасений. Троцкий же продолжал лечиться, в связи с чем приняли окончательное решение: «26 января 1925 года тов. Фрунзе был назначен ЦИК СССР народным комиссаром по военным и морским делам и председателем Реввоенсовета СССР».

Девять месяцев спустя решение выглядело нелепо. Больного заменили тоже болеющим, причем давно. Так, в приказе РВС о наркомвоенморе сказано, что «организм его был подорван тяжелым многолетним недугом».

Медики утверждали то же самое. Например, 1 ноября «Правда» опубликовала «Протокол вскрытия», согласно которому язва двенадцатиперстной кишки зарубцевалась, но операция «вызвала обострение имевшего место хронического воспалительного процесса, что повлекло за собой быстрый упадок сердечной деятельности и смертельный исход»<sup>9</sup>.

Это, если верить «Протоколу вскрытия», было закономерно. Ряд выявленных уже на патологоанатомическом уровне аномалий, в частности, аорты и артерий, свидетельствовал о «нестойкости организма к наркозу».

Однако подобного рода документы не убеждали скептиков. Недоверие провоцировал и забытый тогда сумбур в периодике. Игнорировать его сочли уже нецелесообразным.

1 ноября «Рабочая газета» опубликовала заметки «Черное в красном» и «Фрунзе нет». Помещены они были в рубрике «На фабриках и заводах»<sup>10</sup>.

Оба автора подчеркивали, что рабочие возмущены газетным сумбуром. Причины его не описывались. Ясно было только, что ошибки случайны, а упоминания о них, как тогда говорили, самокритика.

3 ноября «Известия» и несколько других газет опубликовали интервью с профессором Грековым. О газетном сумбуре профессор не рассуждал, зато настаивал: «Все изменения, которые обнаружались при операции, говорят несомненно, что тов. Фрунзе был без операции неизлечим и даже находился под угрозой неминуемой и, возможно, внезапной смерти»<sup>11</sup>.

Дело было не только в угрозе. Болезнь работе мешала, и Фрунзе просил «оперировать его по возможности скорее».

**Из всего сказанного медиками, включая Грекова, следовало, что лишь операцией можно было спасти Фрунзе, но и вероятность гибели считалась очень высокой, о чем его заблаговременно предупредили, решение он принял сам, и виновных нет.**

3 ноября газеты опубликовали речи на траурном заседании, состоявшемся днем ранее в Большом театре. Редактор «Правды» Н.И. Бухарин, выступавший там еще и как представитель Политбюро ЦК партии, отметил: «Никто не мог ожидать такого исхода операции»<sup>12</sup>.

Фрунзе, если верить Бухарину, тоже беды не ожидал. Был, по обыкновению, решителен и спокоен: «Всего несколько дней тому назад мы видели нашего бойца, который шел под операционный нож».

Инициатива, подчеркивал Бухарин, исходила от Фрунзе. Он сам «говорил о своем решении покончить с язвой желудка при помощи хирургического ножа. А теперь он уже лежит на красном помосте, который как эшафот смерти уносит одну жертву за другой».

В общем, из рассуждений Бухариным тоже следовало, что нет виновных. Трагическое стечение обстоятельств.

Но особо примечательно здесь упоминание о «красном помосте», уносящем «одну жертву за другой». Об этом говорил не только редактор главной партийной газеты. Еще 1 ноября «Правда» напечатала сказанное М.И. Калининым в связи с известием о смерти наркомвоенмора: «Много жертв за последний год»<sup>13</sup>.

Д.М. Фельдман

Он вспомнил тогда поименно четырех функционеров – Н.Н. Нариманова, А.Ф. Мясникова, М.К. Владимирова и Э.М. Склянского. Некрологи каждого публиковались центральной периодикой.

«Ветеран партии», председатель ЦИК СССР Нариманов умер в Москве 19 марта. Сердечный приступ, до больницы не донесли. Случайность. Как было сказано в правительственном сообщении, опубликованном «Правдой» на следующий день, «от разрыва сердца скоропостижно скончался...»<sup>14</sup>.

22 марта неподалеку от Тифлиса погиб в авиакатастрофе первый секретарь Закавказского крайкома партии Мясников. Погибли и сопровождавшие его руководители местного отделения ГПУ. «Ветераны партии», как и Мясников. Речь шла опять о случайности<sup>15</sup>.

Заместитель председателя Высшего совета народного хозяйства Владимиров умер 29 марта в Италии. Скоропостижно. Он тоже был из «ветеранов партии». За границу отправлен решением Совнаркома СССР – для лечения на курорте. Причиной смерти вновь случайность объявили<sup>16</sup>.

Склянский, в отличие от других «жертв», Калинин упомянутых, «ветераном партии» не считался. Большевиком стал лишь перед мировой войной. Известность получил в годы Гражданской войны – как заместитель Троцкого в Реввоенсовете. Затем на должность зампредреввоенсовета назначен был Фрунзе, а Склянский возглавил с апреля 1924 г. трест «Моссукно». В мае 1925 г. командирован за границу для приобретения нового оборудования. Три месяца спустя утонул в одном из северо-восточных американских озер. Перевернулась моторная лодка. Еще одна случайность, о чем и написано было в советских газетах<sup>17</sup>.

Уместно подчеркнуть, что Калинин – в связи с известием о смерти Фрунзе – упомянул лишь тех, кого лично знал. Тех, с кем связан был и давним знакомством, и совместной работой.

Однако список знаменитых «жертв» не был исчерпан. К примеру, Г.И. Петровский, выступавший как представитель ЦК партии на траурной церемонии в Большом театре, назвал – среди недавних «жертв» – еще и Г.И. Котовского<sup>18</sup>.

Заметку о его смерти «Правда» поместила 7 августа. Сообщалось, что ночью 6 августа военачальник, награжденный тремя орденами Красного Знамени и почетным революционным оружием, «безвременно погиб»<sup>19</sup>.

9 августа «Правда» опубликовала подписанный Фрунзе приказ Реввоенсовета СССР. Там обстоятельства гибели несколько

уточнялись: «6 августа в гор. Одессе убит командир 2-го кавалерийского корпуса тов. Котовский Григорий Иванович»<sup>20</sup>.

Фрунзе знал его лично. Приказ наркомвоенмор не только визировал, но и сам написал, не скрывая эмоций: «Не раз пуля ловила этого героя-командира в открытом бою. Не раз шпионы и бандиты готовили ему смерть из-за угла. Он оставался жив там, где, казалось, смерть была неизбежна. И вот теперь предательская пуля убийцы вырвала его из наших рядов. Случай беспрецедентный. Тот, у кого поднялась рука на такого человека, или безумец, или предатель, какого еще не знала история».

В том же номере «Правды» опубликована и заметка «Убийца тов. Котовского». Безымянный корреспондент сообщал: «Предварительным следствием установлено, что убийцей Котовского является его бывший адъютант...»<sup>21</sup>.

Что за должность в августе 1925 г. занимал «бывший адъютант» – читатели не узнали. Зато мотив преступления был указан: «произошел крупный разговор».

Речь шла о ссоре, причины которой не объяснялись. Указывалось только, что убийца неожиданно «выхватил револьвер и выстрелил в Котовского в упор».

Фрунзе, надо полагать, о причинах знал больше, чем журналисты. И все же в его приказе результаты следствия не обсуждались: «Революционный суд воздаст должное преступнику. Но он не вернет того, чье имя было грозой врагов, чья шашка была надеждой советской земли».

Меньше чем три недели спустя Фрунзе пришлось писать о другом своем знакомом. О Склянском, тоже при загадочных обстоятельствах погибшем<sup>22</sup>.

Еще два месяца спустя газеты сообщили о смерти Фрунзе. Попытки объяснить ее очередной случайностью выглядели совсем неуклюже – с учетом скандального газетного сумбура. Однако другие версии не предлагались.

В указанном аспекте примечательна речь Сталина на похоронах наркомвоенмора. Кратко охарактеризовав заслуги Фрунзе, генсек тоже счел нужным упомянуть о загадочной череде случайностей: «Товарищи, этот год был для нас проклятием. Он вырвал из нашей среды целый ряд руководящих товарищей. Но этого оказалось недостаточно, и понадобилась еще одна жертва. Может быть, это так и нужно, чтобы старые товарищи так легко и так просто спускались в могилу. К сожалению, далеко не так просто поднимаются наши молодые товарищи на смену старым»<sup>23</sup>.

Д.М. Фельдман

**Сталин, по сути, признал, что к ноябрю 1925 г. череда событий, признанных случайными, выглядела как проявление закономерности.**

Но истинность официальной версии сомнению не подвергалась.

#### Журнальный мятеж

В апреле 1926 г. журнал «Новый мир» анонсировал содержание майского номера. Среди прочего указывалось: «Б. Пильняк. Повесть непогашенной луны»<sup>24</sup>.

Пильняк тогда уже третий месяц как был в заграничной командировке. Открывалась публикация авторским предисловием: «Фабула этого рассказа наталкивает на мысль, что поводом к его написанию послужила смерть М.В. Фрунзе. Лично я Фрунзе почти не знал, едва был знаком с ним, видев его раза два. Действительных подробностей его смерти я не знаю, и они для меня не очень существенны, ибо целью моего рассказа никак не являлся репортаж о смерти наркомвоенна. Все это я нахожу необходимым сообщить читателю, чтобы читатель не искал в нем фактов и живых лиц»<sup>25</sup>.

Значит, опытный писатель, заранее объяснивший, на какие обстоятельства не собирается намекать, не понимал, что объяснение будет воспринято именно в качестве интригующего намека. Интригующим было и посвящение редактору популярнейшего тогда журнала «Красная новь» – А.К. Воронскому.

Современники вряд ли могли забыть, что именно там, в девятом – ноябрьском – выпуске 1925 г. опубликован самый яркий некролог Фрунзе. Воронский писал о наркоме как о давнем товарище: «Он соединял в себе непреклонность и храбрость бойца, спокойную рассудительность и такт военачальника, стратега и полководца и широкое горячее человеческое чувство любви и содружества. Он любил этот мир упорных ткачей, потомственных металлистов, мир не сравнимого ни с чем и единственного большевистского подполья, профессиональных революционеров, мир красноречивых ратей и сермяжного труда, и его тоже крепко любили, уважали, ему верили»<sup>26</sup>.

О себе Воронский не упомянул. Характеризовал только Фрунзе: «Природа дала ему еще один богатый дар: щедрый инстинкт жизни. Не раз эти могучие силы спасали его от гибели в трудных и опасных положениях, не раз они подсказывали ему верное, точное движение руки, глаз, мысли и чувства. Тщетно вытравляли их



в нем царские удавники, непосильная и непомерная работа, семейные горести – соки жизни были в нем неиссякаемы.

Однако некролог запомнился не только благодаря искренности автора. Воронский отметил, что Фрунзе, «не знающий колебаний в бою, на коне, с винтовкой и с маузером в руках, испытывал некоторые сомнения перед операцией: его великий инстинкт жизни и здесь оказался правым».

Это противоречило всем другим свидетельствам. Не только медики и редактор главной партийной газеты утверждали, что наркомвоенмор требовал оперировать его. «Правда» 5 ноября 1925 г. опубликовала речь председателя Совнаркома А.И. Рыкова, где тоже указывалось, что наркомвоенмор «хотел подвергнуть себя операции»<sup>27</sup>.

А согласно Воронскому – не хотел и, как всегда, не ошибался. Вот о чем в первую очередь напоминало посвящение Воронскому.

Но тогда возникал закономерный вопрос: почему же Фрунзе, опасность всегда чувствовавший, от операции не отказался? Повесть, Воронскому посвященная, отвечала на этот вопрос.

Как известно, главный ее герой – командарм Гаврилов – был, подобно Фрунзе, срочно вызван в Москву для медицинского осмотра. Сходство на уровне событийном акцентировалось и внешним сходством. Гаврилов – «невысокий широкоплечий человек, белокурый, с длинными волосами, зачесанными назад. Гимнастерка его, на рукаве которой было четыре ромба, сидела нескладно, помятая, сшитая из солдатского сукна».

Примерно таким читатели помнили Фрунзе по фотографиям в периодике. В частности, по опубликованному вместе с правительственным сообщением о смерти наркомвоенмора и приказом РВС газетному портрету. Там Фрунзе – широкоплечий, в гимнастерке, на левом рукаве пятиугольный клапан с четырьмя ромбами, какой положено было носить высшему начальствующему составу РККА, начиная с командующих фронтами. И волосы зачесаны назад.

Кстати, об этой характерной прическе вспоминал и Д.А. Фурманов. Его мемуары были опубликованы в десятом (декабрьском) номере «Красной нови» 1925 г.<sup>28</sup>

Согласно мемуарам будущий писатель, а тогда партийный функционер познакомился с Фрунзе еще в Иваново-Вознесенске, где тот губкомом руководил: «Я первый раз увидел его на заседании и запечатлел в памяти своей добрые серые глаза, чистое бледное лицо, большие темно-русые волосы, откинутые назад густою волнистой шевелюрой».

Д.М. Фельдман

В «Повести непогашенной луны» описание внешности командарма предсказуемо отсылало читателей не только к газетным портретам, но и к мемуарам Фурманова, опубликованным в популярнейшем журнале. А фурмановские мемуары соотносились, тоже предсказуемо, с некрологом, Воронским написанным. Редактор «Красной нови» не случайно упомянул о «мире ткачей». В развитие тезиса подчеркнул: «Известно, как прочно был связан умерший с текстильным Иваново-Вознесенским рабочим краем. Это была связь революционных бойцов, но целиком проникнутая дружбой. Потому его там так хорошо и верно помнят».

Воронский тоже работал в Иваново-Вознесенском губкоме, о чем не упомянул. Зато Фурманов упомянул Воронского в мемуарах дважды. Именно в связи с Фрунзе. И Пильняк этим воспользовался, подчеркнув, что командарм Гаврилов и его старый товарищ, партийный функционер Попов, «начинали свои жизни орехово-зуевскими ткачами».

Намек был понятен современникам. Иваново-Вознесенск и Орехово-Зуево – центры текстильной промышленности. «Текстильный Иваново-Вознесенский рабочий край» подразумевался. И если в командарме Гаврилове читатели сразу узнали Фрунзе, то в Попове легко было угадать Воронского.

Именно старому товарищу в повести рассказывает командарм о своей болезни. Рассказывает довольно подробно: «Видишь ли, у меня была, а может быть и есть язва желудка. Ну, знаешь, боли, рвота кровью, изжоги страшные – так, гадость страшная <...>».

Боли прошли, нет и других симптомов язвенной болезни, но все равно предписано командарму медицинское обследование. Кем предписано – Гаврилов тоже намекнул, пошутив, что «цека играет человеком, – из песни слова не выкинешь <...>».

Отсюда следовало, что ближайшая перспектива – операция. Необходимость ее Гаврилову далеко не очевидна: «Я чувствую себя здоровым, против операции все мое нутро противится, не хочу – так поправлюсь».

В повести неоднократно подчеркивается, что к идее хирургического вмешательства командарм относится с опасением. Не желает принять: «Крови я много видел, а <...> операции боюсь, как мальчишка, не хочу, зарежут <...>».

Это опять напоминало читателям о некрологе в «Красной нови». Описанные же автором повести газетные заметки – о начале скандала. Так, в одной из заметок «сообщалось, что “здоровье това-

рища Гаврилова вызывает опасения”, но что “профессора ручаются за благополучный исход операции”».

Подчеркивалось, что командарм обеспокоен вниманием журналистов. И старому товарищу говорит: «Это неспроста. – Д-да. Что же делать?»

На операции настаивает функционер, чье место в партийной иерархии неизмеримо выше командармовского. Он безымянен и безлик. Есть лишь примета – «негорбящийся человек».

В нем читатели, конечно, узнали Сталина. Осанка тут, конечно, ни при чем, очевидна связь понятий «стальной» и «негорбящийся». Для командарма воля партии, которую олицетворяет «негорбящийся человек», превыше всего. Но Гаврилов предчувствует гибель, потому, уходя, говорит «негорбящемуся человеку»: «Прощай».

За день до операции Гаврилов, навестив Попова, вновь рассказывает о своих предчувствиях. И, уходя, говорит: «Прощай».

Командарм не зря опасался. По крайней мере, один из врачей действовал весьма подозрительно. Именно он занимался анестезией и, хоть доза хлороформа была критической, не остановил операцию. Совет коллеги, старшего и опытнейшего хирурга, игнорировал, поступил вопреки: «Хлороформатор подлил хлороформу».

Язва, как на операционном столе выяснилось, зажила. И автор повести вновь отметил, что «операция была бесцельна».

Но пульс у больного уже пропал – результат ошибки «хлороформатора». Да и не ошибка это была, как подчеркивал автор повести. Ждал «хлороформатор» такого результата, его глаза, «сидящие в углах глазниц, давя на переносицу, еще больше сузились, ушли вглубь, сосредоточились в один глаз, страшно острый».

Другие медики еще пытались как-то помочь, а вот «хлороформатор» уверен был, что командарм не выживет. Рану операционную «не зашивал, а сметывал полости, он стиснул кожу и стал заштопывать только ее верхние покровы».

Это противоречило опубликованному протоколу вскрытия. Там указывалось, что рана была зашита «тройным швом».

Были и другие противоречия официальным публикациям. В частности, 31 октября «Вечерняя Москва», как позже и другие газеты, сообщила, что послеоперационный период контролировался ведущими хирургами. Сказано было недвусмысленно: «У постели тов. Фрунзе до последней минуты непрерывно дежурил консилиум врачей»<sup>29</sup>.

В повести же ситуация описана принципиально иначе. Никакого «консилиума» нет. Примечательна еще одна деталь. «Хлоро-

Д.М. Фельдман

форматор», выйдя из операционной, «вник в ту телефонную сеть, которая имела тридцать–сорок проводов, поклонился трубке и сказал, что операция прошла благополучно, но что больной очень слаб и что они, врачи, признали его состояние тяжелым, и попросил извинения в том, что не сможет сейчас приехать».

Фраза «операция прошла благополучно» напоминала читателям о сумбуре в периодике. Оставалось только выяснить, с кем говорил «хлороформатор».

После смерти командарма ролс-ройс отвез «хлороформатора» к «негорбящемуся человеку». В его кабинете и состоялся разговор, который «длился всего три минуты».

Контекст подсказывал читателям, что «хлороформатор» исполнил приказ «негорбящегося человека». Ему же и докладывал об исполнении. Сначала по телефону, потом лично.

Что касается луны, упомянутой в заглавии, она, похоже, символ надвигающейся катастрофы. Постоянно используемый символ. И в финале повести, когда похоронен командарм, двухлетняя дочь Попова, стоя на подоконнике, дует на оконное стекло, потому что хочет, как объяснила отцу, «погасить луну».

**Повесть не могла восприниматься иначе, как обвинение, публично брошенное генсеку.**

Это, по сути, был журнальный мятеж.

Как известно, почти весь тираж взбунтовавшегося журнала был арестован. Затем напечатан другой – без крамольной повести<sup>30</sup>.

Специальное постановление, не предназначавшееся для открытой печати, принято ЦК партии 13 мая. Публикацию в «Новом мире» признали «злостным, контрреволюционным и клеветническим выпадом против ЦК и партии <...>»<sup>31</sup>.

Таким образом, создание и распространение повести трактовалось как предусмотренные действующим тогда Уголовным кодексом РСФСР «контрреволюционные преступления»<sup>32</sup>.

Но вопрос о привлечении редколлегии журнала к уголовной ответственности даже не ставился. А.В. Луначарский тогда возглавлял Народный комиссариат по просвещению, И.И. Скворцов-Степанов – редакцию «Известий». Оба журналом руководили номинально. Фактически – В.П. Полонский, тоже авторитетнейший большевистский публицист. Вот ему и объявили партийный выговор. Остальным решили «поставить на вид».

Получил выговор и редактор «Красной нови». В постановлении акцентировалось, что «вся фабула и отдельные элементы рассказа Пильняка “Повесть о непогашенной луне” (sic! – Д. Ф.)

не могли быть созданы Пильняком иначе, как на основании клеветнических разговоров, которые велись некоторыми коммунистами вокруг смерти тов. Фрунзе, и что доля ответственности за это лежит на тов. Воронском».

Решено было, что Воронский покается, опубликовав в «Новом мире» письмо с отказом от посвящения. Ну а редколлегия мятежного журнала напечатает рядом свое покаянное заявление. Все документы предварительно надлежало согласовать в Секретариате ЦК партии.

О привлечении автора повести к уголовной ответственности вопрос тоже не ставился. Пильняка лишь исключили из числа «сотрудников журналов “Красная новь”, “Новый мир” и “Звезда” (Ленинград)».

Но все эти меры стали известны лишь в кругах высокопоставленных функционеров. А широкую огласку получили отречения, планировавшиеся 13 мая. Редакционное письмо и письмо Воронского «Новый мир» поместил в июньском номере.

Оценка повести в письме Воронского была недвусмысленно отрицательной. И характеристика автора повести тоже: «Подобное изображение глубоко печального и трагического события является не только грубейшим искажением его, крайне оскорбительным для самой памяти о тов. Фрунзе, но и злостной клеветой на нашу партию ВКП (б)»<sup>33</sup>.

Редакция с Воронским солидаризовалась. И объявила «помещение в “Новом мире” повести Пильняка явной и грубой ошибкой»<sup>34</sup>.

Нерешенным оставался вопрос о покаянии автора повести. 10 октября, вернувшись из заграничной командировки, он писал Рыкову: «В январе этого года я задумал написать рассказ о том, как машина человеческого коллектива подчиняет себе человеческие индивидуальности и о том, как благие пожелания в нашей российской действительности, очень часто превращаются в катастрофические непоправимости. Никак я не ожидал той судьбы, которая постигла этот рассказ, ибо все мои симпатии были на стороне героев-партийцев, злобствовал я только против врачей»<sup>35</sup>.

Имелось в виду, что Пильняк лишь развивал свою прежнюю тему коммунистической дисциплины. Конечно, версия была слабой, но при желании в повести можно было найти какие-то подтверждения, признать, что медики просто трусили.

Пильняк настаивал, что в январе 1926 г. был предусмотрителен. С авторитетными специалистами консультировался: «Написав рассказ, я собрал группу писателей и моих знакомых партийцев,

Д.М. Фельдман

чтобы выслушать их критику, в том числе был и редактор “Нового мира” В.П. Полонский. Повесть была выслушана, одобрена и тут же взята к напечатанию тов. Полонским для “Нового мира”. Ввиду того, что в рассказе были места, дававшие повод считать, что рассказ посвящен смерти Фрунзе, редакцией “Нового мира” было предложено мне написать предисловие, что я и выполнил».

Ознакомившись с письмом, генсек подтвердил, что других взысканий не будет. Но оценку письма сформулировал недвусмысленно: «Пильняк жульничает и обманывает нас»<sup>36</sup>.

Судя по документам, Рыков предложил автору повести объяснить с редакцией журнала. В ноябре были подготовлены варианты соответствующего письма. Официально Пильняк обратился к Скворцову-Степанову в декабре. Признал в письме, что сюжет «Повести непогашенной луны» подсказан Воронским, и повторил версию, предложенную Рыкову<sup>37</sup>.

В январском номере 1927 г. «Новый мир» опубликовал утвержденный партийным руководством вариант покаяния. Упоминания о повести были в дальнейшем запрещены, и на том скандал признали актуальность утратившим.

### Парадоксы расследований

Вновь скандал актуализовался после смерти Сталина. Тогда «Повесть непогашенной луны» понадобилась как аргумент в полемике с многочисленными апологетами советского лидера. Однако использован этот аргумент был за пределами СССР<sup>38</sup>.

На родине автора по-прежнему запрещались даже упоминания о крамольной повести. Запрет, как известно, отменили только в 1987 г. И отменили именно в связи с очередной антисталинской кампанией. Так что спектр интерпретаций был задан изначально.

Пожалуй, наиболее интересна в этом аспекте статья В.Д. Топлянского «Лунная рапсодия». С одной стороны, она типична: литературную версию автор принял без существенных оговорок. Подобно другим исследователям, проецировал сюжет на реальность, литературных героев с прототипами соотносил, подчеркивая антисталинскую направленность. С другой стороны, работа уникальна. Будучи опытным врачом, специалистом в области истории медицины, автор основное внимание уделял именно медицинской специфике. Описывал этапы подготовки и конкретный способ убийства наркомвоенмора, определял конкретного испол-

нителя. Выяснял, от кого литератор мог узнать подробности медицинского характера<sup>39</sup>.

Схема устранения наркомвоенмора у Тополянского и Пильняка, разумеется, одна. Сталин, воспользовавшись болезнью Фрунзе, инициирует консилиумы. Медики, уступив сталинским настояниям, предлагают радикальный метод лечения. Генсек убеждает Политбюро ЦК партии санкционировать операцию. Затем вынуждает наркомвоенмора согласиться. Фрунзе погибает от передозировки хлороформа – результат целенаправленных действий врача, проводившего анестезию. Пильняку о негативном отношении Фрунзе к операции рассказывает Воронский. А подробности медицинского характера писатель узнает от знакомого профессора, участвовавшего в консилиумах и операции. После чего Пильняк создает повесть, обличающую Сталина, – в подробностях удивительно точную, по мнению Тополянского.

Но когда речь идет не о медицине, противоречия версии Тополянского неустранимы. Причем те же противоречия, что и в работах большинства исследователей.

Так, лишь преступным умыслом нельзя объяснить внимание Сталина к «состоянию здоровья» наркомвоенмора. Многие «ветераны партии» работали тогда не щадя себя, генсеку нередко приходилось на лечение отправлять их «в порядке партийной дисциплины». И Тополянский о подобного рода случаях упоминает. Аналогично, ниоткуда с очевидностью не следует, что Сталин вынудил врачей предложить наркомвоенмору операцию. Сам же Тополянский – на основе анализа медицинских документов – пришел к выводу, что она была, по меньшей мере, уместна. Значит, если бы и не упорствовал генсек, у Политбюро ЦК партии хватало причин ее санкционировать. Равным образом нельзя считать бесспорным, что Фрунзе был против операции. Разные свидетельства есть. Что касается преступления врача, ответственного за анестезию, бесспорных доказательств нет. Автор «Лунной рапсодии» сам признает, что результаты анализа медицинских документов лишь косвенно подтверждают наличие преступного умысла. Не вполне ясно, консультировался ли Пильняк с участником операции. Тополянский полагает, что они были знакомы, ведь отдыхали в одном санатории. Подобного рода знакомство исключить нельзя, только отсюда еще не следует, что врач, если и знал что-либо, счел бы нужным откровенничать с писателем.

Сослался Тополянский и на статистику загадочной гибели представителей большевистской элиты в 1925 г. Но если бы и уда-

Д.М. Фельдман

лось доказать, что кто-либо убит по распоряжению Сталина, отсюда еще не следовало бы, что причина смерти Фрунзе та же.

Как доказательство косвенное, точнее, указание на ложность официальной версии, отмечен Тополянским и газетный сумбур. Логический ход понятен: коль скоро возникли противоречия, было что скрывать. Но газетный сумбур можно интерпретировать и в качестве косвенного подтверждения непричастности Сталина к смерти Фрунзе. Если устранение наркомвоенмора планировалось тщательно, сведения, передаваемые журналистам, надлежало бы контролировать с особой строгостью.

Причины газетного сумбура вполне можно объяснить случайностью. К осени 1925 г. механизм централизованного распространения информации не был еще достаточно выверен. О госпитализации Фрунзе все газеты писали одинаково: сообщение для прессы было подготовлено загодя. Иначе не полагалось, когда о «вожде» речь шла. Непосредственно перед операцией еще одно сообщение подготовили. Сроки выздоровления указывались обычные – в подобных случаях. Не позднее вечера 29 октября сведения о критическом состоянии Фрунзе поступили в Политбюро ЦК партии, где должны были решить, подлежит ли информация распространению. Редактор «Правды» Бухарин и редактор «Известий» Скворцов-Степанов имели доступ к служебной информации. Они, конечно, воздержались от каких-либо публикаций о наркомвоенморе – в номере, что должен был выйти 30 октября. А вот предупредить коллег, разгласив полученные сведения, не могли. Устаревшее сообщение было опубликовано, в частности, «Вечерней Москвой». Это же сообщение использовали и в «Рабочей газете» на следующий день. Соответственно, там возникла ошибка, с датой операции связанная. Утром 31 октября читателей «Правды» и читателей «Известий» подготовили к сообщению о смерти Фрунзе, чтобы новость не была скандальной. Однако «Вечерняя Москва» на полдня раньше вышла, а «Рабочая газета» – на полдня позже.

Характерно, что причины инцидента в периодике не обсуждались, нет и сведений о взысканиях. Обвинить журналистов было, по сути, не в чем, рассказывать читателям о причинах, описанных выше, тоже смысла не имело.

Впрочем, это лишь версия. Подтверждается она только аналогиями и приемлема только в силу непротиворечивости. Не исключено, что будет еще выдвинута и документально обоснована альтернативная версия. Если документы обнаружатся.



Существенно же другое. Чем бы ни была обусловлена смерть Фрунзе, это скандал политический. А литературный – издание «Повести непогашенной луны». Повесть и в аспекте литературном необычна. Даже парадоксальна. И дело не в детальном знакомстве автора с медицинской спецификой. Нужные сведения Пильняк мог почерпнуть и в газетных публикациях. Бросается в глаза другое: автор повести вообще не объяснил, зачем понадобилось «негорбящемуся человеку» убивать командарма. Они давние приятели, о личных счетах нет упоминаний. Да, спустя хотя бы три десятилетия Сталин для многих читателей – proverbially злодей. Но Пильняк ориентировался на современников.

Осталась неопределенной и мотивация Пильняка. Если верить Тополянскому, она очевидна: «Как уберечь личность от соблазнов государственного конформизма и ужаса государственного насилия? Как сохранить право человека стать недостойным своего недостойного правительства? Один ответ нашел когда-то Галилей, другой – Джордано Бруно. Свой вариант ответа оставил и Борис Пильняк».

Здесь Тополянский, по сути, воспроизвел мнение большинства других исследователей: Пильняк был nonконформистом. В качестве доказательства – публикация обличающей Сталина повести. Однако пильняковский nonконформизм более не проявлялся. Биографически такая мотивация не подтверждается. Ни раньше, ни позже ничего подобного не было.

К моменту создания «Повести непогашенной луны» Пильняк – преуспевающий советский писатель. И в СССР популярен, и за границей издают, на иностранные языки переводят. Лоялен, конформен. Высокие гонорары, заграничные командировки, щедро субсидируемые правительством. И вдруг – на фоне общего душевного здоровья – принимает самоубийственное решение. Вдруг решает опубликовать повесть о том, как наркомвоенмора убил генсек. Опубликовав же, кается, доказывает, что не он виноват, а «знакомые партийцы». Явный парадокс.

Можно допустить, что душевного здоровья не было: с ноября 1925 г. писателя охватил суицидальный порыв. Тогда получается, что порыв охватил и Полонского, и других сотрудников «Нового мира», которые с повестью тоже ознакомились – в ходе редакционной подготовки. И каждый тоже санкционировал выпуск.

Парадоксальным образом тот же порыв охватил и сотрудников литературно-художественного отдела Государственного издательства. Когда там, по распоряжению Политбюро ЦК партии, срочно

Д.М. Фельдман

организовали проверку, выяснилось, что с Пильняком заключен договор о публикации сборника – под общим заглавием «Повесть непогашенной луны». Рукопись, включавшую крамольную повесть, автор представил. Утверждать, что ее не прочли – нет оснований. Пильняку и аванс выплатили, причем немалый, превышающий годовой оклад жалования полкового командира. Рукопись, принятая редакцией в феврале 1926 г., прошла цикл редакционной подготовки. Ее отправили в типографию. Каждый сотрудник Госиздата, читавший повесть в силу должностных обязанностей, не мог не понимать, что за публикацию санкционирует. Но ведь санкционировали<sup>40</sup>.

Далее парадоксальным образом реагировал Сталин. Функционеры, по вине которых была опубликована не просто крамольная, а лично генсека оскорблявшая повесть, отделались минимальными партийными взысканиями. Наказание же Пильняка было и вовсе ничтожным. А когда в октябре 1926 г. Пильняк решил каяться и оправдываться, Сталин принял его невразумительные доводы. Подчеркнул, что цену им знает, и – принял.

Если отвлечься от традиционной антисталинской патетики, очевидно, что парадоксов слишком много. Версия массового суицидального порыва, т.е. массового стремления в 1926 г. разоблачить Сталина любой ценой обосновывается лишь эмоционально. Зато другую версию, хоть и не столь эффектную, можно обосновать политическим контекстом, актуальным и для Пильняка лично, и для тех, кто ему помогали, и для многих читателей-современников.

#### Баланс интересов

1925 год Сталин назвал «проклятием». Ну а следующий год большевистскую элиту буквально расколол. Это был один из важнейших этапов борьбы Сталина за статус ленинского преемника. Борьбы, этапы которой были отражены именно в литературе.

Как известно, еще в 1922 г. генсек заключил тайный союз с Г.Е. Зиновьевым и Л.Б. Каменевым. Ни один из них тогда не мог бы претендовать на положение абсолютного лидера, и смысл союза был в том, чтобы ослабить влияние популярнейшего тогда «вождя и строителя Красной армии». Три «вождя», добившись существенного преимущества в Политбюро ЦК партии, оттесняли четвертого от власти. Литература же оказалась своего рода полигоном, где отрабатывались методы убеждения.

Первый «литературный» удар Троцкому был нанесен в декабре 1922 г. «Молодая гвардия», журнал ЦК комсомола и ЦК партии, опубликовал повесть А.И. Тарасова-Родионова «Шоколад»<sup>41</sup>.

В главном отрицательном герое повести, жестоком амбициозном следователе, добившемся расстрела фактически невинного большевика-чекиста, осведомленные читатели-современники угадали карикатуру на Троцкого. Читателю подсказывали: если в центральном партийно-комсомольском журнале возможна такая карикатура на «вождя», значит, падает его влияние. Публикация оказалась самым громким литературным скандалом и уходящего, и следующего года<sup>42</sup>.

Но Троцкий не пытался изобличить автора «Шоколада». Спор о намеках был заведомо бесперспективен. Выявить и устранить следовало бы причину, а не следствие – интриги Сталина, Зиновьева и Каменева, а для борьбы с ними Троцкому надлежало вернуться в столицу.

Открытая полемика началась на исходе 1922 г., когда публиковался в «Правде» цикл литературно-критических статей Троцкого, на основе которых была составлена книга «Литература и революция». Практически каждое суждение Троцкого спешили опровергнуть непримиримые критики из Российской ассоциации пролетарских писателей. Спор в данном случае был самоцелью: вновь и вновь подтверждалось, что с Троцким спорить можно. Воронский же считался креатурой Троцкого, и потому и дискредитация редактора «Красной нови» стала одной из главных задач рапповцев. Доставалось и Пильняку – за покровительство Троцкого и Воронского. Так, Демьян Бедный, рассуждая о литературных концепциях Троцкого, иронизировал в «Правде»:

Не утаить, как ни таи.  
(Признаьем дружбы не нарушу?)  
Мне Льва Давыдыча статьи  
Как кислота разъели “душу”.  
Да одному ли только мне?  
С отравой справлюсь я, быть может,  
Но неокрепнувший вполне  
Наш молодняк меня тревожит.  
Наш пролетарский молодняк  
Сконфужен собственным обличьем,  
Зло-символический Пильняк  
Пред ним смердит гнилым величьем<sup>43</sup>.

Д.М. Фельдман

Характеризуя Пильняка, «кремлевский баснописец», конечно, не стеснялся в выражениях, но о Троцком еще не рисковал рассуждать в подобном тоне. Победа генсека бесспорной пока что не была.

Смерть Ленина стала, можно сказать, рубежом: вопрос о преемнике актуализовался предельно. Троцкий все еще был наиболее авторитетным и популярным лидером, потому и спорили с ним, соблюдая некоторую осторожность. А вот редактора «Красной нови» рапповцы буквально травили, настаивая, что «воронщину необходимо ликвидировать».

Разумеется, литературная и не только литературная полемика была лишь частью массивной атаки. Пока хворающий наркомвоенмор с обычным блеском громил оппонентов, пока опровергал многочисленные инвективы, его сторонников – на ключевых постах – генсек сместил. Так, Склянского заменил Фрунзе, и в результате Троцкий уже не контролировал Реввоенсовет.

Не менее важна генсеку – в аспекте борьбы с наркомвоенмором – была должность командующего войсками Московского военного округа. В мае 1924 г. на этой должности К.Е. Ворошилов заменил весьма популярного среди военной элиты Н.И. Муралова. У нового командующего, хоть и «ветерана партии», не было военных заслуг, сопоставимых с заслугами предшественника. Зато он был давним знакомым и сослуживцем генсека.

Как известно, с мая 1924 г. редактору «Красной нови» рапповцы все чаще предъявляли обвинения политические. Речь шла фактически о диверсиях идеологического характера<sup>44</sup>.

Троцкий – в ходе борьбы с триумvirатом – отчасти потерял былой авторитет, ну а положение Воронского стало и вовсе критическим. 15 января 1925 г. «Правда» опубликовала выступление Бедного на Всесоюзном совещании пролетарских писателей, где констатировалось, что «"воронщина" слиняла. Слинял и т. Троцкий, наиболее красочный защитник совсем не красочных положений: под тонким огненно-рыжим навозом оказался розоватый меньшевистский грунт»<sup>45</sup>.

О Пильняке «кремлевский баснописец» тоже не забыл. Подчеркнул, что ссылки на писательский талант неуместны: «Маленькая пролетарская рыбка нам дороже, чем большой пильняковский таракан».

Тем временем вопрос о «Красной нови» был подготовлен для обсуждения в Политбюро ЦК партии. Но ситуация изменилась. 26 января все еще болевшего Троцкого официально заменил

Фрунзе, и литературный скандал прекратился так же внезапно, как начался. Редактор «Красной нови» – сам по себе – генсеку тогда не мешал. Да и не мог не знать генсек о дружбе Фрунзе и Воронского, так что перемирие оказалось вполне уместным<sup>46</sup>.

После смерти Фрунзе у Воронского уже не было защитника, авторитет которого хоть как-то сдерживал рапповцев. Ну а Пильняку оставалось рассчитывать лишь на мировую известность.

В ноябре 1925 г. должность наркомвоенмора получил Ворошилов. Троцкий же с начала 1925 г. избегал открытой полемики с триумвиратом и дождался его распада: летом генсек начал кампанию дискредитации недавних союзников. В декабре – на XIV съезде партии – Зиновьев и Каменев, сформировав так называемую «новую оппозицию», пытались ограничить полномочия Сталина, но успеха не добились.

К 1926 г. интересы Зиновьева, Каменева и Троцкого совпали. В партийной элите «вождям» следовало объединить сторонников, привлечь новых, подготовиться к полемике с генсеком на очередном съезде или пленуме ЦК партии. Затем и добиться замены генсека. А для подготовки решающего этапа всем лидерам оппозиционных группировок срочно нужно было организовать массированную антисталинскую пропагандистскую кампанию. Другими средствами борьбы с генсеком они более не располагали.

Лидерам оппозиции следовало найти тему, понятную всем коммунистам. Тему, подразумевавшую единый вывод, общую оценку. Алгоритм подсказывали опыт и традиция – литературный скандал.

#### Нереализованный план

Публикация в центральном журнале «Повести непогашенной луны» могла бы стать удачным началом антисталинской кампании. Могла бы, потому что конкретизировала сказанное о генсеке лидерами оппозиции.

Ранее Сталину уже инкриминировали попытки монополизировать власть. Но упреки были услышаны лишь партийными функционерами. Они привыкли к жесткой централизации, партийной дисциплине, а генсек был неоднократно избран, значит, преследовал цели, поставленные большинством коммунистов. Например, единство партии. Вот и получалось, что противникам генсека уместно было ставить вопрос не о цели. Для начала – о средствах, цели противоречащих.

Д.М. Фельдман

**Случайностью ли была обусловлена смерть Фрунзе или распоряжением генсека – это не имело значения.**

Главное, версия убийства обсуждалась, пусть и негласно. Убийство Фрунзе нельзя было оправдать борьбой за единство партии. Средство не соответствовало цели. Шокирующее обвинение подкрепил бы авторитет центральной печати. Сведения получили бы тысячи подписчиков «Нового мира», а общее количество прочитавших крамольную повесть было бы намного больше. Вскоре должен был выйти и Пильняковский сборник. Разумеется, он в госиздатовский план не случайно попал. Как позже докладывал в Политбюро ЦК партии госиздатовский директор, санкционировал заключение договора с Пильняком заведующий литературно-художественным отделом, ранее – сотрудник «Красной нови».

Еще одна публикация крамольной повести показала бы, что обвинения уместны, коль скоро по-прежнему тиражируются. Да и количество прочитавших повесть намного возросло бы.

Немедленная расправа с участниками мятежа была бы маловероятна. Слишком громким оказался бы скандал, расправа – косвенно – подтвердила бы обвинения. К тому же лидеры оппозиции не утратили былого влияние полностью. В ЦК партии они могли бы рассчитывать на помощь единомышленников. После литературного скандала атака бы развивалась. Да, Пильняк не объяснил, чем руководствовался «негорбящийся человек», организуя убийство командарма. Вне пропагандистской кампании отсутствие мотива воспринимается как упущение. А в ее рамках – вариант допустимый, если не единственно возможный. Описание мотива обусловило бы цензурные препятствия, в рамках же пропагандистской кампании мотив подразумевался. Сначала «Повесть непогашенной луны» напомнила бы о подозрениях, обсуждавшихся негласно. Ничего больше и не требовалось – от Пильняка. Дальше работали бы другие пропагандисты. Они и напомнили бы, что пост Фрунзе занял сталинский назначенец.

Эмоциональные аргументы были бы достаточно убедительны. Главный – «кому выгодно». А Фрунзе был любимцем армии. Выстраивалась бы и соответствующая версия: не только гибель наркомвоенмора, а все прочие инциденты 1925 г. не были случайностью. Газетный контекст, провоцируя аналогии, компенсировал бы недостаток улики.

**Публикация крамольной повести имела смысл только в рамках массивной антисталинской пропагандистской кампании.**

Вероятная победа оппозиции подразумевала бы возвращение к заявленному в начале 20-х гг. XX в. принципу литературно-издательской политики. Тому, что Троцкий декларировал – ставке на писателей, умеющих вызвать читательский интерес. Атакуя Сталина, поддерживая своих защитников, Пильняк защищал и себя. Кстати, с защитниками своими он демонстративно солидаризовался. Опубликовал весной 1926 г. в японской периодике статью, где подчеркнул, что относится к писателям, ориентирующимся на Троцкого<sup>47</sup>.

Насколько высока была вероятность успеха – можно спорить. Бесспорно, что генсек опередил противников. Атаку начал еще перед апрельским пленумом, смещая оппозиционеров с ключевых постов. И на пленуме не позволил оппозиции добиться какого-либо преимущества. А в мае заблаговременно пресек распространение «Повести непогашенной луны». Таким образом, план оппозиции был сорван уже на первом этапе.

Меры наказания участников лишь на первый взгляд парадоксально ничтожны. Если же учесть, что к 13 мая 1926 г. генсек выиграл только первый этап полемики, меры более жесткие могли бы отпугнуть потенциальных сторонников, заставить сплотиться актуальных противников. А впереди был очередной пленум. Генсек демонстрировал снисходительность – в ответ на явное коварство.

Как известно, на июльском пленуме генсек одолел «объединенную оппозицию». Предусмотрел и попытки своих противников обратиться к фабрично-заводской аудитории непосредственно, минуя печать. Разрозненным, наспех подготовленным акциям лидеров оппозиции была противопоставлена тщательно организованная система контрпропаганды.

В начале октября вернувшийся из командировки Пильняк не мог не увидеть, что журнальный мятеж не сыграл предполагаемой роли. Но, похоже, такой вариант был предусмотрен. Соответственно, Воронский и редакция «Нового мира», отрекаясь в мае 1926 г., Пильняка не предавали, а следовали договоренности. И Пильняк – в письме Рыкову – оправдывался, следуя договоренности. Все, что он сообщил, его «знакомые партийцы» обязательно подтвердили бы.

Интересны в этом аспекте и датировки, предложенные в журнальной публикации. Сама повесть закончена 9 января 1926 г., тогда как предисловие – 28 января. Казалось бы, незачем было Пильняку датировать предисловие, коль скоро датирована повесть. Зато датировками подтверждалось: не соврал Пильняк, заявив, что предисловие написать просил его Полонский.

Д.М. Фельдман

Да, версия была слабой, рассчитанной на то, что генсек не сочтет нужным расправляться с литераторами, которых защищали бы влиятельнейшие функционеры. Отчасти расчет оправдался, только влияние защитников быстро уменьшалось. И Зиновьев, и Каменев были уже выведены из состава Политбюро ЦК партии, а на октябрьском пленуме вывели и Троцкого. В ноябре, когда XV партийная конференция приняла резолюцию, осуждавшую лидеров оппозиции, перспективы были отнюдь не радужные.

Примечательно, что Пильняк в сентябрьском письме Рыкову не упоминал о существовании оппозиции. Зато в декабрьском письме Скворцову-Степанову утверждал: «Мне известны разговоры о том, что повесть была инспирирована оппозиционерами. Я отрицаю это...»

Доказательства Пильняк не привел. Настаивал, что вообще не знал, «была ли оппозиция в декабре прошлого года, когда повесть создавалась...»

Аргумент был опять не из удачных. Зато адресата Пильняк выбрал удачно. Надо полагать, согласовал это предварительно. Скворцов-Степанов, в отличие от Воронского, не примыкал к оппозиционерам. Даже выступал против Троцкого и его новых союзников. Публикацию крамольной повести Скворцов-Степанов, в отличие от Полонского, не санкционировал непосредственно. Ему, как и Луначарскому, можно было поставить в вину разве что излишнее доверие к Полонскому. И в скорейшей ликвидации последствий Скворцов-Степанов был заинтересован. Поручение генсека выполнил.

Генсек решал проблемы поэтапно. Следующая кампания против оппозиционеров была подготовлена. Но это уже другая тема.

#### Примечания

<sup>1</sup> Здесь и далее цит. по: Состояние здоровья наркомвоенмора и председателя РВС СССР тов. М.В. Фрунзе // Правда. 1926. 29 окт.

<sup>2</sup> Здесь и далее цит. по: Вчера в Боткинской больнице... // Вечерняя Москва. 1925. 30 окт.

<sup>3</sup> Привет призывников-комсомольцев и партийцев тов. Фрунзе // Рабочая Москва. 1925. 30 окт.

<sup>4</sup> Проводы в Красную армию партийного и комсомольского молодняка. Коммунары-призывники – тов. Фрунзе // Красная звезда. 1925. 30 окт.

<sup>5</sup> Здесь и далее цит. по: Болезнь тов. М.В. Фрунзе // Правда. 1926. 31 окт. См. также: Болезнь тов. М.В. Фрунзе // Известия. 1926. 31 окт.



- <sup>6</sup> Здесь и далее цит. по: Тов. Фрунзе выздоравливает // Рабочая газета. 1925. 31 окт.
- <sup>7</sup> Здесь и далее цит. по: Правда. Известия. Экстренный выпуск. 1926. 31 окт.
- <sup>8</sup> См.: Биография тов. М.В. Фрунзе // Правда. 1925. 1 нояб.
- <sup>9</sup> Здесь и далее цит. по: *Абрикосов А.И., Обух В.А., Соловьев Э.П.* Протокол вскрытия // Правда. 1925. 1 нояб.
- <sup>10</sup> См.: *Чаган Э.* Черное в красном // Рабочая газета. 1925. 1 нояб.; *Красный П.* Фрунзе нет // Там же.
- <sup>11</sup> Здесь и далее цит. по: Последние часы тов. Фрунзе (беседа с проф. Грековым) // Известия. 1925. 3 нояб.
- <sup>12</sup> Здесь и далее цит. по: Бухарин Н.И. Памяти М.В. Фрунзе // Там же.
- <sup>13</sup> *Калинин М.И.* Михаил Васильевич Фрунзе // Правда. 1925. 1 нояб.
- <sup>14</sup> См.: Кончина тов. Н. Нариманова. Правительственное сообщение // Правда. 1925. 20 марта.
- <sup>15</sup> См., напр.: *Фрунзе М.* Приказ Реввоенсовета СССР № 34. 23 марта. Москва // Правда. 1925. 24 марта; *Тифлисский.* Подробности катастрофы // Там же.
- <sup>16</sup> См., напр.: *Зиновьев Г.* Мирон Константинович Владимиров (Лёва) // Известия. 1925. 25 марта.
- <sup>17</sup> См.: *Троцкий Л.* Склянский погиб! // Правда. 1925. 29 авг.
- <sup>18</sup> *Петровский Г.И.* Речь тов. Петровского // Известия. 1925. 3 нояб.
- <sup>19</sup> См.: Смерть тов. Котовского // Правда. 1925. 7 авг.
- <sup>20</sup> Здесь и далее цит. по: Фрунзе М.В. Памяти тов. Г.И. Котовского. Приказ Реввоенсовета СССР 6 августа № 090 12/ 830. г. Москва // Правда. 1925. 9 авг.
- <sup>21</sup> Здесь и далее цит. по.: Убийца тов. Котовского // Там же.
- <sup>22</sup> *Фрунзе М.* Памяти тов. Э.М. Склянского // Правда. 1925. 30 авг.
- <sup>23</sup> См.: *Сталин И.В.* Речь тов. Сталина // Правда. 1925. 5 нояб.
- <sup>24</sup> См.: Намеченное содержание пятой (майской) книги «Нового мира» // Новый мир. 1926. № 4. С. 192.
- <sup>25</sup> Здесь и далее цит. по: *Пильняк Б.А.* Повесть непогашенной луны // Знамя. 1987. № 6. С. 17–38.
- <sup>26</sup> Здесь и далее цит. по: Воронский А. Михаил Васильевич Фрунзе // Красная новь. 1925. № 9. С. 277–279.
- <sup>27</sup> *Рыков А.И.* <Речь на похоронах М.В. Фрунзе> // Правда. 1925. 5 нояб.
- <sup>28</sup> Здесь и далее цит. по: Фурманов Д. Фрунзе // Красная новь. 1925. № 10 (декабрь). С. 184–197.
- <sup>29</sup> Сегодня, в 5 час. 40 мин. утра... // Вечерняя Москва. 1925. 31 окт.
- <sup>30</sup> См., напр.: *Павлова Т.Ф.* «Пильняк жульничает и обманывает нас...»: (К истории публикации «Повести непогашенной луны» Б. Пильняка // Исключить всякие упоминания: Очерки истории советской цензуры / Сост. Т.М. Горяева. М.: Старый Свет-Принт, 1995. С. 65–67.

Д.М. Фельдман

- <sup>31</sup> Здесь и далее цит. по: Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) «О № 5 “Нового мира” 13 мая 1926 г.» // «Счастье литературы»: Государство и писатели, 1925–1938. Документы / Сост. Д.Л. Бабиченко. М.: РОССПЭН, 1997. С. 25–26.
- <sup>32</sup> См.: Уголовный кодекс РСФСР в ред. 1926 г. Ст. 57, 70. Подробнее см., напр.: Фельдман Д.М. Терминология власти. М.: РГГУ, 2006. С. 196–200.
- <sup>33</sup> Воронский А. Письмо в редакцию // Новый мир. 1926. № 6. С. 184.
- <sup>34</sup> <Луначарский А.В., Полонский В.П., Скворцов-Степанов И.И.>. От редакции // Там же.
- <sup>35</sup> Здесь и далее цит. по: Горяева Т.Ф. Указ. соч. С. 67–69.
- <sup>36</sup> Там же. С. 70.
- <sup>37</sup> Там же. С. 70–71.
- <sup>38</sup> См., напр.: *Глинка Г.А.* Борис Пильняк (портрет) // На перевале. Нью-Йорк: Издательство им. Чехова, 1954. С. 369–371.
- <sup>39</sup> Здесь и далее цит. по: Тополянский В.Д. Лунная рапсодия // Тополянский В.Д. Сквозняк из прошлого: время и документы: Исследования. СПб.: ООО «Инаперс», «Новая газета», 2006. С. 165–220.
- <sup>40</sup> См.: *Бройдо Г.И.* В Политбюро ЦК ВКП // «Счастье литературы»: Государство и писатели, 1925–1938 гг. Документы. С. 28–29. См. также: *Павлова Т.Ф.* Указ. соч.
- <sup>41</sup> См.: *Тарасов-Родионов А.И.* Шоколад // Молодая гвардия. 1922. № 6–7. С. 3–89.
- <sup>42</sup> См.: *Фельдман Д.М., Щербина А.В.* Грани скандала: повесть А.И. Тарасова-Родионова «Шоколад» в политическом контексте 1920-х годов // Вопросы литературы. 2007. № 5. С. 178–208.
- <sup>43</sup> Цит. по: *Чужак Н.* Литература. К художественной политике РКП. М., 1924. С. 74.
- <sup>44</sup> См.: *Парсамов Ю.В.* И.Э. Бабель и К.Е. Ворошилов: Доклад Ворошилова в ЦК РКП (б) // Россия XXI. 2010. № 4. С. 146–164.
- <sup>45</sup> Здесь и далее цит. по: *Бедный Д.* О пролетарской литературе: (Речь Демьяна Бедного при открытии 6 января с.г. Всесоюзного совещания пролетарских писателей) // Правда. 1925. 15 янв.
- <sup>46</sup> См.: *Парсамов Ю.В., Фельдман Д.М.* Грани скандала: Цикл новелл И. Бабеля «Конармия» в литературно-политическом контексте 1920-х гг. // Вопросы литературы. 2011. № 6. С. 37–48.
- <sup>47</sup> См.: *Пильняк Б.* Корни японского солнца. – *Савелли Д.* Борис Пильняк в Японии: 1926. М.: Три квадрата, 2004. С. 275. См. также: *Одесский М., Чанцев А.* Русские вершки и японские корешки (Рец. на книгу: *Пильняк Б.* Корни японского солнца. – *Савелли Д.* Борис Пильняк в Японии: 1926. М., 2004) // Новое литературное обозрение. 2005. № 76. С. 393–394.

Л.Ф. Кацис

К ПРОБЛЕМЕ ЧТЕНИЯ И ВОСПРИЯТИЯ  
КРИТИЧЕСКОЙ СТАТЬИ В ГАЗЕТЕ, КНИГЕ,  
ПОСМЕРТНОМ СБОРНИКЕ:  
БЕРКОВСКИЙ. МАНДЕЛЬШТАМ. ПАСТЕРНАК

Статья посвящена читательской и профессионально-критической оценке восприятия литературной критики, прочитанной в аутентичных источниках (газета, книга), опубликованных самим автором при жизни и в авторских сборниках, составленных родственниками или историками литературы. Автор показывает, что некоторые специфические черты газетного листа (такие как рекламы или объявления) могут стать ключом к адекватному пониманию реального контекста и сюжета критической позиции. В то же время автор показывает, что в ряде случаев возможно говорить о влиянии статей Наума Берковского 1928–1930 гг. на классические образы стихов Бориса Пастернака («Волны», «Художник» и т. д.). Таким образом, критические статьи могут стать реальными источниками поэтической полемики о советской «квартире», которые отразились в стихах Осипа Мандельштама и Бориса Пастернака.

*Ключевые слова:* Н. Берковский, О. Мандельштам, Б. Пастернак, литературная критика, «Вечерняя красная газета».

Судьба критического наследия в последующие десятилетия по публикации газетной статьи практически не изучается специально. Если статья принадлежит кому-то из великих, то она просто включается в его полное собрание сочинений. Если же критик удостоивается прижизненных сборников статей, то здесь выбор состава книги естественным образом – за автором, где газетная критическая статья может оказаться напечатанной или не напечатанной вместе со статьями журнальными. Если же сборник посмертный – то ответственность за доведение до читателя тех или

Л.Ф. Кацис

иных текстов лежит на составителях (будь то родственники автора или исследователи).

Все, за исключением первого случая, относится к судьбе статьи Наума Берковского «О тяжести недоброй», опубликованной в ленинградской «Вечерней красной газете» 4 мая 1928 г. в № 12 на с. 3. Эта статья не вошла в известный сборник статей Берковского «Текущая литература» (М., 1930), в посмертное избранное «О русской литературе» (Л., 1985), но вошла в книгу «Мир, создаваемый литературой» (М., 1989; предисловие Г.А. Белой и С.И. Тиминой).

Однако комментатор С.И. Тимина не указала ничего, кроме даты публикации статьи в газете. Между тем название «О тяжести недоброй» однозначно отсылало к строке Осипа Мандельштама из стихотворения «Notre Dame» (1912):

Но чем внимательней, твердыня Notre Dame,  
Я изучал твои чудовищные ребра,  
Тем чаще думал я: из тяжести недоброй  
И я когда-нибудь прекрасное создам.

Нетрудно представить себе, почему комментатор не указала очевидное – в статье Осип Мандельштам не упоминается вообще. И именно здесь возникает коллизия «газетная полоса» – «книжная страница». Дело в том, что на той же самой с. 3 «Вечерней красной газеты», где в «подвале» опубликовано рассуждение «О тяжести недоброй», в крайней правой колонке в верхней полосе газетного листа находится объявление «Новые книги», где в разделе «Вышли из печати» читаем: «О. Мандельштам. Стихотворения. Ц. 1 р. 75 к.».

Так именно газетная полоса, на которой единственный раз в этой газете была прорекламирована книга О. Мандельштама, оказывается ключом к статье Наума Берковского. Теперь вспомним, что в 1929 г. Наум Берковский опубликовал известную статью «О прозе Мандельштама» в «Звезде» (1929, № 5). Эта статья входила в сборник «Текущая литература», не входила в книгу 1985 г. и вошла в раздел книги «Мир, создаваемый литературой» (притом статья «О тяжести недоброй» вошла в другой раздел – ««Бремя проблем и смыслов» (Литература и действительность)»<sup>1</sup>).

Обратившись к статье «О прозе Мандельштама», мы сразу же видим, что эта статья начинается не столько с Мандельштама, сколько с прозы Пастернака. И этот контекст мы тоже будем учитывать.

К проблеме чтения и восприятия критической статьи...

Все это заставляет нас вернуться в газетно-журнальную реальность 1928–1929 гг., отказавшись от идеи какого бы то ни было использования книжной продукции 30-х, 60-х или 80-х гг. XX в.

Итак: «Эстетизм в наши дни полуузнаваем. В эпоху Брюсова и Михаила Кузмина он был сладкий, ретроспективный и “мечтательный”, выламывал приятные кусочки из древностей, тоненько и брезгливо обнюхивал современность, алкал красотостей и условностей».

Слово «условности» в сочетании с именем Михаила Кузмина однозначно указывает на книгу «Условности» 1923 г., а слова о «выламывании кусочков из древностей»<sup>2</sup> в сочетании с «тоненько» и именем автора «тяжести недоброй» отсылают к стихотворению «Невыразимая печаль» 1909 г.:

Немного красного вина,  
Немного солнечного мая –  
И, тоненький бисквит ломая,  
Тончайших пальцев белизна.

Что же касается В.Я. Брюсова, то наиболее яркая его статья об «условностях» была написана в 1902 г. Это «Ненужная правда (по поводу московского Художественного театра)», где читаем: «Но если б Художественный театр и был смелее, все равно он не выполнил бы своих намерений. Воспроизвести правдиво жизнь на сцене – невозможно. Сцена по самому своему существу – условна. Можно одни условности заменить другими и только. Во времена Шекспира ставили доску с надписью “лес”. Еще недавно у нас довольствовались задней картиной леса с боковыми кулисами, изображающими деревья, ветви которых непостижимым образом сплетаются на небе. Впоследствии будут устраивать лес из искусственных пластических деревьев, с круглыми стволами, с листвой, или даже из живых деревьев, корни которых будут крыться в кадках под сценой <...> И все это последнее слово сценической техники, как и шекспировская надпись, будет для зрителя только напоминанием, только символом леса. Современный зритель вовсе не вводится в иллюзию нарисованным деревом, но он знает, что под данным полотном с сеткой должно подразумевать дерево. Точно так же зритель Елисаветинского театра подразумевал лес под надписью, а зритель будущего времени будет знать, что под выставленным на сцене деревцем надо подразумевать дерево, естественно растущее. Декорация – только указание воображению, в каком

Л.Ф. Кацис

направлении ему работать. На античных сценах актер, изображавший человека, идущего с чужбины, входил слева. В Художественном театре актера впускают в маленькую прихожую, где он снимает шубу и ботики, в знак того, что он пришел издалека. Но кто же из зрителей забудет, что он пришел из-за кулис! Чем условность снимания шубы тоньше той условности, что актер, выходящий слева, идет с чужбины?»<sup>3</sup>.

Дальнейшие не самые тривиальные рассуждения об условности искусства мы из экономии места не приводим, отсылая читателя к этой статье Брюсова, явно повлиявшей на эстетку Кузмина.

Вернемся к нашей основной теме.

Берковский продолжает: «Хоть эстет сегодняшний и прискромнился, хоть он мужественно и предпочитает сладкое колючему, однако поймать его, “арестовать” нетрудно. Суть его не изменилась: по-прежнему литературу пробуют “на язык”, ценят за кожные ощущения – только передвинулась зона тех вкусовых сосочков, которые должен задевать литературный раздражитель».

Этот «язык» продолжает тему «тоненького бисквита», который «ломают», естественно, для того, чтобы съесть. Однако далеко не только Мандельштам отразился у Берковского, попадаете тут и Маяковский: «Эстеты кичатся: мы **единственные любим литературу**, вы – ассенизаторы, кооператоры, не дорожите словом <...>».

Для автора РАППовского журнала «На посту» выделенные слова – это прямой ответ Маяковскому на его «Послание пролетарским поэтам»: «Многие/пользуются/напостовской тряской, // с тем, / чтоб себя/ обозвать получше. // – Мы, мол, единственные, / мы пролетарские <...> // А я, по-вашему, что – валютчик?» (1926).

Эти строки связаны с начавшимся в 1928 г. процессом сближения Лефа и РАППа. Однако знаменитые строки Маяковского «Я ассенизатор и водовоз, революцией мобилизованный и призванный <...>» появятся только чуть менее чем через два года. Следовательно, перед нами первый пример того, что цитируемая статья вызвала недооцененную реакцию в литературе. И это только начало.

Теперь мы продолжаем цитирование с того места, на котором остановились: «<...> литература вам чужой цех, чужая квартира, вы приходите и гадите в ней, как постояльцы. От эстетской любви литература морщится и чахнет. Эти «любящие» желают ей всего, кроме лучшего и главного. Лучшее и главное – значительность и величие. *«Величие» начинается в литературе, когда из областей не-литературных, но жизненно – огромно – важных, ей приносят, вручают грамоту*» (выделено Н. Берковским. – Л. К.).

Любой читатель 20-х гг. должен был бы сразу опознать здесь «Охранную грамоту», но к дате выхода газеты в свет никакой «Охранной грамоты» еще в природе не было. Более того, в анкете «Советские писатели о читателях и писателях» (журн. «Читатель и писатель», 1928. № 4–5) Пастернак свидетельствовал: «Начало работы над повестью относится к 1927 г., ее первоначальное название было «Статья о поэте». В замысел входило намерение написать о недавно скончавшемся Р.-М. Рильке»<sup>4</sup>.

Если же речь идет не об «Охранной грамоте», то единственным «кандидатом» на ее место оказываются «Воздушные пути» 1924–1925 гг., которые прямо посвящены Михаилу Кузмину, тому самому автору, который в многократно упомянутых «Условностях» похвалил именно прозу Пастернака.

Итак, ключевое для Пастернака слово «грамота» появилось позже и статьи Берковского, и ответов на анкету о будущей «грамоте» самого Пастернака. Следовательно, перед нами уже второй пример воздействия статьи критика на последующую литературу. И это позволяет продолжить анализ статьи Берковского в еще более рискованном «провиденциальном» ракурсе.

Ведь слово «квартира» находит свое продолжение буквально в следующем за «грамотой» абзаце: «Нужно, чтобы замешались в литературу «огромная» тематика, «огромные» реальности, чтобы свою **огромность** и свое преобладание они удержали в литературной композиции, – мы хотим «тяжести недоброй», бремени проблем и смыслов».

Таким образом, «эстеты» и «условники» Брюсов, Кузмин, Пастернак оказались противопоставлены Мандельштаму, отказавшемуся от «тоненького эстетского бисквита» в пользу «тяжести недоброй» тяжелого каменного сооружения, которое оказывается «прекрасным».

Однако слова «квартира» и «огромность» отсылают нас к «Волнам» Пастернака, написанным лишь в 1931–1932 гг.:

Мне хочется домой, в огромность  
**Квартиры**, наводящей грусть.  
Войду, сниму пальто, опомнюсь,  
Огнями улиц озарюсь.

**Перегородок тонкоробость**  
Пройду насквозь, пройду, как свет,  
Пройду, как образ входит в образ  
И как предмет сечет предмет.

Л.Ф. Кацис

Пуškai пожизненность задачи,  
Врастающей в заветы дней,  
**Зовется жизнью сидячей,**–  
**И по такой, грущу по ней.**

Как известно, на эту «Квартиру» Пастернака ответил не кто-нибудь, а Осип Манделъшам, описавший наряду с «тяжестью недоброй» еще и «чудовищные ребра Notre Dame». Ответ этот был таким:

Квартира тиха, как бумага –  
Пустая без всяких затей –  
И слышно, как булькает влага  
По трубам внутри батарей.

Имущество в полном порядке,  
Лягушкой застыл телефон,  
Видавшие виды манатки  
На улицу просятся вон.

А стены проклятые тонки,  
И некуда больше бежать –  
А я, как дурак, на гребенке  
Обязан кому-то играть...

Соотношение этих двух квартир неоднократно исследовалось<sup>5</sup>, однако никому не приходило в голову, что источником полемики является газетная статья Наума Берковского.

Правда, для того, чтобы утверждать это с соответствующей долей уверенности, необходимо, как нам представляется, выполнить, по меньшей мере, два условия: 1) дальнейший текст статьи должен как-то продолжить намеченную линию противопоставления Пастернака и Манделъштама; 2) описанный нами критический ход должен найти соответствие в других, связанных с анализируемым, текстах Берковского.

Такое продолжение связано с рассуждениями Берковского о театральном реализме и условности, которые возвращают нас к статье Валерия Брюсова об МХТ.

Берковский пишет: «Виктор Шкловский сообщает о спектакле, где публика хохотала в сцене, когда Отелло душит Дездемону. Явление такого смеха сложнее и не легко поддается рассказыванию. В числе подобных составных частей такого смеха есть и то,



что люди смехом показывают понимание условностей искусства и освобождаются от реальности».

И сразу вслед за этим появляется рассуждение, которое, похоже, имеет отношение к следующему эпизоду «Волн» Пастернака с его загадочным образом «осин подследственных десятки»:

Опять повалят с неба взятки,  
Опять укроет к утру вихрь  
Осин подследственных десятки  
Сукном сугробов снеговых.

Сочетание «взяток» в первом значении этого слова с «подследственными (красными. – Л. К.) десятками» – достаточно очевидный «социально-экономический» признак, однако «вихрь осин» в этом контексте, видимо, напоминает о том, кто на осине повесился – об Иуде.

И эта двойственность будущих снежно-летних кавказских частей «Волн» отражает продолжение статьи Берковского: «Но если выбирать, мы предпочтем варварству зрителей “Отелло” другое – варварство средневекового театра, с его гипертрофией реализма, с этим Иудой из мистерий, почти реально повешенным, и почти реально задыхающимся, с этой красной живой бычьей кровью, пролитой по сцене; лучше дикий реалист – средневековый зритель, чем современный эстет».

Далее Берковский разбирает малоудачный, по его мнению, роман В. Бахметьева «Преступление Мартына» и переходит к главному своему положительному примеру – «Зависти» Юрия Олеши, заключая: «Бытология, как у Олеши, взятая на просвещение культурно-философской мыслью, обещает нашей литературе чрезмерный эмоциональный подъем. Можем от нее ждать взамен Нибелунгов Гражданской войны вторые советские Нибелунги: о культуре, о путях в небывалые культурные миры».

Теперь, с учетом того, что мы знаем об «эстетике» и «условнике» Пастернака, нет сомнений, что Берковский противопоставляет свою позицию «Воздушным путям» Пастернака.

Обратимся теперь к статьям Берковского о ключевых фигурах и понятиях статьи «О тяжести недоброй»: о современной прозе и Юрии Олеше и о прозе Осипа Мандельштама.

В том же самом смысле, в каком мы говорили о «провиденциальности» статьи Берковского «О тяжести недоброй», мы приведем здесь пример из его статьи «Борьба за прозу», где есть и по-

Л.Ф. Кацис

лемика с Лефом, и споры о Юрии Олеше, и критика взглядов Виктора Шкловского на т. н. «пролетарский утилитаризм» и т. д., и вот среди всего этого читаем: «Тряпичный морг – вот вывеска наших романов, страдающих бедностью материала, отобщившихся от нашей “замечательной”, как говорил Бухарин, жизни.

Кризис в поступлении сырья, кризис питания. Проза предлагает нам меню военного 1919 года – конину Леонидов Андреевых и Леонидов Леоновых. Отобщение от жизни, конечно, прегрешение попутчиков»<sup>6</sup>.

Это практически то же самое, что мы читали в эпилоге «О тяжести недоброй». Но вот следующие слова вновь не могут не привлечь внимания тех, кто смотрит не назад, а вперед, и тех, кто помнит стихи Пастернака, обращенные О. Мандельштаму уже в 1936 г.

Цитируем Берковского: «Писатель-интеллигент, начетчик, гуманист по стилю личного быта, по ходу личной культуры сейчас “неисторичен” Эпоха огибает его, “река времен” отклоняется от тех мест, где поставлена его конторка и вялое его писательское кресло, – река времен гнет мимо».

Прежде всего, здесь узнается:

Он этого не домогался.  
Он жил как все. Случилось так,  
Что годы плыли тем же галсом,  
Как век стоял его верстак.

А в те же дни на расстоянье  
За древней каменной стеной  
Живет не человек – деянье:  
Поступок ростом с шар земной, –

из стихотворения «Мне по душе строптивый норв...» («Художник», 1936), а также строки из «Он встает. Века. Гелаты...»:

– Жизнь моя средь вас – не очерк.  
Этого хоть захлебнись.  
Время пощадит мой почерк  
От критических скребниц.  
Разве вход в эпоху заперт?

Стоит отметить, что Мандельштам, который находится в центре внимания Берковского, не давал себя «от века оторвать».

Похоже, что отказ от требования превращать жизнь поэта в «очерк», в жизнь очеркиста, да и критические скребницы имеют отношение к нашей теме – слишком уж точно совпадают слова и образы критика и поэта, как это ни странно.

Теперь нам остается обратиться к статье о прозе Осипа Мандельштама, где с самого начала читаем: «Каролина Павлова написала роман “Двойная жизнь”. Роман Павловой тоже двойной: каждая глава, проведенная прозой, к концу впадает в стихи. Впадает в точном смысле: проза у самого устья, накануне стихов, размывается, начинаются поэтические перестановки слов, лексика становится стиховой, появляются намеки на стиховой ритм, подчас ритм осуществлен полностью. Две жизни – из них одна предназначена для прозы, другая – для стихов. Стихами пройдена “вторая жизнь” Цецилии – мечтательно-заумная. Салонная и трезвая фабула замужества Цецилии, ее “первая жизнь” пройдены прозой»<sup>7</sup>.

С учетом того, что далее пойдет речь о «Детстве Люверс», а цитированные в самом начале нашей статьи «Волны» были написаны в 1930–1932 гг. и были связаны с новым браком Пастернака (вошли они в сборник «Второе рождение»!), перед нами – новое начало «удвоенной» поэтической жизни «сложного» поэта в поэтической первой жизни, переходящего к «простоте» в новом поэтическом воплощении, где появится когда-то и своя «вторая» проза – «Доктор Живаго».

Вот эти стихи Пастернака, отзывающиеся, как кажется, на мысли Берковского:

Есть в опыте больших поэтов  
Черты естественности той,  
Что невозможно, их изведав,  
Не кончить полной немотой.

В родстве со всем, что есть, уверясь  
И знаясь с будущим в быту,  
Нельзя не впасть к концу, как в ересь,  
В неслышанную простоту.

Но мы пощажены не будем,  
Когда ее не утаим.  
Она всего нужнее людям,  
Но сложное понятней им.

Л.Ф. Кацис

Ключевое слово «впасть» находим и в «Он встает. Века. Гелаты...»:

Как гроза, в пути объемля  
Жизнь и случай, смерть и страсть,  
Ты пройдешь умы и земли,  
Чтоб преданьем в вечность впасть.

Таким образом, критик Наум Берковский скорее вольно, чем невольно, сумел задеть в Пастернаке такие струнки, которые продолжали звучать в поэзии «собеседника роц» вплоть до 1936 г. А ключом к пониманию этого оказалась газетная полоса «Вечерней красной газеты», на которой статья «О тяжести недоброй» соседствовала с объявлением о выходе в свет «Стихотворений» Осипа Мандельштама.

#### Примечания

- <sup>1</sup> *Берковский Н.* О тяжести недоброй // Он же. Мир, создаваемый литературой. М.: Художественная литература, 1989. С. 90–93.
- <sup>2</sup> Не исключено, что в стилистике Берковского отразилась фраза В.И. Ленина, запомнившаяся и опубликованная Кларой Цеткин после знаменитых слов о том, что «искусство принадлежит народу»: «Должны ли мы небольшому меньшинству подносить сладкие утонченные бисквиты, тогда как рабочие и крестьянские массы нуждаются в черном хлебе?» (В.И. Ленин о литературе и искусстве. 3-е изд. доп. М.: Художественная литература, 1967. С. 662–664).
- <sup>3</sup> *Брюсов В.* Ненужная правда: По поводу Художественного театра // Он же. Собр. соч.: В 7 т. М.: Художественная литература, 1975. Т. 6. С. 69–70 (впервые: Мир искусства. 1902. № 4). Ср. того же автора: Реализм и условность на сцене // Театр: Книга о новом театре. СПб., 1908.
- <sup>4</sup> *Пастернак Е.Б., Пастернак Е.В.* Комментарии // Пастернак Б. Полн. собр. соч.: В 11 т. М.: Слово, 2004. Т. 3. С. 548–549.
- <sup>5</sup> *Жолковский А.* «Мне хочется домой в огромность...» Б. Пастернака: социальный заказ, тематика, структура // <http://www-bcf.usc.edu/~alikh/rus/ess/bib51.htm> (дата обращения: 12.12.2012).
- <sup>6</sup> *Берковский Н.* Борьба за прозу // Он же. Мир, создаваемый литературой. С. 67 (впервые: На литературном посту. 1928. № 23. С. 26–36; № 24. С. 16–25).
- <sup>7</sup> *Берковский Н.* О прозе Мандельштама // Он же. Текущая литература: Статьи критические и теоретические. М.: Изд-во «Федерация», 1930. С. 155 (впервые: Звезда. 1929. № 5. С. 160–168).

Т.С. Кутаренкова

РУССКАЯ ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ  
ВО ФРАНЦИИ В 1920-х гг.:  
ТИПОЛОГИЯ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

В статье рассматриваются причины и контекст развития феномена периодики эмиграции первой волны во Франции. Анализируются различные типы классификации русской прессы и особенности журналистской деятельности в условиях эмиграции в рассматриваемый период.

*Ключевые слова:* русская эмиграция, Франция, периодическая печать, политическая полемика, большевизм, издательское дело.

Русская эмиграция первой волны представляет собой уникальное явление в мировой истории не только благодаря своим масштабам, но в первую очередь благодаря важности вклада в русскую и мировую культуру.

По разным оценкам, русская эмиграция первой волны составляла не менее полутора миллиона человек. Русское зарубежье охватило 26 стран мира<sup>1</sup>.

Важной заслугой русской эмиграции стало то, что она смогла за пределами исторической родины создать самобытную и многообразную культуру, в основу которой были положены высшие культурные достижения дореволюционной России. Духовный потенциал первой волны эмиграции был огромен и проявлялся в самых разных областях – в религии, в искусстве, в литературе, в общественной и политической жизни, в философских исканиях.

Одним из главных показателей этого потенциала можно считать журналистику русской эмиграции. Для людей, переживших такие серьезные потрясения, как Гражданская война и потеря родины, было естественным желание высказаться и найти объяс-

Т.С. Кутаренкова

нение произошедшему. Окруженные иной культурой, в пространстве чужого языка, они хотели слышать голоса соотечественников. Лучшим способом для такого рода коммуникации была журналистика.

Париж стал одним из крупнейших центров сосредоточения русских эмигрантских масс. В 1920 г. французы активно участвовали в эвакуации русских беженцев из Крыма, что способствовало налаживанию тесных контактов с эмигрантами. В среде русской интеллигенции французский язык был распространен более, чем какие-либо другие европейские языки. В начале 20-х гг. XX в. в столице Франции сосредоточились основные политические силы эмиграции, а также наибольшее число банков, общественных фондов и объединений, обществ помощи эмигрантам. Еще одним немаловажным фактором, обусловившим перемещение русских беженцев из других европейских городов именно в Париж, было расположение во французской столице правлений Русского Обще-Воинского Союза и других организаций. И наконец, Франция, которая понесла огромные потери в Первой мировой войне, очень нуждалась в рабочей силе<sup>2</sup>.

В 1921 г. во Франции проживало около 400 тысяч русских эмигрантов. Правда, к 1923 г. численность русских во Франции снизилась до 125 тысяч, а к 1924 г. – до 90 тысяч<sup>3</sup>. По информации префекта полиции Парижа Нодэна о количестве иностранцев, проживавших в Париже, в 1921 г. в столице Франции проживало 23 500 русских. В 1930 г., по сведениям французского исследователя Ж. Делага, в двадцати районах Парижа жили 43 250 русских и 9500 в предместьях<sup>4</sup>.

К 1925 г. Париж стал одним из центров русской зарубежной литературы и журналистики. В крупных городах почва для газетной деятельности была в высшей степени благоприятной: здесь журналисты находили не только число читателей, ожидающих откровений и свежих политических мыслей, но и большое количество покупателей их изданий. Публика ждала новостей из России и объяснений происходившего на покинутой родине, она болезненно интересовалась всем приходившим из России, и в силу этих причин спрос на русскоязычную прессу был очень велик.

По данным Подкомитета частных организаций по делам беженцев, в 1922 г. аудитория русских периодических изданий во Франции насчитывала около 70 тысяч человек, а к 1930 г. их число возросло до 175 тысяч. К 1937 г., по данным Службы Нансена, оно снизилось до 110 тысяч человек<sup>5</sup>.

Для издания журналов и газет в эмиграции, особенно в европейских странах, литературных сил было более чем достаточно. Кроме известных всей России литераторов, здесь оказалось немало и обычных журналистов, так как в 1918 г. советская власть закрыла многие периодические издания.

20-е годы – это период активного строительства русской зарубежной прессы. Печатное слово было и самым действенным, фактически единственным средством сохранения самосознания граждан, оказавшихся в изгнании. Рассеянные по всему земному шару русские эмигранты не могли организовать свою радиостанцию: для ее организации была необходима государственная лицензия и по тем временам она не обладала большим радиусом действия. Поэтому основная роль в поддержании и укреплении чувства единства Русского зарубежья принадлежала издательскому делу. Совершенно очевидно, что печатание и распространение русского слова позволяли эмигрантам продолжать творческую деятельность и быть в курсе событий.

Роль периодики в общественной жизни и культуре русского зарубежья была чрезвычайно велика. Печатное слово стало для российской эмиграции мощным связующим элементом и средством социальной адаптации. Важно отметить, что журналы и газеты русской эмиграции служили организующим центром политических и общественных движений. Каждое из вышедших русских изданий служило центром формирования политических идей, литературных мнений и общественных взглядов значительных групп людей.

Что касается типологии русской журналистики во Франции, то среди печатных изданий по тиражам и популярности лидировали журналы. Газет издавалось чуть меньше. Ограниченные финансовые возможности не всегда позволяли выпускать издание в определенные сроки. Зачастую газеты и журналы не имели определенной периодичности. Часто многие издатели предпочитали их альманахам, сборникам, которые могли выходить по мере накопления материала и средств, независимо от времени. Выходили также вестники, бюллетени, информационные листки, но необходимость их регулярного выпуска отсутствовала. Как правило, их выход привязывался к определенному событию: юбилею, съезду и т. д.<sup>6</sup>

Условия функционирования журналистики эмиграции, интересы и потребности аудитории отразились на содержании изданий. Пресса была представлена литературными, общественно-

Т.С. Кутаренкова

политическими, культурными, экономическими, хозяйственными, партийными, религиозными, историческими, научными, сатирическими изданиями.

Каковы были источники информации для журналистов в эмиграции? Существовали частные телеграфные агентства: «Русунион», «Руспресс», «Руссбюро», «Славбюро», «Норд-Ост», «Норд-Экспресс», «Ден», «Русаген», которые взаимодействовали с официальными агентствами правительств тех стран, в которых находились эмигранты, а также пресс-бюро, сеть корреспондентов при каждом издании в разных странах мира. Вследствие невозможности получения аутентичной и дорого стоящей телеграфной информации, некоторые газеты прибегали к перепечатыванию сведений из других, более крупных изданий, переделывая заглавия и снабжая чужие тексты собственными комментариями<sup>7</sup>.

Значительное место в эмигрантских изданиях отводилось рассказам очевидцев – в начале 20-х гг. XX в. наибольшее внимание уделялось только что прибывшим эмигрантам и так же, как и в последующие годы, любым приезжим из России, которые могли поделиться с журналистами своими впечатлениями от советской жизни. Не меньшее внимание газеты уделяли материалам мемуарного характера – участников Гражданской войны и т. д.

В условиях эмиграции редакторы печатных изданий постоянно сталкивались с проблемой получения достоверной и правдивой информации о происходящем в Советской России. Зачастую погоня за сведениями из России приводила к тому, что редакторы прибегали к помощи недобросовестных информаторов. Так, на страницы «Руля» однажды попала новость о смерти в Крыму от истощения писателя И.С. Шмелева, но на самом деле погиб не Шмелев, а его единственный сын<sup>8</sup>.

Тем не менее ошибочно было бы полагать, что пресса русской эмиграции существовала в условиях отсутствия цензуры и каких-либо этических ограничений. Она не попадала под гнет западных цензурных ведомств, но при этом подчинялась определенной цензуре, которая подразумевала соблюдение обязательств журналистов перед страной, которая их приютила, цензуры общественного мнения и самоцензуру – собственные правила, выработанные со временем журналистами-эмигрантами. Но тем не менее для русских авторов той эпохи это была настоящая свобода слова, и положение журналистов в эмиграции было куда более завидным, нежели их коллег в СССР. Эмигранты могли не только свободно крити-



ковать большевизм, но и открыто обсуждать свои проблемы и полемизировать на страницах изданий.

Русская журналистика во Франции, как и в других странах проживания русских беженцев, испытывала немало трудностей. В первую очередь они были связаны с отношением к русским властей страны. Изменения в характере дипломатических, экономических и культурных связей с СССР, приход новых режимов – все это несомненно сказывалось на русской печати. Так, после признания Францией Советского Союза П.Б. Струве, редактору «Возрождения», «категорически было предложено умерить нападки на Москву»<sup>9</sup>.

Но наиболее существенным ограничением в свободе распространения русской периодики были экономические трудности. Для того чтобы поставить на ноги издание газеты или журнала, необходим был немалый первоначальный капитал в валюте страны проживания, чтобы, во-первых, покрыть расходы на типографию с русским шрифтом и закупить бумагу, во-вторых – оплатить содержание литературных работников и корреспондентов, в-третьих – распространять издание. Некоторые издатели влезали в долги, но непосильные издательские и типографские расходы, низкая платежеспособность читателей вынуждали закрывать многие издания, которые только начинали выходить. Стесненное материальное положение многих эмигрантов и их неуверенность в долговечности эмигрантской газеты вынуждали подписываться на издания на краткий срок. Безусловно, это негативно сказывалось на прибыли газетчиков.

Многие газеты были не в состоянии платить своим авторам гонорары. Материальное положение журналистов в эмиграции в целом было крайне тяжелым. В условиях жесткой конкуренции, вызванной разнообразием политических толков и борьбой за читателя, при дороговизне бумаги, печатания и тяжести налогов, издатели были вынуждены искать дополнительные источники заработка. Первое время эмигрантские издания выживали благодаря финансовой помощи европейских правительств. Но по мере того, как отношение Европы к СССР плавно переходило от непримиримости к компромиссу, от враждебности – к признанию и примирению, бюджеты антибольшевистских изданий заметно скудели. Однако это не распространялось на крупную эмигрантскую прессу, долговечную и кредитоспособную в силу ряда обстоятельств<sup>10</sup>.

Партийная пресса выходила с помощью партийных денег и пожертвований меценатов, сторонников партий. Нередко им удава-

лось привлекать и заинтересованных иностранных спонсоров. Многие издания, такие как, к примеру, «Возрождение» или журнал «Эмигрант», выходили на средства торгово-промышленных кругов. Монархические газеты, безусловно, пользовались поддержкой соответствующих групп и организаций. То же самое касалось газет, выражавших интересы, идеи и программы определенных союзов и объединений. Так, к примеру, «Последние новости» «кормились» от кадетской партии. «Дни» издавались на деньги, переведенные Керенским за границу еще в те годы, когда он являлся главой Временного правительства.

В целях поддержки русской журналистики за рубежом в Париже ежегодно проводился благотворительный «Бал прессы». Также с целью поддержки работников печати существовал в основном благотворительный Союз русских писателей и журналистов. Председатель Союза П.Н. Милуков призывал принять активное участие в организации и проведении «Бала прессы», так как деньги, собранные за проданные входные билеты, помогли бы бедствующим журналистам пополнить их бюджет, чтобы рассчитаться с долгами, сохранить за собой квартиру, оплатить лечение, заплатить за обучение детей<sup>11</sup>.

Русская эмигрантская пресса в 20-е гг. XX в. включала в себя широкий спектр изданий самого разного типа и тематической направленности.

Ностальгические настроения эмигрантов, около четверти из которых были участниками Белого движения, привели к появлению немалого числа военно-исторических журналов и сборников. Генералом Н.Н. Баратовым редактировалась военно-научная газета «Русский инвалид», издававшаяся главным правлением Зарубежного совета русских военных инвалидов. Также известны были журнал «Часовой», сборник «Белый архив», журнал «Вестник союза офицеров участников войны», военно-морской журнал «Сигнал» и др.

Выходило большое число религиозных изданий, самыми известными из которых во Франции были «Вестник Русского христианского движения», «Вера и Родина», а также философско-теоретические издания, такие как «Новый град», «Путь», «Православная мысль», «Сергиевские листки».

Среди русских эмигрантов во Франции 20–30-х гг. XX в. весьма популярны были литературные издания. В Париже выходили литературно-художественные журналы «Встречи» и «Жар-птица», еженедельники «Звено» и «Перезвоны», сборник «Числа»<sup>12</sup>.

В 20-е гг. в Париже существовало более трехсот различных русских организаций и объединений. Почти все они располагали своими печатными изданиями. Выходили журналы «Еврейская трибуна», «Казачий путь», «Театр и жизнь», «Русский экономист» и многие другие<sup>13</sup>.

Среди русских эмигрантов во Франции был очень популярен журнал «Иллюстрированная Россия», представлявший собой летопись русской жизни за рубежом в фотографиях, рисунках, поэзии, прозе, исторических очерках, воспоминаниях, репортажах<sup>14</sup>.

Как пишет историк А.Л. Афанасьев, «дела и судьбы белой эмиграции – это дела и судьбы людей, потерявших Родину, Россию, тепло отчего дома и токи родной земли»<sup>15</sup>. Эмигрантская печать первой волны – это в первую очередь печать, настроенная антисоветски. Это была печать, в большинстве своем стоявшая на службе сил, готовых к борьбе с советским режимом. Эту готовность и решимость в полной мере оценивали даже их враги. В.И. Ленин отмечал: «Эти контрреволюционные эмигранты очень осведомлены, великолепно организованы, хорошие стратеги, и я думаю, что систематическое сравнение, систематическое изучение того, как они организуются и как пользуются тем или иным случаем, может оказать сильное воздействие на рабочий класс с точки зрения пропаганды. Это не общая теория, это – практическая политика, и здесь видно, чему враг научился»<sup>16</sup>.

К 1921 г. русская белая эмиграция сформировалась как существенная политическая сила, располагавшая средствами, кадрами, печатными органами, сетью организаций. Борьбе с советским режимом в эмигрантских газетах отводилось гораздо более значительное место, нежели какой-либо другой политической или общественной проблеме.

Таким образом, это была пресса, базировавшаяся в большинстве своем на платформе антибольшевизма. Безусловно, существовали также издания, которым была чужда антисоветская пропаганда. Среди газет, издававшихся за рубежом до революции и до Первой мировой войны, было немало изданий, стоявших на позициях признания Советской власти, призывавших к примирению с ней. Но важно отметить, что наибольшим спросом пользовалась пресса иного рода – издания, возникшие после октября 1917 г., сразу вставшие на позиции осуждения большевизма, а также примкнувшие к ним газеты и журналы, существовавшие за рубежом в эпоху монархии, но не являвшиеся оппозиционными политическому режиму в Российской империи и не имевшие четкой

Т.С. Кутаренкова

политической позиции. В интересах спасения собственных тиражей последние, скорее не из идеологических соображений, а повинаясь «духу времени», также присоединились к лагерю антибольшевистской прессы<sup>17</sup>.

В Париже осели самые заметные и предприимчивые деятели Русского зарубежья и были представлены все политические силы бывшей России. А.Н. Толстой в одном из писем отмечал: «Красные одолели, междоусобная война кончилась, но мы, русские эмигранты в Париже, все еще продолжали жить инерцией бывшей борьбы»<sup>18</sup>.

Общественная жизнь русской эмиграции не только во Франции, но и во всех странах, где жили русские беженцы, заключала в себе большое разнообразие мнений и политических концепций. В эмигрантской среде сосуществовали самые разные течения общественной мысли. С одной стороны, традиционные идеалы «Православия, Самодержавия и Народности», с другой – либерально-республиканские воззрения лидеров Февральской революции. Более того, возникали новые, постреволюционные идейно-политические течения, которые по-новому осмысливали ход российской истории.

Единство эмиграции было иллюзорным: при общей непримиримости к большевизму разные политические силы предлагали разные методы борьбы и выживания и по-разному видели будущее родины. Оценивая сложившуюся политическую ситуацию в эмиграции, П.Б. Струве отмечал, что, с одной стороны, в эмиграции стояли доктринеры-монархисты, выступающие за реставрацию, на другом конце находились доктринеры-республиканцы, видящие необходимость установления в России республиканского строя. Единства не было не только между либералами и правыми, но и внутри каждой из групп. Однако и среди консерваторов существовало немало противоречий. Одни свое патриотическое служение родине видели на основе непредрешенчества, полагая, что вопросы о будущем государственном устройстве России второстепенны и гораздо важнее задача освобождения родины от большевиков. Другие – на основе легитимизма, будучи сторонниками провозглашения императора еще в эмиграции.

Монархисты и правые кадеты выступали за вооруженную борьбу с большевиками. Левый фланг эмиграции (левые кадеты и левые эсеры) утверждал, что большевизм изживет себя сам и будет ликвидирован путем внутренней эволюции, которой нужно содействовать, а антикоммунистические действия только льют воду

на мельницу большевиков. Также левое крыло опасалось, что свержение коммунистов путем военной и политической интервенции приведет к победе в России правых, что выглядело для них еще менее желательным. Таким образом, между «активистами» и «умеренными» велась постоянная «междоусобная война»<sup>19</sup>.

Журналистика отражала все процессы, происходившие в эмигрантском мире. Периодические издания показывали всю пестроту мнений и политических ориентаций, существовавших в Русском зарубежье: каждая группа, занимавшая собственную идеологическую позицию, стремилась иметь свой печатный орган.

Русские газеты во Франции представляли широкий спектр идейно-политических течений. Немецкий историк Ханс фон Римша отмечал, что около 90% эмигрантских газет в начале 20-х гг. XX в. были так называемыми «февралистскими», т. е. газетами леволиберального фланга. Несмотря на широкую распространенность своих воззрений в Русском зарубежье, правое крыло и его печатные издания не имели таких тиражей и таких средств общеэмигрантской поддержки, как левое. Так, меньшевики имели большое влияние среди западных единомышленников, и в издании своих журналов и газет им помогали западные социал-демократы. Также позиция левого фланга находила отклик во многих западных правительствах и финансово-промышленных кругах, заинтересованных в торговле с Советским Союзом. Однако левые вряд ли могли соперничать с правыми по числу сторонников<sup>20</sup>.

К монархическим изданиям относились журнал «Двуглавый орел», выходивший под эгидой Высшего монархического совета, газета «Грядущая Россия», выступавшая за конституционную монархию, газета «Возрождение».

Демократическая пресса включала в себя газеты кадетов, социалистов-революционеров и Российской социал-демократической партии. Левое крыло кадетов представляла газета «Последние новости». Крупным изданием эсеров был журнал «Современные записки» – это был самый долговечный литературный журнал в эмиграции, и публикация произведения в нем гарантировала автору несомненный успех. Несмотря на то что во главе журнала стояли правые эсеры, практически журнал был «внепартийным», в нем участвовали представители почти всех эмигрантских течений и эмигрантская молодежь. Левый фланг партии социалистов-революционеров представлял журнал «Воля России», поначалу издававшийся в Праге, а затем в Париже. Партии эсеров была близка по духу газета бывшего премьер-министра Временного

правительства А.Ф. Керенского «Дни». Другим известным эсером – В.Бурцевым – редактировалась газета «Общее дело». Прессу меньшевиков представлял в первую очередь журнал «Социалистический вестник», который был признан центральным органом Заграничного бюро ЦК РСДРП («меньшевиков»).

Особую группу представляли собой издания различных идейных движений и объединений в русской эмиграции. Наряду с традиционным разделением на правых и левых в эмиграции оформились новые направления общественно-политической жизни – сменовеховство и евразийство. Для беженцев в той или иной степени было характерно стремление установить связь с родиной. Для небольшой части эмигрантов это выражалось в мысли о возвращении в Россию вне зависимости от господствующего там политического режима. Такие идеи исповедовало в первую очередь сменовеховство. Сменовеховцы утверждали возможность диалога и компромисса с Советской властью. Во Франции сменовеховцы издавали журнал «Смена вех»<sup>21</sup>.

Другим крупным течением эмигрантской мысли, также ориентированным на возможность возвращения на родину, было евразийство. Отношение евразийцев к большевизму было двойственным: с одной стороны, они проклинали его, как порождение европейской порочной мысли, с другой – были готовы благословлять большевистский переворот, «который вдребезги разбил весь предшествующий уклад русской жизни, построенный на подражании европейским образцам»<sup>22</sup>. В Париже ими был издан один из номеров трех сборников под общим названием «Евразийский временник», в Кларамаре – еженедельник «Евразия» и журнал «Версты».

Главное, что характеризует русскую журналистику во Франции в 20–30-е гг. XX в. – это ее существование в тяжелых условиях идейно-политических разногласий: не было понимания того, что во имя общей цели – свержения большевизма – нужно отринуть все внутренние распри, отложить споры о том, как лучше обустроить будущее России, восстановить ли монархию или провозгласить республику и т. д., и объединиться.

Эти разногласия отразились на страницах русских газет и журналов. Подобно тому, как великий разброд свел в итоге на нет борьбу Белого движения, так то же разногласие и упрямство тормозило развитие публицистической деятельности белоэмигрантов. Как пишет В.М. Белов о газетах, «каждая в отдельности или, в лучшем случае вместе, тянут в свою сторону, подкапываются под работу своего собрата, критикуют и издеваются над его мыслями

и проектами, и всю огромную сумму способностей, времени, усилий и средств непроизводительно расходуют на разведение в эмиграции зловонного болота полемики, интриг и просто глупых сплетен»<sup>23</sup>.

Зачастую полемика между изданиями из публицистической перепалки на страницах перерастала в угрозы, покушения на убийства, а то и убийства. Так, в 1922 г. была предпринята попытка покушения на П.Н. Милюкова, при этом был убит редактор газеты «Руль» В.Д. Набоков. В том же году жертвой покушения стал редактор сменовеховской газеты «Новая Россия» А.М. Агеев. В 1924 г. от пули убийцы погиб редактор издававшейся в Софии газеты «Русь» И.М. Каллиников. Неважно жилось в эмиграции и редактору «Дней» А.Ф. Керенскому, постоянно опасавшемуся покушений<sup>24</sup>.

Именно в силу этих причин русская пресса за рубежом не могла оказывать существенное влияние на общественное мнение в странах пребывания эмигрантов и на политику европейских правительств, продолжая существовать исключительно для русской эмиграции. Белая пресса разных толков была призвана бороться с опасными симптомами разлада, но она смогла только задержать нарастание внутреннего брожения, но никак не справиться с ним окончательно.

Известный поэт-сатирик и фельетонист Дон-Аминадо (Аминадав Шполянский) писал:

Живем, бредем и медленно седеем...  
Плетемся переулками Пасси.  
И скоро совершенно обалдеем  
От способов «спасения» Руси!

И эти стихи как нельзя лучше подходят для характеристики состояния русской эмиграции в обозначенный период.

Таким образом, русская журналистика во Франции в 20–30-е гг. XX в. представляла собой систему разных типов изданий. Это была журналистика, которая наследовала традиции русской печати XIX – начала XX в. Основой эмиграции первой волны послужили те, кто боролся против большевизма, и в силу этого печать первой волны эмиграции в целом была непримирима по отношению к Советской власти. Но вместе с тем эмиграция представляла собой огромное разнообразие политических сил, идейных групп и течений, что, несомненно, проявилось в широком спектре изданий

Т.С. Кутаренкова

с разной политической направленностью. Именно журналистика помогала эмигрантам адаптироваться в новых условиях, активно формировала политическое, социальное и культурное пространство русского мира за рубежом и позволяла сохранить колоссальное духовное наследие покинутой Родины.

#### Примечания

- <sup>1</sup> *Тимонин Е.И.* Исторические судьбы русской эмиграции (1920–1945-е гг.). Омск: Изд-во СибАДИ, 2000. С. 3.
- <sup>2</sup> *Невзорова И.* Периодическая печать как источник информации при составлении хроники жизни русской эмиграции // Журналистика национальных меньшинств в Европе: Вчера. Сегодня. Завтра / Под ред. А. Меймре. Таллин: Изд-воТаллинского ун-та, 2007. С. 164–189.
- <sup>3</sup> Эмиграция и репатриация в России: монография / В.А. Ионцев, Н.М. Лебедева, М.В. Назаров. М.: Попечительство о нуждах Российских репатриантов, 2001. С. 52.
- <sup>4</sup> *Ипполитов С.С.* Российская эмиграция и Европа: несостоявшийся альянс. М.: Изд-во Ипполитова, 2004. С. 31–32.
- <sup>5</sup> Журналистика русского зарубежья XIX–XX веков / Под ред. Г.В. Жиркова. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003. С. 5.
- <sup>6</sup> Там же. С. 176.
- <sup>7</sup> *Белов В.М.* Белая печать: Ее идеология, роль и значение. Пг.: Гос. изд-во, 1922. С. 64.
- <sup>8</sup> Журналистика русского зарубежья XIX–XX веков. С. 22–23.
- <sup>9</sup> *Гессен И.В.* Годы изгнания: Жизненный отчет. Париж: YMCA-Press, 1972. С. 209.
- <sup>10</sup> *Белов В.М.* Указ. соч. С. 21.
- <sup>11</sup> *Балуев Б.П.* Споры о судьбе России в эмигрантской публицистике 20-х годов (противостояние двух центров) // История и историки: Историографический вестник. М.: Наука, 2003. С. 3–32.
- <sup>12</sup> Журналистика русского зарубежья XIX–XX веков. С. 230.
- <sup>13</sup> *Назаров М.В.* Миссия русской эмиграции. 2-е изд., испр. М.: Родник, 1994. С. 45.
- <sup>14</sup> *Марченко Т.В.* «Иллюстрированная Россия» // Литературная энциклопедия русского зарубежья: 1918–1940. Т. 2. Периодика и литературные центры. М.: РОССПЭН, 2000. С. 179–184.
- <sup>15</sup> *Афанасьев А.Л.* Польша в чужих полях. М.: Молодая гвардия, 1984. С. 85.
- <sup>16</sup> *Ленин В.И.* Полн. собр. соч.: В 55 т. Т. 44: Июнь 1921 – март 1922 г. 5-е изд. М.: Изд-во политической литературы, 1974. С. 39.
- <sup>17</sup> *Белов В.М.* Указ. соч. С. 6–7.
- <sup>18</sup> *Костиков В.В.* Не будем проклинать изгнание. М.: Вагриус, 2004. С. 120.



<sup>19</sup> Назаров М.В. Указ. соч. С. 46–47.

<sup>20</sup> Там же. С. 48.

<sup>21</sup> Журналистика русского зарубежья XIX–XX веков. С. 182.

<sup>22</sup> Ревякина А.А. «Евразийский временник» // Литературная энциклопедия русского зарубежья: 1918–1940. Т. 2: Периодика и литературные центры. С. 129–133.

<sup>23</sup> Белов В.М. Указ. соч. С. 27.

<sup>24</sup> Бобрищев-Пушкин А.В. Война без перчаток. Л.: Изд-во «Кубуч», 1925. С. 52.

В.Л. Гопман

РЕЦЕПЦИЯ ФАНТАСТИЧЕСКИХ РОМАНОВ  
АРТУРА КЛАРКА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРЕССЕ  
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.

Статья посвящена рецепции фантастических романов А. Кларка в отечественной периодической печати с первых публикаций о нем в 1960-е гг. и вплоть до начала XXI в. Анализируются публикации, выходявшие в разных изданиях, от специализированных литературоведческих до научно-популярных, делается вывод о динамике рецепции.

*Ключевые слова:* А. Кларк, фантастический роман, рецепция, русская периодическая печать.

В 1968 г. вышел фильма Стенли Кубрика «Космическая одиссея: 2001 год». Сценарий фильма был написан Кубриком и английским фантастом Артуром Кларком (уже потом Кларк использует фильм как основу для одноименного романа). Фильм имел не только исключительное значение для развития фантастической литературы – благодаря ему (точнее, и ему тоже) стало меняться в обществе отношение к фантастике как к развлекательному чтиву. Принято считать, что два события в мире западной культуры 60-х гг. XX в. так существенно повлияли на отношение людей к этой литературе: выход на экраны фильма Кубрика и демонстрация в США сериала «Звездный путь»<sup>1</sup>.

После премьеры «Космической одиссеи» Кларк воистину «проснулся знаменитым». С этого момента начинается его всемирная слава, упрочению которой послужило и то, что в 1969–1970-е гг. Кларка приглашали комментировать по телевидению события лунных экспедиций по программе «Аполлон».

---

© Гопман В.Л., 2012

Рецепция фантастических романов Артура Кларка в отечественной прессе...

Кларк – писатель, получивший все мыслимые премии в фантастике, от «Хьюго» до «Небьюлы». Он также обладатель множества наград за научную и научно-популяризаторскую деятельность; особо дорога была ему, по его словам, медаль, полученная из рук Алексея Леонова в 1982 г. в Звездном городке – ведь такой медалью награждают тех, кто проработал 20 лет в Космическом центре. Кроме того, Кларк – обладатель Ордена Британской Империи (помимо него, из английских фантастов подобная награда только у Брайана Олдисса и Терри Прэтчетта), а также он был пожалован Елизаветой II рыцарским званием, став первым сэром в истории фантастики Великобритании.

Еще при жизни писателя, в 1987 г., была учреждена премия его имени – вторая по значимости награда за достижения в области фантастики в Англии (первая присуждается Британской ассоциацией писателей-фантастов). Среди ее лауреатов – такие известные писатели, как Маргарет Этвуд, Брюс Стерлинг, Кристофер Прист, Нил Стивенсон. Победителю вручается денежный приз, равный цифрам текущего года – например, лауреат 2007 г. Майкл Джордж Харрисон получил 2007 фунтов стерлингов.

\* \* \*

Кларка в России переводят с конца 50-х гг. XX в. Согласно библиографии Б. Миловидова первый рассказ английского фантаста увидел свет на русском языке в 1957 г.<sup>2</sup> Очень скоро Кларк стал одним из самых переводимых у нас западных фантастов. Он воспринимался прежде всего как приверженец строгой научной фантастики, воспевающей могущество человеческого разума и победы человечества над космосом.

В книгах Кларка не усматривали ничего крамольного, антисоветского, покушающегося на идеологические основы советского строя, поэтому его переводили много. До начала перестройки (и до начала бесцензурного издания западной литературы) у Кларка вышло свыше десяти книг, один из лучших показателей среди зарубежных фантастов в СССР.

Кларк в определенной степени – показательный пример западного писателя, критическая рецепция которого в нашей стране напрямую зависела от рецепции переводческой. Иными словами, при советской власти писали больше о том, кого больше переводили, поскольку этот автор был «разрешен» цензурой. Поэтому необходимо сказать несколько слов о переводческой рецепции Кларка.

У нас переведены почти все фантастические романы Кларка, в том числе и роман, принесший ему всемирную славу, «Космическая одиссея 2001 года». Правда, финал романа, в котором герой, американский астронавт Дэвид Боумен, попадает через Звездные Врата в иную галактику, где предстает перед вселенским Сверхразумом и, приобщившись его высшей мудрости, сливается с ним, – был при переводе снят<sup>3</sup>. Подобный финал казался несовместимым с представлением о Кларке как приверженце фантастики научно-технической, а потому твердо стоящем на материалистических позициях; кроме того, в Советском Союзе такая концовка произведения воспринималась как мистическая, а потому неподобающая в книге прогрессивного западного писателя, коим считался Кларк.

Подобное обращение с текстом объяснялось в послесловии И.А. Ефремова, авторитет которого был использован, чтобы «прикрыть» публикацию, сделать ее «проходной». Конечно, сейчас немного неловко читать слова Ефремова: «Последние страницы совершенно чужды, я бы сказал – антагонистичны реалистической концовке атмосфере романа, не согласуются с собственным, вполне научным мировоззрением Кларка, что и вызывало отсечение их в русском переводе»<sup>4</sup>. Думается, вряд ли прав В. Ревич, упрекавший И.А. Ефремова в «простодушии» этого объяснения<sup>5</sup>, сделанного, чтобы спасти перевод романа.

На самом деле противоречия в романе не было – ни эстетического, ни идейного. Ведь центральная тема творчества Кларка – Человек и Вселенная. Писатель, рассматривая различные аспекты этой проблемы – от непосредственного контакта землян с носителями внеземного разума (роман «Конец детства») до опосредованного (роман «Свидание с “Рамой”»), в каждом случае исходит из необходимости эволюции не только разума, но и морали. И независимо от конкретных художественных способов решения проблемы, Кларк всегда выходил за рамки традиционной научной фантастики, создавая эстетику, в которой причудливым образом сочетаются элементы различных форм фантастического.

В какой-то степени Кларка можно назвать везунчиком – его продолжали переводить даже после ситуации с романом «2010: Одиссея-2». Роман начал печататься в журнале «Техника–молодежи» в 1984 г. В этом журнале Кларка публиковали с 1972 г., напечатали несколько рассказов, а в течение всего 1980 г. шел с продолжением роман писателя «Фонтаны рая». Однако в 1984 г. вышли всего два номера, второй и третий. В № 4 не было продолжения

романа, а № 5, к удивлению любителей фантастики, содержал лишь краткое изложение последующих глав книги.

Причина произошедшего заключалась в том, что роман – по меркам того времени – оказался антисоветским: при переводе и подготовке его к печати никто не обратил внимания на то, что посвящен он был опальному тогда академику Сахарову (посвящение которому, правда, сняли), но и русские члены космического корабля «Алексей Леонов» (с первым советским космонавтом, вышедшим в открытый космос, Кларка связывала многолетняя дружба) носили фамилии известных в то время диссидентов: Орлов, Браиловский, Терновский. Разразился скандал, публикацию запретили, главного редактора «Техники–молодежи» Захарченко уволили. Это был один из самых громких случаев влияния идеологии на переводческую рецепцию фантастической литературы в нашей стране.

Спустя много лет была обнародована версия причин произошедшего – один из помощников Кларка рассказал, как в романе появилось то, что так напугало советскую цензуру. Будто бы по указанию писателя через ЭВМ был пропущен большой объем западной периодики, проанализировав которую устройство выдало наиболее часто встречавшиеся тогда в печати США и Великобритании русские фамилии, которыми были именно фамилии диссидентов. Версия эта по-своему красивая: отрешенный от реальности Кларк, сидя в компьютеризированной башне из слоновой кости, творит, не обращая внимания на сиюминутность.

Думается, что дело все-таки обстояло иначе. Вне сомнения, Кларк знал, кому принадлежали эти фамилии – начиная с А.Д. Сахарова, недаром посвящение к роману гласит: «Двум великим русским: генералу А.А. Леонову, – космонавту, герою Советского Союза, художнику, и академику А.Д. Сахарову – ученому, лауреату Нобелевской премии, гуманисту». Известно, что писатель внимательно следил за тем, что происходит в мире, не раз удивляя своих многочисленных посетителей и интервьюеров осведомленностью в вопросах современной политики. И Кларк – что также известно – всегда занимал отчетливо выраженную позицию в вопросах мира и войны, выступал неизменно против военного противостояния мировых супердержав, не отдавая предпочтения ни одной из них. Что же до использования – конечно, осознанного – примет жизни Советского Союза, то, полагаю, со стороны Кларка такой ход можно объяснить проявлением присущего писателю знаменитого, «типично» английского юмора, который выражается

В.Л. Гопман

во внешней невозмутимости, полной серьезности по отношению к объекту вышучивания, установления между ними определенной дистанции – словом, в том, что англичане называют understatement, недоговоренное. В сущности, это своеобразное литературное хулиганство – ведь Кларк всю жизнь поступал не «по этикету», обожал мальчишеские проказы, совершаемые им, подобно Тому Сойеру, с самым невинным видом.

\* \* \*

Критическая рецепция Кларка в нашей стране начинается с публикаций в журнале «Современная художественная литература за рубежом», в котором в 1963 г. была напечатана рецензия на роман «Обвал лунной пыли», один из ранних романов Кларка<sup>6</sup>. Н. Панов, автор рецензии, критически отзываясь о скудости фантазии автора, упрекает его в том, что фантазия Кларка оказалась «ограниченной» (с. 16), героев называет «ординарной группой обывателей» (с. 16). Причину недостатков книги – «серой, с вяло развивающимся сюжетом» (с. 17) – рецензент видит в том, что в ней «страница за страницей проводится мысль о вечности, нерушимости капиталистического строя» (с. 17).

Иная тональность рецензии на роман «Космическая одиссея 2001 года», вышедшей в журнале «Современная художественная литература за рубежом» в 1969 г.<sup>7</sup> В ней Кларк назван одним из крупнейших писателей, разрабатывающих социальные и технические аспекты научной фантастики» (с. 15). И все же рецензия – наглядный пример того, как писали в то время о зарубежной литературе: автор текста, Ж. Вильф, старательно делает все возможное, чтобы не упоминать об «идеологически невыдержанной» концовке, и выходит из ситуации благодаря тому, что акцентирует внимание на социально-критических мотивах романа, его «социальном звучании». И еще на том, что Кларк, по мнению рецензента, видит выход из опасностей, которыми грозят человечеству противоречия научно-технического прогресса, в «коллективном научном поиске», который-де один способен «дать человечеству удовлетворение и избавить его от страха за будущее» (с. 17).

В 70-е гг. в отечественной прессе о Кларке появляется больше публикаций, чем в 60-е. Выходят подборки материалов, включающие отрывки из научно-популярных книг и статей Кларка, его высказывания о различных проблемах развития современной цивилизации, перепечатываются интервью писателя, взятые на Западе. Примером таковых может служить публикация в 1978 г. в еже-

недельнике «За рубежом» интервью, данного Кларком американскому журналу «Science digest» под названием «2001 год зависит от нас»<sup>8</sup>. В интервью Кларк делится мыслями о значении научной фантастики: «Во-первых, она приносит пользу человечеству, формируя самых преданных науке людей. <...> Во-вторых, научная фантастика воспитывает у массового читателя интерес к науке. <...> В-третьих, научная фантастика служит, я думаю, духовному здоровью человечества». Вот что ответил Кларк на вопрос о том, исчезнет ли научная фантастика под натиском фантастических достижений реальной науки: «Чепуха! Каждое крупное научное достижение, если можно так выразиться, льет воду на мельницу научной фантастики».

Примечателен материал Е. Парнова, напечатанный в «Литературной газете» под названием «Свидание с Кларком»<sup>9</sup>. Е. Парнов, сопредседатель Совета по научно-фантастической и приключенческой литературе при Союзе писателей СССР, познакомился с Кларком в 1970 г. на Первом международном конгрессе писателей-фантастов и навещал писателя позже в его доме на Шри-Ланке. Этот материал – соединение интервью с Кларком, взятого в 1979 г., и размышлений о его творчестве. Интересны как живые подробности о жизни, бытовом окружении писателя, бывшего поклонником самых последних достижений в области науки, в том числе в сфере коммуникаций (одним из первых Кларк начал использовать word processor, прообраз персонального компьютера), так и ответы Кларка на вопросы о его отношении к возможности связи с внеземным разумом, трансгалактической связи, о творческих планах и о последнем (на тот момент) романе «Фонтаны рая».

В 70-е гг. выходят рецензии на новые книги Кларка, опубликованные в Великобритании и США. Эти работы написаны куда более квалифицированно и глубоко, чем отклики, печатавшиеся в 60-е гг. Например, рецензии на романы Кларка «Метрополия Земля» и «Свидание с “Рамой”» в журнале «Современная художественная литература за рубежом»<sup>10</sup>.

Статей печатается не так много, но в тех, что выходят, содержатся интересные наблюдения над творчеством писателя. Примером тому может служить статья М. Гордышевской «Этика и космос. Свет и тени научно-технического прогресса в англо-американской научной фантастике семидесятых годов» в журнале «Иностранная литература»<sup>11</sup>. О Кларке говорится в статье в связи с романом «Свидание с “Рамой”». Наряду с точными наблюдениями – «Понятие “этика и космос” у писателя включает в себя

и нравственность науки, и нравственность человечества в целом» (с. 215), «Писатель не считает <...> что развитие науки и техники есть само по себе гарантия благоденствия человечества» (с. 215) – в статье есть и необходимые тогда идеологические реверансы: «В иронически-остраненном виде предстает в его романе лицемерие буржуазной дипломатии, находящей различные способы оправдания агрессии» (с. 215).

В 80-е гг. критическая рецепция Кларка отражает популярность писателя в нашей стране. Выходят рецензии на его книги – как, например, на роман «Фонтаны рая» в журнале «Современная художественная литература за рубежом»<sup>12</sup>. В 1980 г. защищена первая – и оставшаяся единственной – диссертация о творчестве Кларка<sup>13</sup>.

Публикуется больше интервью с Кларком, вопросы, задаваемые ему, становятся более разнообразными, чем раньше: как он пришел в фантастику, кто из современных фантастов ему ближе всего, каким он представляет себе будущее человечества, каково его отношение к двум стихиям, в которых он постоянно обращается в своем творчестве, – к морю и космосу (и хотел ли он сам побывать в космосе). Много вопросов о Шри-Ланке, его втором доме (он постоянно живет там с 1956 г.), об отношении к Советскому Союзу и его жителям (после визита в СССР в 1982 г., когда Кларк осуществил свою мечту – побывал в Звездном городке) и к политике вообще. На последний вопрос Кларк неизменно отвечал, что он всю жизнь старался держаться в стороне от политики (заметим, что и данное обстоятельство сослужило пользу писателю – в СССР любили тех современных западных авторов, кто был аполитичен).

Следует отметить важную для изучения рецепции творчества Кларка статью Г.В. Аникина «Артур Кларк и английская научная фантастика»<sup>14</sup>. Важна она как для понимания творчества писателя, так и для изучения рецепции английской фантастической литературы в нашей стране. По словам Аникина, одного из наиболее известных отечественных англистов, «национальное своеобразие английской научной фантастики обнаруживается, прежде всего, в том, что она в значительной степени опирается на традицию фантастического в истории английской литературы. Как ни в какой другой литературе, фантастическое начало в творениях английских писателей пользовалось первостепенным вниманием как одна из наиболее полноценных эстетических форм литературы» (с. 50).



90-е годы принесли ощутимое изменение в рецепции Кларка. Практически нет интервью – и едва ли потому, что уже все знали о писателе, скорее потому, что тогдашняя отечественная действительность востребовала иных авторов, и Кларк, бывший некогда одним из самых популярных зарубежных фантастов в стране, словно отходит в тень. Соответственно, не печатаются и дайджесты из зарубежной прессы о жизни Кларка (которые в предыдущие десятилетия печатались потому, что писатель был одним из самых «проходных» западных фантастов). Не печатаются, как раньше, материалы, представляющие собой выжимки из различных публикаций в зарубежной прессе о взглядах Кларка на различные вопросы жизни современной цивилизации.

В немалой степени снижение интереса к писателю произошло и потому, что Кларк меньше писал сам, все чаще выступая в соавторстве с другими фантастами, что вело в большинстве случаев к снижению качества книг (покупаемых, прежде всего, потому, что имя писателя было в то время брендом, который должен обеспечить хорошую продажу). Это можно видеть на примере рецензии Р. Арбитмана «Артур моет “Раму”» в «Книжном обозрении» на роман «Рама II», написанный Кларком в соавторстве с Дж. Ли<sup>15</sup>. Критик, известный своей ироничностью, вдоволь поиздевался над книгой, беспомощной и в сюжетном, и в идейном отношении, благо текст давал к тому достаточные основания. Далее Арбитман переходит к невеселым размышлениям об издательстве «Мир», которое напечатало в свое время первую книгу Кларка о встрече с космическим кораблем «Рама», имевшую большой успех, а сейчас выпустило ее беспомощное продолжение. Напомнив о том, что первая «Рама» заканчивалась многозначительным авторским комментарием: «Все, что бы они ни делали, рамане повторяют трижды...», критик завершает рецензию ироничной ремаркой: «Так что у нас есть шанс дожидаться в серии “Зарубежная фантастика” третьего романа – “Рама III: Опять прилетел”. Не приведи Господи, конечно».

Новым качеством рецепции творчества писателя в России в 90-е гг. можно считать появление статей о Кларке. В журнале «Библиография» вышла статья В. Ревича «Люди Земли, не надо бояться». Работа эта небольшая, в ней нет никаких особых открытий, но она важна своим настроем, так как содержит не только размышления о жизни Кларка, его научных прогнозах, но и призыв к углубленному изучению творчества Кларка, чего не было в материалах, выходявших в предыдущие десятилетия.

Особо следует выделить статью Л.Г. Михайловой «Звезды, Город и Артур Кларк»<sup>16</sup>. В этой работе на материале романов «Против наступления ночи», «Город и звезды» и «Космическая одиссея 2001 года» прослеживается художественная эволюция образов писателя, а также показывается, как менялось со временем понимание Кларком творческой задачи, которую ставит перед собой художник. Статья эта глубокая, в чем-то перекликается со статьей В. Ревича – и прежде всего, стремлением анализировать прозу Кларка с точки зрения поэтики.

Кларк становится предметом академического изучения – в сборнике докладов на конференции Ассоциации российских англистов «Англия и Россия: диалог двух культур. Теоретические проблемы литературных взаимосвязей» опубликованы тезисы доклада И.Ю. Рязанцевой «Традиции Г. Дж. Уэллса в творчестве А. Кларка-новелиста»<sup>17</sup>.

И не будет преувеличением заключить, что отличительной чертой рецепции творчества Кларка в 90-е гг. становится аналитичность.

В первое десятилетие XXI в. рецензий практически не было – новые книги Кларка не выходили, а о переизданиях ничего не писали. Правда, в 2004 г. в еженедельнике «Дело» вышла статья Е. Травиной «Артур Кларк – интервьюер Господа Бога»<sup>18</sup>. Статья эта, по сути дела, перепев уже имеющихся в иных материалах фактов из жизни и творчества писателя, но примечательна самим фактом своего появления, своего рода напоминанием о Кларке.

После смерти Кларка 18 марта 2008 г. вышло несколько некрологов: в «НГ-Ex Libris»<sup>19</sup>, «Московском комсомольце»<sup>20</sup>, «Книжном обозрении»<sup>21</sup>. В каждом из них были сказаны правильные и точные слова о значении творчества писателя, о его вкладе в мировую фантастику. Сюда же можно отнести заметку П. Дейниченко «Завещание великих старцев» в «Книжном обозрении», рассказывающую о книге Кларка «Последняя теорема». Над ней писатель работал до смерти в соавторстве с Фредериком Полом. Работа шла трудно – оба патриарха фантастики были очень немолоды, то одному, то другому становилось плохо. Но все-таки Пол сумел закончить подготовку романа к публикации. Перед смертью Кларк прочел рукопись – это, по словам критика, «даже как будто придало ему сил».

Имя Кларка навсегда вписано в историю фантастики – с середины XX в., когда его, вместе с А. Азимовым и Р. Хайнлайном, называли «Большая Тройка» (Big Three). Написанное Кларком –

целая библиотека. В ней есть книги, что и говорить, скучноватые, относящиеся к т.н. фантастике «ближнего прицела»: о близком будущем, которое прекрасно и лучезарно потому, что все проблемы решаются с помощью бурно развивающейся техники. Есть книги, принадлежащие к фантастике научно-технической, в которых машины подчас изображены куда живее и интереснее, чем люди.

Но лучшим книгам Кларка – романам «Конец детства», «Город и звезды», «Космическая одиссея 2001 года», «Фонтаны рая» – тем книгам, которые пронизаны убежденностью писателя в том, что «грядущее лучше прошлого, что уже сейчас мы можем что-то делать для будущего, что не следует ждать, пока оно само придет и застанет нас врасплох»<sup>22</sup>, суждена долгая жизнь.

#### Примечания

- <sup>1</sup> См. об этом: *Spinrad N.* Science Fiction in the Real World. Carbondale, 1990.
- <sup>2</sup> *Миловидов Б.* Артур Кларк: Библиография русских переводов // Библиография. 1992. № 5–6. С. 84.
- <sup>3</sup> *Кларк А.* Космическая одиссея 2001 года. М.: Мир, 1970.
- <sup>4</sup> *Ефремов И.* О романе Артура Кларка «Космическая одиссея 2001 года» // Кларк А. Космическая одиссея 2001 года. С. 333.
- <sup>5</sup> *Ревич В.* «Люди Земли, не надо бояться...» // Библиография. 1992. № 5–6. С. 80.
- <sup>6</sup> Современная художественная литература за рубежом. 1963. № 1. С. 16–17.
- <sup>7</sup> Там же. 1969. № 4. С. 15–17.
- <sup>8</sup> «2001 год зависит от нас» – предупреждает автор «Космической одиссеи» // За рубежом. 1978. № 19. С. 23.
- <sup>9</sup> *Парнов Е.* Свидание с Кларком // Литературная газета. 1979. 4 июля. С. 5.
- <sup>10</sup> Современная художественная литература за рубежом. 1975. № 4. С. 18–20; 1977. № 3. С. 16–18.
- <sup>11</sup> *Гордышевская М.* Этика и космос: Свет и тени научно-технического прогресса в англо-американской научной фантастике семидесятых годов // Иностранная литература. 1977. № 10. С. 210–218.
- <sup>12</sup> Современная художественная литература за рубежом. 1980. № 1. С. 22–24.
- <sup>13</sup> *Кубатиева Н.М.* Научно-фантастические романы Артура Ч. Кларка: (К вопросу о специфике жанра): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1980.
- <sup>14</sup> *Аникин Г.В.* Артур Кларк и английская научная фантастика // Проблемы метода и жанра в зарубежной литературе: Межвузовский сборник научных работ. М., 1983. С. 37–51.
- <sup>15</sup> *Арбитман Р.* Артур моет «Раму» // Книжное обозрение. 1995. 20 июня. С. 17.

В.Л. Гопман

- <sup>16</sup> *Михайлова Л.Г.* Звезды, Город и Артур Кларк: Изменение авторской установки в трех романах Кларка // *Сверхновая американская фантастика*. 1996. № 10–11. С. 160–196.
- <sup>17</sup> *Рязанцева И.Ю.* Традиции Г.Дж. Уэллса в творчестве А. Кларка-новелиста // *Англия и Восток: диалог двух культур. Теоретические проблемы литературных взаимосвязей*. Воронеж, 1994. С. 87.
- <sup>18</sup> *Травина Е.* Артур Кларк – интервьюер Господа Бога // *Дело*. 2004. 27 дек.
- <sup>19</sup> *Бойко М., Лесин Е.* Так и не увидел инопланетян // *НГ-Ех Libris*. 2008. 27 марта.
- <sup>20</sup> *Копылова В.* Артур Кларк: «Я, возможно, спас человечество» // *Московский комсомолец*. 2008. 30 марта. С. 4.
- <sup>21</sup> Он отправился в свою одиссею // *Книжное обозрение*. 2008. № 12. 1 апр. С. 2.
- <sup>22</sup> «2001 год зависит от нас» – предупреждает автор «Космической одиссеи». С. 23.

### ПУБЛИЦИСТИКА ИВАНА ГРОЗНОГО (ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ПОСЛАНИЯ ОТ ИМЕНИ БОЯР)

В статье исследуются несколько дипломатических посланий XVI в., написанных от имени бояр и содержащих элементы, которые указывают на активное участие в их составлении Ивана Грозного. Автор выявляет в анализируемых текстах стилистические особенности, приемы убеждения и манипуляции, а также некоторые мотивы, характерные для публицистики царя в целом.

*Ключевые слова:* Иван IV Грозный, дипломатическая переписка, публицистика, приемы убеждения, манипуляция, ирония, внешняя политика, послания от имени бояр, литературный стиль.

Иван Грозный – один из самых знаменитых писателей в истории русской словесности XVI в. Особое место в его творческом наследии занимают некоторые дипломатические документы, во многом выходящие за строгие рамки этого утилитарного жанра и приобретающие публицистическое назначение. Есть основания предположить, что к дипломатической публицистике Ивана Грозного правомерно отнести и группу посланий, формально составленных от лица не самого царя, а его бояр<sup>1</sup>. Здесь наиболее известны грамоты от 1567 г., участие в сочинении которых царя не вызывает сомнений<sup>2</sup>. Это письма от имени И.Д. Бельского, И.Ф. Мстиславского, М.И. Воротынского и И.П. Федорова (Челядина), которые были составлены в 1567 г. в ответ на послания от польского короля Сигизмунда II Августа и гетмана Григория Хоткевича<sup>3</sup>. Другие послания, привлекаемые в данной статье, представляют собой ответы, написанные от имени бояр,

на послания к ним польско-литовской рады<sup>4</sup>. Не во всех из них в равной мере прослеживаются черты авторского стиля Грозного, однако сравнение этих текстов с «псевдонимными» посланиями от 1567 г. позволяет предположить, что царь участвовал и в их составлении. В пользу этого предположения говорят и частое использование в них стилистических приемов, характерных для Грозного, и необычные, в духе царя, формы выражения тех или иных идей (прежде всего, ироничное обыгрывание речи и положения адресата), и сам статус посланий. Функция дипломатических писем, которые паны рады посылали к боярам, и наоборот, – своего рода «репетиция» переговоров: бояре и паны через них обсуждали возможности способствовать установлению мира между государями, что, безусловно, не происходило без ведома последних и было особым официальным «ритуалом».

В группе посланий от 1567 г. царь примеряет на себя «маску» боярина не только, чтобы дать оппонентам ответ на оскорбительное предложение изменить ему. Он использует избранную роль и для достижения другой цели – победить противника в словесном поединке и доказать несостоятельность попыток подтолкнуть кого-либо из своих по-настоящему достойных подданных к измене. Иван IV представляет адресатов Сигизмунда II Августа верными, беспрекословно доверяющими ему людьми. Царь рисует эти образы, создавая «противовес» «крестопреступникам» вроде Андрея Курбского, не столь давний «отъезд» которого дал польскому государю некоторое представление о настроениях боярства и, соответственно, дополнительную надежду на успех<sup>5</sup>. Еще один мотив Грозного – вновь попытаться развеять «слухи», распространяемые Курбским, с которым царь вел полемику в письмах. Л.А. Юзефович отмечает, что в те годы на Западе были распространены легенды об особой жестокости Ивана IV. С ними в том числе полемизирует царь – его цель, помимо прочего, переломить общественное мнение<sup>6</sup> и доказать не только номинальному адресату, но и широкому кругу лиц, которые могли прочесть списки с посланий, что в его стране все благополучно и недовольство бояр – это домыслы польского монарха<sup>7</sup>.

В смысле более общем главным мотивом этой группы посланий становится тема, так или иначе пронизывающая все публицистическое наследие Грозного. «Защита и обоснование неограниченных прав самодержавной власти – вот основная тема первого послания Курбскому. <...> Эта же тема повторяется и в остальных посланиях. В послании Сигизмунду II Августу от имени Воротын-

ского “волное царское самодержавство” Ивана IV противопоставлено “убоному королевству” Ягеллонов; в послании Стефану Баторию Грозный многозначительно именуется царем “по божьему изволению, а не по многомятежному человечеству хотению” и т. д.»<sup>8</sup>, – пишет Я.С. Лурье. Эта характеристика относится и к анализируемым текстам.

Ряд аналогий можно продолжить, обращаясь к посланию от имени Бельского: «А ныне же мы царского величества милостию во всякой великой чти и жалованье пребываем, а кроме государской воли никто нами не властен, а в государской воле подданным взгоже быти, а где государской воли над собою не имеют, тут яко пьяны шатаютца и никоего же добра не мыслят»<sup>9</sup>. Отзвуки излюбленной идеи царя обнаруживаются и в другой группе анализируемых текстов. Здесь Иван Грозный косвенно противопоставляет себя польскому королю, намекая на «неисправления» последнего. На перечислении тех неблагоприятных дел, которые якобы не совершал сам, Грозный строит обличительный текст, в котором прямое упоминание оппонента становится излишним. Царь стремится сформировать у читателя ощущение, что сама совесть должна указать истинному нарушителю дипломатических правил на его вину: «А мы, панове, благодаримъ Бога, что государь нашъ, его царское величество, какъ на конь свой селъ противъ всехъ недурговъ своихъ, *своего слова николи не престаиваетъ, не токмо что крестного целованья*; а и съ вашимъ государемъ государь нашъ будучи въ перемирьяхъ, *ни изъ одного слова государю вашему, своему брату, не выступилъ*, а Вифлянская земля тогда и въ слове не была; а государь нашъ той своей вотчины своему брату, а вашему государю, ни въ слове не поступливался, не токмо что правды давалъ, а въ писме и поговору нетъ; ино то не черезъ правду делалось, правде въ том поруки нетъ никоторые, а государь нашъ воленъ своихъ холопей казнити и жаловати»<sup>10</sup>. Но царь не ограничивается критикой одних лишь нарушений в области дипломатии. Он косвенно обличает оппонента и как отступника от норм божественных, ведь речь идет о «крестном целовании». Не случайно именно этот отрывок начинается с вознесения благодарности Богу от имени обозначенных адресантов. Не удивительно и то, что приведенный фрагмент, рисуя безграничное уважение подданных к Ивану IV, оканчивается его излюбленной формулой власти<sup>11</sup>.

В другом месте, при перечислении «неправд» Сигизмунда II Августа, Грозный от имени бояр пишет о том, что тот отказывается именовать его царем, хотя «то титла» «отъ Бога дано ему и отъ его

прародителей, а не отъ человекъ; и что отъ Бога дано, и то человекъ можетъ ли разорити?»<sup>12</sup>. В форме риторического вопроса, добавляющего фрагменту еще большую патетичность, царь намекает, что, не признавая его «законного» титула, оппонент идет не только против правды земной, но и против правды Божественной. Царь демонстративно подчеркивает ее принципиальное отличие от власти «выборного» короля, которым является Сигизмунд II Август.

Тема монаршего «местничества» играет значительную роль в посланиях от 1567 г., где превосходство Ивана IV выражается и через статус его подданных. Если в начале писем от имени Бельского и Мстиславского положение номинальных адресантов по отношению к Сигизмунду II понятно не до конца, то к середине они выступают уже как равные ему по статусу, если не стоящие выше<sup>13</sup>. Здесь автор позволяет себе уже открыто насмеяться над положением оппонента, якобы окруженного «израдцами», «фалшерами», «лотрами» и находящегося в их власти<sup>14</sup>, а значит, от них не отличающегося или, хуже того, следующего «антихристову повелению»<sup>15</sup>.

В одном из посланий польско-литовской раде от имени бояр автор мотивирует превосходство над королем Великого Княжества Литовского и Короны Польской, искусно сплетая исторические факты и их интерпретацию. При этом он не забывает указать на более низкое место противника в своеобразной «иерархии» правителей, существовавшей в сознании Грозного и его современников<sup>16</sup>. Отвечая на доводы оппонентов, апеллирующие к прошлому, царь воспринимает их как «вызов» и устраивает своего рода соревнование в знании истории и умении осветить ее с выгодной для себя стороны. Нагнетая интеллектуальное давление, царь заканчивает рассуждения оскорбительным для оппонента выводом: «А толко, панове, воспомянути прежние обычаи, которымъ обычаемъ гетманы литовские Рогволдовичевъ Давила, да Мовколда на Литовское княжество взяли и которымъ обычаемъ великому государю Мстиславу Володимеричю Манамашу къ Киеву дань давали, мы то гораздо ведаемъ, кое такъ было; *ино потому не токмо что Руская земля вся, но и Литовская земля вся вотчина государя нашего* (курсив мой. – Н. Б.): занже починъ отъ великого государя Владимира, иже просветившаго землю Рускую святымъ крещениемъ, даже и до нынешняго великого государя нашего и до его царьского величества, наши государи самодержцы никемъ не посажены на своихъ государствахъ, но отъ всемогуща Божиа десницы государи, такъ и ныне на своихъ государствахъ государи, а ваши государи посаженные государи; ино которые крепче, вотчинной ли



государь, или посаженной государь, сами то разсудите»<sup>17</sup>. Царь, любивший играть на контрастах, разрешает накал этого отрывка неожиданным примиряющим жестом, в котором, однако, подчеркнуто сознание своей правоты, отстаивать которую автор отказывается лишь потому, что из милосердия стремится поскорее «унять» войну: «Да толко, панове, сколко техъ речей ни говорити на обе стороны, такими речми доброе дело не сставитца, развее къ розлитию крови христьянские приходятъ; и мы воспомянули вамъ про то тово для, занже вы писали въ своей грамоте не попригожую задираяся за искони вечную вотчину государя нашего»<sup>18</sup>. Тем самым Иван IV стремится подтолкнуть адресатов к выгодным ему шагам, вселив в них подспудную неуверенность в собственном положении.

Характерный прием, к которому царь прибегает, – резкий эмоциональный выпад, делающий адресата более уязвимым для дальнейшего воздействия. Грамоты Ивана Грозного, как правило, открывают пересказ письма оппонента, выдержанный в нейтральном стиле<sup>19</sup>. Нередко сразу за ним следует отрывок, содержащий укоры, насмешки, а нередко и брань, чем автор создает, помимо прочего, определенный комический эффект. «И мы твои листы вычли и вразумели гораздо. И как ты, брат наш, писал в своем листу <...>» – здесь тон Грозного пока еще сдержан, но уже через несколько слов он меняется на противоположный: «<...> ино так делают *прокураторы*, и *фалшеры*, и *лотры*, а великим государем не подобает того дельвати, што такими безлепичными грамотами межи государей и земли ссоры делати и, не могучи недругу своему храбростью одолети, и таким *татцким* обычаем, *якож змии подошся, хапати* и преодолети»<sup>20</sup>. Сходный прием находим в послании от имени бояр к польско-литовской раде. За традиционной формулой о том, что письмо от адресата «вычли и вразумели гораздо», сразу же начинается жесткая обличительная отповедь, где ядовитая ирония переплетается с грозным библейским стилем, которым, как отмечала В.П. Адрианова-Перетц<sup>21</sup>, царь владел блестяще и к которому, наряду с обильным цитированием из религиозных книг, прибегал достаточно часто: «Ино, панове, годитца каждому человеку памятовати судъ Божей и смерть, и того ради, яко сесь светъ преходной, подобаеъ глаголати и писати правда, а неправдою правда не покрывати, занже Христово слово во евангелие, яко всяко слово празно, еже аще возглаголють человецы, въздадять о немъ слово въ день судный; отъ словесъ бо своихъ оправдишися и отъ словесъ своихъ осудишися; и не подобитеся реченному

во евангелии: сии люди устами Мя чтуть, сердце же ихъ далече отстоит от Мене»<sup>22</sup>.

При помощи дипломатических грамот Грозный стремился создать в сознании читателя четкую оппозицию между собой и номинальным адресатом/оппонентом, своими подданными/подданными оппонента. Для этого Иван IV создает определенную символическую структуру. А.В. Каравашкин пишет о ней: «Наряду с цитированием авторитетных источников и ретроспективной исторической аналогией в посланиях Ивана Грозного широко используются символы, образующие определенную систему, выстроенную по принципу антитезы. <...> Свет и сладость Божественного учения всегда противопоставляются мраку и горечи дьявольских чар, глухота аспида, служащего образом “дракона”-Антихриста, – слову истины»<sup>23</sup>. В послании Сигизмунду II от имени Бельского царь так выражает одну из главных своих идей: «Но тричисленного божества воля и милость и десница самодержавство царя нашего утверждает и нас, достойных советников его, благостью осияет, и никакая же сия не токмо малая и худая сия пена, но и велие треволение не может потопити, на камени бо церковнем стоим, юже Христос утверди, ей же врата ада не удолеют, сего ради самодержавство царя нашего и наш вернейший совет не боимся погрязновения»<sup>24</sup>. Таким образом, Иван IV связывает однозначно положительные для того времени образы с собственной страной, а свою власть возводит к воле Бога. Прочность взаимоотношений царя и подданных подчеркивают соответствующие эпитеты, употребленные по отношению к «советникам» царя. Грозный пытается внушить адресату, что надежды на измену бояр нелепы, поскольку связи «Бог–люди» и «царь–люди» в его стране надежны. При этом Церкви противопоставляются «врата ада», а в других частях письма Сигизмунд II сравнивается со «змием» и «лотром», что выводит образ адресата в противоположное семантическое пространство<sup>25</sup>. Этот же прием встречается в анализируемой группе посланий от имени бояр к гетману Хоткевичу и польско-литовской раде. В частности, царь постоянно прибегает к лексическим противопоставлениям: «а государь нашъ <...> всегда разсуждаючи меру своей чести государьской и своему государству <...>, хотль доброго пожития, какъ бы вместило было ему государю и его государству» (о себе); «И государь вашъ, не разсужая меры и обнявся безмерьемъ, захотель делати безмернымъ обычаемъ со государемъ нашимъ, ино потому такъ и ссталося» (о Сигизмунде II Августе)<sup>26</sup>; «А и то, панове, вамъ будетъ ведомо:

какъ государь нашъ пришелъ *своей вотчины искать* за брата своего, вашего государя, *неправду*, и котрымъ обычаемъ *щедростно* чинилъ надъ народомъ христьянскимъ, кто убить кроме бою, или которой попротивился намъ, то вамъ извещать не надобеть, то уведати мочно»<sup>27</sup> (далее описывается милость Грозного к жителям завоеванного Полоцка) и др. Напрямую, а иногда и в косвенной форме, царь приписывает противнику негативные качества (в том числе, стремясь намекнуть на религиозные неурядицы в стране оппонента): «А государь нашъ, какъ есть истинные правые веры христьянские государь, на всемогущаго Бога упоая, противъ всехъ своихъ недруговъ стоитъ, а христьянство держитъ непорочно, по преданию святые соборные апостольские церкви, кроме всяких ересей, и неправдою не говорить и въ чужую землю не вступаета ничемъ; и намъ ся видить, тотъ мочь Божью и христьянство складываетъ, кто неправдою говорить и въ чужее ся вступаетъ»<sup>28</sup>.

Крепкая связь между царем и подданными как ценностная категория играет в посланиях Грозного от имени бояр, по понятным обстоятельствам, особую роль<sup>29</sup>. Поскольку эти тексты номинально исходили не от Грозного, они должны были, вероятно, приобретать большую силу и относительную беспристрастность в глазах оппонента и читателя, быть своего рода аргументом «третьего лица»<sup>30</sup>. В посланиях к польско-литовской раде от имени бояр Иван IV не ограничивается принятыми этикетными формулами верности. Так, стремление продемонстрировать поддержку военных действий со стороны народа выражается в на первый взгляд нейтральных фрагментах: «А что, пане, подданные подвигнутися хотять на брань, и тому дивитися не подобаетъ, занже то ихъ должная государемъ служити и за ихъ государское повеление головы свои складывати и кровь своя литии <...>»; «<...> и то не новое дело, изъ давныхъ летъ повелоса, тогда воинамъ веселие и пожитокъ, егда рать воздвигнетца <...>»<sup>31</sup>. За этими словами – в послании, посвященном переговорам о перемирии! – следует отрывок, намекающий на то, что Ивану IV война как раз выгодна – очередная попытка убедить оппонента в своей силе.

Царь – признанный мастер детали. Д.С. Лихачев писал: «Речь Грозного поразительно конкретна и образна. Свои рассуждения он подкрепляет примерами, случаями из своей жизни или зрительно наглядными картинками»<sup>32</sup>. Иван IV остается верен себе и в посланиях от имени бояр от 1567 г.<sup>33</sup> Яркие, полные злой иронии образы не чужды и посланиям к польско-литовской раде. Так, ответ на реплику адресатов о том, что руки неверных христьянскими

«кровми омываются» из-за гордости русской стороны, автор начинает с того, что благодарит Бога и замечает, что его «пасениемъ держава его христианская везде отъ неверныхъ в тишине и въ покое и ни откуда отъ неверныхъ ни малого опасения имеютъ». Затем, с удовольствием глумясь над оппонентом (чьим союзником был Крымский хан), государь продолжает: «<...> крымской сего лета ко Мценску приходилъ, мценские казаки съ нимъ перевадася, прочь его отъ украины отбили, слава Богу, отъ неверныхъ ни откуда недруга нетъ; а которой и недругомъ ся зоветъ, и онъ овецъ пять-шесть украдчи побезитъ, и они за нимъ гоняють, какъ за розбойникомъ, и толко угонять, и они вешають (далее следует повторение мысли о том, что угрозы для Руси со стороны «неверныхъ» нет. – *Н. Б.*); а где будетъ въ иномъ государьстве христианская кровь отъ бесермень розливаетца, ино то тотъ государь самъ ведаеть, какъ будетъ свое государьство бережетъ, намъ о томъ говорить ненадобе»<sup>34</sup>.

Злой смех вообще очень часто звучит в посланиях от имени бояр к польско-литовской раде<sup>35</sup>. Послание же от 1563 г. является своего рода развернутой пародией на дипломатическое письмо от одной «рады» к другой с целью установления мира<sup>36</sup>. Внешне все формальности жанра соблюдены, но традиционные выражения, благодаря унижительному содержанию, неприемлемым условиям и упрекам, приобретают смысл издевательства. Письмо служит ответом на послание со стороны панов польско-литовской рады, в котором те предлагают приостановить военные действия и говорят о том, что Грозный послал «опасную грамоту» на послов, хотя его войска стоят в земле Сигизмунда II Августа, а это «не по зыклому обычаю». Кроме того, паны укоряют царя в том, что, когда он напал на Полоцк, их монарх был в отъезде в Польшу (не мог следить за происходящим) и благодаря тому, что Иван IV дал «опасную грамоту» на послов, никто не ждал нападения<sup>37</sup>. Автор русского послания обращает слова оппонентов против них самих, с полным сарказма цинизмом перекладывая всю вину на их монарха. Приведу один из характерных отрывков, окрашенный типичной для Грозного установкой на устное слово и включающий заимствования из разговорной речи того времени: «<...> а посломъ было притти мочно и врать. Людцкая пословица ведетца изстари: посла ни бьють, ни секутъ, ратью полки стоять, а послы ходять и о добре делають, да и здельвають. И государю вашему пословъ о чемъ къ нашему государю не послати? таковожь бы сделали, какъ и на Москве, а тово бь лиха не было; а то послы не бывали,

ино потому такъ ся и стало»<sup>38</sup>. Победа дает царю основания глумиться над противником, оказавшимся в положении слабейшего, и, не нарушая внешней формы «челобитья» о мире, насмехаться как над неудачей Сигизмунда-Августа, не ожидавшего неожиданного вторжения, так и над тем осторожным тоном, в котором представители рады обращались в грамоте к боярам. Строгие формулы дипломатического этикета деформируются характерным стилем Грозного, выражающим властный, неугомонный нрав монарха, который привык не отказывать себе в возможности осмеять побежденного.

Таким образом, анализ дипломатических посланий, написанных от имени бояр, позволяет выявить в них некоторые черты, отличительные для Грозного-публициста. Сходство их с другими произведениями царя проявляется на нескольких уровнях: стилистических особенностей, приемов аргументации и полемики, композиции, идей. Начальное исследование указанных текстов дает основание предположить, что Иван IV мог принимать в их составлении решающее участие, сопоставимое с мерой его участия в посланиях, которые прямо подписаны царем.

#### Примечания

- <sup>1</sup> Вопрос о включении в корпус сочинений Ивана Грозного дипломатических документов, как подписанных его именем, так и составленных от имени бояр, поставил академик И.Н. Жданов. См.: *Жданов И.Н.* Сочинения царя Ивана Васильевича // Он же. Сочинения. СПб.: Типография имп. Академии наук, 1904. Т. 1. С. 86–87, 125; ср. также: *Лихачев Д.С.* Стиль произведений Грозного и стиль произведений Курбского // *Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским* / Отв. ред. Д.С. Лихачев. М.: Наука, 1993. С. 184.
- <sup>2</sup> На основе языкового анализа к числу произведений Грозного его причисляют В.П. Адрианова-Перетц, Д.С. Лихачев, Я.С. Лурье, Б.Н. Флоря, А.В. Каравашкин и другие ученые. См., напр.: *Археографический обзор посланий Ивана Грозного* / Сост. Д.С. Лихачев и Я.С. Лурье // *Послания Ивана Грозного* / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. СПб.: Наука, 2005. С. 575; *Флоря Б.Н.* Иван Грозный. М.: Молодая гвардия, 1999. С. 218(219).
- <sup>3</sup> *Иван Грозный.* Послание Сигизмунду II Августу от имени И.Д. Бельского; Послание Гр. Ходкевичу от имени И.Д. Бельского; Послание Сигизмунду II Августу от имени Ф.М. Мстиславского; Послание Сигизмунду II Августу от имени М.И. Воротынского; Послание Гр. Ходкевичу от имени М.И. Воротынского; Послание Сигизмунду II Августу от имени И.П. Федорова; Послание Гр. Ходкевичу от имени И.П. Федорова (1567) // *Послания Ивана Грозного.* С. 239–277.

Н.А. Бачинская

- <sup>4</sup> Польско-литовской раде от имени бояр И.Д. Бельского, Д.Р. Юрьева-Захарьина и др. 28 ноября 1562 г. // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 71. СПб.: Типография А.Л. Катанского и Ко., 1892. С. 102–115; Польско-литовской раде от имени бояр И.Д. Бельского, И.Ф. Мстиславского и др. 24 февраля 1563 г. // Там же. С. 124–131.
- <sup>5</sup> Об основаниях Сигизмунда II Августа рассчитывать на измену бояр см.: *Флоря Б.Н.* Указ. соч. С. 218–223; *Лурье Я.С.* Комментарий // Послания Ивана Грозного. С. 670.
- <sup>6</sup> *Юзефович Л.А.* «Как в посольских обычаях ведется...»: Русский посольский обычай конца XV – начала XVII в. М.: Международные отношения, 1988. С. 195–196.
- <sup>7</sup> О сакральности связи государя с народом и ее значении в политической мифологии Грозного см.: *Hunt P.* Ivan IV's Personal Mythology of Kingship // *Slavic Review*. 1993. Vol. 52. № 4. P. 769–809.
- <sup>8</sup> *Лурье Я.С.* Вопросы внешней и внутренней политики в посланиях Ивана IV // Послания Ивана Грозного. С. 473–474.
- <sup>9</sup> Послание Сигизмунду II Августу от имени И.Д. Бельского. С. 245.
- <sup>10</sup> Польско-литовской раде от имени бояр И.Д. Бельского, Д.Р. Юрьева-Захарьина и др. 28 ноября 1562 г. С. 110.
- <sup>11</sup> См.: Первое послание Курбскому (Погодинский список) (1564) // Послания Ивана Грозного. С. 30.
- <sup>12</sup> Польско-литовской раде от имени бояр И.Д. Бельского, Д.Р. Юрьева-Захарьина и др. 28 ноября 1562 г. С. 106.
- <sup>13</sup> Номинальные адресанты письма – как и Сигизмунд II Август – потомки великого литовского князя Гедимины; см.: *Лурье Я.С.* Комментарий. С. 670–673. Как отмечает Б.Н. Флоря, по мнению царя, его бояре имеют даже более «предпочтительные права на литовский великокняжеский трон, нежели у самого короля» (*Флоря Б.Н.* Указ. соч. С. 221).
- <sup>14</sup> Послание Сигизмунду II Августу от имени И.Д. Бельского. С. 246; Послание Сигизмунду II Августу от имени И.Ф. Мстиславского. С. 254.
- <sup>15</sup> Послание Сигизмунду II Августу от имени М.И. Воротынского. С. 264.
- <sup>16</sup> Об отношении к монархам избранным и наследственным в современной Грозному русской культуре см.: *Юрганов А.Л.* Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 12; о представлении о «правильных» монархах см.: *Успенский Б.А., Живов В.М.* Царь и Бог: (Семиотические аспекты сакрализации монарха в России) // Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 1. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 218; о представлениях Грозного о царской власти см.: *Каравашкин А.В.* Русская средневековая публицистика: Иван Пересветов, Иван Грозный, Андрей Курбский. М.: Прометей, 2000. С. 132–150; 172–182; 200–213; *Успенский Б.А., Живов В.М.* Указ. соч. С. 215–216; *Вальденберг В.Е.* Древнерусские учения о пределах царской власти: Очерки русской по-

- литической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. С. 275–289; *Дьяконов М.А.* Власть московских государей: Очерки из истории политических идей Древней Руси (до конца XVI в.). СПб.: тип. И.Н. Скороходова, 1889. С. 136–164.
- <sup>17</sup> Польско-литовской раде от имени бояр И.Д. Бельского, Д.Р. Юрьева-Захарьина и др. 28 ноября 1562 г. С. 108.
- <sup>18</sup> Там же. С. 108–109.
- <sup>19</sup> Пересказ послания, на которое пишется ответ, традиционен для делопроизводства того времени, но Грозный не только использует его, но часто и обыгрывает. См.: Шмидт С.О. Заметки о языке посланий Ивана Грозного // Труды отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1958. Т. XIV. С. 258; *Юзефович Л.А.* Указ. соч. С. 13–14; *Калугин В.В.* Андрей Курбский и Иван Грозный: Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 140–141.
- <sup>20</sup> Послание Сигизмунду II Августу от имени И.Д. Бельского. С. 242–243.
- <sup>21</sup> *Адрианова-Перетц В.П.* Очерки поэтического стиля древней Руси. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1947. С. 62.
- <sup>22</sup> Польско-литовской раде от имени бояр И.Д. Бельского, Д.Р. Юрьева-Захарьина и др. 28 ноября 1562 г. С. 105.
- <sup>23</sup> *Каравашкин А.В.* Указ. соч. С. 255(256).
- <sup>24</sup> Послание Сигизмунду II Августу от имени И.Д. Бельского. С. 243.
- <sup>25</sup> В этот «адов» мир, пространство «наоборот», попадают вместе со слабым, неразумным монархом и его подданные. Так, действия Григория Хоткевича в тексте Грозного оказываются результатом разрушения логики, помутнения рассудка, влияния бесов. См., напр.: Послание Гр. Ходкевичу от имени М.И. Воротынского. С. 268–269. Может царь так парировать и критику в отношении собственного правления, прибегая к одному из выработанных еще в античности статусов отвода: «Годно ли в чужом государстве закон ставити и в правде воли то перед спасителем богом, еже в чужом государстве закон утверждати, сами не весте закона и не токмо законопреступницы, но и отступницы закона бысте?» (Там же. С. 270). Сходные мотивы, в редуцированной ввиду иного контекста форме, присутствуют и в посланиях к польско-литовской раде (см. сноску 22).
- <sup>26</sup> Польско-литовской раде от имени бояр И.Д. Бельского, Д.Р. Юрьева-Захарьина и др. 28 ноября 1562 г. С. 108.
- <sup>27</sup> Польско-литовской раде от имени бояр И.Д. Бельского, И.Ф. Мстиславского и др. 24 февраля 1563 г. С. 127–128.
- <sup>28</sup> Польско-литовской раде от имени бояр И.Д. Бельского, Д.Р. Юрьева-Захарьина и др. 28 ноября 1562 г. С. 111.
- <sup>29</sup> Для Ивана IV это один из аргументов в пользу его безграничных прав как монарха, потому в письма к Сигизмунду II Августу от имени бояр включены

Н.А. Бачинская

- достаточно большие фрагменты, посвященные спору о свободе воли, см.: Послание Сигизмунду II Августу от имени И.Д. Бельского. С. 243–244; Послание Сигизмунду II Августу от имени Ф.М. Мстиславского. С. 251–253; Послание Сигизмунду II Августу от имени М.И. Воротынского. С. 259–262. О дискуссии о свободе воле и ее публицистической роли в названных посланиях см.: *Каравашкин А.В.* Указ. соч. С. 176–178; *Флоря Б.Н.* Указ. соч. С. 220–221.
- 30 См., напр., противопоставление взаимоотношений двух монархов со своими подданными: Послание Гр. Ходкевичу от имени И.П. Федорова. С. 276–277. Об изображении в посланиях Ивана IV верных и неверных слуг см.: *Каравашкин А.В.* Способы изображения исторических лиц в посланиях Ивана Грозного // Литература Древней Руси / Отв. ред. Н.И. Прокофьев. М.: МГПИ им. Ленина, 1988. С. 61(65).
- 31 Польско-литовской раде от имени бояр И.Д. Бельского, Д.Р. Юрьева-Захарьина и др. 28 ноября 1562 г. С. 112.
- 32 *Лихачев Д.С.* Сочинения царя Ивана Васильевича Грозного // Он же. Избранные работы: В 3 т. Л.: Художественная литература, 1987. Т. 2. С. 289.
- 33 См., напр., пассаж о бегстве деда И.Д. Бельского из Великого Княжества Литовского «во единой кошполе»: Послание Сигизмунду II Августу от имени И.Д. Бельского. С. 244; характеристику «верного слуги» Сигизмунда II Августа Ивашки Козлова, который на Руси «мало у лошадей пригодитца, не токма которая верность на него положити»: Послание Сигизмунду II Августу от имени М.И. Воротынского. С. 259.
- 34 Польско-литовской раде от имени бояр И.Д. Бельского, Д.Р. Юрьева-Захарьина и др. 28 ноября 1562 г. С. 112.
- 35 Один из самых ярких примеров ( обыгрывание слов оппонентов о том, что Ливонская земля «поддана издавна» их монарху, «а ныне панствомъ ужь къ вашему (их. – Н. Б.) государю прилучена». Пряча иронию под маской мнимой благожелательности, царь стремится вскрыть их внутреннюю противоречивость (Там же. С. 109).
- 36 О пародии у Грозного см.: *Лихачев Д.С.* Указ. соч. С. 297; *Каравашкин А.В.* Русская средневековая публицистика. С. 223; об обыгрывании форм деловой письменности см.: *Шмидт С.О.* Указ. соч. С. 258; *Пиккио Р.* Древнерусская литература. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 219–220.
- 37 Послание Польско-Литовской рады к боярам. 20 февраля 1563 г. // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 71. С. 121–123.
- 38 Польско-литовской раде от имени бояр И.Д. Бельского, И.Ф. Мстиславского и др. 24 февраля 1563 г. С. 127. Ср. с заключительным фрагментом другого письма, носящим явно пародийный характер: Послание Сигизмунду II Августу от имени И.Д. Бельского. С. 246; см.: *Лурье Я.С.* Комментарий. С. 671.



М.П. Одесский

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА  
М.А. БАКУНИНА И ИДЕОЛОГИЯ «СЛАВЯНСКОЙ  
ВЗАИМНОСТИ»

В статье анализируется «Исповедь» М.А. Бакунина, написанная им в Петропавловской крепости, и доказывается ее связь с идеологией «славянской взаимности» (сформулированной в XIX в. чешскими и словацкими интеллектуалами). Бакунин использовал идеи и образы «славянской взаимности», стремясь реализовать идеал не столько славянского единства, сколько мировой революции.

*Ключевые слова:* автобиографическая публицистика, славянская взаимность, славянское единство, революция, М.А. Бакунин, «Исповедь».

«Исповедь» великого анархиста М.А. Бакунина (1851) – весьма специфический памятник автобиографической публицистики. Автор, задержанный после дрезденского восстания 1849 г. властями Саксонии, переданный Австрии, приговоренный в Саксонии и Австрии к смертной казни и в 1851 г. выданный России, составил «Исповедь» в Петропавловской крепости «ожидая худшего»<sup>1</sup> – во время следствия и по прямому приказу императора Николая I, пожелавшего, чтобы узник «написал полную исповедь всех своих преступлений» (с. 100).

Христианская исповедь совершается перед таинством покаяния, она требует осознания грехов, сокрушенного сердца и готовит к евхаристии; исповедоваться – значит раскаиваться и исповедовать, открыто придерживаться важнейших принципов вероучения<sup>2</sup>. Очевидно, что «Исповедь» Бакунина далека от этого образца, коль скоро в качестве «духовного отца» фигурирует не священник, а император, но тождество исповеди и открытого исповедания

своей веры остается для автора актуальным. Вместе с тем «Исповедь» не сводится к ответам на вопросы следствия: несмотря на торжественно-вынужденный характер, она ближе к жанру литературной исповеди второй половины XVIII – первой половины XIX в., который, по едкому замечанию критика А.А. Григорьева, позволял «преувеличивать свои слабости до той степени, на которой они получают известную значимость и, пожалуй даже, по извращенным понятиям современного человека, – величавость и обаятельность зла»<sup>3</sup>.

Позднее Бакунин и сам признавался А.И. Герцену, что «написал в самом деле род исповеди, нечто вроде “Dichtung und Wahrheit”»<sup>4</sup>. Симптоматично, что когда Герцен в 1852 г. начал работать над мемуарами, он, в свою очередь, вспомнил «Dichtung und Wahrheit» Гете<sup>5</sup>. То есть Бакунин, апеллируя к парадигматической книге Гете, акцентировал неконъюнктурный характер произведения, что не ускользнуло от следователей. Председатель Государственного совета граф А.И. Чернышев аргументировал свое «чрезвычайно тягостное впечатление», сопоставив «Исповедь» участника революции 1848–1849 гг. с признаниями декабристов: «Я нашел полное сходство между “Исповедью” и показаниями Пестеля печальной памяти, данными в 1825 году, то же самодовольное перечисление всех воззрений, враждебных всякому общественному порядку, то же тщеславное описание самых преступных и вместе с тем нелепых планов и проектов; но ни тени серьезного возврата к принципам верноподданного – скажу более, христианина и истинно русского человека»<sup>6</sup>. Николай I – главный адресат – реагировал двойственно: автор «Исповеди» был переведен в Шлиссельбург, но допросов больше не устраивали и разрешили свидание с родными, а в 1857 г. – при Александре II – сослали на поселение в Сибирь.

По словам Н.М. Пирумовой, «сложность документа прежде всего в его двухплановости. “Вымысел и правда” – в этих словах Бакунина, пожалуй, и есть ключ к пониманию смысла “Исповеди”. Правда здесь явно превалирует. Правдив в целом весь рассказ о действиях самого “кающегося грешника”. Что еще важнее, правдивы и искренни места о революции во Франции <...>; о положении России, ее внутренней и внешней политике. <...> “Вымысел” представлен в основном двумя линиями: антинемецкой (или вообще антиевропейской) и панславистской. За подобные места действительно можно упрекнуть Бакунина, хотя тут же следует отдать должное его проницательности. Расчет его верен. Критика

развращенности и безверия на Западе импонировала Николаю. <...> Бакунин, как всегда, поучает и проповедует. Проповедует как там, где говорит правду, так и там, где прибегает к вымыслу. И тот и другой жанры в “Исповеди” чередуются. Вымысел нужен ему для того, чтобы прикрыть правду»<sup>7</sup>.

Соглашаясь с авторитетным историком, в особенности с тем, что в «Исповеди» имеется установка на автобиографичность и на «поучение»/«проповедь» (публицистичность), стоит, наверное, уточнить, что в данном случае продуктивно различать не просто «вымысел» и «правду» (тем более что немецкое слово «*dichtung*» точнее и привычнее передавать не как «вымысел», а как «поэзия»), но два плана. Это планы историко-событийный и публицистический-нарративный, где происходит активное конструирование приемлемого для царя и вместе с тем достойного образа автора. Как писал П. де Ман, литература (равно как и публицистика) «обречена (или одарена правом) всегда быть самым строгим и, следовательно, самым ненадежным языком, при помощи которого человек называет и изменяет себя»<sup>8</sup>. «Кающийся грешник Михаил Бакунин» – это человек, который «кругом виноват», но его «грехи и преступления были чужды всем низким, своекорыстным побуждениям» и происходили «большею частью от ложных понятий, но еще более от сильной и никогда не удовлетворенной потребности знания, жизни и действия» (с. 100, 102), да и, кроме того, порождались (пусть превратно истолкованными) мечтами о величии русского народа<sup>9</sup>.

Различение двух планов – историко-событийного и публицистически-нарративного – прежде всего, относится к «славянскому» сюжету в автобиографии революционера и к системе аргументов, показавшейся Бакунину убедительной в навязанном ему исповедальном диалоге с венценосным следователем.

Правительство более всего интересовалось прикосновенностью Бакунина к «польской интриге», к польской эмиграции и подполью. Соответственно, первой заботой Бакунина стало максимально затемнить как политические контакты с поляками<sup>10</sup>, так и свои идеологические схождения с польской публицистической традицией.

Бакунин, признав факт переговоров с Централизацией – организацией радикальных поляков-эмигрантов – во время антиавстрийского краковского восстания 1846 г., вместе с тем немедленно добавил, что никаких практических последствий переговоры не имели. В частности, по той причине, что его интернациональный

М.П. Одесский

идеал не совпадал с патриотической революционностью поляков: «Целью же поставлял русскую революцию и республиканскую федерацию всех славянских земель – основание единой и нераздельной славянской республики, федеральной только в административном, центральной же в политическом отношении» (с. 118).

Ю.М. Стеклов – не только историк, но и участник русского революционного движения – справедливо указал, что «это первое у Бакунина проявление идей революционного панславизма вообще не было чем-то неслыханным и абсолютно новым для польской эмиграции. <...> Вообще панславизм, в том числе и революционный, имеет западно-славянское, в частности польско-чешское, происхождение...»<sup>11</sup>. Согласно, например, несколько позднейшей (1848 г.) формулировке публициста-радикала (Я. Подолецкий), историческая миссия поляков заключается в том, чтобы «сгруппировать славянские народы в мощную массу под знаменем отечественных принципов гминовластия (в польской традиции синоним «демократии». – М. О.), победить с помощью христианства старые центробежные тенденции, отгородить Европу от Азии»<sup>12</sup>. Таким образом, Бакунин, акцентируя несовпадения с политической программой Централизации, одновременно скрывал близость к ней своих федералистских идей. Показательно, что и в неподцензурном сочинении «Государство и анархия» (1873) Бакунин возводил генеалогию «славянской федерации» не к полякам, а к декабристам: «Уже в двадцатых годах тайное общество демократов, а именно южная отрасль этого общества, руководимая Пестелем, Муравьевым-Апостолом и Бестужевым-Рюминым, возымела первую мысль о вольной славянской федерации»<sup>13</sup>.

Сообщая затем о беседах со знаменитым представителем «польской революции» историком И. Лелевелем, призывавшим к славянской федерации и проводившим «исторические параллели с общинно-федеративным устройством раннеславянского мира»<sup>14</sup>, автор «Исповеди» счел своевременным подчеркнуть, что «не раз спорил с ним, особенно же насчет Малороссии и Белороссии, которые, по их понятиям, должны бы были принадлежать Польше, по моим же, особенно Малороссия, должны были ненавидеть ее как древнюю притеснительницу» (с. 111). Бакунин-революционер, действительно, отвергал – во имя «славянской федерации» – претензии польских повстанцев на украинские и белорусские территории, однако, обращаясь к императору, он тем самым апеллировал и к российскому общественному мнению. В 1860-х гг.

А.И. Герцен вспоминал о восприятии в России польского восстания 1830–1831 гг.: «Польский вопрос был смутно понимаем в то время. Передовые люди, – люди, шедшие на каторжную работу за намерение обуздать императорское самовластие, ошибались в нем и становились, не замечая того, на узкую государственно-патриотическую точку зрения Карамзина»<sup>15</sup>. Да и юный Бакунин во время польского восстания выражал восхищение «прекрасными стихами» А.С. Пушкина «Клеветникам России», которые «полны огня и истинного патриотизма»<sup>16</sup>.

Наконец, Бакунин оппонировал в «Исповеди» мистической версии славянской идеи, предложенной А. Мицкевичем: «Также видел иногда и Мицкевича, которого уважал в прошедшем как великого славянского поэта, но о котором жалел в настоящем как о полуобманутом, полу же обманывающем апостоле и пророке новой нелепой религии и нового мессии. Мицкевич старался обратиться ко мне, потому что, по его мнению, достаточно было, чтобы один поляк, один русский, один чех, один француз и один жид согласились жить и действовать вместе в духе Товянского для того, чтобы перевернуть и спасти мир; поляков у него было довольно, и чехи были, также были и жида, и французы, русского только недоставало; он хотел завербовать меня, но не мог» (с. 112–113). Почти иронический тон был тем более уместен, что, по мнению специалиста, позволял умалчивать «и о направлении мысли Мицкевича в предреволюционные годы, и о его действиях в период революции 1848 г.»<sup>17</sup>.

По мере приближения к революционным событиям 1848–1849 гг. соотношение «вымысла» с «правдой» становится все причудливей. Увлеченный успехами революции в Европе, Бакунин составил план организовать революционное выступление в Познанском герцогстве – части Польши, входившей после Венского конгресса в состав Пруссии. Восстание в прусской Польше – при удачном повороте – перекинулось бы в российскую Польшу, а там, глядишь, в Россию. Так что Бакунину приходилось ответственно и аккуратно выбирать дефиниции в «Исповеди». Он не отрицает, что планировал «бороться с русской силою» «в соединении с другими славянами, особенно же если мне удастся увлечь русских в Царстве Польском», однако целью мятежа выставляется не столько разрушение России, сколько надежды на «пропаганду и на могучий дух революции, овладевший ныне всем миром» и необходимость «всеми силами воспротивиться неестественному соединению поляков с немцами против России» (с. 129).

М.П. Одесский

Если рискнуть очистить «правду» от адаптирующего «вымысла», трехчленный проект Бакунина изложен практически без искажений: основная цель – всенародный бунт и перманентная революция; средство достижения цели – восстание славянских народов и их борьба за свободную федерацию; средство поднять славянское восстание – восстание поляков, всегда готовых бороться за независимость (ср. деятельность Бакунина после побега из сибирской ссылки во время польского восстания 1863 г.).

\* \* \*

Переходя к рассказу о первом Славянском съезде 1848 г., собравшемся в Праге, и других событиях «чешского» эпизода своей перманентной революции, Бакунин эффективно трансформирует публицистический тезаурус. Приспосабливая идеологию «славянской федерации» к интеллектуальной ситуации съезда и к вербовке активистов для антиавстрийского восстания в Праге, Бакунин синтезировал ее с идеологией «славянской взаимности», которая была сформулирована «будителями» – чешскими и словацкими интеллектуалами эпохи национального Возрождения, и охотно подхвачена в России многими литераторами, политиками, учеными.

Обе идеологические модели – «славянская федерация» и «славянская взаимность» – манифестируют идеологию славянского единства и вместе с тем далеко не тождественны. Действительно, сложная культурно- и этнополитическая проблема «славянского единства» концептуализировалась – и славянами, и теоретиками, представляющими другие национальные традиции, – посредством идеологий предсказуемо широкого спектра. Если к тому же учесть конкретные исторические обстоятельства, в которых оформлялись различные модели «славянской идеи», то «славянскую идею» правомерно рассматривать и в качестве некоей идеологии, и одновременно в качестве родового понятия. С этой точки зрения общая модель «славянского единства» реализуется в таких исторических разновидностях, как (не претендуя на полноту) панславизм в версии М.П. Погодина, русское славянофильство, польский мессианизм А. Мицкевича, австрославизм, «славянская федерация», «славянская взаимность» и др.<sup>18</sup>

Бакунин очертил в «Исповеди» модель «славянской взаимности»: «В Праге существовал уже с давних времен ученый литературный круг, имевший целью сохранение, поднятие и развитие чешской литературы, чешских национальных обычаев, а также

и славянской национальности вообще, подавляемой, стесняемой, презираемой немцами, равно как и мадьярами. Кружок сей находился в живой и постоянной связи с подобными кружками между словаками, хорватами, словенцами, сербами, даже между лужичанами в Саксонии и Пруссии и был, как бы сказать, их главою. Палацкий, Шафарик, граф Тун, Ганка, Ко[л]лар, [Г]урбан, Людвиг Штур и несколько других были предводителями славянской пропаганды, сначала литературной, потом уже возвысившейся и до политического значения. Австрийское правительство их не любило, но терпело, потому что они противодействовали мадьярам» (с. 134). Сторонники «славянской взаимности» преимущественно и выступили инициаторами пражского съезда: по мнению автора «Исповеди», «главным изобретателем и руководителем славянского конгресса» (с. 137) стал историк и общественный деятель Франтишек Палацкий.

Бакунин попал в делегаты благодаря полякам, и источник его информации о «славянской взаимности» специалисты видят в контактах русского бунтаря с давним товарищем, ученым-революционером В. Цыбульским, который обладал «глубокими познаниями» в славянском вопросе и поддерживал отношения с Ф. Палацким, Ф.Л. Челаковским и другими будителями<sup>19</sup>. Тем не менее Бакунин далеко не идентифицировал себя с поляками и даже успел – вместе со столпами движения будителей Палацким и Шафариком – принять участие в попытках примирения делегатов-поляков с делегатами-украинцами<sup>20</sup>. Одновременно он не превратился в исповедника «славянской взаимности», в частности, отнюдь не солидаризировался с Палацким, придерживавшимся австрославистской идеологии. Автор «Исповеди» не был доволен ходом съезда: «Дни текли, конгресс не двигался. Поляки занимались регламентом, парламентскими формами да русинским вопросом; вопросы более важные переговаривали не на конгрессе, а в собраниях особенных и не так многочисленных. Я в сих собраниях не участвовал, слышал только, что в них <...> была сильно речь о Кошуте и о мадьярах, с которыми, если не ошибаюсь, поляки уже в то время начинали иметь положительные сношения к великому неудовольствию прочих славян. Чехи были заняты своими честолюбивыми планами, южные славяне предстоявшей войною. Об общем славянском вопросе мало кто думал. Мне опять стало тоскливо <...>» (с. 138). Бакунин вел свою линию, пропагандируя «славянскую федерацию», утилитарно обогатив свой публицистический инструментарий топикой «славянской взаимности»,

т. е. регулярно воспроизводимой системой аргументов, исторических сюжетов, устойчивых метафор и символов, которые могли существовать и вместе, и порознь.

В итоге очередные пропагандистские задачи 1848 г. (план излагаемых фактов) и стремление воздействовать на читателя-императора (план конструирующей наррации) вместе обусловили обращение автора «Исповеди» к топике «славянской взаимности». Однако идеологические столкновения с Палацким и наличие второго плана сближают подход Бакунина не столько с чешскими основоположниками, сколько с их русскими толкователями, в частности с публицистикой (прозаической и поэтической) Ф.И. Тютчева<sup>21</sup>.

1. Первый топос, характерный для модели «славянской взаимности», эффектно продолжает «антинемецкую линию» повествования: «В Праге, где поношению немцев не было конца, я и с самими поляками чувствовал себя ближе. Ненависть к немцам была неистощимым предметом всех разговоров; она служила вместо приветствия между незнакомыми: когда два славянина сходились, то первое слово между ними было почти всегда против немцев, как бы для того, чтобы уверить друг друга, что они оба – истинные, добрые славяне. Ненависть против немцев есть первое основание славянского единства и взаимного уразумения славян; она так сильна, так глубоко врезана в сердце каждого славянина, что я и теперь уверен, государь, что рано или поздно, одним или другим образом, и как бы ни определились политические отношения Европы, славяне свергнут немецкое иго, и что придет время, когда не будет более ни прусских, ни австрийских, ни турецких славян» (с. 133–134)<sup>22</sup>. Аналогично Тютчев во франкоязычной статье «Россия и революция» (1848) декламировал: «Как-то забыли, что в самом сердце мечтающей об объединении Германии, в Богемской области и окрестных славянских землях живет шесть или семь миллионов людей, для которых в течение веков, из поколения в поколение, германец ни на мгновение не переставал восприниматься чем-то несравненно худшим, нежели чужеземец, одним словом, всегда остается Немцем (слово вставлено по-русски. – М. О.)...»<sup>23</sup>. Тютчев, выступая в статье рупором внешнеполитических интересов Российской империи, далеко не во всем лоялен традиции чешских будителей, но оппозиция «западные славяне»/«немцы» в эту традицию бесспорно вписывается. К примеру, Й. Юнгман считал, что немецкие слова противны чешскому духу и что основная культурная задача будителей заключается в борьбе



с внешней угрозой – с немецким влиянием, которое надлежит свергнуть, создав новый литературный язык и активно заимствуя лексику из родственных славянских языков<sup>24</sup>.

2. В процитированном фрагменте «Исповеди» выражена надежда автора на то, что «придет время, когда не будет более ни прусских, ни австрийских, ни турецких славян». Оппозиция «славяне»/«турки» – отличительный признак идеологии и топики «славянской взаимности», где «турки» – в качестве народов-угнетателей – почти автоматически фигурировали вместе (и обыкновенно в одном ряду) с немцами. Образцовый текст, реализующий эту оппозицию, – стихотворение А.С. Хомякова «Орел» (1830-е гг.):

Высоко ты гнездо поставил,  
Славян полунощных орел,  
Широко крылья ты расправил,  
Глубоко в небо ты ушел!  
Лети, но в горнем море света,  
Где силой дышащая грудь  
Разгулом вольности согрета,  
О младших братьях не забудь!  
На степь полуденного края,  
На дальний Запад оглянись:  
Их много там, где гнев Дуная,  
Где Альпы тучей обвились,  
В ущельях скал, в Карпатах темных,  
В балканских дебрях и лесах,  
В сетях тевтонов вероломных,  
В стальных татарина цепях!..

И ждут окованные братья,  
Когда же зов услышат твой,  
Когда ты крылья, как объятья,  
Прострешь над слабой их главой...  
О, вспомни их, орел полночи!  
Пошли им звонкий твой привет,  
Да их утешит в рабской ночи  
Твоей свободы яркий свет!  
Питай их пищей сил духовных,  
Питай надеждой лучших дней  
И хлад сердец единокровных  
Любовью жаркою согрей!

М.П. Одесский

Их час придет: окрепнут крылья,  
Младые когти подрастут,  
Вскричат орлы – и цепь насилья  
Железным клювом расклюют!<sup>25</sup>

Стихотворение Хомякова было запрещено российской цензурой и распространялось в списках; славист И.И. Срезневский передал его Яну Коллару<sup>26</sup> – автору программной статьи «О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими» и других основополагающих текстов, который и напечатал его (латинскими литерами, под заглавием «Орел славянский») в своей книге «Путешествие в Верхнюю Италию» (1843)<sup>27</sup>. Характерно, что Коллар исправил – ради пушей ясности – строку «в стальных татарина цепях» на «в стальных Османии цепях»<sup>28</sup>.

3. Третий топос – оппозиция «поляки»/«чехи». С одной стороны, Бакунин исповедуется в том, что «при вступлении произнес короткую речь, в которой сказал, что Россия, отторгнувшись от славянской братии через порабощение Польши, особенно же предав ее в руки немцев, общих и главных врагов всего славянского племени, не может иначе возвратиться к славянскому единству и братству, как через освобождение Польши, и что поэтому мое место на славянском конгрессе должно быть между поляками» (с. 137). С другой стороны, «кающийся грешник» пояснял: «Я желал, чтобы центром и главою сего нового славянского движения была Богемия, а не Польша. <...> я не желал, чтобы поляки стали во главе предполагаемой революции, боясь, что они или дадут ей характер тесный, исключительно польский, или даже пожалуй, если им это покажется нужно, предадут прочих славян своим старым союзникам, западноевропейским демократам, а еще легче мадьярам. Наконец я знал, что Прага есть как бы столица, род Москвы для всех австрийских, непольских славян, и надеялся, я думаю, не без основания, что если Прага восстанет, то и все прочие славянские племена последуют ее примеру и увлекутся ее движением <...>» (с. 168–169). Это снова поразительно совпадает с рассуждениями Тютчева в статье «Россия и революция» о «глубоком различии между Польшею и Богемией: между Богемией, против собственной воли покоряющейся западному церковному обществу, и мятежно католической Польшей – фанатичной приспешницей Запада и всегдашней предательницей своих»<sup>29</sup>. Однако и такого рода противопоставление – внутри славянского единства – не следует списывать исключительно на тенденциозную

интерпретацию «славянского единства»: Коллар тоже жестко полемизировал с Мицкевичем, именуя его «невзаимником польским» («Дочь Славы», V песнь, 6 сонет)<sup>30</sup>.

4. Четвертый топос – особая миссия России. Коллар, который, без сомнения, был русофилом, тем не менее отнюдь не принадлежал к числу сторонников воссоединения западных славян с Россией и тому подобных утопических проектов, разъясняя, что «взаимность не состоит в политическом объединении всех Славян; в каких-либо демагогических происках или революционных возмущениях против правительств и государей, откуда проистекает только замешательство и несчастье»<sup>31</sup>. Напротив, Тютчев уверен, что славянский вопрос будет счастливо решен и славяне обретут чаемую свободу, когда укрепится великая российская империя и, в частности, Россия вернет православию Стамбул-Константинополь-Царьград:

Тогда лишь в полном торжестве,  
В славянской мировой громаде,  
Строй вожделенный водворится, –  
Как с Русью Польша помирится, –  
А помирятся эти ж две,  
Не в Петербурге, не в Москве,  
А в Киеве и в Цареграде...<sup>32</sup>

Бакунин – посредством «русофильской» топики «славянской взаимности» – виртуозно оправдывал свои планы трансплантировать перманентную революцию в Россию. Он смиренно признает: «Другая же и главная цель моя была найти в соединенных славянах точку отправления для широкой революционерной пропаганды в России, для начала борьбы против Вас, государь!» (с. 141). Но вместе с тем оказывается, что славянская революция нейтрализовала бы происки немцев и поляков и, более того, гарантировала бы грядущее величие России: «Я не мог соединиться с немцами: это была бы война Европы и, что еще хуже, война Германии против России; с поляками также не мог соединиться; они мне плохо верили, да и мне самому, когда я узнал ближе их национальный характер, их неисцелимый, хоть исторически и понятный мне эгоизм, мне самому стало уже совестно и совершенно невозможно мешаться с поляками, действовать с ними заодно против родины. В славянском же союзе я видел напротив отечество еще шире, в котором, лишь бы только Россия к нему присоединилась, и поляки и чехи должны бы были уступить ей первое место» (с. 141–142)<sup>33</sup>.

Это тот же проект великой России, объединившей славян, но России – не императорской, а революционной: «Одним словом, государь, я уверил себя, что Россия, для того чтобы спасти свою честь и свою будущность, должна совершить революцию, свергнуть Вашу царскую власть, уничтожить монархическое правление и, освободив себя таким образом от внутреннего рабства, стать во главе славянского движения: обратить оружие свое против императора австрийского, против прусского короля, против турецкого султана и, если нужно будет, также против Германии и против мадьяр, одним словом против целого света, для окончательного освобождения всех славянских племен из-под чужого ига. Половина прусской Шлезии, большая часть Западной и Восточной Пруссии, одним словом все земли, говорящие по-славянски, польски, должны были отделяться от Германии. Мои фантазии простирались и дальше: я думал, я надеялся, что мадьярская нация, принужденная обстоятельствами, уединенным положением среди славянских племен, а также своею более восточною чем западною природою, что все молдавы и валахи, наконец даже и Греция войдут в Славянский Союз, и что таким образом созиждется единое вольное восточное государство и как бы восточный возродившийся мир в противоположность западному, хотя и не во вражде с оным, и что столицею его будет Константинополь» (с. 151–152). Логический предел здесь – как и у Тютчева – Константинополь<sup>34</sup>.

Отсюда Бакунин – в плане автобиографически-конструирующем – делает неожиданный вывод, прямо призывая Николая I исполнить этот грандиозный проект, но, наоборот, не революционным, а традиционным имперским способом: «<...> да и теперь еще убежден, что если бы Вы, государь, захотели тогда поднять славянское знамя, то они без условий, без переговоров, но слепо предавая себя Вашей воле, они и всё, что только говорит по-славянски в австрийских и прусских владениях, с радостью, с фанатизмом бросились бы под широкие крылья российского орла (возможная аллюзия на стихотворение Хомякова. – М. О.) и устремились бы с яростью не только против ненавистных немцев, но и на всю Западную Европу» (с. 160).

Николай I отметил на показаниях: «Не сомневаюсь, т. е. я бы стал в голову революции славянским “Мазаниелло”, спасибо!» (с. 160). Император, очевидно, согласился с эффективностью проекта, но отказался его принять по идеологическим убеждениям, не желая превратиться в Мазаниелло, народного вождя XVII в. и,

кстати, персонажа из популярной оперы Обера «Немая из Портичи» (первая постановка – 1828 г.; брюссельская постановка 1830 г. послужила сигналом к началу бельгийской революции).

Тема союза славянского восстания с Российской империей отнюдь не была неведома Николаю I. Еще в 1842 г. его министры – граф К.В. Нессельроде и граф С.С. Уваров – проблематизировали государя альтернативным пониманием славянского вопроса: министр иностранных дел агитировал за отказ от естественных симпатий к славянским народам во имя европейской стабильности, а министр просвещения, наоборот, намекал на коррекцию внешней политики и на перспективность поддержки славян<sup>35</sup>. Император принял «стабильную» сторону Нессельроде. Однако во время Крымской войны – когда обнаружилась враждебность к России Англии и Франции – он направил записку Нессельроде: «<...> признаем, что наступило время восстановить независимость христианских народов Европы, подпавших несколько веков тому назад оттоманскому игу»<sup>36</sup>. Но обыкновенно исполнительный Нессельроде блокировал инициативу повелителя так же твердо, как в 1842 г. инициативу коллеги-министра.

5. Для топики «славянской взаимности» симптоматично и обращение Бакунина к пушкинским «Клеветникам России». Это стихотворение, в юности вызвавшее его восхищение, было создано как полемическая реплика против польской стороны, причем с подразумеваемой апелляцией к поэзии Коллара. В дальнейшем оно – особенно образ ручьев и моря – постоянно функционировало в качестве своего рода символа идеологии «славянской взаимности»<sup>37</sup>. Бакунин напоминает о стихотворении императору: «Но русская или вернее великороссийская национальность должна ли и может ли быть национальностью целого мира? Может ли Западная Европа когда-либо сделаться русской языком, душою и сердцем? Могут ли даже все славянские племена сделаться русскими? Позабыть свой язык, – которого сама Малороссия не могла еще позабыть, – свою литературу, свое родное просвещение, свой теплый дом, одним словом, для того чтобы совершенно потеряться и “слиться в русском море” по выраженью Пушкина? Что приобретут они, что приобретет сама Россия через такое насильственное смешение? Они – то же, что приобрела Белоруссия вследствие долгого подданства у Польши: совершенное истощение и поглупление народа» (с. 150). Вместе с тем «кающийся грешник», оспаривая упование поэта на возможность для славянских народов «слиться в русском море», полемизирует со стихотворением и от-

М.П. Одесский

стаивает свой проект славянского союза. Закономерно, что в сочинении «Государство и анархия» Бакунин снова вспомнил «Клеветникам России» и снова – по другому поводу – с Пушкиным не согласился<sup>38</sup>.

После разъезда делегатов съезда и подавления австрийскими войсками восстания в Праге Бакунин опубликовал шумное «Воззвание к славянам», вызвавшее пресловутую отповедь Ф. Энгельса «Демократический панславизм». В «Исповеди» он, умолчав о нападках на Николая I, на деспотизм императора, его неславянское происхождение и т. п., посетовал на то, что «не мог выразить в нем чисто и ясно своей славянской мысли, потому что хотел опять сблизиться с немецкими демократами, считая сближение сие необходимым, и должен был лавировать между славянами и немцами <...>» (с. 165)<sup>39</sup>. Так «чешский» сюжет «Исповеди» завершился, и «кающийся грешник» перешел к дрезденскому восстанию – «последнему акту моей печальной революционной карьеры» (с. 168).

\* \* \*

Итак, идейная суть и политическая структура «чешского» проекта воспроизвели трехчленный «польский» проект: всенародный бунт; общее восстание славянских народов; революция в Праге или вмешательство императорской России (1851 г., публицистически-конструирующий план). И, по-видимому, имперский вариант был не только льстивым жестом в сторону монарха-читателя.

В свободном сочинении «Государство и анархия» Бакунин вспомнил о «славянских» колебаниях русского государя в годы Крымской войны: «Положение Николая было опасное; он имел против себя две могущественнейшие державы: Англию и Францию. Благодарная Австрия грозила ему. <...> Николай, полагавший всю свою славу главным образом в том, чтобы отличаться непреклонностью, должен был или уступить, или умереть. <...> И в эту критическую минуту ему было сделано предложение поднять панславистское знамя; мало того, надеть на свою императорскую корону фригийский колпак и звать не только славян, но и мадьяр, румын, итальянцев на бунт. Император Николай призадумался, но, должно отдать ему справедливость, колебался не долго; он понял, что ему не следует кончать свое многолетнее поприще, ознаменованное чистейшим деспотизмом, на поприще революционном. Он предпочел умереть»<sup>40</sup>. Известно, что Николай I, в конце правления «призадумавшийся» о смене славянского курса, мог действовать под влиянием секретных записок Погодина<sup>41</sup>,

однако сделанное императору таинственное «предложение поднять панславистское знамя» подозрительно напоминает и рецепт автора «Исповеди»<sup>42</sup>.

Вообще «Государство и анархия» – итоговая работа Бакунина-анархиста – столь же ценный источник по истории «славянской» идеи, как и «Исповедь». Их сравнение обнаруживает, что «кающийся грешник» – при всей изменчивости различных публицистических дискурсов – был удивительно постоянен в подходе к базовым вопросам. В «Государстве и анархии» он, с одной стороны, дезавуирует идеологическую модель «славянской взаимности» – «панславистскую пропаганду, производимую в России и главным образом в славянских землях правительственными официальными и вольнославянофильствующими или официальными русскими агентами»<sup>43</sup>. С другой – Бакунин снова повторил «славянскую» формулу, совершенно аналогичную прежним: «Можно сказать, что все историческое назначение немцев, по крайней мере, на севере и на востоке, и, разумеется, по немецким понятиям, состояло и чуть ли еще не состоит и теперь именно в истреблении, в порабощении и в насильственном германизировании славянских племен. Это длинная и печальная история, память о которой глубоко хранится в славянских сердцах и которая, без сомнения, отзовется в последней неизбежной борьбе славян против немцев, если социальная революция не помирит их прежде»<sup>44</sup>.

#### Примечания

- <sup>1</sup> *Бакунин М.* Исповедь // Он же. Собр. соч. и писем: В 4 т. / Под ред. Ю.М. Стеклова. М.: Изд-во Всесоюзного о-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1934–1935. Т. 4. С. 100; далее «Исповедь» цитируется по этому изданию, страницы указаны в тексте статьи.
- <sup>2</sup> См. подробнее: *Александров Н.Д., Монин М.П.* Антиномии «Исповеди» // Литературное обозрение. 1993. № 3/4. С. 102–103.
- <sup>3</sup> *Григорьев А.А.* Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина // Он же. Искусство и нравственность / Сост. Б.Ф. Егоров. М.: Современник, 1986. С. 109.
- <sup>4</sup> *Бакунин М.* Собр. соч. и писем. Т. 4. С. 366.
- <sup>5</sup> *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. М.: АН СССР, 1954–1964. Т. 24. С. 359.
- <sup>6</sup> Цит. по: *Бакунин М.* Собр. соч. и писем. Т. 4. С. 551.
- <sup>7</sup> *Пирумова Н.М.* Социальная доктрина М.А. Бакунина. М.: Наука, 1990. С. 71–73; ср. о «языке проповеди и поучения» в письмах юного Бакунина: *Гинзбург Л.* О психологической прозе. Л.: Худ. лит-ра, 1977. С. 53.

М.П. Одесский

- <sup>8</sup> *Ман П. де.* Аллегории чтения: Фигуральный язык Руссо, Ницше, Рильке и Пруста. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. С. 29.
- <sup>9</sup> См. подробный анализ автобиографического конструирования, реализованного юным Бакуниным в его письмах: *Гинзбург Л.* Указ. соч. С. 45–64; в частности, исследователь отмечает, что «личность Бакунина распадается на ряд несовпадающих образов, созданных им самим» – от «доброего и нелепого малого» до «титанического образа пророка».
- <sup>10</sup> См. об этом: *Борисенок Ю.А.* Михаил Бакунин и «польская интрига»: 1840-е годы. М.: РОССПЭН, 2001. 304 с.
- <sup>11</sup> *Бакунин М.* Собр. соч. и писем. Т. 4. С. 450–451.
- <sup>12</sup> Цит. по: *Борисенок Ю.А.* Указ. соч. С. 99.
- <sup>13</sup> *Бакунин М.А.* Государство и анархия // Он же. *Философия. Социология. Политика* / Сост., подг. текста, примеч. В.Ф. Пустарнакова. М.: Правда, 1989. С. 358. По мнению В.Ф. Пустарнакова, речь у Бакунина идет скорее о программе Общества соединенных славян (Там же. С. 589), которая, в свою очередь, испытала воздействие польской традиции (*Нечкина М.В.* Общество соединенных славян. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. С. 25–26, 91); напротив, федерализм Пестеля и других руководителей Южного общества не имел отношения к «славянской идее» (ср. во фрагменте 1870-х гг. «История моей жизни» более точную характеристику «гениального человека» Пестеля, который «хотел преобразования империи в федерацию провинций, в федеральную республику наподобие Соединенных Штатов Северной Америки» – Бакунин М. Собр. соч. и писем. Т. 1. С. 30).
- <sup>14</sup> *Борисенок Ю.А.* Указ. соч. С. 70.
- <sup>15</sup> *Герцен А.И.* 1831–1863 // Он же. Собр. соч.: В 30 т. Т. 17. С. 93.
- <sup>16</sup> *Бакунин М.* Собр. соч. и писем. Т. 1. С. 49–50.
- <sup>17</sup> *Борисенок Ю.А.* Указ. соч. С. 175.
- <sup>18</sup> См. подробнее: *Кацис Л.Ф., Одесский М.П.* «Славянская взаимность»: Модель и топика. Очерки. М.: Regnum, 2011. С. 9–18.
- <sup>19</sup> *Борисенок Ю.А.* Указ. соч. С. 144, 237.
- <sup>20</sup> Там же. С. 240.
- <sup>21</sup> См.: *Кацис Л.Ф., Одесский М.П.* Указ. соч. С. 43–58.
- <sup>22</sup> В саксонской тюрьме Бакунин говорил практически то же самое (*Бакунин М.* Собр. соч. и писем. Т. 4. С. 82), что заставляет отнести «антинемецкие» пассажи скорее к плану излагаемых фактов.
- <sup>23</sup> *Тютчев Ф.И.* Полн. собр. соч. и письма: В 6 т. М.: ИЦ «Классика», 2002–2004. Т. 3. С. 152.
- <sup>24</sup> *Cooper D.L.* Creating the Nation: Identity and Aesthetics in Early Nineteenth-century Russia and Bohemia. DeCalb: Northern Illinois University Press, 2010. P. 73–85; Т. Гланц показал вековую живучесть такого рода схем, когда в официальной прессе коммунистической Чехословакии Р. Якобсона обвиняли



- в идеологических кознях против политики языкового пуризма (*Якобсон Р.* Формальная школа и современное русское литературоведение / Ред.-сост. Т. Гланц. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 184–186).
- <sup>25</sup> *Хомяков А.С.* Стихотворения и драмы / Подг. текста, примеч. Б.Ф. Егорова. Л.: Сов. писатель, 1969. Сер. «Библиотека поэта». С. 100–101.
- <sup>26</sup> *Досталь М.Ю.* И.И. Срезневский и его связи с чехами и словаками. М.: Институт славяноведения РАН, 2003. С. 447.
- <sup>27</sup> См. о влиянии поэзии Хомякова на литературу западных и южных славян: *Францев В. А.С.* Хомяков, поэт-славянофил: Мотивы его творчества и отражение их в славянских литературах // Хомяков А.С. Стихотворения. Прага, 1934. С. IX–LXXIV.
- <sup>28</sup> *Егоров Б.Ф.* Примечания // Хомяков А.С. Стихотворения и драмы. С. 554–555.
- <sup>29</sup> *Тютчев Ф.И.* Указ. соч. Т. 3. С. 153.
- <sup>30</sup> См.: *Кацис Л.Ф., Одесский М.П.* Указ. соч. С. 36–42.
- <sup>31</sup> *Коллар И.* О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими // Отечественные записки. 1840. Т. VIII. № 1/2. Отд. II. С. 3.
- <sup>32</sup> *Тютчев Ф.И.* Указ. соч. Т. 2. С. 17.
- <sup>33</sup> Ср. «саксонскую» версию того же проекта: «Кто знает славян хоть немного, тот не может сомневаться в том, что славяне скорее отдадут себя под защиту русского кнута, нежели согласятся обратиться в немцев. Итак, скажу в нескольких словах, что единство и величие Германии и вместе с сим свобода и величие славян, дружеское обоим их согласие как в охранении цивилизации и прав человечества, так и в освобождении русского народа от деспотизма есть все, что я желал и чего желаю теперь с такою искренностью и силою воли» (*Бакунин М.* Собр. соч. и писем. Т. 4. С. 25).
- <sup>34</sup> Ср. суждение В.К. Кантора: хотя «русский панславист» «Бакунин и утверждал, что он против государства и что его отечество – это всемирная революция, как видим, по своему пафосу как геополитик он был вполне русским государственным» (Кантор В. Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса: К проблеме имперского сознания в России. М.: РОССПЭН, 2009. С. 357–358).
- <sup>35</sup> См.: *Досталь М.Ю.* «Славянский вопрос» в мировоззрении графа С.С. Уварова // Славянская идея: История и современность. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1998. С. 63–77; *Шевченко М.М.* Славянский вопрос глазами русского правительства в 1842 г.: С.С. Уваров и К.В. Нессельроде // Русский сборник: Исследования по истории России XIX–XX вв. М.: Модест Колеров, 2004. Т. 1. С. 29–39.
- <sup>36</sup> Цит. по: *Зайончковский А.М.* Восточная война 1853–1856. СПб.: Полигон, 2002. Т. 2. Ч. 1. С. 560.
- <sup>37</sup> См.: *Кацис Л.Ф., Одесский М.П.* Указ. соч. С. 21–35.
- <sup>38</sup> *Бакунин М.А.* Государство и анархия. С. 370.

М.П. Одесский

<sup>39</sup> Ср. противоположное освещение той же политической ситуации в саксонских показаниях: «...российское государство является естественным врагом германской силы, германской свободы и чести, именно по этой причине оно не хочет немецкого единства» (*Бакунин М.* Собр. соч. и писем. Т. 4. С. 48).

<sup>40</sup> *Бакунин М.А.* Государство и анархия. С. 364–365.

<sup>41</sup> О записках Погодина см.: *Пытин А.Н.* Панславизм в прошлом и настоящем (1878). СПб., 1913. С. 86–104.

<sup>42</sup> Ср. также в статье Герцена 1863 г. описание Николая I в Крымскую войну, когда император «хотел кликнуть клич к славянам, восстановить ненавистную Польшу и поставить на ноги только что задавленную им Венгрию – лишь бы снова Зимний дворец стал незыблем и грозен...» (*Герцен А.И.* 1831–1863. С. 107).

<sup>43</sup> *Бакунин М.А.* Государство и анархия. С. 328.

<sup>44</sup> Там же. С. 403.

С.М. Волошина

ПРОБЛЕМА ЖИЗНЕТВОРЧЕСТВА  
В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ  
В.С. ПЕЧЕРИНА  
(«ЗАМОГИЛЬНЫЕ ЗАПИСКИ»  
И РОМАН Ж. САНД «СПИРИДИОН»)

В статье рассматриваются мемуары В.С. Печерина «Замогильные записки» как отражение активного жизнетворчества автора. Отбор автором фактов для автобиографии, их интерпретация, а также построение (конструирование) его литературно-публицистического образа полностью определяется его целями – прежде всего оправданием, «апологией» своих поступков и образа жизни перед читателями. Создание образа героя в мемуарах проходило в рамках романтической литературной традиции, что объясняет следование литературным образцам, прежде всего роману Ж. Санд «Спиридион».

*Ключевые слова:* мемуаристика, автобиография, история публицистики, «жизнетворчество», В.С. Печерин, Ж. Санд.

Автобиография В.С. Печерина (равно как А.И. Герцена и многих современников) не является лишь последовательным изложением фактов, но их публицистической интерпретацией, служащей определенной цели. Так, Печерин считал необходимым объяснить одиозные поступки соотечественникам, в частности, «оправдаться» в своем эксцентрическом вступлении в католичество. Цель мемуаров организует отбор фактов, а также определяет установку на активное конструирование образа героя и «сюжета» его жизни, что, в свою очередь, ведет к заимствованию и воплощению литературных схем. Кроме того, действие в рамках романтической литературной традиции (а Печерин оставался в этих рамках вплоть до самого почтенного возраста) предполагало активное жизнетворчество. Образы романов Жорж Санд (в частности,

«Спиридиона») стали образцами для выстраивания Печериным собственной биографии.

В.С. Печерин (1807–1885), автор мемуарных «Замогильных записок» (1868–1875), замечателен не только любопытной судьбой, но и своеобразным автобиографическим методом.

Основные вехи биографии Печерина таковы: детство в далекой провинции, воспитание «по Эмилю» Руссо и краткое обучение в Киевской гимназии. В 1825 г. Печерин переезжает в Петербург, служит чиновником, а затем учится в Университете. Публикует переводы и оригинальные стихотворения, а в 1833 г. направляется в Берлин для «завершения образования и подготовки к профессорской деятельности»<sup>1</sup>, путешествует по Швейцарии и Италии. В 1835 г. возвращается в Москву и получает назначение преподавателем греческой словесности в Московский университет, держит экзамен на доктора наук, но диссертацию не дописывает. Найдя жизнь в России для себя невозможной, Печерин покидает родину под ложным предлогом и более не возвращается. До 1840 г. он странствует по Европе, почти нищенствуя и знакомясь с различными видами революционной идеологии (от Бабёфа, сен-симонистов до Ламенне и Леру), в 1840 г. принимает католичество и становится монахом редemptористского ордена. Через несколько лет направляется в качестве миссионера в Англию, затем в Ирландию. В 1861 г. Печерин подает просьбу об уходе из ордена, через некоторое время становится капелланом при больнице в Дублине, где и живет до самой смерти.

Подобная причудливость поступков и отсутствие их явной внешней мотивации стали причиной того, что образ Печерина (как человеческий, так и мемуарный) подвергался разнообразным, иногда полярным, трактовкам: от талантливого, но слабого человека, сломленного правлением Николая I (именно таким видится Печерин в одной из глав «Былого и дум» А.И. Герцена) до архетипического образа «вечного невозвращенца» (в частности, в книге Н.М. Первухиной-Камышниковой «В.С. Печерин: эмигрант на все времена»<sup>2</sup>).

Его биография, а вслед за ней и «записки» могут быть рассмотрены как яркий пример «жизнетворчества», выстраивания жизни в соответствии с литературными образцами – прежде всего романтической, а также христианской традицией (житий святых).

Сам Печерин с кажущимся легкомыслием писал о частой смене собственных приоритетов и увлечений: «Какая-нибудь книжонка, стихи, два-три подслушанные мною слова делали на

меня живейшее впечатление и определяли иногда целые периоды моей жизни»<sup>3</sup>. Однако некоторые «книжонки» не только «определяли периоды», но были, скорее, ключом к судьбоносным решениям Печерина: таковы, например, поэмы Байрона, Пушкина, Лермонтова.

С самого начала «Замогильных записок» Печерин представляет свое мемуарное «я» в образе романтического героя, акцентируя одинокое детство, жестокость отца и притеснения матери, отсутствие достойного окружения и образования: «Вот молодой человек <...> с дарованиями, с высокими стремлениями, с жаждой знания, и вот он послан на заточение в Комиссаровскую пустыню, один, без наставника, без книг, без образованного общества, без семейных радостей, без друзей и развлечений юности, без цели в жизни, без малейшей надежды в будущем!» (с. 161).

Противопоставляя себя-поэта и толпу вполне в рамках романтической традиции, Печерин открыто описывает свою жизнь как литературу: «Я действительно был поэтом, – не в стихах, а на самом деле. Под влиянием высшего вдохновения я задумал и развил длинную поэму жизни и, по всем правилам искусства, сохранил в ней совершенное единство» (с. 149).

Мотив бегства, отчуждения от «толпы» и поиск идеала – в духовной, социальной и политической сфере – Печерин продолжает вести на протяжении всех мемуаров.

Помимо параллелей автобиографических записок Печерина с образцами романтической литературы, прослеживается также прямая связь их сюжета и образов с романами Жорж Санд «Мопра», «Зима на Майорке» и – в первую очередь – с романом «Спиридион»<sup>4</sup>. Построение мемуаров по «образу и подобию» этого романа служит хорошим объяснением многих склонностей Печерина-автора: поиск новой идеи, способной перестроить общественный порядок, временами экстатическая склонность к религиозным мотивам, «отчуждение» от толпы и одна из главных идей – «оправдание», апология своего перехода в католицизм (не случайно второе название мемуарных записок – «*Apologia pro meo vita*»). Объяснение своего поступка перед соотечественниками (в частности, перед Герценом, создавшим тенденциозный и жалкий образ Печерина: «Бедность, безучастие, одиночество сломили его...»<sup>5</sup>) автор удивительным образом связывает в «Апологии» с романом Ж. Санд.

Безусловно, популярность Жорж Санд на родине была огромной, в России, особенно после настойчивой апологетики Белинского

в «Отечественных записках» и «Современнике» (с 1847 г.), – едва ли не больше. «Талант» и влияние Жорж Санд на умы соотечественников признавали даже такие далекие от романтизма и идеализма люди, как Ф.В. Чижов – приятель Печерина по Петербургу и будущий адресат большинства его автобиографических писем-заметок. «Вы можете <...> враждовать с ее убеждениями, называть их больными, неистовыми, вредными <...> но не можете не согласиться, что она талант, и талант великий», – писал Ф.В. Чижов в «Современнике»<sup>6</sup>. Жорж Санд обожествляли и преклонялись перед ее героями: «Боткин смешно выразился об ней, что она Христос женского рода, но в этом правды много»<sup>7</sup>, – писала Натали Герцен в своем дневнике, процитированном позже в «Былом и думах».

Образы романов Ж. Санд имели огромное влияние не только на литературные произведения начиная с 40-х гг. XIX в. и позже, они становились образцами для подражания, «жизнетворчества» и, как и все мифологемы, действовали двояко. С одной стороны, люди видели в героях Санд и их поведении ключ для понимания и интерпретации собственных жизненных ситуаций, с другой – старались выстраивать жизнь (осознанно либо полусознательно) в соответствии с сюжетными ходами ее романов.

Например, Герцен и Гервег, будучи друзьями и мечтая о жизни одним домом, называли друг друга «близнецами», заимствуя нежные прозвища у героев романа «Маленькая Фадетта»: в нем два брата – Ландри и Сильвине – любили одну женщину<sup>8</sup>. Разочаровавшись в «близнеце», оказавшемся любовником жены, Герцен пересмотрел «роли» и сравнил Гервега с Орасом из одноименного романа Санд – слабым, безвольным человеком («Орас, развившийся до злодейства»<sup>9</sup>).

Выстраивать свою жизнь «по заветам» «великой Санд» пробовали многие: «<...> жоржсандовская этика любви и брака стала ориентиром морально-бытового поведения преимущественно того круга людей, которые традиционно назывались “западниками”»<sup>10</sup>. Один из таких примеров несколько иронически описан Герценом в «Былом и думах»: литературный критик и «западник» В.П. Боткин женился на парижской гризетке Арманс. Все шло отлично, но по дороге новобрачных во Францию «<...> попался проклятый “Жак” Ж. Санда». Мнение Арманс о романе не совпало с мнением «Базиля», и молодые расстались, так как «она оскорбляет своим суждением глубочайшие стороны его духа и <...> его мирозерцание не имеет ничего общего с ее»<sup>11</sup>.

Таким образом, большинство современников Печерина воспроизвели образцы любовных коллизий в романах Жорж Санд: «эмансипация женщины», критика традиционных отношений полов и т. д., что не раз навлекало на писательницу обвинения в популяризации безнравственности.

Печерин, как и многие его бывшие соотечественники, преклонялся перед Жорж Санд: «Жорж Занд! Какое имя! Какие звуки! <...> Сколько раз я говорил самому себе: “Дай пойду к ней в Nogent sur Aube: попрошу ее взять меня к себе в прислуги <...>”» (с. 230).

Однако выбор Печерина был иным (и гораздо более экзотичным): из всех романов Жорж Санд образцом для «житнетворчества» оказался «Спиридион», посвященный поиску новых идейных и социальных ориентиров; роман, освещающий не одну область отношений с женщинами, но духовные и религиозные (в широком смысле слова) искания.

Подобный выбор, впрочем, вполне объясним и представляет собой «третий путь» в романтическом построении жизни.

Первый путь, путь «гражданского романтизма» – «умереть за благо народа» (с. 149), не был пройден: участие Печерина в общественно-политической деятельности не состоялось (автор не упоминает об участии в политических или революционных кружках, а «апостолов революции», например А. Бернацкого, описывает едко и уничижительно). В одном из отрывков он и вовсе замечает: «Политическая дурь испортила лучшие годы моей юности» (с. 275).

Второй возможный путь романтической реализации лежал в любви к женщине: «Придавая огромное значение жизни сердца, поколение 30–40-х годов наделяло любовь и отношения с женщиной метафизическим, религиозным и социальным смыслом»<sup>12</sup>. Этот путь был также обойден Печериным, его мемуары больше схожи с исповедью «мятежного» монаха в поисках истины. «“Спиридион” – роман, в котором нет ни единой женщины, ни единой любовной линии, кроме любви к Богу и духовных исканий», по выражению переводчицы романа В.А. Мильчиной<sup>13</sup>.

Любовной темы в полной мере нет и в мемуарных записках Печерина, хотя увлечения и «вулканические страсти» Печерин переживал<sup>14</sup>, в Берлине же он и вовсе задумывался о женитьбе – «слове, «которого я не мог произнести без смеха»<sup>15</sup>. Примечательно, что в мемуарах первое полудетское увлечение было выписано (и разыграно) в соответствии с «Эмилем» Руссо – эту же книгу Жорж Санд «выучила наизусть в целях воспитания своего сына»<sup>16</sup>.

«Спиридион» стал судьбоносным для Печерина: именно действием этого романа он объяснял свое решение перейти в католичество («а все ж таки это сушая правда, что Жорж Занд имела решительное влияние на мой переход в католичество» (с. 231)).

В письме Ф.В. Чижову Печерин замечает: «Хотелось бы мне, чтобы ты как-нибудь прочел Спиридиона Жорж Занда: там ты найдешь историю моей монастырской жизни: я тогда еще ее предчувствовал. Некоторые книги лучше всякой ворожеи предвещают нам будущее» (с. 232).

Цитаты из этого романа Печерин называет *pièces justificatives* («оправдательными документами») своего поступка. Красочное описание монастыря «увлекло, очаровало, обольстило!» (с. 303). «Душа моя трепетала в горделивом энтузиазме, самые веселые и поэтические мысли толпились в моем мозгу в то время, как грудь мою распирало чувство мощной веры. Все предметы, на которые падал мой взгляд, казались мне необычайно прекрасными. Золотые полоски дарохранительницы сверкали, словно небесный свет осиял святое святых <...>» (с. 303), – цитирует автор мемуаров отрывок из «Спиридиона».

Дочитав роман, Печерин «думал крепкую думу и, наконец, порешил – идти прямо в знаменитую картезианскую обитель <...> и, если нужно, принять католическую веру. Заметьте это важное обстоятельство: тут католицизм на втором плане, он был не целью, а средством, а главную целью была – поэтическая пустыня!» (с. 303).

«Спиридион» действительно перекликается с фактами жизни Печерина, и отделить совпадение от выбора и «жизнетворчества» автора мемуаров здесь довольно сложно. Это роман не героев, а, скорее, идей и духовных поисков, и немногочисленные его персонажи (все – монахи) выглядят не людьми, а функциями и рупорами идей автора.

На эти абстрактные идеи можно, не теряя достоверности, нанизать факты собственной судьбы и личные переживания, да и такие особенности «письма» Печерина, как обилие lamentаций главного героя, надрывный поиск «истинной веры», мотив непонимания окружающими, напоминают сюжетику и стиль Ж. Санд.

Параллели с судьбой Печерина видны в «Спиридионе» сразу: молодой послушник по неизвестной для читателя причине становится изгоем в монастыре, он сходен с Печериным в «своем одиночестве, во всех унижениях и несправедливостях, какие выпали <...> на долю»<sup>17</sup>.



Герои «Спиридиона» – гонимые остальной монашеской братией молодые трепетные послушники, затем мудрые старцы, прошедшие через годы исканий истины и истинной религии, но так и не обретшие ни ее, ни душевный покой (кроме, конечно же, основателя «обновленного католицизма» Спиридиона). Печерин же в юности испытывал романтическое отторжение окружающих людей, в зрелом возрасте, после многих лет поиска цели и истинной веры, также не обрел их, но продолжал пребывать в состоянии поиска. В одном из писем Н.П. Огареву в 1863 г. (то есть уже после ухода из монастыря) Печерин признается: «<...> Мне пятьдесят пять лет – это должен быть старческий бред, лепет второго младенчества. Как бы то ни было, я верую, по священному писанию, что Бог иногда избирает самые презренные и ничтожные орудия для достижения высоких целей; я верую, что та же невидимая рука, которая вела меня доселе, приведет меня к желанному концу, где все разрешится, все уяснится и все увенчается. Где? Когда? Как? – не знаю <...>»<sup>18</sup>. Пассаж вполне соответствует стилю Жорж Санд.

Точно так же, как и герои «Спиридиона», Печерин поначалу обретает душевное равновесие в монастырских стенах: после стольких лет исканий его «ум... жаждал в ту пору не критики, а веры и нуждался не столько в спорах, сколько в убеждениях»<sup>19</sup>. При ближайшем знакомстве с повседневной монастырской жизнью Печерин начинает испытывать разочарование.

Инвективы Печерина против братьев и внутреннего устройства монастыря вторят описаниям в «Спиридионе»: монахи, по мнению отца Алексея, склонны к интригам, лжи и прочим порокам: «Напрасно ты будешь искать монастырь, менее погрязший в скверне, монахов, более преданных добродетели; все они одинаковы»<sup>20</sup>. Печерин вторит персонажу Ж. Санд: по его мнению, обычные качества католического священника – «хитрость», «лукавство», «терпеливая пронырливость». («Одна католическая церковь может производить таких великих людей» (с. 267)). Характерно, что и тут Печерин впрямую ссылается на роман: «<...> тогда я еще не раскусил горького яда монашества и католицизма и не сказал с героем *Спиридиона*: *Gustavi paululum mellis et esse nunc magior!*» (с. 265)<sup>21</sup>.

Примечательно, что эту библейскую цитату М.Ю. Лермонтов взял эпиграфом к поэме «Мцыри» взамен первоначального: «Родина у всякого человека одна». Е.А. Вагин обстоятельно доказывает предположение, что Лермонтов ориентировался в этом

случае не на фразу из Первой Книги Царств, а именно на «Спиридиона» Жорж Санд<sup>22</sup>.

Сходство между Печериным и одним из героев романа – отцом Алексеем – прослеживается и в тяге к образованию: Алексей в обмен на отказ от власти просит у настоятеля монастыря уединения и свободы в научных исследованиях и трудах (именно то, к чему придет Печерин после ухода из ордена). Печерин же становится «профессором истории, греческого и латинского языков» в семинарии в Виттеме (с. 253). Интересно и то, что в первом издании романа Спиридион – францисканец, а во втором – бенедиктинец, чей орден отличается приверженностью к научным трудам и библиотекам<sup>23</sup>.

После двадцати лет, проведенных в ордене редемптористов, Печерин окончательно разочаровывается в католицизме и покидает монастырь – так же, как и один из героев «Спиридиона», послушник Анжель. «<...> Пора покинуть монастырь и возвратиться в мир»<sup>24</sup>, продолжая при этом «дело» отца Алексея – «жить в совершенном уединении и совершенной независимости пополам с наукою <...>»<sup>25</sup>.

Иногда цитаты из писем Печерина и текста «Спиридиона» кажутся взаимозаменяемыми.

В романе фигурирует загадочное новое учение Спиридиона: перед смертью он прячет свиток с записями у себя на груди, завещая достойному преемнику спуститься в его могилу и прочесть записи. Печерин в «Записках» признается, что жаждал нового учения и постоянно ожидал его: «<...> я беспрестанно жаждал нового учения, новой системы, новой веры» (с. 239).

Эта главная интрига романа – загадочное учение – является еще одним совпадением с судьбой и интересами Печерина. В могиле Спиридиона герои нашли три текста (не несущие, впрочем, особого откровения): Евангелие от Иоанна, переписанное рукой Иоахима Флорского – средневекового вольнодумца, возвещавшего наступление эпохи свободной любви (Церкви Иоанновой на смену Церкви Петровой), «Введение в вечное Евангелие» – по версии Санд – францисканца Иоанна Пармского и собственно текст Спиридиона. Главная мысль далеко не нова – догмы официальной Церкви устарели, и на их смену должно прийти нечто новое, религия свободной любви, способная удовлетворить ищущих не буквы закона, но духа. Эта идея об обновленной Церкви, заимствованная Жорж Санд у двух знакомых мыслителей – Ламенне и Пьера Леру, снова приводит к Печерину. Автор «Замо-

гильных записок» в определенный момент своей жизни был горячим поклонником Ламенне: «я был республиканцем школы Ламенне» (с. 149); «брошюрка Ламенне “Paroles d’un croyant” <...> для меня <...> была откровением нового Евангелия. “Вот, – думал я, – вот она, та новая вера, которой суждено обновить дряхлую Европу!”» (с. 175).

Ламенне, известный упомянутой книгой «Слова верующего», – мятежный католик, считавший демократию естественным следствием евангельского учения. От Ламенне через отца Алексея нить идет к Печерину: монах в поисках более совершенной религии и мироустройства, который более не довольствуется католицизмом. Кроме того, «образец прозаической лирики отца Алексея, приведенный в романе» написан «той же поэтической прозой, стилизованной под евангельские притчи»<sup>26</sup>, что и «Слова верующего».

Второй философ-«вдохновитель» – Пьер Леру (Жорж Санд посвятила «Спиридиона» именно ему). Знаменитый критик Сент-Бев заметил в одном из писем: «...говорят, что отец Алексей – это г-н де Ламенне, а знаменитая книга, написанная Духом, – это «Энциклопедия» Леру»<sup>27</sup>. Неудивительно, что Пьер Леру был и идолом Печерина, именовавшего его «вдохновенным апостолом и пророком» (с. 236).

Удивителен парадокс: выбрав в качестве образца для «житнетворчества» один из самых неконкретных романов, роман не столько сформулированных, сколько лишь намеченных идей, Печерин выстраивает факты своей биографии в четком соответствии с сюжетными единицами «Спиридиона», даже деталями. Позже он вспоминает: «Я нарочно купил Spiridion Жорж Занда для того, чтоб освежить свои воспоминания; читаю эти упоительные страницы и вижу себя как в зеркале <...>» (с. 237).

«Роману идей» сложно следовать: основная интрига – учение Спиридиона – не содержит конкретных заповедей или рекомендаций, согласно которым было бы возможно реформирование общества или религии. «Главное художественное воздействие сосредоточивается на лирических излияниях <...> Передача самих происшествий дается вскользь, центр рисунка падает на экспрессивные ламентации героев»<sup>28</sup>. Конкретика в эмоциональной и идейной утопии – удел не Жорж Санд, а скорее Н.Г. Чернышевского, искавшего «реальности, бытовой осязательной действительности»<sup>29</sup>.

Печерин же, не смущаясь сомнительной возможностью следовать идеям романа, иногда почти дословно воспроизводит его сюжетные повороты, эмоциональные состояния героев и даже

описания природы. Так, при вступлении в орден редемптористов он заявляет: «Я желал бы жить в совершенном уединении, но вместе с тем иметь возможность по временам выходить из него для того, чтобы навещать больных, страждущих и несчастных и помогать им словом и делом» – и замечает, что это «было почти целиком взято из “Спиридиона” Жорж Занд» (с. 244).

Для Печерина чрезвычайно важно внешнее выражение какой-либо идеи, ее «театральность», декоративность, материальное воплощение. Не случайно в качестве причин, подвигнувших его к принятию католицизма, были описания интерьера церкви (с. 303) и монастырского сада (опять же по Жорж Санд). Католицизм был привлекателен для Печерина еще и внешней роскошью: «Ну уж! <...> Коли нужна религия, то подавай мне ее со всеми очарованиями искусства, с музыкою, живописью, красноречием <...>» (с. 239)<sup>30</sup>.

Печерин пишет по сути невероятное, приводя описание природы из другого романа Жорж Санд («Зима на Майорке») также в качестве одного из «*pièces justificatives*» смены религии. Отрывок «Картезианская келья» – «уголок, полный цветов и зелени, где монах мог прогуливаться, не замочив ног, в сырые дни и поливать цветник проточной водой в засушливые» – автор называет «важным документом, имевшим окончательно влияние на мою судьбу» (с. 302). Этот эпизод будет воспроизведен в биографии Печерина позже, во время миссионерства на юго-западе Англии, в Фальмуте, где ландшафт и природа были так же прекрасны, как в тексте Санд. Для автора мемуаров это не мелочь, но важная составляющая образа католического монаха: «Недаром Жорж Занд сказала, что монах без картин и без цветов не что иное, как свинья» (с. 271).

В определенном смысле христианские мифологемы в «Записках» Печерина отсылают не к «первоисточнику», то есть идеям, в этих образах заложенным, а к их внешней реализации, театральному аспекту. Так, часто сравнивая себя с отшельником, пустынноником, упоминая житие Марии Египетской и ее пустыню, Печерин в первую очередь имеет в виду не религиозную идею, близость к божественному откровению, но внешнее воплощение «мифа»: «Житие Марии Египетской врезалось у меня в памяти: жить 40 лет в пустыне между дикими скалами на вольном воздухе – гуляй, где хочешь, никто не запретит <...>» (с. 299). Эта декоративность, театральность привлекает его и в образах Жорж Санд: «<...> ее тогдашние романы были вдохновенные поэмы, священные

гимны, в коих она воспевала пришествие нового откровения. Там у ней по лесным полянам и скалам гуляют почтенные пустынноики с длинными белоснежными бородами, являются духи в образе прелестных юношей <...> а все это с тою целью, чтобы низвести религию на степень прелестной мифологии» (с. 231).

Печерин часто приводит цитаты Жорж Санд, которые или «на случай», или являются иллюстрациями к его мечтам (например, эпизод из романа «Мопра» о «простом мужике» – «стоическом философе» (с. 231)). Однако «Спиридион» – один из малоизвестных романов Санд – оказался истинно ключевым для автобиографической публицистики Печерина, его житнетворчества.

#### Примечания

- <sup>1</sup> Русские писатели, 1800–1917: Биограф. словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1999. Т. 4. С. 591 и далее.
- <sup>2</sup> *Первухина-Камышикова Н.М.* В.С. Печерин: эмигрант на все времена. М.: Языки славянских культур, 2006. 360 с.
- <sup>3</sup> Русское общество 30-х годов XIX в.: Люди и идеи: (Мемуары современников). М.: Изд-во МГУ, 1989. С. 150; в дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте статьи с указанием страницы.
- <sup>4</sup> На русский язык полный текст этого романа был переведен лишь в 2004 г., ранее финал романа переводился И.И. Панаевым для В.Г. Белинского.
- <sup>5</sup> *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. М.: АН СССР, 1954–1965. Т. 11. С. 392.
- <sup>6</sup> Цит. по: *Кафанова О.Б.* Жорж Санд и русская литература XIX века: (Мифы и реальность): 1830–1860 гг. Томск: ТГПУ, 1998. С. 183.
- <sup>7</sup> *Герцен Н.А.* Дневник (1846–1847) // Русские пропилеи: Материалы по истории русской мысли и литературы / Подг. М. Гершензон. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1915. С. 233.
- <sup>8</sup> *Герцен А.И.* Указ. соч. Т. 23. С. 215, 278.
- <sup>9</sup> Там же. Т. 12. С. 351.
- <sup>10</sup> *Кафанова О.Б.* Указ. соч. С. 257.
- <sup>11</sup> *Герцен А.И.* Указ. соч. Т. 9. С. 262.
- <sup>12</sup> *Паперно И.* Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. М.: НЛЮ, 1996. С. 53.
- <sup>13</sup> Вера Мильчина: для всех властей воззрения Жорж Санд в этом романе были хороши [Электронный ресурс] // Известия. 2004. 1 июля. URL: <http://www.izvestia.ru/news/291686> (дата обращения: 08.11.2011).
- <sup>14</sup> *Гершензон М.О.* Избранное. Т. 2: Молодая Россия. М.; Иерусалим: Университетская книга: Gesharim, 2000. С. 391.

С.М. Волошина

- 15 *Местергази Е.Г.* Теоретические аспекты изучения биографии писателя (В.С. Печерин). М.: Флинта: Наука, 2007. С. 115.
- 16 *Кафанова О.Б.* Указ. соч. С. 21.
- 17 *Санд Ж.* Спиридион. М.: Текст, 2004. С. 14.
- 18 Письма к А.И. Герцену и Н.П. Огареву // Литературное наследство. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. Т. 62. С. 480.
- 19 *Санд Ж.* Указ. соч. С. 79.
- 20 Там же. С. 32.
- 21 Вкушая, вкусих мало меда и се аз умираю (*лат.*).
- 22 *Вагин Е.А.* Об эпитафии поэмы «Мцыри»: (Лермонтов и Жорж Санд) // Новый журн. Нью-Йорк. 1978. Кн. 130. С. 82–91.
- 23 *Вагин Е.А.* Указ. соч. С. 85.
- 24 *Санд Ж.* Указ. соч. С. 282.
- 25 Письма к А.И. Герцену и Н.П. Огареву. С. 484.
- 26 *Санд Ж.* Указ. соч. С. 305.
- 27 Там же. С. 304.
- 28 *Скафтымов А.П.* Поэтика художественного произведения. М.: Высш. школа, 2007. С. 251–252.
- 29 Там же. С. 253.
- 30 Ср. пассаж о будущем монахе Спиридоне: «...роскошь и блеск римско-католического культа представлялись этому поэтическому уму гармоническим и неизбежным выражением религии...» (*Санд Ж.* Указ. соч. С. 80).

М.Н. Байкина

## СОВЕТСКИЙ КИНЕМАТОГРАФ 20–30-х гг. В ПУБЛИЦИСТИКЕ М.Е. КОЛЬЦОВА

Цель настоящей статьи – изучение творческого наследия известного советского журналиста Михаила Кольцова, посвященного кинематографу. В работе рассматриваются статьи журналиста, касающиеся проблем, стоящих перед кинематографом в 20–30-е гг. XX в. Анализируется вклад журналиста в развитие кинокритики в СССР, а также участие Кольцова в газетных дискуссиях, поднимающих важные для кинематографа вопросы. Попутно отмечается работа самого Кольцова в кино, повлиявшая на его дальнейшие публикации, посвященные «десятой музе». Основным источником для анализа являются статьи журналиста в газете «Правда» за указанный период.

*Ключевые слова:* публицистика 20–30-х годов, М.Е. Кольцов, кинокритика, проблемы кинематографа 20–30-х гг., газета «Правда».

Имя М.Е. Кольцова прочно вошло в историю советской журналистики и публицистики 20–30-х гг. Современные литературоведение и искусствознание обычно предъявляют это имя как принадлежащее корреспонденту «Правды», участнику Гражданской войны в Испании или даже члену-корреспонденту Академии наук СССР. Тот же Кольцов фигурирует как инициатор перестройки того, что называлось старым бытом, как носитель новых идей в архитектуре, театре и многих других областях жизни. Однако сегодня уже мало кто помнит, что именно Кольцов стоял у истоков советского кино, сам участвовал в создании фильмов и наверняка может считаться одним из зачинателей отечественных киноведения и кинокритики.

М.Н. Байкина

В рамках данной работы не предполагается давать обзор деятельности публициста М. Кольцова в производстве фильмов, но все же следует упомянуть, что уже в 1917–1919 гг. он был организатором съемок в различных кинотеатрах Петрограда, Москвы, Киева. Среди его достижений этого периода – первые советские экранные журналы «Кинонеделя» (Москва) и «Живой журнал» (Киев). Кольцов привел в кино друга своего детства Давида Кауфмана, которому предстояло стать классиком мирового экрана – Дзигой Вертовым<sup>1</sup>.

Кольцов, вероятно, мог бы прославиться на поприще кино, однако избрал другой путь – журналистику. Но, став советским журналистом номер один, он не потерял интереса к «десятой музе». Историография отечественного экрана 20–30-х гг., безусловно, была бы неполна без кольцовой публицистики.

Классификацию творческого наследия Кольцова по кино можно проводить на основании различных принципов – жанровых, тематических, хронологических. Этим принципам отвечает изучение кольцовой публицистики в области экрана, проводимое в настоящей работе. Можно выявить несколько вопросов, поставленных и решаемых «самым важным из всех искусств», занимавших публициста. Во-первых, организационно-хозяйственные задачи, стоявшие перед экранным искусством, а также особенности проката неигровых картин. Во-вторых, место документального кино в системе экранной эстетики. В-третьих, проблемы кадров и кинообразования. В-четвертых, инструктивное и психологическое на отечественном экране. В-пятых, «сценарный кризис» и взаимоотношения кинематографа и литературы.

Предлагая указанную классификацию материала, мы не должны упускать из вида, что все конкретные проблемы под пером Кольцова экспонируются на фоне общих проблем партийно-государственного руководства кинематографом, а также вопросов, связанных с «построением и развитием социализма в СССР». Это обстоятельство, в русле нашего исследования, не много добавляет к образу литератора Кольцова, но служит неизбежной печатью времени, в котором он жил и работал. В текстах Кольцова видны все симптомы идеологических болезней так называемого реконструктивного периода – утверждение культа личности, узкая классовая нетерпимость, следование идеологической конъюнктуре и т. д. Отчасти все эти мотивы выносятся за скобки данной работы.

Разруха, доставшаяся советской России после семи лет мировой и Гражданской войн, сказалась на всех областях жизни, в том



числе на кинематографе. Ведомственные перетряски, постоянная нехватка пленки, перебои с финансированием, сопровождающие съемки, – все это в первые годы после октябрьской революции напоминало активные боевые действия. Режиссер Сергей Эйзенштейн, подводя итоги пятнадцатилетней истории советского кинематографа, характеризовал первое пятилетие как этап хозяйственно-экономического и организационного становления<sup>2</sup>.

Вчерашний кинематографист Кольцов не мог не писать об этих проблемах. Он вообще стремился ставить вопросы как можно шире, говорить со страниц «Правды» и других печатных изданий о завоеваниях новой власти и о трудностях, с которыми ей приходилось сталкиваться. Среди прочего Кольцов пишет и о кинематографе. Как бы предваряя указанное соображение Эйзенштейна, он отмечает «детское состояние финансовых и технических ресурсов нашего кино»<sup>3</sup>. Публицист не считает эти организационно-хозяйственные проблемы непреодолимым препятствием на пути развития советского экранного искусства, но ищет пути их оперативного и рационального решения.

Кольцов хорошо понимал трудности кинематографа в целом. Во время нэпа особенно остро ощущалось противоречие между рыночной ценностью фильма и его советским, идеологическим наполнением. Для журналиста было совершенно ясно, что основные держатели денег (нэпманы в городе, кулаки и середняки в деревне) не купят советские фильмы, проникнутые пропагандой нового строя. С другой стороны, рабочий класс не был в состоянии посещать сеансы зарубежных лент, идущих первым экраном. Коммерческую выгоду и идеологическую направленность фильмов Кольцов называл Сциллой и Харибдой советского кинематографа.

От этого противостояния интересов больше всего страдало документальное кино. Оно было убыточным, требуя больших денежных и временных затрат. Неигровые картины неохотно принимались к показу кинотеатрами, так как не собирали действительно большой аудитории. И даже через десять лет, в тридцатые, когда, по законам планового хозяйства, документальное кино стало получать регулярное государственное финансирование, далеко не каждый неигровой фильм или выпуск хроники мог заинтересовать действительно многих зрителей. Кольцов был прав, говоря, что к середине 30-х гг. кинохроника не полностью научилась следовать «по пятам за всеми событиями в стране и за границей и показывать их сейчас же, быстро, ярко, толково»<sup>4</sup>.

М.Н. Байкина

Конечно, журналист не считал огульно все документальные фильмы провальными в прокате. В статьях и устных выступлениях он постоянно следил за творчеством документалиста Дзиги Вертова. Основную роль играл здесь талант режиссера, а вовсе не давняя дружба публициста и известного поэта экрана. Например, Кольцов поддерживал вертовские фильмы 1926 г. – «Шагай, Совет!» и «Шестая часть мира». Первая снималась по заказу Исполкома Московского Совета как отчетно-информационный материал к очередным выборам. Вторая – по заказу Госторга – делалась для заграницы как пропагандистская картина, популяризирующая экспортный потенциал СССР. То есть, строго говоря, это были рекламные фильмы, призванные использовать агитационные возможности документального кино в интересах названных организаций. Вертов, вопреки недовольству начальства, снял вместо скучных агиток яркие, интересные, новаторские картины. Это было как раз в стиле публицистики Кольцова.

Годы двадцатые – время острых дискуссий по всему спектру партийных, социальных, художественных проблем. Кольцов участвовал в этих дискуссиях со всей страстью и заинтересованностью талантливого публициста. Дискуссии о кино не обошли его стороной. Например, хорошо известный специалистам спор между Вертовым и Эйзенштейном.

В середине 20-х гг. режиссеры отстаивали полярные позиции в вопросе о соотношении игровых и неигровых начал на экране. Кольцов понимал, что эта дискуссия имеет фундаментальное значение для эстетики кино. Журналист следил за ходом дискуссии, но не позволял себе активно в ней участвовать. Вместе с тем он осознавал высокую художественную ценность произведений обоих мастеров и потому постоянно поддерживал в печати их картины. В творческое наследие Кольцова органически входят не просто хвалебные, но аналитически насыщенные рецензии как на эйзенштейновские «Стачку»<sup>5</sup> и «Броненосец “Потемкин”»<sup>6</sup>, так и на картины Вертова «Кино-Правда – «Октябрьская»<sup>7</sup>, «Одиннадцатый»<sup>8</sup>. Сегодня историки кино не противопоставляют методы игрового и неигрового, стараются выявить не только противопоставления, но и общности двух видов экранного искусства. Работы Кольцова, осознанные в целом, суммарно, позволяют говорить о том, что публицист отчасти предвидел такую эволюцию киномысли.

Только однажды журналист жестко выступил в «Правде» в защиту Вертова. Но защищал он его не от критики Эйзенштейна и не

от нападков других поборников игрового кино, а от тех, кто не принимал новаторского подхода документалиста и не осознавал серьезности его творческих поисков. Дзига Вертов в 1923 г. создал свою группу и назвал ее «Кино-Глаз» или, более торжественно, «Кино-Око». Отсюда его направление стало называться «Киноки». Тогдашние остроумцы придумали каламбур: группа Вертова не киноки, а, на медицинский манер, «кинококки». Они намекали на разрушительное действие вертовского творческого метода. Этот злобный каламбур публицист наполнил совершенно иным смыслом. «Кинококки», по Кольцову, это бактерии, заражающие мозг людей, которые под их влиянием решали, что могут работать в кино не по праву таланта, а по соображениям престижа. Секретарь правления «Лензолота», заразившийся кинококкой, написал сценарий, который постановили реализовать. Во время киноэкспедиции на Лене возникло множество проблем, а главное, было потрачено огромное количество денег на попытки сделать фильм. Напрасно. На отснятой пленке «обнаружилась такая белиберда и чепуха, что Пролеткино (одна из студий 20-х гг. – М. Б.) постановило считать картину неснятой»<sup>9</sup>. В 1926 г., когда была написана статья, Кольцов мог себе позволить закончить ее так: «Отойдем в сторонку: человеку тяжело. Автор плачет. И семьдесят тысяч – тоже»<sup>10</sup>.

У этого фельетона – по меньшей мере, две цели: защита Вертова и высмеивание случайных людей, попавших на работу в кинематограф. Фельетон ставил проблему профессионализма в сфере экрана. Она стояла исключительно остро не только потому, что многие кинематографисты покинули СССР, но и потому, что новое, все более индустриальное кино требовало других, гораздо более сложных навыков и приемов работы. Киношкола, открывшаяся в 1919 г. (будущий ВГИК), не восполняла недостаток в квалифицированных кадрах.

Впрочем, Кольцов не понаслышке знал, что многие талантливые люди, пришедшие в кинематограф на заре революции, «диалектику учили не по Гегелю». Они постигали основы кинематографа на практике. Этот путь журналист знал и из личного опыта. В 1935 г., к пятнадцатилетию советской кинематографии, он напечатал в «Правде» статью «Правила игры», в которой рассказал о киноотделе Наркомпроса, первой ячейке советского экранного искусства. Среди тех, кому предстояло стать классиками отечественного кино, он вывел и себя – маленького бледного человека в очках и кожаной куртке<sup>11</sup>.

В этой статье журналист выступает уже не только критиком, а мемуаристом, отчасти историком кино. Человеком, который не только наблюдал самое рождение «десятой музыки» в Стране Советов, но и делал вместе с ней ее первые шаги. Кольцов вспоминает особняк Кинокомитета в Малом Гнездиновском переулке и разных людей, которые собирались там, объединенные страстью к кино. Тогда они были «почти подозрительны, эти разношерстные немыто-нечёсанные и несомненно плохо кормленные люди»<sup>12</sup>. Под пером Кольцова – портреты талантливых, может быть, гениальных людей, пришедших создавать советское кино. Это Дзига Вертов и Сергей Эйзенштейн, это оператор Тиссэ и режиссер Гардин.

Статья «Правила игры», написанная в 1935 г., – этапная, кинематограф шагнул далеко вперед, но многие недуги, от которых страдает кино, актуальны и теперь. И конечно, одна из самых острых – нехватка квалифицированных и заинтересованных в своей работе кадров. Именно на эту нехватку намекает Кольцов, когда восклицает: «мы хотим, чтобы средний уровень выпускаемых картин стал значительно выше. Чтобы упал до нуля процент халтурных, скучных, неряшливо и безграмотно сделанных лент»<sup>13</sup>.

Такое «падение до нуля», конечно, утопия. На протяжении тех двух десятилетий, что Кольцов жил интересами кинематографа (да и позже тоже), проблема непрофессионализма в кино стояла достаточно остро. Понятно: ни киношкола, ни кинотехникум, ни даже киноинститут не удовлетворяли потребностей советского экрана в квалифицированных кадрах. В кино шли люди, обретавшие свой опыт в театре и литературе, в редактуре и инженерстве, а иногда и в специальностях, очень далеких от «десятой музыки». Кольцов тем лучше понимал проблему, что и сам был не более чем студентом-недоучкой Психоневрологического института.

Проблема непрофессионализма только обострялась «сверхлевыми», якобы революционными соображениями о чистоте пролетарских искусств, идущих на смену искусствам буржуазным. Путаница, царившая в среде советских художников, не улучшала положения дел. Крайности реконструктивного периода давали о себе знать в совершенно произвольных дефинициях. Например, возникали такие необоснованные оппозиции, как «красивое и функциональное», «психологическое и инструктивное». Совместимость таких свойств произведения многим казалась невозможной. Наибольшей остроты такого рода дискуссии достигли в 1928–1929 гг. Здесь нет возможности подробно их анализировать.

Скажем только, что в кино, обретавшем к этому времени звук, они были особенно острыми.

Изучение наследия Кольцова рубежа 20–30-х гг. приводит к любопытному наблюдению: в эти годы публицист почти ничего о кино не пишет. Возможно, в разгар «социалистической реконструкции» его волнуют другие, более важные темы, но, быть может, тогдашние фильмы, полностью посвященные проблемам народного хозяйства, не дают материала для суждений именно о художественной стороне важнейшего из искусств.

Если в первой половине 20-х гг. Кольцов уверенно прослеживал на экране линию киноискусства, указывая в качестве примеров гармоничного слияния эстетики и пропаганды «Стачку» С. Эйзенштейна (1924) и «Его призыв» Я.А. Протазанова (1925), то позже гармония нарушилась. Конечно, все должно восприниматься в контексте реального исторического времени. На наш сегодняшний взгляд, и в «Стачке» и, тем более, в «Его призыве» присутствуют и схематизм, и традиции агитфильма времен Гражданской войны. Тем не менее Кольцов был прав, намечая отчетливую линию «революционной художественной фильма». Поэтому, с его точки зрения, линия отчасти прерывается, когда на смену эстетически полноценным экранным произведениям приходят инструктивные ленты с их более чем скромными задачами: научить зрителя выращивать овощи, чистить винтовку или ремонтировать трактор и т. п.

Однако прогноз Кольцова был оптимистичен: публицист обоснованно предполагал, что кино не только сохранит, но и преумножит свойства, роднящие его с высоким искусством<sup>14</sup>.

Кольцов всегда отстаивал малейшее проявление здоровой экранной эстетики, каждую черту кинематографического профессионализма. С этой точки зрения можно обратить внимание на полемику, возникшую вокруг фильма режиссера Э. Пискатора «Восстание рыбаков» (1934). О.М. Брик остался фильмом недоволен<sup>15</sup>. Называл его схематичным и скучным. Агитационность ленты казалась критику примитивной и несвоевременной.

Буквально через неделю после опубликования рецензии Брика появился в «Правде» большой фельетон Кольцова, в котором журналист спорит с критиком, упрекает его в том, что тот не разглядел «замечательный и сильный фильм»<sup>16</sup>. Между тем Брик не только критиковал картину, но еще и убеждал читателей ее не смотреть. Когда Кольцов спорит с Бриком о достоинствах этого фильма, он отмечает, что агитация до сих пор не потеряла своей актуальности,

М.Н. Байкина

что «потребность в легких, подвижных, веселых агитационных группах актеров, в коротеньких агитационных представлениях, в сценических откликах на все злобы дня – эта потребность не только не кончилась, а все возрастает»<sup>17</sup>. Брик против агитации в художественной картине, Кольцов – за.

Отметим попутно: О.М. Брик печатает свою негативную рецензию в газете «Кино», издаваемой Журнально-газетным объединением. А объединение это возглавляет как раз Кольцов. Тем самым мы имеем свидетельство широты взглядов Кольцова, его терпимости к мнению, с которым он не согласен. Более того, поправляя газету «Кино» в «Правде», журналист косвенно критикует собственную работу.

В 30-е гг. советский кинематограф в условиях нового, все более индустриального общества стремительно менялся. Преодолевались непрофессионализм, примитивные экранные построения, сценарный кризис. Свое естественное развитие получало на экране актерское мастерство, в кино приходили крупные писатели. Все эти процессы хорошо известны киноведам, но тем не менее до сих пор исследованы недостаточно. Например, все еще ждет изучения подлинная революция, происшедшая в области литературной подосновы игрового фильма. Этот сдвиг обычно связывают со сценарным творчеством А. Ржешевского, сделавшего сценарий по-настоящему литературным произведением. Одним из коренных новаторских произведений Ржешевского явился сценарий для ставшего классическим фильма В.И. Пудовкина «Простой случай» (1930). Сценарий этот не был совершенно оригинальным; в его основе лежал «правдинский» фельетон Кольцова «Устарелая жена»<sup>18</sup>. Кольцовская журналистика становилась питательной средой для молодого звукового кинематографа, а не только его критической оценкой.

За двадцать лет журналистской работы Кольцов написал несколько десятков статей о кино. Но каждая из них своеобразна. Каждая отмечает какую-то характерную черту в развитии кино. В истории экранного искусства есть немало давно затверженных формул, образных выражений. Сегодня, употребляя их, мы не всегда вспоминаем, что у них есть автор. Например, могучий образ броненосца, который швартуется во всех портах мира и называется «Потемкин», принадлежит Кольцову<sup>19</sup>. Это похоже на народную песню: все поют, а не помнят, кто сочинил.

- <sup>1</sup> *Листов В.С.* И дольше века длится синема. М.: Материк, 2007. С. 179.
- <sup>2</sup> *Эйзенштейн С.* Наконец! // Он же. Избр. произведения: В 6 т. Т. 5. М.: Искусство, 1967. С. 49.
- <sup>3</sup> *Кольцов М.* Стачка // Правда. 1925. 14 марта.
- <sup>4</sup> *Кольцов М.* Правила игры // Правда. 1935. 11 янв.
- <sup>5</sup> *Кольцов М.* Стачка.
- <sup>6</sup> *Кольцов М.* Хорошая работа // Он же. Избр. соч.: В 3 т. Т. 1. М.: Гослитиздат, 1957. С. 138–140.
- <sup>7</sup> *Кольцов М.* У экрана // Правда. 1922. 28 нояб.
- <sup>8</sup> *Кольцов М.* Одиннадцатый // Правда. 1928. 26 февр.
- <sup>9</sup> *Кольцов М.* Кинококки // Он же. Избр. соч. Т. 1. С. 171.
- <sup>10</sup> Там же.
- <sup>11</sup> *Кольцов М.* Правила игры.
- <sup>12</sup> Там же.
- <sup>13</sup> Там же.
- <sup>14</sup> *Кольцов М.* Волочаевские дни // Правда. 1937. 3 дек.
- <sup>15</sup> *Брик О.* Плоды сепаратизма // Кино. 1934. 22 мая.
- <sup>16</sup> *Кольцов М.* Синяя блуза, цилиндр и сюртук // Правда. 1934. 29 мая.
- <sup>17</sup> Там же.
- <sup>18</sup> *Кольцов М.* Устарелая жена // Он же. Избр. соч. Т. 1. С. 243–246.
- <sup>19</sup> *Кольцов М.* Хорошая работа // Он же. Избр. соч. Т. 1. С. 138.

А.В. Нестеров

«ДЕЛО НАШЕ – ПОЧТИ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ...»:  
ПОЭТИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА  
И. БРОДСКОГО И У.Х. ОДЕН

В статье рассматривается, как в своих поздних стихах, носящих ярко выраженный публицистический характер и проникнутых неприятием «мира толп», И. Бродский опирается на опыт У.Х. Одена и пытается подкрепить свою позицию аллюзиями на его творчество. Отсылки к Одену носят у Бродского последовательный и системный характер, а опыт Одена дает пример того, как поэт может оставаться социально ответственным, избегая социальной ангажированности.

*Ключевые слова:* И. Бродский, У.Х. Оден, В. Маяковский, публицистика, антропология, поэзия XX в.

В одном из писем 1988 г., адресованных Якову Гордину, Бродский писал:

Нынешнее дело – дело нашего поколения; никто его больше делать не станет, понятие «цивилизация» существует только для нас. Следующему поколению будет, судя по всему, не до этого: только до себя, и именно в смысле шкуры, а не индивидуальности. Вот это-то последнее и надо дать им какие-то средства сохранить; и дать их можем только мы, вчера еще такие невежественные <...> За этим, как и за тем, стоит страх письменности, принцип массовости, сиречь анти-личности. И у массовости, конечно, есть свои доводы: она как бы глас будущего, когда этих самых себе подобных станет действительно навалом – муравейник и т. п., и вся эта электронная вещь – будущая китайская грамота, наскальные, верней – настенные живые картинки. Изящная словесность, возможно, единственная палка в этом наби-



«Дело наше – почти антропологическое...»...

рающем скорость колесе, так что дело наше – почти антропологическое: если не остановить, то хоть притормозить подводу, дать кому-нибудь возможность с нее соскочить<sup>1</sup>.

В этих строках четко определена позиция противостояния «прекрасному новому миру» как миссии, осознанно принимаемой на себя автором. Эту позицию Бродский много раз проговаривал в текстах, написанных после второй половины 80-х гг. – текстов вполне публицистических, варьирующих тему новой антропологической реальности, связанной с демографическим взрывом<sup>2</sup>, к которой человечество, по сути, оказалось не готово. Одно из первых приближений к этой теме было сделано еще в эссе 1979 г. «О тирании», где, среди прочего, было сказано:

...неблагодарная задача для воображения – думать о том, к каким возможным результатам привела бы система «один человек – один голос», скажем, в Китае с его миллиардным населением: какой парламент получился бы там и сколько десятков миллионов людей оказались бы в меньшинстве<sup>3</sup>.

Раньше многих других интеллектуалов Бродский осознал, что мир перешагнул некий рубеж – и попытался это последовательно проартикулировать. Однако нельзя сказать, что предупреждения его были в должной мере услышаны. Для большей части российских читателей он остался отстраненным, склонным к философии созерцателем, устраняющимся от всякого контакта с социальным. Но в этот образ никак не вписывается активность Бродского в качестве поэта-лауреата, готовность выступать с лекциями на университетских кампусах, давать многочисленные интервью – то есть опять и опять проговаривать свою позицию, активнейшим образом взаимодействовать с миром. Отчасти такое восприятие Бродского в России объясняется тем, что здесь высказывание воспринимается в качестве публицистического прежде всего тогда, когда говорящий становится олицетворением некой группы, артикулирует не частное мнение, а говорит от имени многих. Позиция эта достойна глубочайшего уважения – достаточно сказать, что она была близка А.И. Солженицыну, написавшему в начале «Архипелага ГУЛАГа»: «Эту книгу непосильно было бы создать одному человеку. Кроме всего, что я вынес с Архипелага – шкурой своей, памятью, ухом и глазом, материал для этой книги дали мне в рассказах, воспоминаниях и письмах: (перечень 227 имен. – А. Н.).

Я не выражаю им здесь личной признательности: это наш общий дружный памятник всем замученным и убитым»<sup>4</sup>.

Но это не единственно возможная позиция. Публицистика Бродского (и прозаическая, и поэтическая) написана с совсем иной позиции, сформулированной им в первой фразе его «Нобелевской лекции»:

Для человека частного и частность эту всю жизнь какой-либо общественной роли предпочитавшего, для человека, зашедшего в предпочтении этом довольно далеко – и в частности от родины, ибо лучше быть последним неудачником в демократии, чем мучеником или властителем дум в деспотии, – оказаться внезапно на этой трибуне – большая неловкость и испытание<sup>5</sup>.

Публицистика первого типа опирается на *норму* (и, прежде всего, норму нравственную). Вторая – на *мнение*. Она предельно личностна, проникнута аллюзиями, которые, среди прочего, призваны указать читателю на контекст, в котором разворачивается авторская мысль. Текст такого рода строится не только как разговор с читателем, но и как диалог (или серия диалогов) с некими иными, значимыми для автора собеседниками. Одним из таких постоянных собеседников для Бродского был У.Х. Оден.

О том, какое значение имела для Бродского поэзия Одена, сказано достаточно много, прежде всего – самим Бродским. «Оденевский корпус» Бродского – это и эссе «1 сентября 1939 года У.Х. Одена», «Поклониться тени», «Памяти Стивена Спендера», и стихотворения «Йорк» и «Иския в октябре», и упоминание Одена как одного из величайших поэтов XX в. в Нобелевской речи, громадное количество отсылок к его творчеству в многочисленных интервью Бродского и его разговорах с Соломоном Волковым. К этому надо добавить еще стихотворение «На смерть Т.С. Элиота», написанное Бродским в 1965 г. вслед элегии «In memory W.B. Yates» У.Х. Одена (1939) – с весьма точным сохранением образной и, главное, ритмической структуры оригинала, когда русский текст осознанно балансирует на грани вариации и перевода<sup>6</sup>. Знакомый Бродского, его переводчик и исследователь Бенгт Янгфельдт подчеркивал: «Бродский знал Одена наизусть, и в некоторых случаях формулы последнего вошли почти буквально в плоть его собственных произведений, сознательно или бессознательно»<sup>7</sup>.

Для контекста данной статьи важно, что Одена, с его вниманием к социальному, критики часто называли поэтом-журналистом, который одарен способностью писать «о той или иной катастро-

«Дело наше – почти антропологическое...»...

рофе – как о “текущих событиях”»<sup>8</sup>. Этого качества поэзии Одена касался и Бродский в эссе о стихотворении «1 сентября 1939 года», отмечая, что в первых его строках поэт «примеряет на себя роль журналиста»<sup>9</sup>. Ниже мы постараемся показать, что в некоторых подчеркнута публицистических стихотворениях Бродского из сборников «Урания» и «Пейзаж с наводнением» явственно присутствует тень Одена.

В «Урании» таким «оденовским» текстом является стихотворение «Сидя в тени»: к мотивам, звучащим в нем, поэт будет неоднократно возвращаться, ибо ему важно, чтобы сказанное было услышано. В подаренном Е. Рейну экземпляре «Урании» Бродский сделал пометку, касающуюся «Сидя в тени»: «Размер оденовского “1 сентября 1939 года”». Написано-дописано на острове Иския в Тирренском море <...>»<sup>10</sup>. В связи с этим К. Соколов отмечал, что «на Исии с 1948 по 1957 г. У.Х. Оден проводил лето, часть весны и осени, чего Бродский не мог не знать при написании парафраза <...>. “Оденовский размер” стихотворения Бродского используется как добавочный автокоммуникативный код <...>. Бродский пишет стихотворение, как если бы его продолжал писать Оден 44 года спустя»<sup>11</sup>.

«Сидя в тени» отличается отточенной жесткостью, подчеркнутой публицистичностью формулировок. Это – один из самых желчных текстов Бродского: поэтическая злость в нем во всей полноте выплескивается на грядущий век, который несет с собой

не потоп,  
где довольно весла,  
но наваждение толп,  
множественного числа<sup>12</sup>.

Ужас этого мира толп, мира больших чисел заключается в том, что последствия человеческих поступков – а значит, и осознание личной ответственности – становятся непредсказуемы:

Брюзжа, я брюзжу как тот,  
кому застать повезло  
уходящий во тьму  
мир, где, делая зло,  
мы знали еще – кому<sup>13</sup>.

Бродский находит четкую формулу для описания «прекрасного нового мира»<sup>14</sup>.

А.В. Нестеров

Мотивы, звучавшие у Бродского в «Сидя в тени», получают дальнейшую разработку в стихотворении «Fin de siècle», включенном в сборник «Пейзаж с наводнением». Написанное «к концу столетия», «Fin de siècle» начинается иронически-стоическим:

Век скоро кончится, но раньше кончусь я.  
Это, боюсь, не вопрос чутья.  
Скорее – влияние небытия  
на бытие...<sup>15</sup>

Подобный взгляд дает некоторую отстраненность, и потому по интонации этот текст несколько спокойней, чем «Сидя в тени»:

Мир больше не тот, что был  
прежде, когда в нем царили страх, абажур, фокстрот,  
кушетка и комбинация, соль острот<sup>16</sup>.

Бродский «дает списком» хорошо узнаваемые предметы быта, ассоциирующиеся с канувшей в небытие эпохой. Однако заметим: сам порядок их упоминания в стихотворении Бродского имеет весьма четкое соответствие у Одена в «1 сентября 1939 года». В самом начале оденовского стихотворения упоминаются «waves of anger and fear» (волны гнева и страха), плывущие над землей, а далее, в 5-й строфе, говорится:

Faces along the bar  
Cling to their average day:  
The lights must never go out,  
The music must always play,  
All the conventions conspire  
To make this fort assume  
The furniture of home;  
Lest we should see where we are,  
Lost in a haunted wood,  
Children afraid of the night  
Who have never been happy or good<sup>17</sup>.

«Лица за стойкой бара / Цепляются за обыденность: / Свет не должен гаснуть, / Музыка должна играть, / За всеми договорами таится стремление / Заставить форт выглядеть домом, обставив его мебелью; / Чтобы мы не слишком догадывались, где мы, / Зате-

«Дело наше – почти антропологическое...»...

рянные в лесу, населенном нечистью, / дети, боящиеся тьмы / – дети, которые никогда не были счастливыми или хорошими» (здесь и далее все подстрочные переводы выполнены А. Нестеровым).

Оден разворачивает некий ряд: свет, музыка, меблировка... Причем каждый из компонентов этого списка у Бродского конкретизирован: не свет, но – абажур, не музыка но – фокстрот<sup>18</sup>, не мебель, но – кушетка... Параллель может показаться вполне случайной. Но она оказывается поддержана дальнейшим развитием текста у Бродского:

Всюду полно людей,  
стоящих то плотной толпой, то в виде очередей;  
тиран уже не злодей,  
но посредственность...<sup>19</sup>

Здесь, говоря о том, что даже тирания в «прекрасном новом мире» приобрела черты тоскливой заурядности, Бродский непосредственно отсылает к эссе «О тирании», где, среди прочего, замечает: «Вообще отсутствие воображения подлиннее, чем его наличие. Жужжащая скука программы партии, серый, неприметный вид ее вождей привлекают массы как собственное отражение. В эпоху перенаселенности зло (равно как и добро) так же посредственны, как их субъекты. Хочешь быть тираном – будь скучен»<sup>20</sup>.

Далее в «Fin de siècle» сказано:

Также автомобиль  
больше не роскошь, но способ выбить пыль  
из улицы, где костыль  
инвалида, поди, навсегда умолк;  
и ребенок считает, что серый волк  
страшней, чем пехотный полк<sup>21</sup>.

Здесь на шесть строк приходится целый ряд аллюзий, сводящих на небольшом стихотворном пространстве опыт нескольких десятилетий, придавая тем самым тексту особую плотность. «Автомобиль / больше не роскошь» – очевидный парафраз пародийного лозунга из «Золотого теленка»<sup>22</sup> И. Ильфа и Е. Петрова – романа, аккумулировавшего настроения и приметы быта конца 20-х гг. прошлого века. Строки «...костыль / инвалида, поди, навсегда умолк» отсылают, с одной стороны, к памяти о второй половине 40–50-х гг., когда в российских городах на улицах было

А.В. Нестеров

множество инвалидов войны, а с другой – описывают современность, незнакомую с этим опытом. Что до строк про серого волка, который «страшней, чем пехотный полк», то, видимо, они связаны со стихотворением Одена, написанным в предчувствии войны, в 1932 г., и предвосхитившим все, что происходило потом в Европе:

O what is that sound which so thrills the ear  
Down in the valley drumming, drumming?  
Only the scarlet soldiers, dear,  
The soldiers coming.  
O what is that light I see flashing so clear  
Over the distance brightly, brightly?  
Only the sun on their weapons, dear,  
As they step lightly.  
<...>  
O it's broken the lock and splintered the door,  
O it's the gate where they're turning, turning;  
Their boots are heavy on the floor  
And their eyes are burning<sup>23</sup>.

«Что там за терзающие слух звуки / В долине, будто гром, будто гром? / Всего лишь солдаты в красных мундирах, моя дорогая, / Солдаты идут. // Что там за зарево я вижу там / вдалеке, горит ярко, ярко? / Всего лишь солнце сверкает на их штыках, дорогая, / Они идут, в этих лучах. <...> Вот сорван замок, и выбита дверь, / Вот в ворота они текут и текут; / Сапоги их гремят по полу, / И глаза их налиты кровью».

Повторы, на которых построен оденовский текст, все восемь его строф (часть из них здесь опущена) – сродни рефрену колыбельной, а лексика, синтаксис, структура близки стихам для детей, вот только смысл – совсем не детский. Это стихотворение – о нежелании слышать шум времени, о том, к чему приводит стремление не замечать опасность и забывать, что солдаты – это всегда война.

В конце оденовского стихотворения солдаты врываются в дом и «their eyes are burning» – «глаза их горят», «глаза их налиты кровью». Но вспомним: в самой известной сказке про серого волка, в «Красной Шапочке» братьев Grimm, среди прочих вопросов, задаваемых героиней волку, что прикинулся бабушкой, спрашивается: «А почему у тебя такие большие глаза?» Мотивы этой сказки обыгрываются Бродским напрямую в стихотворении «Послесло-

«Дело наше – почти антропологическое...»...

вие», написанном в 1986 г., за три года до «Fin de siècle», и включенном в сборник «Урания»:

Мой голос глух, но, думаю, не назойлив.  
<...>  
Это – чтоб ты не заметил, когда я умолкну, как  
Красная Шапочка не сказала волку<sup>24</sup>.

Как бы то ни было: серым волком пугают детей, хотя бояться надо не волка, а ближнего; мотив этот, присутствующий у Бродского в строках «и ребенок считает, что серый волк / страшней, чем пехотный полк», – по всей видимости, является результатом внутреннего диалога поэта с приведенным нами стихотворением Одена, аллюзией на английский текст и стоящий за ним опыт.

Концентрация присутствия оденовских аллюзий в «Fin de siècle», видимо, объясняется тем, что, возвышая свой голос против грядущего века, Бродский нуждался в опоре, некоем абсолютном камертоне – и такой опорой была для него поэзия Одена.

И еще одно стихотворение Бродского в книге «Пейзаж с наводнением», связанное с Оденом – «Меня упрекали во всем, кроме погоды <...>». Сам Бродский считал этот текст программным и настаивал, чтобы именно он закрывал книгу<sup>25</sup>.

Меня упрекали во всем, кроме погоды,  
и сам я грозил себе часто суровой мздой.  
Но скоро, как говорят, я сниму погоны  
и стану просто одной звездой.  
Я буду мерцать в проводах лейтенантом неба  
и прятаться в облако, слыша гром,  
не видя, как войско под натиском ширпотреба  
бежит, преследуемо пером.  
Когда вокруг больше нету того, что было,  
не важно, берут вас в кольцо или это – блиц.  
Так школьник, увидев однажды во сне чернила,  
готов к умноженью лучше иных таблиц.  
И если за скорость света не ждешь спасибо,  
то общего, может, небытия броня  
ценит попытки ее превращения в сито  
и за отверстие поблагодарит меня<sup>26</sup>.

Здесь аллюзии внутри одного стихотворения ведут сразу к нескольким текстам, что, в принципе, достаточно характерно для Бродского. Явственной всего звучит полемическая отсылка

А.В. Нестеров

к Маяковскому, балансирующая на грани иронии – и глубокой серьезности. Отношение Бродского к Маяковскому – проблема, менее всего терпящая какое-либо упрощение. Если на уровне среднего читательского восприятия индивидуалист Бродский – предельная противоположность поэту-агитатору, каким пытался быть Маяковский, на глубинном уровне все оказывается несколько иначе. В разговорах с С. Волковым имя Маяковского всплывает неоднократно, и каждый раз Бродский отстраненно-корректен: «Уверяю вас, что в плане чисто техническом Маяковский – чрезвычайно привлекательная фигура. Эти рифмы, эти паузы. И более всего, полагаю, громоздкость и раскрепощенность стиха Маяковского»<sup>27</sup>. Некоторые ранние стихотворения Бродского, такие как «Каждый перед Богом наг...», отмечены несомненным влиянием Маяковского. С другой стороны, напомним известную статью М.Л. Гаспарова, в которой он показал, насколько рифмы Бродского близки к рифмам Маяковского<sup>28</sup>. В какой-то степени характер отношения Бродского к Маяковскому удалось очертить Янгфельдту, писавшему:

Для Бродского поэт Маяковский заслонился Маяковским – символом торжествовавшей стороны революции, в которой они с Ахматовой принадлежали к проигравшей. Однако влияние Ахматовой – лишь одна из причин, по которым Бродский в своих эссе называет имя Маяковского всего несколько раз, и то весьма снисходительно. Отрицательное отношение к Маяковскому объясняется прежде всего тем, что в начале своего творчества Бродский был под сильным его влиянием; речь шла, таким образом, о процессе отталкивания. Значение Маяковского для юного Бродского несомненно, несколько раз в интервью он признавался, что он у него научился колоссальному количеству вещей<sup>29</sup>.

В стихотворении «Меня упрекали во всем, окромя погоды...» образ, задаваемый строками «не видя, как войско под натиском ширпотреба / бежит, преследуемо пером», явственно восходит к Маяковскому. «Ширпотреб», «войско, преследуемое пером» – это не словарь Бродского: он часто вставлял в стихи разговорные словечки, но, как правило, делал это несколько иначе. А здесь это выделяется из ткани стиха – и сделано это намеренно. Собственно, перед нами – отсылка. Отчасти, к «зацитированным» в советскую эпоху, растиражированным бесконечными плакатами, словам Маяковского «Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо» из стихо-



«Дело наше – почти антропологическое...»...

творения 1925 г. «Домой!»<sup>30</sup>. Но в гораздо большей мере это отсылка ко «Второму вступлению к поэме “Во весь голос”», где разом присутствуют все мотивы, вокруг которых разворачивается стихотворение Бродского: тут и память о поэте, которая продлится в будущее, и военно-литературная метафора, и упоминание света звезд<sup>31</sup>.

Бродский отчетливо полемизирует с Маяковским: если у Маяковского «мой стих <...> дойдет <...> как свет умерших звезд доходит», то Бродский выбирает участь звезды и т. д. В эту полемику Бродский вовлекает Одена, вводит отсылку к его стихотворению «The More Loving One» («Любящий больше»). В эссе «Поклониться тени», посвященном памяти английского поэта, Бродский подчеркивал:

<...> То, с чем он нас оставил, равнозначно Евангелию, вызванному и наполненному любовью, которая является какой угодно, только не конечной – любовью, которая никак не помещается целиком в человеческой плоти и потому нуждается в словах. Если бы не было церквей, мы легко могли бы воздвигнуть церковь на этом поэте, и ее главная заповедь звучала бы примерно так:

Если равная любовь невозможна,  
Пусть любящим больше буду я<sup>32</sup>.

Целиком оденовское стихотворение выглядит следующим образом:

Looking up at the stars, I know quite well  
That, for all they care, I can go to hell,  
But on earth indifference is the least  
We have to dread from man or beast.  
How should we like it were stars to burn  
With a passion for us we could not return?  
If equal affection cannot be,  
Let the more loving one be me.  
Admirer as I think I am  
Of stars that do not give a damn,  
I cannot, now I see them, say  
I missed one terribly all day.  
Were all stars to disappear or die,  
I should learn to look at an empty sky  
And feel its total darkness sublime,  
Though this might take me a little time<sup>33</sup>.

А.В. Нестеров

«Глядя на звезды, я почти точно знаю: / Им все равно, сойду ли я в ад [или нет. – А. Н.], / Но на этой земле нам меньше всего пристало бояться безразличия, / Исходит ли оно от человека или зверя. // Каково было бы нам, если бы звезды пылали / К нам страстью, на которую нам нечем ответить? / И если привязанность – всегда неравна, / Пусть я буду тем, кто любит больше. // Поклонник звезд, – думаю, я могу считать себя таковым, / Право слово, / – Вряд ли – особенно сейчас, когда я могу их видеть, / Я стал бы особо скучать по одной из них день напролет. // Исчезни все звезды или умри, / Я вынужденно привыкну смотреть в пустые небеса, / И ощущать абсолютную тьму, окружающую меня, / Вот только на это потребуется время».

В начале этого стихотворения Оден говорит, что безразличие – наименьшее из зол, которых следует опасаться, а Бродский с этого утверждения, взятого в качестве затакта, начинает: «Меня упрекали во всем, кроме погоды, / и сам я грозил себе часто суровой мздой», – подчеркивая тем всю меру не-безразличия (то есть неприятия и агрессии), с которой ему пришлось столкнуться. Это стихотворение – своего рода зеркальное отражение оденовского текста. У Одена взгляд направлен снизу вверх, Бродский переворачивает перспективу, и взгляд оказывается устремленным сверху вниз. У Одена говорится о безразличии звезд – Бродский подхватывает этот мотив, но своеобразно «отыгрывает» его с точки зрения звезды, сущность которой – светиться, для которой это состояние столь естественно, что «за скорость света не ждешь спасибо». Тем самым оденовское понимание того, что есть «тот, кто любит больше», как бы продляется до предела – и проецируется на небосвод.

При этом в стихотворении Бродского присутствует еще одна аллюзия. Образ, который использует Бродский в конце стихотворения: «общего, может, небытия броня / ценит попытки ее превращения в сито / и за отверстие поблагодарит меня» восходит к английскому разговорному выражению «holes in the sky» (дыры в небе) – так называют звезды. Но этот же образ использован в известнейшем стихотворении поэта Луиса Макниса, по которому тот даже назвал свой сборник 1948 г. «Holes in the sky»<sup>34</sup>.

Но даже эта аллюзия на Макниса у Бродского связана с Оденom – эти два английских поэта принадлежат к одному поэтическому поколению, дружили и выступали во второй половине 30-х гг. как соавторы, написав тревелог «Письма из Исландии» и поэтическое приложение к нему, «Последняя воля и завещание»<sup>35</sup>.

И опять в «Меня обвиняли во всем, кроме погоды...», как в «Сидя в тени» и в «Fin de siècle», оденовские аллюзии у Бродского возникают в контексте, связанном с противостоянием эпохе, «когда вокруг больше нету того, что было, а войско под натиском ширпотреба бежит <...>».

В 1995 г. Бродский писал: «Завершается, судя по всему, затянувшийся на просторах Евразии период психологического палеолита, знаменитый своей верой в нравственный процесс и сопряженной с ней склонностью к утопическому мышлению. На смену приходит ощущение переогромленности и крайней степени атомизации индивидуального и общественного сознания. Сдвиг этот поистине антропологический»<sup>36</sup>. Поздние стихи Бродского были попыткой на этот сдвиг отреагировать, эту новую антропологию как-то описать, а для этого ему была нужна опора в традиции. Оден, которого, по словам Бродского, отличала «восприимчивость, уникальная в сочетании честности, клинического отстранения и сдержанного лиризма»<sup>37</sup>, был одним из немногих, кто эту опору мог предложить.

#### Примечания

- <sup>1</sup> Цит. по: Гордин Я.А. Рыцарь и смерть, или жизнь как замысел: О судьбе Иосифа Бродского. М.: Время, 2010. С. 78–79.
- <sup>2</sup> Собственно, впервые она звучит у Бродского еще в «Речи о пролитом молоке» 1967 г.: «Это неприятно для глаза. / Человечество увеличивается в три раза» (Бродский И.А. Стихотворения и поэмы: В 2 т. СПб.: Издательство Пушкинского дома: Вита Нова, 2011. Т. 1. С. 259. Учитывая комментированный характер издания и качество его подготовки, все стихотворные цитаты из И. Бродского здесь и далее даются по этому двухтомнику (подготовленному Л. Лосевым). Все прозаические цитаты по изданию: Бродский И.А. Соч.: В 7 т. М.: Пушкинский фонд, 1997–2001).
- <sup>3</sup> Бродский И.А. О тирании // Он же. Соч. Т. 5. С. 90.
- <sup>4</sup> Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛаг. 1918–1956: Опыт художественного исследования: В 2 т. Paris: YMCA-PRESS, 1973. С. 10.
- <sup>5</sup> Бродский И.А. Нобелевская лекция // Он же. Соч. Т. 1. С. 5.
- <sup>6</sup> См.: Соколов К.С. И. Бродский и У.Х. Оден: к проблеме усвоения английской поэтической традиции: Дис. ... канд. филол. наук. Владимир, 2003; Стафьева Е.И. Метафизическая поэзия в исторической перспективе. У.Х. Оден «Памяти У.Б. Йейтса» // Anglistica: Сб. ст. по литературе и культуре Великобритании. М.; Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2000. Вып. 8. С. 76–88;

А.В. Нестеров

- Шода М.Ю.* Мотив «смерти поэта» в элегиях У.Х. Одена «Памяти У.Б. Йетса» и И.А. Бродского «На смерть Т.С. Элиота» // Взаимодействие литератур в мировом литературном процессе: (Проблемы исторической поэтики): Материалы теор. междунар. науч. конф.: В 2 ч. Гродно: Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, 1997. Ч. 2. С. 180–186; *Нестеров А.В.* Оригинал и «эхо» чужого текста в переводе // *Opus* # 1–2: Русский мемуар. Соавторство. Вильнюс: Изд-во Вильнюсского ун-та, 2005. С. 224–236.
- <sup>7</sup> *Янгфельдт Б.* Язык есть бог: Заметки об Иосифе Бродском. М.: Corpus: Астрель, 2011. С. 109–110.
- <sup>8</sup> *Hart J.* How good was Auden? // *The New Criterion*. February 1997. Vol. 15. P. 59.
- <sup>9</sup> *Бродский И.А.* «1 сентября 1939 года» У.Х. Одена // Он же. Соч. Т. 5. С. 216.
- <sup>10</sup> *Рейн Е.Б.* Мой экземпляр Урании // Иосиф Бродский: труды и дни. М.: Независимая газета, 1998. С. 145.
- <sup>11</sup> *Соколов К.С.* «Бродский = Оден»: коммуникативный аспект стихотворения // Он же. Поэтика Иосифа Бродского. Тверь: Тверской государственный университет, 2003. С. 383.
- <sup>12</sup> *Бродский И.А.* Стихотворения и поэмы. Т. 2. С. 89.
- <sup>13</sup> Там же.
- <sup>14</sup> *Соколов К.С.* «Бродский = Оден»: коммуникативный аспект стихотворения. С. 383.
- <sup>15</sup> *Бродский И.А.* Стихотворения и поэмы. Т. 2. С. 131.
- <sup>16</sup> Там же.
- <sup>17</sup> *Auden W.H.* *The English Auden: Poems, Essays and Dramatic Writings 1927–1939*. London: Faber & Faber, 1977. P. 246.
- <sup>18</sup> Ср.: в переводе «1 сентября 1939 года», сделанном А. Сергеевым, «музыка», упоминаемая у Одена, характерным образом превращается в «джаз»: «Люди за стойкой стремятся / По-заведенному жить: / Джаз должен вечно играть, / А лампы вечно светить. / На конференциях тчатся / Обставить мебелью доты, / Придать им сходство с жильем...» (Американская поэзия в русских переводах. XIX–XX вв.: Антология. М.: Радуга, 1983. С. 395). И для Сергеева, и для Бродского «музыкальный фон» довоенной эпохи четко связан с одними и теми же ассоциациями: и джаз, и фокстрот принадлежат единому смысловому полю.
- <sup>19</sup> *Бродский И.А.* Стихотворения и поэмы. Т. 2. С. 131.
- <sup>20</sup> *Бродский И.А.* О тирании. С. 87.
- <sup>21</sup> *Бродский И.А.* Стихотворения и поэмы. Т. 2. С. 131.
- <sup>22</sup> *Ильф И., Петров Е.* Золотой теленок. М.: Вагриус, 1995. С. 56.
- <sup>23</sup> *Auden W.H.* *Collected Poems* / Ed. by E. Mendelson. London: Faber & Faber, 1994. P. 120–121.
- <sup>24</sup> *Бродский И.А.* Стихотворения и поэмы. Т. 2. С. 109.
- <sup>25</sup> Александр Сумеркин, помогавший в составлении сборника, писал: «Я получил твердое указание: последним должно идти стихотворение 1994 года “Меня

«Дело наше – почти антропологическое...»...

упрекали во всем, кроме погоды...» (Сумеркин А. Пейзаж с наводнением – краткая история // Иосиф Бродский: творчество, личность, судьба. СПб.: Журнал «Звезда», 1998. С. 44).

- <sup>26</sup> Бродский И.А. Стихотворения и поэмы. Т. 2. С. 227.
- <sup>27</sup> Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. М.: ЭКСМО, 2003. С. 60.
- <sup>28</sup> Гаспаров М.Л. Рифма Бродского // Он же. Избранные статьи. М.: НЛО, 1995. С. 83–92.
- <sup>29</sup> Янгфельдт Б. Заметки об Иосифе Бродском // Звезда. 2010. № 10. С. 96–120.
- <sup>30</sup> Маяковский В.В. Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: ГИХЛ, 1957. Т. 7. С. 94.
- <sup>31</sup> Там же. Т. 10. С. 282–283.
- <sup>32</sup> Бродский И.А. Поклониться тени // Он же. Соч. Т. 5. С. 257.
- <sup>33</sup> Auden W.H. Collected Poems. P. 584–585.
- <sup>34</sup> MacNeice Ls. Collected Poems. London: Faber & Faber, 2007. P. 252.
- <sup>35</sup> Auden W.H. The Complete Works of W.H. Auden: Prose and Travel Books in Prose and Verse, 1926–1938. Princeton: Princeton University Press, 1997. Vol. 1. P. 31–53.
- <sup>36</sup> Бродский И.А. «1 сентября 1939 года» У.Х. Одена. С. 208–209.
- <sup>37</sup> Бродский И.А. Поклониться тени. С. 265.

С.Е. Эрлих

«ПУШКИН НИКОГДА НЕ БЫЛ СВЯЗАН  
С ДЕКАБРИСТАМИ».  
СОВРЕМЕННАЯ МОНАРХИЧЕСКАЯ  
ПУБЛИЦИСТИКА О МИФОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРЕ  
«ПУШКИН – ДЕКАБРИСТЫ»

Миф о декабристах – борцах за свободу самым тесным образом связан с мифом о Пушкине, как основателе русской культуры. В общественном сознании эти два феномена образуют мифологическую пару. Однако на современном этапе рождается другой миф – миф о том, что между Пушкиным и декабристами – пропасть, что эти два историко-культурных явления невозможно сопоставлять друг с другом. Этот миф развивается в публицистических выступлениях монархистов правого толка, зачастую именующих себя «православными монархистами».

*Ключевые слова:* Пушкин, декабристы, православные монархисты, современные мифы, публицистика.

Не секрет, что миф о декабристах – о людях, сознательно принесших себя в жертву во имя идеалов свободы и справедливости, – один из самых устойчивых мифов в русской культуре. Этот миф самым тесным образом связан с другим мифом – о Пушкине как «нашем всем», как основателе русской культуры. Положительная связь этих мифов уже осмыслена исторической наукой: в общественном сознании миф борьбы с властью и основной миф русской культуры образуют мифологическую пару<sup>1</sup>. «Пушкин и декабристы», «Декабристы – друзья Пушкина» – устойчивые синтагмы устной и письменной речи, проникшие в заголовки книг, статей, рефератов, докладов, студенческих и постуниверситетских квалификационных работ.

Однако на современном этапе развития общества, буквально на наших глазах, рождается другой миф – миф о том, что между Пушкиным и декабристами – пропасть, что эти два историко-

«Пушкин никогда не был связан с декабристами». ...

культурных явления невозможно сопоставлять друг с другом. Этот миф развивается в публицистических выступлениях монархистов правого толка, зачастую именующих себя «православными монархистами». При этом, вполне в духе классического определения публицистики, православные монархисты составляют тексты «с целью проводить определенные взгляды в широких кругах читателей, создавать, формировать общественное мнение, возбуждать определенные политические кампании»<sup>2</sup>.

Задача данной статьи – описать складывающийся на наших глазах новый публицистический миф о Пушкине и декабристах, выявить его основные черты.

Со всей определенностью этот миф описывается в публицистических выступлениях художника И.С. Глазунова. О себе Глазунов пишет: «Да, я – монархист, ибо эта древнейшая политическая и историческая идея озарила всю историю человечества»<sup>3</sup>. О Пушкине же, этом «вечно современном спутнике человечества», сообщает следующее: «Пушкин никогда не был связан с декабристами – кроме ранней юности, когда он пировал вместе с этим сумасшедшим подонком Чаадаевым, которого многие почему-то называют великим философом. Пушкин не только не был на Сенатской площади, но и отхлестал в своей статье “клеветника” и “полунежду” Радищева, столь любимого многими. И с годами Пушкин все больше презирал декабристов. Поэт перед смертью сказал: “Передайте Государю: жив буду – весь его без остатка буду”»<sup>4</sup>.

Как следует из приведенной цитаты, художник хорошо знаком и с творчеством Пушкина, и с мемуарными рассказами о нем. В частности, ему известна обращенная к государю фраза, якобы сказанная Пушкиным незадолго до смерти: «Скажи ему ... что мне жаль умереть; был бы весь его»<sup>5</sup>. Знаком Глазунов и со статьей Пушкина «Александр Радищев». Пушкин действительно писал о Радищеве как об «истинном представителе полупросвещения»<sup>6</sup>.

В задачу данной статьи не входит анализ мотивов, по которым автору «Путешествия из Петербурга в Москву» поэт дает столь нелестную оценку. Следует, однако, отметить, что «полунеждой» Пушкин называл вовсе не Радищева, а графа М.С. Воронцова<sup>7</sup>.

Несмотря на явную подтасовку цитат, Глазунов, рассуждая о Пушкине, все же не может обойти стороной вопрос о его «эволюции». Отчуждение от декабристов происходит «с годами», полное примирение с государем – на пороге смерти. И ощущение этой «эволюции» явно идет вразрез с категорическим утверждением, что поэт «никогда не был связан с декабристами». Это категори-

ческое «никогда» выражает сокровенное желание православно-монархической публицистики оторвать верноподданного «без остатка» Пушкина от «презираемых» им декабристов.

Анализ публицистического высказывания Глазунова о Пушкине дает представление о методах, с помощью которых монархически настроенные публицисты пытаются во что бы то ни стало противопоставить Пушкина декабристам. Конечно, рассуждать о поэте, не имея представления о его биографии – рискованно. Подобные рассуждения могут вызвать отторжение аудитории, биографию Пушкина – в самых общих чертах – знающей еще со школьной скамьи. Поэтому в основе этих рассуждений лежат общеизвестные сведения, почерпнутые из хорошо известных источников. Однако сведения эти, как в случае с эпиграммой на Воронцова, явно «передергиваются» – во имя формирования «определенных взглядов в широких кругах читателей».

\* \* \*

Примеров подобного рода рассуждений множество. Причем авторов таких рассуждений можно четко разделить на две группы. Одни из них позиционируют себя в качестве ученых, кандидатов и докторов наук, представителей научной интеллигенции. Их суждения обычно аргументированны, снабжены многочисленными цитатами. Другие же – журналисты, священники, политики и т. п. – выдают свои суждения за «глас народа» и, как правило, не утруждают себя выбором адекватных аргументов. Общее между этими группами то, что подобные суждения разными путями попадают в Интернет и, таким образом, оказывают сильное влияние на формирование общественного мнения.

Так, доктор исторических наук А.Ф. Смирнов, рассуждая в общем традиционно для православно-монархической публицистики, пытается соотнести эти рассуждения с догмами советской пушкистики.

Советские исследователи искусственно притягивали взгляды зрелого Пушкина к его послелицейскому творчеству. Современный историк предчувствует неизбежный консервативный поворот уже в антикрепостническом стихотворении «Деревня» (1819): «Глубина мышления поэта, его державная, государственная позиция отделяют его и от друзей-декабристов. Даже в юношеских вольнолюбивых стихах Пушкина слышится уже то, чего у декабристов мы не находим. И рабство, павшее по мании (Так! – С. Э.) царя <...>»<sup>8</sup>. В действительности с «догмами» советского пушкин-



«Пушкин никогда не был связан с декабристами». ...

ского мифа эта строчка согласуется гораздо лучше, чем с канонами мифа православно-монархического. Смирнов произвольно обрывает цитату, заканчивающуюся у Пушкина вопросительным знаком:

Увижу ль, о друзья! народ неугнетенный  
И Рабство, падшее по манию царя,  
И над отечеством Свободы просвещенной  
Взойдет ли наконец прекрасная Заря?<sup>9</sup>

Знак этот обозначал сочетание сомнения и надежды в возможности освободительного мановения царской руки. Эти же смешанные чувства по отношению к царю в конце 10-х гг. XIX в. испытывали и многие декабристы – да и сам император, как известно, колебался в решении отменить крепостное право. Не случайно именно член Союза благоденствия П.Я. Чаадаев (через И.В. Васильчикова) передал «Деревню» Александру I, а император велел передать поэту «благодарность» «за добрые чувства, которые вызывают его стихи»<sup>10</sup>.

Комментирует Смирнов и отношение Пушкина и декабристов к историческому творчеству Н.М. Карамзина – и прежде всего к знаменитой карамзинской фразе о том, что «история народа принадлежит царю». Смирнов утверждает: «Когда Карамзин выпускал тома своей “Истории Государства Российского”, декабристы разрабатывали планы переворота. Конечно, они не принимали формулу Карамзина, что мудрое самодержавие – это палладиум России, что монарх – источник общего блага, гарант целостности России, ее могущества. На полях труда Карамзина Никита Муравьев заметил – плохой источник, сточные воды. Сам он предложил другой источник, который казался ему кристально-чистым. И который ударил кровью <...> Пушкин называл выступления декабристов против Карамзина глупыми и бешеными»<sup>11</sup>.

Из этого пассажа видно: автор его прекрасно знает источники. Но – во имя публицистических целей – умело подтасовывает их. Так, Н.М. Муравьев, автор знаменитой декабристской «Конституции», сделал запись о «плохом источнике» и «сточных водах» вовсе не на полях труда Карамзина. «Плохим источником» для Муравьева оказалась вовсе не «История государства Российского», а книга Ш.-Л. Монтескье «Дух законов». Исследователь жизни и творчества Муравьева Н.М. Дружинин утверждал: «Изучая сочинения Монтескье, он (Муравьев. – С. Э.) возмущается его (Монтескье. – С. Э.) прославлением монархии: утверждение автора, что принцип монархической славы равносителен гражданской

С.Е. Эрлих

свободе, представляется ему “глупостью”; указание Монтескье, что в монархическом строе государь есть источник (“la source”) всей политической и гражданской власти, вызывает его резкое замечание: “Mauvaise source, des égouts” (Плохой источник, сточные воды (*фр.*))»<sup>12</sup>.

Не все просто и с пушкинским определением декабристов в качестве «глупых и бешеных». В письме Вяземского к поэту от 12 июня 1826 г. имеются слова: «Ты <...> шалун и грешил иногда эпиграммами против Карамзина, чтобы сорвать улыбку с некоторых сорванцов и подлецов»<sup>13</sup>. Пушкин с заметной обидой отвечал 10 июля 1826 г.: «Во-первых, что ты называешь моими эпиграммами противу Карамзина? довольно и одной, написанной мною в такое время, когда Карамзин меня отстранил от себя, глубоко оскорбив и мое честолюбие, и сердечную к нему приверженность. До сих пор не могу об этом хладнокровно вспомнить. Моя эпиграмма остра и ничуть не обидна, а другие, сколько знаю, глупы и бешены: ужели ты мне их приписываешь? Во-вторых, кого ты называешь сорванцами и подлецами? Ах, милый... слышишь обвинение, не слыша оправдания, и решишь: это Шемякин суд. Если уж Вяземский etc., так что же прочие? Грустно, брат, так грустно, что хоть сейчас в петлю»<sup>14</sup>.

Из намеков («Шемякин суд», «обвинение», «петля») подцензурного письма можно предположить, что Пушкин, скорее всего, относит слова Вяземского о «сорванцах и подлецах» к декабристам, томившимся в тот момент в крепости. Н.Я. Эйдельман не сомневается, что Пушкин воспринял резкие высказывания Вяземского «только в виде критики на декабристов»<sup>15</sup>. И такие определения в такой ситуации Александр Сергеевич, судя по риторическому вопросу, считал неуместными. Поэтому трудно предположить, что, указав корреспонденту на бестактность, он сам в то же время оскорбил своих друзей.

Кроме того, как следует из пушкинского послания, он признал собственное авторство по крайней мере одной из эпиграмм, написанных в 20-е гг. на Карамзина. Б.В. Томашевский, например, полагал, что речь в письме шла о широко известном стихотворении:

В его «Истории» изящность, простота  
Доказывают нам, без всякого пристрастья,  
Необходимость самовластья  
И прелести кнута.

«Пушкин никогда не был связан с декабристами». ...

По мнению Б.В. Томашевского, именно эту эпиграмму «следует признать принадлежащей Пушкину»<sup>16</sup>.

К тому же, как известно, одной эпиграммой «глупости» Пушкина в отношении Карамзина и его труда вовсе не исчерпывались. К примеру, В.Л. Пушкин, дядя поэта и друг Карамзина, сообщал все тому же князю Вяземскому: «Все экземпляры Российской Истории раскуплены. Николай Михайлович пишет, что он награжден за труды свои и что теперь публика доказала, что нелепые критики не действительны. Пушкин беснуется и говорит все одно и то же, я и повторять его *глупостей* (курсив мой. – С. Э.) не хочу». В.Э. Вацура так прокомментировал это письмо: «Дядя мог бы спокойно повторить “глупости” племянника, потому что и сам племянник не делал из них секрета»<sup>17</sup>.

Аргументы А.Ф. Смирнова позволяют считать, что воздействие силового поля православно-монархического мифа сильно влияют на рассуждения даже весьма квалифицированного ученого.

Другой пример находим в рассуждениях молодого историка Ф.А. Гайды, кандидата исторических наук, доцента кафедры истории России московского Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Гайда комментирует пушкинского «Бориса Годунова»: «Царь, вступивший на престол путем убийства одного человека, будет свергнут молодым революционером, многократно умножившим убийство. Борис Годунов соотнесен с Александром I, вступившим на престол после убийства его отца, Отрепьев – с молодыми заговорщиками. Любая борьба за власть подразумевает грех, причем масштабы его лишь возрастают при каждом новом акте насильственной перемены власти».

Уравнение двух поколений царевубийц придает данной трактовке необходимую глубину. Но историк-публицист не может удержаться над схваткой: «Пушкин признает лучшей именно наследственную власть. Узурпация греховна, еще хуже – революционная узурпация. Всякий узурпатор хвалится народной поддержкой»<sup>18</sup>. По этой логике сын, лишивший жизни царственного отца, лучше подданных, поднявших руку на отца отечества.

Сторонник «наследственной власти», Пушкин, согласно Гайде, вполне народен – а значит, истинно православен. Автор статьи цитирует М.П. Погодина: «Пушкин не пропускал никогда в Одессе заутреню на светлое воскресенье и звал всегда товарищей “услышать голос русского народа” (“воистину воскрес” в ответ на христосование священника)»<sup>19</sup>. Однако это свидетельство Погодина, явно вторичное (сам мемуарист ссылается на мнение А.Н. Раевского),

С.Е. Эрлих

вызывает большие сомнения: как известно, Пушкин пережил в Одессе только одну пасху, пришедшуюся на 6 апреля 1824 г. Кроме того, сам факт некоей чрезмерной набожности поэта в годы южной ссылки вызывает серьезные сомнения. В 1821 г. он пишет «Гавриилиаду». Тогда же появляется и известное «Послание к В.Л. Давыдову», в котором поэт описывает смерть кишиневского митрополита Гавриила:

На этих днях, [среди] собора,  
Митрополит, седой обжора,  
Перед обедом невзначай  
Велел жить долго всей России  
И с сыном Птички и Марии  
Пошел христосоваться в рай...  
Я стал умен, [я] лицемерю –  
Пощусь, молюсь и твердо верю,  
Что бог простит мои грехи,  
Как государь мои стихи<sup>20</sup>.

В дни великого поста 1823 г. из «грязи молдаванской» поэт посылает Вяземскому озорной стишок «Христос воскрес, моя Ревекка»<sup>21</sup>.

\* \* \*

Те публицисты, которые не позиционируют себя как профессиональные исследователи, гораздо менее разборчивы в аргументах – но столь же решительны в стремлении доказать либо изначальную чуждость Пушкина и декабристов, либо «случайность», временность их союза.

Так, в статье, опубликованной в национально-патриотической газете «Русский Восток», посвященной «165-летию со дня гибели Пушкина», В. Николаев подробно останавливается на отношениях Пушкина и декабристов: «Стало уже общим местом рассуждение о том, что Пушкин очень сочувствовал их движению, что, ежели бы был тогда в Санкт-Петербурге, то уж <...> И что декабристы не привлекли Пушкина в организацию, якобы жалея его, великого поэта России, чтоб “в случае чего” не подвергнуть опасности его жизнь»<sup>22</sup>.

Статья написана ради того, чтобы оспорить это «общее место». Начинаящий масон Пушкин, оказывается, не ведал «подлинных замыслов» «продвинутых» масонов-декабристов. А если бы знал,

«Пушкин никогда не был связан с декабристами». ...

он бы еще до 14 декабря ради спасения России вначале бы «пошел бы прямо к царю» и донес на ее предателей-декабристов, а потом начал воспевать самодержца и клеймить масонов-клеветников.

Много места в своих рассуждениях Николаев отводит обсуждению программных документов декабристов. В частности, в сферу его внимания попадает «Манифест к русскому народу» (неточно именуемый им «Обращением»), который В.И. Штейнгейль составлял по заданию К.Ф. Рылеева накануне мятежа. Николаев утверждает, что в этом документе «даже не содержалось» слов «русский» и «народ». В названии документа эти слова, очевидно, содержатся, а вот содержались ли они в последующем тексте, мы никогда не узнаем, потому что Штейнгейль манифест уничтожил и, несмотря на настойчивые увещевания, «не смог» на следствии вспомнить его содержание<sup>23</sup>.

Кроме того, автор путает этот «Манифест» с другим документом, с «Манифестом Сената». Это черновой документ, написанный рукой несостоявшегося «диктатора» 14 декабря, С.П. Трубецкого, был найден у него дома при обыске и стал затем серьезной уликой против него. Собственно, именно этот документ автор статьи и анализирует – принимая его за «Манифест» Штейнгейля.

Для Николаева неважно, что декабристы хотели освободить русский народ от ярма крепостного права и его порождений – рекрутчины и военных поселений. Для него важно, что декабристы – родовитые космополиты: конституцию Н.М. Муравьев писал, подражая американской; устав Союза благоденствия был списан с устава прусской «масонской ложи» Тугендбунд; диктатор Трубецкой был свояком австрийского посланника Людвиг Либенфельд и зятем человека с нерусской фамилией Лаваль.

Но самое страшное – декабристы были связаны «с руководимой Ф. Буонаротти вентой “Свободных пифагорейцев”», эмиссары которой прибыли в Питер накануне восстания. «Пифагорейцы», кстати, сумели хорошо законспирироваться. Не только следствие по делу декабристов не обнаружило связи декабристов с агентами западных держав, но и «III Отделение», и «последующие спецслужбы, включая и *советские* (курсив мой. – С. Э.)» не смогли вычислить пифагорейцев-злоумышленников, которые до сих пор продолжают вредить России<sup>24</sup>.

«Яркий проповедник, неутомимый миссионер, внимательный духовник, блестящий лектор, автор многих книг, статей, радио- и телепередач»<sup>25</sup> протоиерей Артемий Владимиров, отвечая радиослушателю, решительно «разрывает» «пушкинский»

С.Е. Эрлих

и «декабристский» мифы: «Пушкин разорвал с идеологией декабристов. И, будучи близок к ним как человек, отшатнулся от всего того, что раскрылось в декабрьском заговоре. Не последнее место в прозрении Пушкина занимает Арина Родионовна и, конечно, Государь Николай Павлович, после беседы с которым с Пушкина была снята цензура. “Я буду твой цензор”, – сказал Государь. И поэт, вдохновленный его милостивым отношением, не только идейно порвал с либеральными западными веяниями, а значит и масонством, но и стал убежденным глашатаем русского самодержавия как выражения нашего национального духа»<sup>26</sup>.

В деле спасения великого поэта от вредоносной идеологии объединились усилия Арины Родионовны и императора Николая I. Как говорится, комментарии здесь излишни.

\* \* \*

Следует признать: публицисты монархического толка прекрасно осознают, что дискредитация декабристов в общественном сознании невозможна без «разделения» «пушкинского» и «декабристского» мифов.

В принципе, «разделение» это происходит по одному и тому же сценарию. Масоны-декабристы недолго сбивали с толку юного поэта. Пушкин скоро понял их дьявольские козни и всей душой и талантом предался служить православному царю. Для доказательства своего тезиса публицисты-монархисты выворачивают наизнанку технологии советской пушкинистики: миф о лицеисте Пушкине – друге декабристов заменяется мифом о камер-юнкере Пушкине – слуге царя. При этом они относятся к данным источников намного бесцеремоннее советских исследователей. Даже люди с учеными степенями не стесняются фальсифицировать содержание документов.

Таким образом, современная монархическая публицистика в методах построения мифологизированной биографии Пушкина смыкается с советской историко-филологической наукой в самых худших ее проявлениях. Естественно, и утверждение о том, что Пушкин – лучший друг декабристов, и о том, что он – их заклятый, идейный враг, относятся исключительно к сфере веры. Научные аргументы здесь вторичны, они всегда подгоняются под изначально существующую концепцию.

И если раньше определенная концепция жизни и творчества Пушкина насильно насаждалась и в школах, и в высших учебных заведениях, то теперь ситуация изменилась. Современная монархи-

«Пушкин никогда не был связан с декабристами». ...

ческая публицистика не может эффективно воздействовать на образованную часть аудитории, критически относящуюся к информации. Соответственно, такая публицистика апеллирует, прежде всего, к тем, кому реальная биография Пушкина вовсе не интересна, а следовательно – неизвестна. Однако подобная публицистика все равно не достигает цели – политического управления обществом. Ибо имеющие доступ к власти представители политических элит имеют, как правило, именно критическое мышление.

#### Примечания

- <sup>1</sup> *Загидуллина М.В.* Пушкин и декабристы как мифологическая пара // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. СПб.: Нестор-История, 2010. Вып. VIII. С. 556–577.
- <sup>2</sup> *Горев Б.И.* Публицистика // Литературная энциклопедия. Словарь литературных терминов: В 2 т. М.; Л., 1925. Т. 2. С. 679.
- <sup>3</sup> *Глазунов И.С.* Россия распятая. М.: Фонд Ильи Глазунова, 2006. Т. 1. С. 41.
- <sup>4</sup> *Шаблинская О.* Глазунов И.: «Русский – тот, кто любит Россию» // Аргументы и факты. 2005. 8 июня.
- <sup>5</sup> *Жуковский В.А.* Письмо к С.Л. Пушкину // Пушкин в воспоминаниях современников. СПб.: Академический проект, 1998. Т. 2. С. 430. Ср.: Русский архив. 1879. Кн. 2. С. 441. Некоторые исследователи и, в частности, П.Е. Щеголев сомневались в самом факте произнесения этих слов умирающим поэтом.
- <sup>6</sup> *Пушкин А.С.* Александр Радищев // Он же. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 12. С. 36.
- <sup>7</sup> *Пушкин А.С.* <На Воронцова>: («Полу-милорд, полу-купец...») // Он же. Полн. собр. соч. Т. 3. Кн. 1. С. 31.
- <sup>8</sup> *Тимофеев А.* Воин духа: Памяти выдающегося историка Анатолия Филипповича Смирнова // Православие.ru. URL: <http://www.pravoslavie.ru/smi/1453.htm> (дата обращения: 02.07.2011).
- <sup>9</sup> *Пушкин А.С.* Деревня: («Приветствую тебя, пустынный уголок...») // Он же. Полн. собр. соч. Т. 2. Кн. 1. С. 89–91.
- <sup>10</sup> Цит. по: *Цявловский М.А.* Представление «Деревни» Александру I // Он же. Статьи о Пушкине. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 367.
- <sup>11</sup> *Тимофеев А.* Указ. соч.
- <sup>12</sup> *Дружинин Н.М.* Декабрист Никита Муравьев // Он же. Избранные труды: Революционное движение в России в XIX в. М.: Наука, 1985. С. 85.
- <sup>13</sup> Переписка А.С. Пушкина: В 2 т. М.: Художественная литература, 1982. Т. I. С. 246.
- <sup>14</sup> *Пушкин А.С.* Письмо Вяземскому П.А., 10 июля 1826 г. Михайловское // Он же. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 285–286.

С.Е. Эрлих

- 15 *Эйдельман Н.Я.* Пушкин: Из биографии и творчества. 1826–1837. М.: Художественная литература, 1987. С. 108.
- 16 *Томашевский Б.В.* Эпиграммы Пушкина на Карамзина // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 208–215.
- 17 *Вацуро В.Э.* «Подвиг честного человека» // Прометей: Историко-биографический альманах. М.: Молодая гвардия, 1968. Т. 5. URL: <http://www.bibliotekar.ru/Prometeu-5/1.htm> (дата обращения: 02.07.2011).
- 18 *Гайда Ф.* Тогда отверзе им ум: Пушкин на пути к литературному и политическому реализму // Русская линия. 2011. 6 июня. URL: <http://rusk.ru/st.php?idar=48825> (дата обращения: 10.08.2011).
- 19 *Погодин М.П.* Из заметок «Замечательные слова Ломоносова, Сумарокова и Пушкина» // Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 40.
- 20 *Пушкин А.С.* <В. Л. Давыдову>: («Меж тем как генерал Орлов...») // Он же. Полн. собр. соч. Т. 2. Кн. 1. С. 178–179.
- 21 *Пушкин А.С.* Письмо Вяземскому П.А., март 1823 г. Кишинев // Он же. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 59–61.
- 22 *Николаев В.* К 165-летию со дня гибели А.С. Пушкина. «Невольник чести...» // Русский Восток. 2002. № 56. URL: <http://rus-vost.irk.ru/k-165-letiyu-so-dnya-gibeli-a-s-pushkina-nevolnik-chesti.html> (дата обращения: 18.07.2011).
- 23 Восстание декабристов: Документы и материалы. М.: Наука, 1976. Т. 14. С. 14.
- 24 *Николаев В.* Указ. соч.
- 25 Протоиерею Артемию Владимирову – 50 лет // Православие.ru. URL: <http://www.pravoslavie.ru/news/44873.htm> (дата обращения: 23. 07.2011).
- 26 *Владимиров А., протоиерей.* Ответы на вопросы слушателей // Радиостанция «Радонеж». Программа от 27.11.2009. URL: <http://www.radonezh.ru/tv/text/8665.html> (дата обращения: 23. 07.2011).



## Проблемы теории электронных СМИ

---

А.А. Новикова

### ТЕЛЕВИЗИОННАЯ КАРТИНА МИРА КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЖУРНАЛИСТИКЕ

Статья посвящена анализу перспектив использования понятия «картина мира» применительно к результатам телевизионной интерпретации реальности. Опираясь на исследования отечественных и зарубежных ученых, посвященных специфике природы телевидения, автор делает попытку дать определение понятию «телеэкранный картина мира».

*Ключевые слова:* картина мира, телевидение, интерпретация реальности.

Вопрос о степени достоверности того отражения мира, который зритель видел на киноэкране, а потом на телеэкране, стоит уже давно. Проблемы специфики отражения действительности в документальных кинопроизведениях так или иначе касались в своих работах как исследователи: С. Дробашенко, Л. Рощаль, Ю. Мартыненко, В. Листов, Г. Долматовская, Л. Джулай, Л. Малькова, Н. Абрамова, Г. Прожико, так и режиссеры: Д. Вертов, Э. Шуб, В. Ерофеев, М. Кауфман, Р. Кармен, А. Пелешьян. При том что все они осознавали разрыв между реальностью и ее отражением даже в документальном кино, удовлетворяющего всех термина для обозначения этого явления и критериев для его описания предложено не было. Вероятно, одной из причин осторожности в отношении этого вопроса, которую проявляли исследователи, была идеологическая ситуация в стране в XX веке. Метод «социалистического реализма», который предлагался как единственно верный, декларировал необходимость стремления к реализму в художественном творчестве, а на деле способствовал

созданию политических мифов. В этих условиях говорить о том, что кино («важнейшее из искусств»), а вслед за ним и телевидение (один из главных идеологических инструментов) не вполне отражают действительность, было просто опасно.

После краха советского государства и прекращения идеологического давления исследователи не переставали возвращаться к этой теме, ища определения и объяснения феномена. К этой теме обращается в одной из своих важнейших работ В. Михалкович (1996)<sup>1</sup>, Г. Прожико в докторской диссертации<sup>2</sup> (2002) для обозначения отношения действительности и ее экранного отражения использует несколько понятий: «экранный образ мира», «динамическая картина экранной модели мира», «виртуальная реальность».

В целом соглашаясь с Г. Прожико, мы тем не менее не можем принять ни один из предложенных терминов. Первый, на наш взгляд, излишне публицистичен. Если же воспринимать его с научной точки зрения, то анализировать этот образ надо как художественный образ, с искусствоведческих и эстетических позиций. Термин «виртуальная реальность» был популярен в начале 2000-х гг., тогда его использовали и применительно к телевидению. Однако сегодня, когда Интернет и видеоигры получили повсеместное распространение, а компьютерная графика стала очень высокого качества, термин «виртуальная реальность», как предлагает К. Разлогов, следует оставить только за ними.

Понятие «динамической картины экранной модели мира», вводимое Г. Прожико, несмотря на стилистические огрехи, ближе всего подводит нас к постижению исследуемого феномена. Однако телевидение мир не моделирует, так как не пытается представить его как целостность. Было бы точнее, на наш взгляд, вслед за социологами культуры, говорить не о модели мира, а о картине мира, понимая под ней некую ментальную конструкцию, «субъективную карту пространства и времени, схему отношений между объектами, набор формул порядка, систему правил, управляющих тем миром, в котором живет человек»<sup>4</sup>.

Однако введение этого термина в научный оборот затруднено принципиальной позицией ряда ученых, утверждающих, что картина мира может быть у конкретного человека или у социальной страты, она создается под воздействием телевидения, но в сознании, а не на телеэкране. Принимая во внимание обоснованность такой позиции, попытаемся все же рассмотреть перспективы использования термина «картина мира» применительно к телевизионной интерпретации реальности.

Культурно-историческая антропология утверждает, что разным народам в разные исторические периоды было присуще специфическое видение мира. Социологи же уверены, что различное видение мира присуще и представителям различных социальных групп (субкультур), живущих одновременно, часто бок о бок. Эти картины мира имеют как общие черты, присущие ядру культуры, так и специфические особенности. Причем в обществе все время происходит борьба сильных субкультур за влияние на ядро культуры. Победа одной из субкультур изменяет ядро культуры (иногда достаточно существенно) и приводит к власти представителей доминирующей субкультуры. Культурная политика государства при этом состоит в отборе для распространения в обществе таких элементов культуры, которые являются основополагающими для доминирующей субкультуры. Государство «стремится защитить ядро культуры от чересчур агрессивных субкультур» и «поддерживает субкультуры, близкие к ядру субкультуры»<sup>5</sup>.

Попытка исследовать совокупность производимых журналистами смыслов как картину мира была предпринята В. Мансуровой<sup>6</sup>. Подводя итоги своего исследования, она определяет журналистскую картину мира как «образ мира, создаваемый средствами массовой информации в результате коммуникационного взаимодействия. Являясь специфическим ментальным образованием, возникающим в массовом обыденном сознании, она представляет собой динамическую, сложно организованную, самоорганизующуюся систему циркуляции социального знания – информации, востребованной обществом»<sup>7</sup>.

Исследуя с учетом вышеизложенных теоретических взглядов современное телевидение (в первую очередь национальные телеканалы), мы можем констатировать, что одна из главных его задач – распространять те элементы господствующей субкультуры, которые помогают формированию ядра субкультуры данного общества, общенациональной (общегосударственной) картины мира в массовом обыденном сознании. Очевидно, что федеральное телевидение в силу масштаба охвата аудитории справляется с этой задачей лучше, чем какие-либо другие массмедиа. Но отвечая интересам общества в целом, федеральное телевидение должно информировать зрителей обо всем разнообразии субкультур, составляющих структуру общества. Ведь разнообразие субкультур, причем не только консервативных, но и новаторских – необходимое условие развития общества, его выживания. Знакомство с картинами мира различных субкультур, составляющих общество, дает

человеку возможность вести активную социальную жизнь. Телевидение в данном случае не может стоять только на стороне государства, которое никогда не занимает нейтральную позицию в борьбе субкультур, а «всегда ведет беспощадную борьбу с “периферическими”, особенно с революционными и криминальными субкультурами»<sup>8</sup>. Федеральное телевидение (благодаря общедоступности и обязанности быть площадкой для общественных дискуссий) должно в идеале адекватно отражать соотношение субкультур в культуре общества.

Кроме того, национальное телевидение должно знакомить зрителей с субкультурами иных обществ, проживающих на территории других государств. Это становится особенно важно в условиях глобализации, когда люди вынуждены гораздо чаще и теснее общаться, порой оказываясь в ситуации борьбы национальных субкультур друг с другом, борьбы, целью которой является создание наднациональной, надгосударственной субкультуры глобального общества. Знакомство это требует навыков адаптации иных картин мира к привычной картине мира аудитории, так как без корректной адаптации адекватное восприятие повседневной жизни и художественных произведений иных народов будет крайне затруднено. Ведь если картины мира отличаются слишком сильно, как это, по мнению многих исследователей, происходит с европейской и азиатской культурой, непонимание может порождать конфликт культур, потенциально ведущий к военным конфликтам.

При этом нельзя не учитывать еще одну важную деталь. Люди, работающие на телевидении, сами тоже являются представителями различных субкультур и обладателями различных картин мира, которые в процессе создания передач вольно или невольно вступают между собой в конфликт, формируя в итоге особую субкультуру работников телевидения. Перед телезрителями она предстает только вершиной «айсберга» – в лице телезвезд (части элитной субкультуры «богатых и знаменитых»). Их тщательно срежиссированная публичная жизнь становится частью картины мира телезрителей, воздействует на ядро культуры общества в целом. Картины же мира продюсеров, журналистов, режиссеров, операторов оказываются «упакованными» внутрь телевизионной продукции.

Приведенный выше перечень задач, далеко не исчерпывающий, но и без того противоречивый, показывает, что телевидение не может транслировать целостную картину мира, адекватную реальности. Так же как не может этого и газетная журналистика: «Избирательное отображение реальности происходит не только

на уровне выбора темы, предмета отображения, но и на уровне отображения его сторон, о которых собирается рассказать читателям журналист»<sup>9</sup>.

На уровне одной передачи – это есть такая картина действительности, которая соответствует представлению о ней авторов программы и стоящим перед ними социальным задачам; эта картина складывается из визуальных и звуковых элементов (выразительных средств) и технологических приемов их использования, сопоставленных (смонтированных) с учетом их воздействия на аудиторию.

На уровне конкретного телеканала она соответствует программной политике канала, формирующейся в соответствии с охватом аудитории (универсальный – нишевый), приоритетными направлениями вещания, политическим заказом и личными пристрастиями телевизионного руководства.

На уровне всей совокупности телеканалов – это картина мира, создаваемая всеми телеканалами в результате коммуникационного взаимодействия субъективных картин мира отдельных людей (ведущих, экспертов, участников программ), экранных картин мира отдельных программ, совокупных картин мира телеканалов. Она представляет собой динамичную, сложноорганизованную, самоорганизующуюся систему социального знания, возникающую в массовом сознании.

Каждая отдельная телепередача и программа телеканала в целом<sup>10</sup> дополняет и обогащает картину мира зрителей, позволяет им выйти за границы своей субкультуры. Не претендуя на то, чтобы, как полноценное произведение искусства, создавать и демонстрировать зрителям целостную картину мира, телевидение в каждой передаче демонстрирует фрагменты картины мира той или иной субкультуры. По этим фрагментам трудно составить полное и адекватное представление обо всем многообразии субкультур, составляющих общество, но вполне можно делать выводы о ядре культуры. Так что в результате деятельности телевидения (как и других СМИ) создается «панорама текущей жизни общества», «образ современности в связи с ее прошлым и «намеком» на будущее»<sup>11</sup>.

Однако не все исследователи согласны с тем, что телевидение собирает предлагаемую им зрителям картину мира из фрагментов реальности. С. Холл<sup>12</sup> предполагал, что на пути от источника к получателю медиа-сообщение проходит серию трансформационных стадий. Во-первых, еще на этапе кодирования сообщение подвергается обработке «в соответствии с идеологическими целями, и,

преследуя их, (коммуникаторы. – А. Н.) манипулируют языком видеоряда так, что сообщениям придается предпочтительный смысл. Во-вторых, получатели не обязаны принимать или декодировать сообщения такими, какими они отправлены, но могут сопротивляться и сопротивляются идеологическому влиянию, применяя альтернативные или оппозиционные стратегии чтения, в соответствии со своим опытом и взглядом на вещи»<sup>13</sup>.

По мнению Дж. Фиске, «телевидение не представляет (или повторно представляет) фрагмент реальности, а скорее производит или конструирует его. Реальность не существует в объективности эмпиризма, реальность является продуктом дискурса. Телевизионная камера или микрофон не фиксируют реальность, а кодируют ее. Кодирование придает реальности смысл, который является идеологическим. Представляемое является идеологией, а не реальностью»<sup>14</sup>.

Дж. Фиске составил схему, при помощи которой телевидение «доносит» до зрителей ту или иную информацию<sup>15</sup>, используя систему знаков. Он утверждает, что обращение к зрителю происходит на трех уровнях.

Первый уровень: уровень реальности. Показываемое событие уже закодировано социальными кодами (в обстановке, внешности, поведении, речи, макияже, одежде, жестах героев).

Второй уровень: уровень репрезентации. Закодированная социальными кодами реальность дальше кодируется техническими телевизионными кодами, которые включают: свет, движение камеры, монтаж, музыку, звук, подбор актеров, диалог.

Третий уровень: уровень идеологии. Идеологические коды содержатся в самом драматическом конфликте – это те или иные национальные, классовые, гендерные отношения, консюмеризм, индивидуализм, активная жизненная позиция.

Очевидно, что по ряду параметров картины мира различных телепрограмм должны совпадать. Это связано с тем, что эти параметры обусловлены спецификой экрана и условиями телевизионного производства. В. Михалкович, исследуя феномен телевидения, отмечает, что историческое значение телевидения в том, что «оно преобразило взаимоотношения человека с реальностью»<sup>16</sup>. Одним из важнейших инструментов этого преобразования стал, на наш взгляд, специфический телевизионный монтаж. Монтажная мозаичность современных телевизионных зрелищ позволяет использовать телевидение для «разложения реальности» и сбора из осколков «виртуальных симулякров», «ложных подобий»<sup>17</sup>.

В основе телевизионной концепции пространства оказывается принцип абсолютной проницаемости пространства реального. Телевидение проникает всюду. А те места, в которые оно не может проникнуть, оказываются для телезрителя как бы несуществующими. Показ по телевидению придает действительности статус бытия<sup>18</sup>. Главным жанром, то есть способом осмотра мира, по В. Шкловскому, являлся репортаж<sup>19</sup>. Репортаж создает иллюзию освоения пространства, ощущение потока жизни. Репортаж по своей природе кинематографичен. С его помощью режиссер создает образ действительности, сходный с кинообразом. «Кинообраз – движущийся образ, отличный от движущегося образа в театре, в музыке и т. д. Специфический характер движения кинообраза проявляется в его огромной динамичности; движение как бы проникает в каждую пору, в каждую клетку художественной ткани фильма»<sup>20</sup>. Репортаж тоже динамичен, его композиция имеет свой внутренний ритм, при этом монтаж позволяет вычленивать из потока действительности отдельные фрагменты и выстроить их в таком порядке, чтобы обеспечить эффект пространственно-временного сжатия события, ускорения его течения. Это, по мнению В. Зверевой, служит «созданию нового пространства, где “подлинность”, “реальность” не существуют сами по себе: событие учреждает телекамера, а факт показа придает ему достоверность»<sup>21</sup>. Выбирая из потока информации ту, которая достойна быть показанной в телевизионных новостях, телевизионный продюсер вынужден расставлять ценностные акценты. Так, по точному наблюдению В. Зверевой, «лейтмотивом культуры новостей как части культуры потребления мог бы быть призыв любить все только что созданное»<sup>22</sup>. Регулярный просмотр теленовостей создает у зрителя ощущение, что вокруг него все время происходит что-то новое, о чем обязательно надо знать. Постоянная смена впечатлений, ощущение пульсации жизни становится для человека необходимым допингом. А временное отключение от информационного потока воспринимается как остановка жизни<sup>23</sup>. При этом собственная жизнь людей по сравнению с информационным потоком воспринимается как скучная, небогатая впечатлениями, ведь модель реальности, предлагаемая новостями, предполагает, что «каждая минута жизни должна нести с собой событие; его нужно ожидать в напряженной нетерпении»<sup>24</sup>. Реальность, демонстрируемая телевидением, оказывается неоднородной. В ней есть свои сгущения (события) и пустоты. Эти пустоты либо ликвидируются при помощи монтажа, либо заполняются с помощью многократного

возврата к событию, переосмысления его. Таким образом, в основе *концепции времени* на телевидении, по мнению М. Лукова, которое представляется нам верным, лежит не отражение реального времени, а принцип аудиовизуальной гетерохронии<sup>25</sup>, включающий акселерацию (ускорение) и ретардацию (замедление) реального временного потока.

Кроме того, одно из важнейших отличий кинофильма от телепередачи, по мнению В. Михалковича<sup>26</sup>, в том, что фильм – это островок времени, и все, что художник хочет сказать о действительности, локализовано на этом островке, то есть фильм, как любое произведение искусства, предлагает зрителю целостную картину мира. Телевизионная передача же, напротив, «знает», что она – часть целого: «Поскольку передача предназначена стоять “в ряду” других, она не стремится создать впечатление, что в ней уместилась “вся” реальность; передача усердно дает понять зрителю, что являет собой частичный взгляд на действительность – один из многих, не исчерпывающий то, что о действительности можно сказать»<sup>27</sup>. В результате в конце сеанса телесмотрения зритель получает коллаж из различных образов действительности, часть из которых к реальности имеет весьма далекое отношение.

Классифицируя телевизионный контент, французский исследователь Франсуа Жост<sup>28</sup> в качестве критерия структуризации предложил оценивать наличие в эфирном событии трех «сфер»: «сферы реального» (реальные люди в реальных обстоятельствах), «сферы фиктивного» (вымышленные персонажи в вымышленных обстоятельствах) и «сферы игрового» (реальные люди в вымышленных, искусственно созданных обстоятельствах). Каждая «сфера» расположена в вершине треугольника, который заключает в себе весь телевизионный контент. В зависимости от баланса реальности, фиктивности и игры, каждая программа занимает свое место в треугольной системе координат.

Поскольку большинство современных телевизионных программ соединяют в себе фрагменты всех трех сфер, то оно не столько отражает реальность, сколько создает экранную репрезентацию социального воображаемого тех, кто определяет телевизионный контент (социальное воображаемое – «те способы, благодаря которым они (люди. – А. Н.) представляют собственное существование в социуме, свои взаимоотношения с другими людьми, ожидания, с которыми к таким контактам обычно подходят, и глубинные нормативные идеи и образы, скрывающиеся за этими ожиданиями»<sup>29</sup>. В случае России это правящая и часть интеллектуальной элиты.



На наш взгляд, при анализе экранной картины мира, предлагаемой телевидением, перспективно использовать подходы, применяемые при анализе языковой картины мира. Ведь телевидение – это тоже определенного рода язык, с помощью которого определенная часть общества высказывает свои представления об устройстве мира. Особенно этот подход обещает быть перспективным в свете грядущего появления множества телеканалов (в частности, интернет-телеканалов, адресованных различным социальным стратам).

Примечания

- <sup>1</sup> Михалкович В.И. Очерки теории телевидения. М.: ГИИ, 1996.
- <sup>2</sup> Прожико Г.С. Концепция реальности в экранном документе: Дис. ... д-ра искусств. М., 2004. 422 с.
- <sup>3</sup> Разлогов К. Искусство экрана: от синемаатографа до Интернета. М.: РОССПЭН, 2010; Новые аудиовизуальные технологии: Учеб. пособие / Отв. ред. К.Э. Разлогов. М.: Едиториал УРСС, 2005.
- <sup>4</sup> Жидков В.С., Соколов К.Б. Искусство и общество. СПб.: Алетейя, 2005. С. 139.
- <sup>5</sup> Цветущая сложность: Разнообразие картин мира и художественных предпочтений субкультур и этносов / Ред.-сост. П.Ю. Черносвитов. СПб.: Алетейя, 2004. С. 76.
- <sup>6</sup> Мансурова В.Д. Журналистская картина мира как фактор социальной детерминации. Барнаул: Издательство Алтайского университета, 2002.
- <sup>7</sup> Там же. С. 217.
- <sup>8</sup> Там же.
- <sup>9</sup> Тертычный А. Жанры периодической печати. М.: Аспект-пресс, 2000.
- <sup>10</sup> Поскольку часть аудитории не утруждается свободным выбором передач, а привычно смотрит, например, всю вечернюю программу одного из федеральных каналов.
- <sup>11</sup> Прохоров Е.П. Введение в теорию журналистики: Учебник для студентов вузов. М.: МГУ, 2009. С. 8.
- <sup>12</sup> Hall S. Encoding, decoding in the television discourse // Culture, Media, Language / Ed. by S. Hall, D. Hobson, P. Lowe. London: Hutchinson, 1980.
- <sup>13</sup> МакКуэйл Д., Виндал С. Модель кодирования/декодирования [Электронный ресурс] // Психологическая сеть российского Интернета. URL <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/hall.htm> (дата обращения: 02.06.2011).
- <sup>14</sup> Фиске Дж. Постмодернизм и телевидение [Электронный ресурс] // Федеральный образовательный портал. Экономика. Социология. Менеджмент. URL: <http://ecsocman.edu.ru/db/sect/124/2951.html> (дата обращения: 24.03.2010).

А.А. Новикова

- 15 *Fiske J.* Television Culture. New York, 1987. Reprinted 2006. P. 84–107.
- 16 *Михалкович В.И.* Указ. соч. С. 10.
- 17 *Рюмина М.Т.* Эстетика смеха: Смех как виртуальная реальность. М.: УРСС, 2003. С. 302.
- 18 *Бурдые П.* О телевидении и журналистике. М.: Фонд «Прагматика культуры», 2002.
- 19 *Шкловский В.Б.* Тетива: О несходстве сходного. М.: Советский писатель, 1970.
- 20 *Борев Ю.* Введение в эстетику. М.: Советский художник, 1965. С. 302.
- 21 *Зверева В.* Репрезентация и реальность // Отечественные записки. 2003. № 4. С. 335–349.
- 22 Там же.
- 23 Москвичам приходилось ощущать это на себе, например, после пожара на Останкинской телебашне в 2000 г.
- 24 *Зверева В.* Указ. соч. С. 335–349.
- 25 *Луков М.В.* Телевидение: конструирование культуры повседневности: Автореф. дис. ... канд. фил. наук. М., 2006.
- 26 *Михалкович В.И.* Указ. соч.
- 27 Там же. С. 54–55.
- 28 *François J.* L'introduction à l'analyse de la television. Paris: Ellipses, 2004.
- 29 *Тейлор Ч.* Что такое социальное воображаемое? // Неприкосновенный запас. 2010. № 6. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/69/te3.html> (дата обращения: 05.04.2011).

М.М. Алиева

## ТЕЛЕКАНАЛ «РОССИЯ 24» КАК ЭТАП РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ВЕЩАНИЯ

Новые технологии качественно изменили возможности участников коммуникационного процесса. Современные новости неразрывно связаны с интернет-пространством. Статья описывает процессы, положенные в основу современной концепции новых медиа, такие как интерактивность и принадлежность новых медиаресурсов к сетевому пространству. Особое внимание уделяется активной роли новой медиааудитории в реализации данных моделей. В условиях глобализации появляется потребность не только в получении отдельно взятого информационного сообщения, но и в знании всего информационного контекста. Зритель сегодня желает иметь возможность получать отчет об интересующих его событиях в режиме онлайн. Это стало причиной создания круглосуточных информационных телеканалов. Особенности таких телеканалов посвящена данная статья.

*Ключевые слова:* СМИ, телевидение, новости, круглосуточные информационные телеканалы, Интернет, телеканал «Россия 24».

### Информационные потребности современного телезрителя

Сегодняшние темпы жизни общества таковы, что порождаемый ими информационный поток уже невозможно уместить в рамках отдельных новостных выпусков, выходящих на каждом из каналов с перерывами в несколько часов. Востребованные зрителями материалы зачастую просто вытесняются за рамки отведенного на информационные выпуски времени в силу особенностей верстки традиционных телеканалов.

М.М. Алиева

В условиях глобализации жизни общества резко возрастает спрос на информацию и появляется потребность не только в получении отдельно взятого информационного сообщения, но и в знании всего информационного контекста. Зритель сегодня выбирает не просто отдельные выпуски новостей на том или ином канале, но и желает иметь возможность получать отчет об интересующих его событиях в режиме онлайн в любую удобную для него минуту. Сегодня вряд ли можно представить себе человека, который станет ждать очередного информационного выпуска, чтобы узнать какую-либо новость. Традиционные универсальные телеканалы перестали удовлетворять потребностям наиболее продвинутой части аудитории, поскольку «жесткая» верстка вещания не позволяет сообщить о событии в тот момент, когда оно происходит. «Мы наблюдаем значительное снижение качественной аудитории во всем мире. <...> Эти люди готовы воспринимать высокого качества художественный продукт, но у них либо нет времени смотреть телевизор, либо у телевидения в группе их интересов слишком высокая конкуренция», – сказал об этом явлении генеральный директор «Первого канала» Константин Эрнст, выступая на международном телевизионном рынке MIPCOM в октябре 2011 г.<sup>1</sup> По его словам, если классическим каналам не удастся удержать значительную часть такой аудитории, телевидение останется в зоне внимания «не очень молодых, не очень образованных и не слишком обеспеченных людей». Причину таких результатов объясняют Е. Вартанова и С. Смирнов: «Разочарование образованного и обеспеченного российского зрителя в программах федеральных телеканалов, предлагающих неограниченный поток развлекательных программ, становится первой очевидной тенденцией, вызывающей опасения бурно развивающейся медиаиндустрии»<sup>2</sup>. Если экстраполировать выводы К. Эрнста на нишу информационных программ, именно это и стало причиной ухода молодой части зрителей в Интернет и появления круглосуточных информационных телеканалов, у которых была бы возможность развернутой подачи информации с максимальной скоростью в качестве ответной реакции на потребности аудитории.

#### Путь развития: Интернет

От очевидных и правильных размышлений про миф, в котором нуждаются фрагментарное восприятие и рассеянное сознание современного зрителя, К. Эрнст в своей речи на MIPCOM-2011 при-

шел к выводу, что, в конечном итоге, Интернет все же не может дать пользователю то качество, которое предоставляет телевидение: «Индивидуальный юзер способен сообщать факты, создавать любопытные тексты, выкладывать видео, но не способен создавать качественный и значимый аудиовизуальный контент, который может заинтересовать десятки и сотни миллионов людей. Подавляющая часть наиболее смотримого контента в Интернете создается классическими командами киностудий, телеканалов и производящих компаний. Это глубоко коллективный труд»<sup>3</sup>. На мой взгляд, основной ошибкой К. Эрнста, приведшей к ложному умозаключению, является мысль, что контент может существовать только в привычной форме – в его представлении это некий аудиовизуальный ряд, «упакованный» в телеформат. Для интернет-пользователей же контентом может считаться что угодно. Интернет – такой же таймкиллер, как и телевизор. И в части контента телевидение борется не со скачанным сериалом или теми же новостями, но взятыми из других источников, а с фотоальбомами в социальных сетях и всевозможными блогами. Например, сервис микроблогов Twitter уже зарекомендовал себя как источник информации во время беспорядков в августе 2011 г. в Великобритании. Участники уличных акций не только узнавали последние новости, но и координировали свои действия путем обмена записями в микроблогах, зарегистрированных на этом сервисе.

«Медиаэкономисты уже в 1950-х гг. пришли к выводу: главный ресурс, которым аудитория расплачивается за СМИ в процессе их потребления, – это ее время. <...> Важнейшей особенностью взаимодействия аудитории и СМИ является тот факт, что большая часть медиасодержания потребляется аудиторией в часы досуга»<sup>4</sup>, – пишут Е. Вартанова и С. Смирнов. Пользователь тратит свое время на то, что ему интересно, и это не всегда вписывается в какой-то формат. Что касается источников информации, разнообразие выбора российской аудитории СМИ растет. Россияне все активнее используют сразу несколько средств массовой информации.

### Конкуренты Интернета

«Несладко приходится телевидению широкой направленности (универсальным каналам), которое постепенно уступает место нишевым, узким, специализированным, преимущественно кабельным каналам. Это связано с тем, что постепенно индивидуальная

активная интернет-модель потребления вытесняет модель “пассивного просмотра”»<sup>5</sup>, – считает И. Кирия. По его мнению, зритель становится пользователем, который больше ориентируется в информации и все больше знает, что он хочет. Аудитория все чаще ориентируется на те виды СМИ, которые дают ей четкое представление о собственной тематической направленности и возможность выбрать, и все меньше – на те, суть полезности которых ей непонятна. Однако не все нишевые каналы могут удовлетворить потребность в формировании картины мира и повестки дня. Благодаря универсальным телеканалам в сознании зрителя программируются и формируются модели социального поведения, что и становится решающим фактором для самоопределения.

Федеральные телеканалы отличаются от своих собратьев и других средств массовой информации охватом и популярностью, а также объемом потенциальной аудитории и влиянием. «Телевидение пока остается главным источником информации по всем сферам жизни, причем любого масштаба. <...> Трудно сказать, какое время понадобится для того, чтобы Интернет занял нынешнее место телевидения в массовом потреблении массовой же информации»<sup>6</sup>, – утверждает И. Фомичева. Сегодня падает потребление печатных СМИ, радио и телевидения широкой направленности и растет доля потребления интернет-СМИ, мобильных сервисов и кабельного телевидения. Как показывают последние данные медиаизмерителей, россияне, у которых есть доступ в Интернет, смотрят телевидение в среднем на полчаса в день меньше, чем те, кто не пользуется Сетью (TNS TV Index, февраль 2009). Согласно исследованию группы «ЦИРКОН», проведенному в IV квартале 2009 г. по заказу Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, самым популярным СМИ в стране является телевидение. «Лишь один человек из ста заявил, что вообще не смотрит телевизор, в то время как 85% смотрят его каждый или почти каждый день. Около 60% россиян смотрят телевизор, чтобы быть в курсе событий и расслабиться, 8% – по привычке, 16% – от скуки, а 13% включают его “для фона”»<sup>7</sup>. При этом ради конкретной программы, то есть осознанно, телевизор включает менее трети россиян.

Среди прогрессивной части аудитории стало модно вообще не иметь дома телевизор. Однако при этом нельзя говорить о враждебной настроенности пользователей сети Интернет по отношению к контенту и политике федеральных каналов как о причине увеличения среднего возраста аудитории телевидения и сниже-

нии интереса к нему со стороны молодежи. По данным аналитической компании TNS, которая проводит ежемесячный мониторинг более 300 проектов Сети, сайт «Вести.Ru», входящий в государственный холдинг ВГТРК, с марта 2009 по март 2010 г. продемонстрировал рост ежедневной аудитории на 223%. Таким образом, он стал лидером по этому показателю среди 15 наиболее посещаемых сайтов российского сектора Интернета. Вероятно, эти цифры можно объяснить тем, что зрителю легче доверять проверенному поставщику новостей, поскольку удостоверение в истинности на основе кругового поручительства не набрало достаточную силу – пользователь не до конца верит непроверенной информации, полученной из социальных сетей.

#### Концептуальные подходы иностранных круглосуточных каналов новостей

Специфика вещания новостных телеканалов заключается в подаче новостей 24 часа в сутки, 7 дней в неделю, круглый год. Это позволяет освещать события, которые редко попадают в эфир традиционных каналов. Феномен прямого новостного вещания заключается в одновременности реального события и восприятия его зрителями, что значительно усиливает воздействие телевизионных образов на аудиторию.

Для определения базовых принципов построения и функционирования круглосуточных информационных каналов был исследован мировой опыт информационного вещания. Были рассмотрены наиболее успешные глобальные телесети новостей: CNN International, BBC World и Euronews.

Пионером круглосуточного информационного вещания стала телекомпания CNN (Cable News Network – дословно «кабельная сеть новостей»), основанная в 1980 г. Тедом Тернером. Основными принципами работы CNN являются круглосуточное вещание, построение эфира на основе 15-минутных новостных блоков, эксклюзивное освещение важных событий, проведение телемостов между международными информационными центрами.

На канале CNN гибкая верстка: в случае возникновения новостного события программы прерываются и на первый план выходят экстренные выпуски новостей. Концепция непрерывной информации, впервые примененная на CNN, заключается в трансляции в режиме реального времени изображения с места события, чтобы зрители могли почувствовать происходящее и испытать

М.М. Алиева

ощущение личного присутствия. Мгновенная передача информации подразумевает исключение фальсификаций.

Принцип вещания CNN стал образцом для ее последователей: международные новости круглые сутки в режиме реального времени с максимальным включением репортажей с места событий.

Второй крупнейшей информационной сетью в мире является BBC World News.

По сути BBC World News – это дайджест новостных программ, которые производит штат международной телеслужбы, а также ресурсы BBC News и программы, транслирующиеся на общественных каналах BBC. Информационный телеканал полностью соблюдает стандарты Британской вещательной корпорации. Один из основных критериев вещания BBC World News – отделение фактов от комментариев: «Факты священны, комментарий волен»<sup>8</sup>. Новостные репортажи выстроены таким образом, чтобы аудитория сама смогла сделать выводы из полученной информации. Все суждения репортеров должны исходить исключительно из фактического материала.

Для стиля работы BBC характерна также ставка на аналитические программы, которые являются визитной карточкой BBC: в студию приглашаются всевозможные эксперты, политики, дипломаты, проводятся телемосты.

Вслед за BBC World в 1993 г. на международном рынке информации появилась телесеть новостей Euronews, которую часто называют «аналогом» CNN. Однако это не совсем верно, так как у этого телеканала иной формат: круглосуточное вещание Euronews ведется из французского Лиона с идентичным видеорядом для всех стран вещания, но на разных языках (английском, арабском, итальянском, испанском, немецком, португальском, русском и французском). Euronews позиционирует себя как единственный телеканал, освещающий мировые события с «европейской точки зрения».

Многоязычность вещания – важнейшее преимущество Euronews в центрально- и восточноевропейском регионе, где, по данным EMS<sup>9</sup>, 54% деловых и политических лидеров не владеют английским языком на достаточном для просмотра англоязычных телеканалов уровне. С осени 2001 г. Euronews является единственным международным информационным телеканалом, вещающим в российском эфирном диапазоне, фактически не сталкиваясь на территории России и других стран СНГ с конкуренцией других международных информационных вещателей.



Телеканал «Россия 24» как этап развития информационного вещания

Подводя итог в исследовании глобального новостного телевидения, можно сделать несколько выводов. Первый: возникновению специализированных каналов способствовало разделение телевидения на тематические ниши. Второй: со временем появились и целые глобальные телесети новостей – телеканалы круглосуточного вещания на крупные регионы мира, специализирующиеся на подаче важнейшей информации о событиях на планете в режиме реального времени. Лидером глобального новостного вещания на сегодняшний день остается телекомпания CNN. Третий: в последние годы, с ускорением темпов жизни общества, круглосуточные информационные телеканалы стали работать в режиме информационных агентств (помимо вещания в прямом эфире на экраны выводится дополнительная информация в виде бегущей строки новостей, показателей фондовых бирж в реальном времени).

#### Российский опыт специализированного информационного вещания (РИК «Россия 24»)

В последние годы на отечественном телевидении также остро обозначилась потребность в круглосуточном источнике информации. Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная Компания среагировала на нее быстрее всех. Ресурсы ВГТРК позволили организовать круглосуточную передачу оперативно обновляемого информационного блока в эфир с минимальными производственными затратами при высоком профессиональном качестве материалов. Так 1 июля 2006 г. появился Российский круглосуточный информационный телеканал «Россия 24».

РИК «Россия 24» – телеканал федерального значения, который нацелен на круглосуточное оперативное информирование аудитории о самых главных событиях, происходящих в России и за ее пределами.

По словам руководителя телеканала «Россия 24» Д. Медникова, девиз Российского информационного канала «Россия 24» звучит так: «Профессионально, доступно, оперативно», а основная задача РИК – показать, «как живет страна от Калининграда до Владивостока», показать России Россию. А сверхзадача – «объединить всю страну, чтобы российские зрители могли посмотреть новости Чеченской республики, новости Урала, и других регионов и понять, что все они граждане одной страны»<sup>10</sup>. Таким образом, РИК «Россия 24» поставил перед собой задачу удовлетворить потребность зрителя в общенациональном телевидении. Для этого

М.М. Алиева

была создана система включений в эфир канала «Россия 24» программ региональных ГТРК и отдельных материалов региональных корреспондентов. Впервые у российских телезрителей появилась возможность увидеть выпуски региональных новостей в том же виде и с теми же ведущими, как они выходят для местной аудитории. Это нововведение является главной отличительной чертой канала «Россия 24». Расширенная корреспондентская сеть холдинга ВГТРК позволяет оперативно получать информацию из 92 филиалов. Чтобы узнать о событиях, освещаемых региональными корреспондентами, интернет-пользователю, не желающему смотреть телевизор, придется искать эту информацию на местных сайтах, поскольку ни один из новостных сетевых ресурсов не обладает достаточно широкой сетью корпунктов, чтобы регулярно освещать жизнь в регионах. Как правило, региональные новости попадают в сводки только в случае ЧП или визитов первых лиц государства.

Главное преимущество информационного канала перед выпусками новостей на других телеканалах состоит в том, что в первом случае можно сообщить о важном событии в тот момент, когда оно происходит или только что произошло, а во втором – только когда в эфир выйдет новостная передача. Новостные телеканалы придерживаются подвижной верстки: в случае появления экстренных новостей о них рассказывают, не дожидаясь очередного выпуска. «Гибкая» верстка позволяет быстро перестраиваться во время эфира, следить за новостями в развитии и моментально выдавать самую последнюю информацию.

РИК «Россия 24», как и другие глобальные информационные каналы, может прервать любую программу, чтобы выпустить в эфир экстренный выпуск новостей. Только круглосуточные информационные каналы имеют возможность так распоряжаться своим эфирным временем в зависимости от важности происходящих событий.

В качестве примера можно привести освещение терактов, произошедших в марте 2010 г. в московском метро, на отечественных телеканалах. Первый взрыв на станции метро «Лубянка» прогремел в 7:55. Телеканал «Россия 24», в отличие от традиционных федеральных каналов и всех других СМИ, начал сообщать о взрывах в московском метрополитене практически мгновенно, перестроив сетку вещания так, чтобы уделять как можно больше времени главной новости 29 марта.

Сообщения по лентам информагентств пошли 20 минут спустя. К 8:30 информация о взрыве появилась на новостных сайтах

и в эфире некоторых радиостанций. Однако москвичи, которые по утрам смотрят телевизор, а не читают Интернет, оставались в неведении.

Менять сетку вещания и вводить экстренные выпуски новостей центральные телеканалы не стали, за исключением ТВЦ, но и там это сделали лишь к середине дня. Первые сообщения о теракте появились лишь в плановых выпусках новостей: на НТВ в 10 утра, на ТВЦ – в 10:30. На «Первом канале» про взрыв на Лубянке упомянули в 8:30, однако специальный выпуск новостей дали в эфир лишь в 14 часов вместо передачи «Другие новости». Дожидались планового выпуска новостей и на телеканале РЕН ТВ. Кроме того, 29 марта федеральные каналы фактически не изменили сетку вещания, оставив в эфире развлекательные программы и шоу.

По словам руководителя телеканала «Россия 24», такая задержка объясняется спецификой вещания федеральных телеканалов: «Эфир канала “Россия 1” технически очень сложен. Своя версия канала выходит для каждого региона России с местными новостями в местное время. Перестройка этого механизма чрезвычайно трудна». Также Д. Медников отметил в интервью «Известиям», что на федеральных каналах информационные выпуски строятся по принципу журнала, подводящего итоги каких-либо событий: «Это не режим онлайн, как на специализированном канале»<sup>11</sup>.

Создание первого круглосуточного информационного канала в России является следствием наметившейся в последние годы общемировой тенденции создания новых СМИ. В рамках этого процесса у отечественной аудитории назрела потребность в общенациональном по своему контенту канале, рассказывающем россиянам о жизни России.

Концептуальную задачу своей деятельности РИК «Россия 24» сформулировал следующим образом: выделить актуальные и интересные новости, а также определить основные тенденции развития страны. Создатели РИК поставили перед каналом сверхзадачу объединить всю страну, чтобы российские зрители могли понять, что все они граждане одной страны. Таким образом, РИК «Россия 24» поставил перед собой задачу сохранить, укрепить и развить общенациональное информационное пространство, удовлетворить потребность зрителя в общенациональном телевидении.

- <sup>1</sup> Цит. по: «Когда говорят, что интернет убьет телевидение, это глупость». Константин Эрнст о будущем телевизионной индустрии // Еженедельная общенациональная деловая газета «Коммерсантъ», электронная версия. [М., 2011]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1793394> (дата обращения: 19.12.2011).
- <sup>2</sup> *Вартанова Е., Смирнов С.* СМИ России как индустрия развлечений // *СМИ в меняющейся России: Коллективная монография / Под ред. проф. Е.Л. Вартановой.* М.: Аспект Пресс, 2010. С. 123.
- <sup>3</sup> «Когда говорят, что интернет убьет телевидение, это глупость». Константин Эрнст о будущем телевизионной индустрии.
- <sup>4</sup> *Вартанова Е., Смирнов С.* Указ. соч. С. 112.
- <sup>5</sup> *Кирия И.* Мультимедия и основные принципы новостей // *Журналистика и конвергенция: почему и как традиционные СМИ превращаются в мультимедийные / Под ред. А.Г. Качкаевой.* М.: Фокус-медиа, 2010. С. 36.
- <sup>6</sup> *Фомичева И.* Российская аудитория СМИ: поведение на фоне глобальных тенденций // *СМИ в меняющейся России: Коллективная монография.* С. 164.
- <sup>7</sup> Российский рынок периодической печати. Состояние, тенденции и перспективы развития. Отраслевой доклад // Сайт Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям. [М., 2010]. URL: [http://www.gipp.ru/zip/32374\\_doflad\\_farnc2010.pdf](http://www.gipp.ru/zip/32374_doflad_farnc2010.pdf) (дата обращения: 19.12.2011).
- <sup>8</sup> Руководство для создателей передач ВВС. М.: ИПК для работников телевидения и радиовещания, 1997. С. 15.
- <sup>9</sup> Источник: The European Media and Marketing Survey. EMS Summer 2007 // Professional content sharing platform SlideShare [San Francisco, 2008]. URL: <http://www.slideshare.net/guest3bd2a12/the-european-media-and-marketing-survey-presentation> (дата обращения: 19.12.2011).
- <sup>10</sup> *Медников Д.Ю.* Работаем на целевую аудиторию // *Журналист.* 2007. № 10. С. 48.
- <sup>11</sup> Руководитель канала «Россия 24» оправдал нерасторопность ТВ в день терактов // сетевое агентство Lenta.ru. [М., 2010]. URL: <http://www.lenta.ru/news/2010/04/02/excuse/> (дата обращения: 19.12.2011).

Л.В. Хочунская

## СОВРЕМЕННЫЙ МЕДИЙНЫЙ ОБРАЗ КАК АРХЕТИП

В статье рассматриваются актуальные проблемы журналистского творчества, связанные с архетипической детерминацией медиатекста. Выдвигается гипотеза, что медиаобраз современного мира строится на архетипических ценностях субъекта информационной деятельности и потребителя информации. В центре этого процесса – диалог архетипов создателя и потребителя информации (в известной мере также являющегося ее творцом).

В статье анализируется медиаобраз Ивана Охлобыстина как знаковой фигуры в рассматриваемом контексте.

*Ключевые слова:* медиатекст, медиаобраз, архетипическая детерминация, диалог, Иван Охлобыстин, автор, аудитория.

Проблема и механизм реализации журналистом в тексте новых, дополнительных смыслов давно привлекает внимание современных ученых, занимающихся психологией журналистского творчества. Наиболее фундаментальным исследованием в этой области является работа Д. Рашкоффа «Медиавирус»<sup>1</sup>.

Опираясь на логику Д. Рашкоффа в исследовании детерминации журналистского творчества, можно говорить в этом контексте о специфическом механизме реализации архетипического содержания в инфосфере.

Феномен архетипа также представляет для нас интерес в разрезе автор–текст–автор. Это позволяет акцентировать внимание на психологических особенностях творческого состояния автора в процессе создания текста (наполнения структуры архетипа

уникальным содержанием). И, что не менее важно, совершить попытку анализа обратного воздействия создаваемого и созданного текста на автора в самой динамике творческого процесса.

Реализация, проявление архетипа в процессе взаимодействия основных элементов творческого коммуникационного акта имеет несколько важных аспектов и этапов. Главный этап – это осознание автором потребности или внутренней необходимости осуществления личностного архетипического монолога посредством творческого акта. Перефразировав известное «устаи младенца глаголет истина», можно утверждать также, что устаи журналиста глаголет архетип.

Разумеется, это утверждение в той или иной мере применимо к любому человеку, но журналист по своему творческому, профессионально запрограммированному восприятию ощущает актуальную социальную потребность и неизбежно интериоризирует эту потребность во внутреннюю психическую структуру собственной личности (второй важный этап), чтобы затем реализовать ее в тексте (третий этап). И этот (свой–чужой) монолог архетипа он адресует аудитории, чтобы в процессе коммуникации с адресатом монолог обрел диалогическую форму. Так происходит экстраполяция архетипа в сознание аудитории.

В актуализировавшемся поиске наиболее эффективных средств воздействия (и защиты) субъектов информационного взаимодействия анализ данного предметного поля в контексте архетипов может привести к интересным и, возможно, неожиданным результатам.

Анализ любого текста в ракурсе архетипического видения и архетипической ориентации позволяет наполнить каждый его фрагмент исключительной силой воздействия. Анализ информационного послания в контексте архетипа, установка на архетип, кодирование и декодирование текста с помощью архетипического контекста позволяют исследователю открыть, изучить и использовать глубинные механизмы человеческого прасознания. В этих глубинах хранится переданная нам генетическим путем структура внутреннего мира наших предков, то коллективное бессознательное, что определяло их ценности, страхи, диктовало логику поведения и формировало то, что сегодня мы называем ментальностью.

Павел Флоренский писал: «Вся теория познания, в конечном счете, есть теория памяти. <...> Память есть деятельность мыслительного усвоения, т. е. творческое воссоздание из представлений, – того, что открывается мистическим опытом в Вечности,

или, иначе говоря, создание во Времени символов Вечности. Мы “помним” вовсе не психологические элементы, а мистические, ибо психологические потому-то и психологичны, что во Времени происходят и со Временем безвозвратно утекают»<sup>2</sup>.

Таковыми символами вечности являются и архетипы, существующие и реализующиеся как информационные знаки, ячейки знания не только прошлого, но также настоящего и будущего.

Влияние архетипических ценностей в любом обществе огромно, и последствия его переоценить трудно, так как оно осуществляется на индивидуальном и массовом уровне одновременно и может иметь разнонаправленные векторы. Использование этого влияния в контексте деятельности СМИ может быть достаточно эффективным.

Именно при помощи архетипов журналистика может формировать картину мира, медиаобраз, а следовательно, и мировоззрение.

Архетипическая ориентация у журналиста присутствует на бессознательном уровне (мы называем иногда это интуицией) и реализуется в тексте независимо от того, знаком ли журналист с работами К.Г. Юнга, принимает или отрицает его концепцию. Примечательно в этом контексте то, что сам журналист, независимо от своей профессиональной реализации, является, несомненно, таким же носителем архетипов, как и его потенциальный респондент.

Применительно к архетипическому контексту мы можем говорить о влиянии архетипических установок на создание определенной картины мира посредством медийного образа.

Мы можем также ставить вопрос о динамичности архетипического содержания и о его бинарности, детерминированной спецификой авторской системы ценностей и системы ценностей аудитории в лице индивидуального потребителя информации. Более того, данное утверждение справедливо и для информационного взаимодействия на уровне «средство массовой информации – индивид».

Можно выдвинуть гипотезу, что медиаобраз современного мира строится и зиждется на архетипических ценностях субъекта информационной деятельности и потребителя информации. В центре этого процесса – диалог архетипов создателя и потребителя информации (в известной мере также являющегося ее творцом).

Необходимо акцентировать в этой связи значение архетипа как спасительной ценности, некоего априорного знания, которое

Л.В. Хочунская

помогает в критические моменты жизни отдельного человека или общества сохранить его психическую целостность. Наблюдая и страшась проявления архетипов темной, негативной направленности, индивид и общество взывают к архетипу света. Более того, в сложные моменты социального, политического или экономического состояния общества СМИ и сам социум как бы выдвигает приоритетные архетипы – ценности, к которым апеллируют все участники информационного взаимодействия.

Если акцентировать тезис о том, что каждое время вызывает появление своих архетипов, то его можно проиллюстрировать ситуацией с современными «лидерами мнений», которые представляют и тиражируют средства массовой коммуникации.

Сегодняшний «герой», или, используя современную терминологию, «лидер мнений», имеет иной социальный статус в сравнении с «героями» девяностых. Как правило, это певец, актер, представитель шоу-бизнеса или популярный политик. Масс-медиа как «зеркало» общественных ценностей и как конструктор «зазеркальной реальности» демонстрируют аудитории разные образцы ценностных ориентиров молодого поколения. Эти тенденции обнаруживают и подтверждают также социологические исследования (О.А. Кармадонова<sup>3</sup> и Л.Б. Зубановой<sup>4</sup>).

В качестве примера интересно проанализировать одну из современных медиаперсон – Ивана Охлобыстина. Байкер, пиарщик и при этом – отец шестерых детей, кинорежиссер, сценарист, автор книг и священнослужитель. Это – реальный, живой образ архетипической наполненности. Его лицо практически не сходит с экрана телевизора и со страниц газет. К его сорокалетию в июле – августе 2011 г. интервью с ним только «МК» и «Комсомолка» публиковали практически каждую неделю.

Мы намеренно приводим полностью его интервью<sup>5</sup>, опубликованное в «Комсомольской правде», чтобы проиллюстрировать архетипическое содержание медиаобраза.

Писатель, актер, сценарист, режиссер, журналист, пиарщик, священник, байкер и, конечно, отец шестерых детей. Это все – Иван Охлобыстин, отметивший недавно свое 45-летие. Перед празднованием именинник заглянул на радио «Комсомольская правда».

– Во-первых, позвольте вас поздравить с кризисом ли среднего возраста, или с тем, что вы благополучно его уже избежали, или еще до него не дотянулись. 45 – это все-таки как раз то, о чем вы в свое время сценарий писали.



– Спасибо. Мне в этом году выдадут последний паспорт (паспорт, выданный в 45 лет, больше не меняется. – *Прим. ред.*). Он в народе называется «гробовой». Мне ребята заказали на день рождения черную обложку, мрачную, серебрянкой – «Гробовой паспорт».

– Черный юмор.

– Почему? У нас в семье любимый фильм – мы смотрим с детьми – «Семейка Аддамс». Это очень стабилизирует психику. Нужно правильно относиться к некоторым вещам.

– Все-таки тот самый кризис среднего возраста, о котором вы писали, это совпало с тем, как вы себе это представляли?

– В определенной степени – да. Был период безумия неопределенности, у меня довольно кратковременный. Какого-то непонимания, в каком мире находишься, куда нужно идти. У всех это бывает. Я так понимаю, что это связано с какими-то химическими перестройками внутри мужского и женского организмов. И как это должно выражаться, не знаю. Это могут сказать люди, которые ведут очень здоровый, размеренный образ жизни и детально наблюдают за собой со стороны. А я непрерывно на какой-то работе. Как на войне насморком никто не болеет, вот я тоже не знаю.

– Где вы черпаете вдохновение? У вас такой искрометный юмор – взять хотя бы «ДМБ», «Даун Хаус»...

– Удивительное дело. Я поймал себя на мысли, что, перечитывая старые сценарии или пересматривая тот же самый «ДМБ», хохочу. А это несвойственно авторам. Вообще авторы не должны смеяться над своим текстом. Но это реально смешно. Я начинаю все более и более склоняться к тому, что мы находимся под влиянием какого-то массового бессознательного. Мне кажется, что все лучшее, что мы делаем, делаем все-таки не мы. Потому что я себя заставляю писать. И где-то на странице третьей-четвертой у меня идет челлинг (телепатическое общение с высшими или потусторонними силами. – *Прим. ред.*). Проходит время, и ты понимаешь, что это смешно. Смотрю – хохочу. Не помню половину. Почему это появилось? Вообще юмор – вещь мистическая. Он не имеет оснований в логике. Так же, как и мудрая какая-то мысль. Она возникает сама по себе, как конструкция.

– У вас шестеро детей. Это тоже вызывает большое уважение. Как жена вас поддерживает и вдохновляет?

– Я реалист. Я понимаю, что делает Ксюха. Она учит с детьми уроки, готовит, встречает, провожает, следит за тем, чтобы они периодически посещали церковь. А следовательно, делает их внутренне очень стабильными. Она занимается хозяйством. Мы с ней сидим на кухне, шутим. Говорю: «Брошу я тебя, Оксанка, пиар сделаю!» Потом подумую: нет,

Л.В. Хочунская

десять человек надо нанимать со стороны. Уборка, преподаватели, туда-сюда. Она все это одна делает, причем делает с удовольствием. Ее можно назвать самкой в самом лучшем смысле. Хотя самка, как правило, уничтожительно звучит. В данном случае это королева-мать из фильма «Чужие». Непобедимая вещь, неукротимая ярость, атомная энергия. Я служу ей как самец, но тоже не уничтожительно. Я должен работать на выводок, на потомство. И поэтому когда мы ссоримся, ругаемся, бывает, кажется, непримиримо, но все равно в итоге понимаем: куда мы денемся. Во-первых, шестеро детей. Во-вторых, я без Оксанки уже не могу, она моя совесть, я ее грех.

– Мадонна, оказавшись в положении мамы, пыталась выкупить и уничтожить некоторые записи, где она вела себя неподобающим образом. Сейчас появляется то, что было снято в лихие 90-е. И в одной из таких картин Оксана и предстает в не лучшем виде.

– «Авария – дочь мента»?

– «Секс и перестройка».

– Она не снималась там\*. И она обижается, когда ей об этом говорят. Но по большому счету наплевать. Я ей говорю: «Ксюха, представь, тебе 38 лет, а тебя до сих пор обсуждают в Интернете! Что тебе не нравится?» Пытаюсь ее успокоить. Хотя, конечно, это для нее оскорбительно. Плохо, что у нас нет этики, какой-то внутренней границы, на чем можно паразитировать, а на чем нельзя. Она добрая, мужественная женщина, воспитывающая шестерых детей и шизофреника мужа содержащая...

– Не такой муж бедный. Вернулся и в кинематограф, и в сериалы. Пытается копеечку в семейный бюджет принести.

– Денег никогда много не было. Потому что как только ты отдаешь сам долги, ты тут же вступаешь во взаимоотношения с другой стороны. Это как текучка. А дети особо не жируют...

Это интервью интересно постоянным присутствием и проявлением сразу нескольких архетипов, попеременно появляющихся и сменяющих друг друга как фигурки на карусели. И все они – Шут, Играющее Дитя, Старец, Тень – образы одного человека: Ивана Охлобыстина.

Охлобыстин вообще фигура знаковая для нашего времени. Если вспомнить, какое сакральное значение философы видели в имени, а фамилия – это то же имя, то Охлобыстин – по звучанию, по сочетанию букв и звуков – уже архетип.

В интервью «Комсомолке» он сам позиционирует себя противоречиво. Он, Иван Охлобыстин, сам – галерея образов. Лет двадцать назад, когда он только появился на телеэкране, это был муж-

чина-мальчик с невыразительными, «немедийными» внешностью и голосом, но с энергетической наполненностью, харизматичный мальчик-клоун, мальчик-паяц. Собственно, это осталось в нем и до сих пор. Но за прошедшие годы у него появилась своя заметная и вполне медийная жизненная история. Мальчик снимался в кино, выступал как байкер, паясничал в телеэкране и... стал священником и отцом шести детей. Вот такой архетипический «перевертыш». И все это время публика (аудитория) его слушает.

В архетипической интерпретации – это смена образов. Мальчик-Мудрец (Старик-Отец). Он и картавит, как ребенок, но когда он в сутане, дефекты дикции незаметны. От него ждут и получают и слово, и словцо, и Слово – кто на что настроился. Но главная информация в нем самом – та информация, которую читает наше подсознание и которая оказывает существенное влияние на наши мысли и поступки. И он всегда неоднозначен: из-под клоунского кафтана видна ряса, а под рясой вдруг становится заметным клоунский кафтан. А этот образ, конечно, не для служителя церкви, вот и приостановилась карьера. Сам Иван считает, что это временно, ситуативно. Карьера артиста ему сейчас важнее, чтобы прокормить детей. И в этом тоже есть некая знаковая детерминированность и последовательность реальных жизненных и сакральных смыслов в его истории.

В интервью «Комсомолке» он опять Шут («Говорю жене – брошу тебя, пиар сделаю»), и Мудрец («Я начинаю все более и более склоняться к тому, что мы находимся под влиянием какого-то массового бессознательного. Мне кажется, что все лучшее, что мы делаем, делаем все-таки не мы»), и архетипический образ Тени («гробовой паспорт», «любимый фильм» – «Семейка Аддамсов»). Важным в контексте исследования ценностных доминант является несомненный приоритет семьи. В образе Шута Охлобыстин еще может отозваться о жене со смешком. Но в образе Отца (и Героя) говорит о матери своих детей серьезно. «Во-первых, шестеро детей. Во-вторых, я без Оксанки уже не могу, она моя совесть, я ее грех». В этом «совесть–грех» тоже архетипический след, тождество и противоречие парных архетипов. Примечательно, что о детях, о совести и грехе наш герой говорит в одной эмоционально-смысловой совокупной связке. Это значит, он подразумевает существование двух «Я» в одном, но более широком пространственном и личностном существовании – в семье.

Нужно отметить, что семья входит в список приоритетных ценностей и других современных лидеров мнений.

Мы так подробно остановились на личности Ивана Охлобыстина потому, что он сегодня – один из самых популярных лидеров мнений. Он востребован публикой и аудиторией, как востребованы бываю́т в определенную историческую эпоху определенные архетипы.

Отличительной особенностью современной формы презентации лидеров мнений является то, что в медийном пространстве они представлены, в основном, жанром интервью. И это соответствует самой сущности ценности – ее бинарному характеру, скрытой в ней диалогичности.

Но есть еще и другая причина выбора журналистами этой жанровой формы. О современных «лидерах» трудно писать, потому что сегодня журналист потерял преимущественное право первой «трактовки героя», в отличие, скажем, от семидесятых и даже девяностых лет прошлого столетия. Сегодняшние герои (шоумены и шоувумены), прежде чем обрести статус «лидера мнений», постепенно, входя с помощью телевидения в наши дома и квартиры, стали почти членами семьи каждого телезрителя. И уже телезритель пользуется правом «первой версии». Это в прошлом веке журналист открывал героя дней, как астроном открывал звезду. Сегодняшним журналистам приходится довольствоваться ролью «второго плана» – жанром интервью. Однако это с точки зрения соответствия истине не так уж и плохо. О ком-то из «лидеров мнения» нечего сказать, так как в личностном плане они ничего интересного не представляют. (В памяти у некоторых телезрителей осталась передача «На ночь глядя», в которой Б. Берман и Э. Жиндарев беседовали с Ларисой Долиной, от которой так и не смогли добиться какого-либо мнения по поводу проблем современной эстрады; певица оживилась лишь тогда, когда у нее спросили о ее новом концертном платье.) А о ком-то из современных лидеров просто трудно писать. Потому что лучшее в них могут раскрыть лишь они сами. Лишь они могут сказать и высказать себя. Дж. Шоттер, обращаясь к диалогической концепции, сформулированной М.М. Бахтиным, отмечает: «Поскольку человек никогда не может в полной мере оказаться на месте другого (не потеряв при этом своего собственного), двое собеседников никогда не могут вполне понять друг друга; они лишь частично оказываются удовлетворены взаимными репликами»<sup>6</sup>.

Вот почему здесь не нужны комментарии журналистов. Кроме того, образ героя зачастую бывает неуловим. Ведь он, ведя диалог с журналистом, одновременно ведет и диалог с самим собою, оце-

нивает свое высказывание, дает комментарии к нему, предполагая реакцию аудитории. И в соответствии с этим комментарием тут же меняет образ, как в зеркало глядясь в свое высказывание, корректируя увиденный свой образ, примеряя новый на глазах собеседника. И в этом процессе тоже есть архетипический след.

«Что-то весьма своеобразное происходит внутри медиа – что-то, что заставляет задуматься не над самими событиями, получающими освещение, а над природой наших культурных запросов и теми способами, какими мы эти запросы удовлетворяем. Сам способ, которым медиа находят свои сюжеты, производят их, вновь поглощают, вновь переваривают и выплевывают обратно, является определенным посланием <...> Это – сложная, но, при определенных условиях, эффективная форма массового катарсиса и самонаблюдения, с помощью которого наше общество контролирует и изменяет себя»<sup>7</sup>. Послание, о котором пишет Д. Рашкофф, наполнено архетипическим содержанием.

Главное в этом контексте – понять, как воздействуют архетипы на профессиональное поведение журналиста в процессе решения творческой задачи. Каков механизм архетипической детерминации, начиная с определения темы, источника информации, аспекта рассматриваемой проблемы, выбора выразительных средств, интонации, оценки отраженного в тексте фрагмента действительности. Все это требует дальнейшего глубокого системного анализа и осмысления.

#### Примечания

- <sup>1</sup> *Рашкофф Д.* Медиавирус: Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание / Пер. с англ. Д. Борисова. М.: Ультра Культура, 2003. URL: [http://modernlib.ru/books/rashkoff\\_duglas/mediavirus/read\\_2/](http://modernlib.ru/books/rashkoff_duglas/mediavirus/read_2/) (дата обращения: 11.11.2011).
- <sup>2</sup> *Флоренский П.А.* Столп и утверждение истины. М.: АСТ, 2007. С. 201.
- <sup>3</sup> *Кармадонов О.А.* Престиж и пафос как жизненные стратегии социоэкономической группы (анализ СМИ) // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 66–72.
- <sup>4</sup> *Зубанова Л.Б.* Действительность в суждениях медийных лидеров мнений // Социологические исследования. 2009. № 10. С. 109–119.
- <sup>5</sup> Комсомольская правда. 2011. 4 авг.
- <sup>6</sup> *Шоттер Д.* М.М. Бахтин и Л.С. Выготский: Интериоризация как «феномен границы» // Вопросы психологии. 1996. № 6. С. 107.
- <sup>7</sup> *Рашкофф Д.* Указ. соч.

### НАУКА «С ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ЛИЦОМ» (ОБ АНТРОПОЦЕНТРИЗМЕ В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ МЕДИАТЕКСТЕ)

В работе исследуются речевые способы «очеловечивания» научно-популярного текста на примере материалов журнала «Знание – сила» 1960, 1980 и 2010–2011 гг. Автором выявлены синтаксические, лексические и стилистические приемы, благодаря которым в текст вводятся сведения о субъектах науки (ученых). Проводится анализ характера использования данных средств выразительности в указанные периоды истории журнала.

*Ключевые слова:* стилистика текста, научно-популярный стиль, антропоцентризм, гуманитаризация, экспрессивность.

Научно-популярный текст в средствах массовой информации, как правило, имеет своей целью не только познакомить читателя-неспециалиста с тем или иным событием в мире науки, но и сформировать определенный эмоциональный образ научной деятельности. Иными словами, наряду с информационной функцией этот текст выполняет также функцию идеологическую. В советской традиции последняя реализовывалась в основном в рамках пропаганды достижений коммунистического общества в противовес «пагубным тенденциям» в аналогичных сферах знания на Западе. В современной ситуации идеологическая компонента научно-популярного текста определяется установкой на создание комплексного позитивного образа науки как сферы деятельности. И здесь ключевая роль может отводиться «очеловечиванию» науки.

В работах по истории науки принято связывать тенденцию к усилению личностного начала в научном тексте с переходом

во второй половине XX в. к новым, более субъективным моделям познания и изложения. Повышенное внимание к субъекту научного дискурса (ученому, автору) позволило исследователям провозгласить тенденцию к общей гуманизации и гуманитаризации науки<sup>1</sup>.

Ряд специалистов, в том числе О.В. Дунаевская<sup>2</sup>, видит причину поворота к антропоцентризму в объективной исторической ситуации перехода к новому типу научного знания и его восприятия. Если с середины XIX до середины XX в. наука воспринималась обществом как нечто сакральное, доступное не всем и вместе с тем обязательно полезное (если не спасительное) для человечества, то во второй половине прошлого столетия это мнение изменилось. Исторические события середины века (Вторая мировая война, угроза ядерной катастрофы, развитие генной инженерии и медицинских технологий военного назначения) преопределили, по мнению исследователей, перемену в отношении общества к науке, но также и в отношении науки к обществу. О.В. Дунаевская утверждала: «Научный язык на наших глазах эволюционирует от тайного знания, от языка для посвященных в сторону самозащиты и самопропаганды, в сторону самопопуляризации»<sup>3</sup>. Как следствие, язык научно-популярных средств массовой информации также изменился. Появилась возможность использовать в большем объеме специальные термины, так как они, рождаясь в обновленном научном дискурсе, были уже более образными и близкими к общелитературному языку. «Чудесный сплав науки и коммунизма»<sup>4</sup>, по выражению Л.И. Брежнева, в научно-популярной прессе уступил место многообразному, в том числе личностно-ориентированному, дискурсу.

Существует и еще более общее суждение: «Любой текст естественной коммуникации неотделим от автора, или субъекта речи, и, следовательно, от его эмоционально-чувственного мира»<sup>5</sup>, вследствие чего личностный характер того или иного текста преопределен заранее. Данный вывод, однако, представляется недостаточно обоснованным, так как неизбежная субъективность характеризует в основном устную и спонтанную речь, в то время как письменная коммуникация, к которой относятся тексты СМИ, всегда предоставляет адресанту возможность регулировать степень эмоциональной насыщенности своей речи.

Отмеченная тенденция к гуманизации науки дает основание для исследования конкретных проявлений антропоцентризма в текстах научно-популярных изданий. В статье рассматриваются

примеры различных речевых средств, которыми журналист или ученый-популяризатор может пользоваться для придания своим текстам большей личностной и эмоциональной насыщенности.

Материалом для исследования служат тексты научно-популярного журнала «Знание – сила» за 1960, 1980 и 2010–2011 гг.<sup>6</sup>

Сравнивая тексты журналов «Знание – сила» разных лет, необходимо учитывать изменения, происходившие в редакционной политике издания. В 1926 г. данный журнал появился как издание для детей и сохранил свою ориентированность на детскую и подростковую аудиторию вплоть до середины 60-х гг. Вторя стилистике иллюстраций-шаржей Виктора Кащенко, язык материалов отличался яркой экспрессивностью, повышенной метафоричностью. Использование данных речевых средств позволяло привлечь и удержать молодых читателей не обилием актуальной информации (что характерно для «взрослых» научно-популярных СМИ), но прежде всего вербальными средствами популяризации научного знания.

В 1980 г. журнал представлял собой типичное для советской прессы издание. Оно отличалось универсальностью тематики, не имело четко заявленной направленности на какой-либо тип читателей. Это обстоятельство обусловило некоторую стилистическую мозаичность текстов журнала. В одном и том же номере соседствуют яркие, изобилующие разговорными элементами авторские заметки, сухие хроники и официальные обзоры, написанные в стилистике «новояза», и традиционные популярные изложения научных теорий, тяготеющие к отстраненной научности. В связи с этим в текстах данного периода можно найти практически все перечисленные речевые средства, однако ни одно из них нельзя с полной уверенностью назвать определяющим для стиля издания.

Тексты современных номеров журнала «Знание – сила», пожалуй, являются наиболее антропоцентричными по своей организации. Стилистически они максимально приближены к разговорной речи. Об их научно-популярном характере говорит только обилие терминов и изредка копирование композиции текста-рассуждения. Большое внимание уделяется как авторской личностной реализации, так и созданию эмоционально насыщенных образов ученых и научной деятельности. В целом стиль изложения, которому присущи эмоциональность и эссеистические черты, можно назвать научно-публицистическим. Приведем пример характерного для данного издания отрывка: «<...> вот я сейчас сделал усилие и воочию представил себе, что печатаю эти строки на ноутбуке, у которого где-то внутри копошатся живые бактерии и какие-то устрой-



ства отсасывают из его батарей воду, и верите ли, – как-то странно мне стало, неуютно, страшновато даже» (2011. № 7. С. 29).

Далее, в основной части работы, предпринимается попытка классификации основных речевых средств, способствующих повышению экспрессивности текстов данного издания, а также интенсификации личностного начала в них.

\* \* \*

Категория экспрессивности для научно-популярного текста является во многом определяющей. Она «участвует в формировании смысла научно-популярного текста, создавая условия для реализации авторской интенции»<sup>7</sup>.

В современных условиях, когда каждый имеет доступ к огромным ресурсам информации, в том числе популярного характера, перед создателями текстов для научно-популярных СМИ встает основная задача – заинтересовать читателя и удержать его внимание.

Для реализации этой рекламной функции применяются различные средства эмоционального воздействия. Безусловно, большое внимание создатели научно-популярных журналов уделяют визуальной составляющей материалов. Использование крупных полноцветных фотографий, яркое художественное оформление, дробление материала и «фреймовая» верстка – всё это помогает отдельным изданиям приблизиться по степени эмоционального воздействия к телепередачам сходной тематики. Однако напомним, что возможности качественной цветопередачи существовали не всегда. В 60-х гг. XX в., например, фотографии, даже черно-белые, были редкостью в журналах научно-популярного характера. Предпочтение отдавалось рисованным иллюстрациям, которые было проще качественно выполнить на бумаге. В связи с этим гораздо большее внимание уделялось эмоциональной наполненности текстов, их словесной «живописности» и личностной ориентированности. Сегодня, когда обилие яркой визуализации уже не так привлекает читателя, актуальным представляется возвращение к традициям эмоционально насыщенных текстов.

Рассмотрим речевые средства, с помощью которых в разные периоды осуществлялось создание образа ученого и его эмоциональное наполнение.

Синтаксические средства русского языка предоставляют пишущему разнообразные возможности для придания повествованию личностного характера. Заметим, что этот процесс противо-

стоит «обезличиванию», которое характерно для многих сугубо научных текстов.

Наиболее очевидным синтаксическим средством в данной ситуации является ведение повествования от первого лица. Текст при этом насыщается соответствующими личными местоимениями как единственного числа: «На экране электронного монитора я вижу изображение облученного нейтронами металла» (1980. № 3. С. 11), «Часто меня спрашивают, с какого возраста я стал интересоваться миром рептилий» (Там же. С. 34), – так и множественного: «<...> нам, сторонникам биологической точки зрения <...>» (1960. № 2. С. 21).

Ведение повествования от первого лица в научно-популярном материале СМИ возможно в двух случаях:

- 1) авторский материал (автором, как правило, выступает авторитетный ученый);
- 2) интервью (ответы собеседника-эксперта обладают естественной личностью).

Среди исследованных материалов тексты с преобладанием повествования от первого лица скорее редкость, нежели правило. Стилистически такое построение текста приближает журналистский материал к художественной публицистике, что не всегда желательно при освещении научных тем, так как дает читателю основания сомневаться в объективном характере излагаемых фактов.

Большинство создателей научно-популярных текстов использует формы первого лица местоимений и глаголов лишь эпизодически, именно как прием, служащий усилению эмоциональной насыщенности повествования. А.Л. Назаренко, говоря о научном и научно-популярном стилях речи, подчеркивает: «Введение “человеческого измерения” через посредство местоимения I лица и дополнительной информации личного характера довольно часто используется в современном научном стиле, чтобы сделать предмет легко усвояемым и более доступным, особенно в журнальных публикациях»<sup>8</sup>.

Повествование в третьем лице не лишает автора возможности привести в текст сведения о субъекте научной деятельности. Наиболее часто это делается при помощи введения распространенных и нераспространенных определений, характеризующих личность того или иного участника повествования.

Как правило, если героем повествования является ученый, зачин или подзаголовок (в редких случаях – отдельная биографическая врезка) содержит краткие сведения о нем. Это могут быть

научные «регалии»: «Виктор Каган – врач, психотерапевт, мыслитель и поэт <...> Он – доктор медицинских наук (медицинская психология, психиатрия), автор многих работ по специальности <...>» (2010. № 4. С. 48), «<...> руководитель Центра интеллектуальной истории – доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института всеобщей истории РАН, президент Российского общества интеллектуальной истории Лорина Репина» (№ 10, 2011, С. 46); сведения о гендерных, возрастных характеристиках, происхождении: «Г-жа Мур и ее коллеги» (2010. № 1. С. 45), «молодой эфиопский ученый» (2010. № 4. С. 78), «индийский физик Джагадиш Чандра Бос» (Там же, С. 6), «Применив ряд оригинальных усовершенствований, *сибиряки* добились резкого снижения стоимости генератора» (1960. № 1. С. 2). В данном случае приводимые характеристики выражены словами и сочетаниями с нейтральной стилистической окраской и сами по себе не являются эмоционально насыщенными, однако они позволяют читателю составить первоначальное впечатление о герое повествования или собеседнике журналиста в интервью. Достаточность и точность подобных сведений способна повлиять на восприятие всего материала. Например, кому-то может быть особенно приятно прочесть статью о земляке, и если подобная информация встречается в зачине или заголовочном комплексе, апеллятивная функция для конкретного случая будет полноценно реализована уже с помощью одного такого упоминания.

Однако гораздо больше шансов заинтересовать читателя не только темой, но и личностью исследователя предоставляет развернутое описание личных качеств героя или деталей его биографии. Иногда достаточно просто сказать, что речь пойдет о творении «талантливого инженера» или «выдающегося ученого», чтобы читатель проникся уважением к предмету и заинтересовался им. В ряде случаев возможно и более распространенное, почти портретное описание. Вот как начинается свой материал о талантливом сельском рационализаторе автор журнала «Знание–сила»: «*В Южно-казахстанской области, в далеком селе Ванновке, примостившемся у подножья западных отрогов Каратау, живет и трудится агроном, ныне пенсионер, Павел Петрович Савин ... Он всегда изобретал. Исследования, эксперименты, бесконечные путешествия в terra incognita – вот главное содержание его жизни*» (Там же. С. 8).

Можно также сравнить стандартный зачин интервью (с перечислением научных регалий героя) с зачином следующего плана:

А.А. Симон

*«Борис Салтыков – такой же знаковый персонаж для руководства РАН, как Чубайс для всего остального общества, причем с тем же знаком. С 1991 года – министр науки, высшей школы и технической политики. С июня 1992-го по апрель 1993 г. – заместитель Председателя Правительства РФ. Один из немногих в России высококлассных специалистов в сфере организации и экономики науки, создатель Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) <...>» (2011. № 10. С. 36).* Здесь приведены все необходимые сведения о должностях и достижениях, однако даны также и дополнительные определения: «знаковый персонаж», «высококласный специалист», которые позволяют заранее настроить читателя на позитивное восприятие излагаемых в дальнейшем идей ученого.

Помимо более или менее эмоционально распространенных характеристик собственно субъектов науки в научно-популярных текстах встречаются различные лексико-стилистические элементы, помогающие авторам давать характеристику научной деятельности их героев.

Чаще всего журналисты употребляют выражения типа «ученым удалось...», «ученые ищут ответ на вопрос...», «ученые обнаружили...», «ученые разгадали тайну...», «ученые пролили свет на...» и др. Последние два выражения, хотя и содержат остаточную экспрессивность в силу своей формальной метафоричности, всё же могут считаться штампами научно-популярной журналистики. Ничего нового, апеллирующего к эмоциям читателей, такие конструкции в текст не привносят.

Иначе обстоит дело с окказиональными лексико-стилистическими смещениями. В частности, в качестве приемов усиления экспрессивности могут использоваться элементы разговорного синтаксиса. Например, «Если уж искать виновного, то почему бы не придумать фигуру какого-нибудь бельгийского колониального врага, которому не давали покоя лавры Пастера и Коха <...>» (2011. № 8. С. 5); «И еще гормоны, которые выбросили в кровь в чрезвычайном количестве – ну, например, собственные наши надпочечники <...> Да мало ли что еще!..» (1980. № 3. С. 18).

Немаловажную роль в повышении экспрессивности текста может сыграть использование фразеологизмов и прецедентных высказываний. Например, «О глобальном потеплении столько «воды» было сказано, и вот – на тебе! – приплыли» (2010. № 7. С. 5), «ученые всего мира на протяжении почти четверти века искали корень этого зла» (2011. № 8. С. 5), «Ученым остается разве что «делать хорошую мину при плохой игре» – находить хоть какую-

то пользу для себя в этой изощренной изворотливости вирусов» (Там же. С. 8).

Разговорная и просторечная лексика используется авторами научно-популярных текстов нечасто – предпочтение отдается стилистически нейтральным лексемам, которые, соседствуя с научной терминологией, приобретают некоторую экспрессивность, достаточную для того, чтобы заинтересовать читателя. Однако можно привести примеры и сугубо разговорных стилистических вкраплений: «<...> он решил показать, что может переплюнуть не только всех остальных коллег, но и самого себя» (Там же. С. 26), «<...> ночами напролет, при свете коптилки, колдовал над образчиками тканей обезьян...» (Там же. С. 5). Как правило, такие случаи характеризуют общее тяготение текста к художественным жанрам публицистики.

Основным приемом усиления лично ориентированной экспрессивности научно-популярного текста является использование эмотивной лексики для описания чувств и эмоций ученых. Примеры: «Первые кадры репортажа, переданного роботом, были скучны и утомительны для самих ученых» (2010. № 7. С. 27), «Ура астеносфере!» – говорят мобилисты» (1980. № 2. С. 12), «Ботаников академической школы пробирает дрожь, когда они в очередной раз слышат о “разуме растений”, об их “удивительных способностях”» (2010. № 4. С. 9).

В совокупности названные средства речевой выразительности могут использоваться для создания романтизированного образа научной деятельности. Особенно характерны были такие описания для середины прошлого века, когда наука еще в полной мере виделась людям героической сферой деятельности. В частности, в 1960 г. в журнале «Знание–сила» можно было прочесть: «Предстоит еще бездна работы. А когда цель будет достигнута и ученые взойдут на эту новую вершину науки, перед ними снова откроются широкие заманчивые горизонты» (1960. № 2. С. 2). Однако и в 1980 г. на страницах этого журнала встречались описания подвигов и завоеваний, совершенных советскими исследователями: «Несмотря на яростную тропическую жару, их группа упорно штурмовала крутые, заросшие густой растительностью склоны острова, отбирая образцы горных пород и почв» (1980. № 1. С. 10) или же: «Каждую свою маленькую тайну сердце отдает с превеликой неохотой <...> и если что-то удастся у него выведать, то лишь ценой упорнейшего труда, искусных ухищрений, тщательных, многократных проверок» (Там же. С. 35).

К числу похожих явлений в научно-популярной прессе советской эпохи можно отнести также одушевление предмета исследования. Олицетворение осуществлялось, как правило, с помощью развернутой метафоры и являлось композиционным и смысловым стержнем материала. Приведем примеры: «"Паспортными столами" в сельском хозяйстве являются контрольно-семенные лаборатории, тщательно анализирующие "представителей" посевного материала» (1960. № 1. С. 6); «Кибернетика, сменившая парадный наряд королевы наук на рабочий комбинезон <...>» (1980. № 1. С. 32). Иногда такая метафора поддерживалась и графически – создавались забавные рисунки-иллюстрации, где приборы, небесные светила, а иногда и мельчайшие частицы наделялись лицами, руками, ногами и совершали некие действия.

Современные журналисты чаще используют обобщающие метафоры не для олицетворения, а для придания описанию научной деятельности более доступного массовой аудитории (порой даже бытового) характера. Например, «<...> целые дворцы, возведенные из формул и гипотез» (2011. № 8. С. 18) или «Описание космоса превращается в прихотливое рукоделие, и новейшие теории космогонии вполне логично соседствуют с очередным выпуском «Вязания на спицах» (Там же. С. 18).

Приведенные примеры характеризуют текстовый антропоцентризм в рамках научно-популярного дискурса. Использование разнообразных средств его реализации может быть продиктовано как объективными историко-культурными обстоятельствами, так и субъективной интенцией автора.

\* \* \*

Внимание к субъекту науки, как в рамках философии науки, так и в рамках научной популяризации, можно считать закономерным явлением, отражающим общую тенденцию к гуманизации научного знания.

Проведенное исследование выявило множество способов реализации установки на «очеловечивание» в научно-популярном тексте. К ним относятся как лексические, так и синтаксические экспрессивные средства, а также стилистические приемы построения текстов.

Материалы журнала «Знание–сила» демонстрировали особую склонность к антропоцентризму до середины 60-х гг. XX в., когда издание было ориентировано на детскую и подростковую аудиторию. Далее, вплоть до середины 90-х гг., в текстах обнаруживалось

больше элементов советского канцелярского языка, нежели речевых средств создания образа ученого. В наши дни в данном издании наблюдается возрождение антропоцентристского подхода к написанию научно-популярных текстов. Современные авторы-ученые стали более раскованными в своей речи, а журналисты не упускают возможности ввести «социальный» элемент в повествование о проблемах науки. И с той, и с другой стороны наблюдается активное изменение бытовавших в советское время представлений о стилистике научно-популярного текста, который теперь часто правильнее было бы называть научно-публицистическим.

На данном этапе исследования не представляется возможным выявить доминирующий способ реализации указанной авторской установки, так как все они в большей или меньшей степени присущи текстам научно-популярного характера. Вероятно, в дальнейшем удастся проследить определенную связь между конкретными жанрами научно-популярных текстов и речевыми средствами гуманизации.

#### Примечания

- <sup>1</sup> См., напр.: *Симонов В.М.* Дидактические основы естественнонаучного образования: гуманитарная парадигма. Волгоград: Перемена, 2000; *Турченко В.М.* Гуманизация и гуманитаризация науки. Новосибирск: Институт философии и права СО РАН, 1997.
- <sup>2</sup> *Дунаевская О.В.* Гуманный облик науки... (о популяризации научных знаний). М.: Знание, 1988.
- <sup>3</sup> Там же. С. 6.
- <sup>4</sup> *Брежнев Л.И.* Речь на митинге представителей трудящихся, посвященном встрече космонавтов // Он же. Ленинским курсом: Речи и статьи. Т. 1. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1970. С. 5.
- <sup>5</sup> *Муранова О.С.* Языковая картина мира в тексте научно-популярной статьи: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009. С. 37.
- <sup>6</sup> Знание – сила: ежемесячный журнал. 1960. № 1–12; 1980. № 1–12; 2010. № 1–12; 2011. № 1–10. Далее в тексте ссылка на источник будет даваться в следующем формате: (год издания, номер, страница); например, (1980. № 3. С. 54).
- <sup>7</sup> *Стегер Л.В.* Средства выражения экспрессивности в научно-популярном тексте: (на материале немецкого языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1990. С. 2.
- <sup>8</sup> *Назаренко А.Л.* Научно-популярная литература как объект функциональной стилистики и лингводидактики: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. С. 55.

Е.П. Буторина

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ КАК ФАКТОР  
СТАБИЛЬНОСТИ ДИСКУРСА МЕДИА.  
НА МАТЕРИАЛАХ ГАЗЕТЫ  
«МОСКОВСКИЙ КОМСОМОЛЕЦ» (1961 и 2009 гг.)

*Если нельзя не говорить о том,  
что раньше сказали другие,  
то следует попытаться сказать  
это лучше их.*

Исократ

В статье сравниваются прецедентные феномены в заголовках газеты «Московский комсомолец» в 1961 и 2009 гг. Рассматриваются особенности употребления классов прецедентных феноменов в современных текстах. В качестве одной из причин появления отмеченных особенностей рассматривается влияние Web-среды на газетные тексты и заголовки online-изданий.

*Ключевые слова:* прецедентный феномен, стабильность, дискурс, массмедиа, сайт, информационное пространство.

Изменения в социально-политическом устройстве российского общества привели к заметному изменению норм русского литературного языка. На газетных страницах можно все чаще видеть слова и выражения, которые невозможны были лет двадцать назад. Сохраняются ли при этом закономерности употребления прецедентных феноменов и в какой степени стабильны сами феномены? Можно ли говорить о стабильных элементах информационного пространства и газетного дискурса? В какой степени можно прогнозировать состояние информационного пространства?

Наша гипотеза состоит в том, что одним из показателей информационной повестки дня (т. е. поводов, вокруг которых возникают очаги активности информационного пространства) может являться количественное возрастание и качественное разнообразие употребляемых в заголовках СМИ прецедентных феноменов.

**Прецедентный феномен** в настоящей работе понимается как «вербализованный элемент экстравертивной фигуры коммуника-



ции – дискурса, устойчиво эксплицируемый в прагматических целях и являющийся апелляцией к уже имеющимся в имплицитной форме аналогичному устойчивому элементу интровертивной фигуры коммуникации – тексту или аналогичному устойчивому элементу фигуры коммуникации – действительности с целью экономии коммуникативных усилий и/или маркированности ситуации общения»<sup>1</sup>. При таком понимании прецедентного феномена элементами дискурса можно считать прецедентное именование, прецедентную цитацию, прецедентную аллюзию и прецедентную реминисценцию<sup>2</sup>.

Материалом для наблюдений за использованием прецедентных феноменов послужили заголовки газеты «Московский комсомолец» за 1961 г. с января по апрель и за соответствующий период 2009 г.<sup>3</sup>

#### 1. Факторы и основания выявления прецедентных феноменов в газетных заголовках

##### 1.1. Использование прецедентных феноменов в газетно-публицистической речи

Включение в заголовок прецедентного феномена создает возможности для совместного творчества писателя и читателя. В период построения развитого социализма в нашей стране прецедентные феномены передовых статей и газетных заголовков, как правило, представляли собой выдержки из постановлений партии и правительства. Изменения в стране привели к тому, что в газетных заголовках все чаще стали появляться прецедентные феномены в виде фразеологизмов, пословиц и поговорок, крылатых выражений из литературных произведений, строчек популярных песен, названий кинофильмов и т. п. Достаточно часто журналисты используют элементы языковой игры и языкового творчества, т. е. вариации прецедентных текстов. Прецедентность рассчитана на читателя, который опознает текст и включается в языковую игру. Чем богаче речь прецедентными феноменами, тем она остроумнее и выразительнее. Узнавание прецедентного феномена в речи доставляет читателю радость открытия, сопровождается языковой догадкой. Прецедентные феномены, которые содержатся в речи говорящих и пишущих, относятся к культурному фонду нации или всего человечества.

Естественно, что с течением времени меняются структура и атрибуты заголовка. Он приспосабливается к проявлениям окружающей действительности, отражает процессы развития общества, так

Е.П. Буторина

как решает определенные информационные задачи. Журналистика располагает развитой системой выразительных средств. Все они служат для привлечения внимания читающей публики к изданию. Среди выразительных средств особое место занимают заголовочные средства.

## 1.2. Паремии в русскоязычном коммуникативном пространстве

Факт наличия в языке устойчивых выражений, представляющих собой воспроизводимый в речи феномен, уже давно привлекает внимание исследователей. Под различными названиями (речения, «крылатые слова», афоризмы, идиомы, фразеологизмы и т. д.) паремии рассматривались как в специальных сборниках, так и в толковых словарях уже с конца XVIII вв. В классификациях разных авторов анализировались разные типы воспроизводимых единиц: идиомы, пословицы, поговорки, коллокации, коллигации, фразеосхемы, клише, биграммы и др.

Рассмотрим вкратце историю развития взглядов отечественных авторов на несвободные сочетания (термины в таблице упорядочены хронологически).

Таблица 1

Типы несвободных сочетаний слов

Единица	Автор	Свойства, эквиваленты сочетания
1	2	3
фразеологическое сращение	В.В. Виноградов <sup>4</sup>	отсутствие мотивации внутренней формой
фразеологическое единство	Тот же автор	устойчивость сочетания слов, прозрачная внутренняя форма
фразеологическое сочетание	Тот же автор	одно из слов употреблено в прямом значении, второе – во фразеологически связанном
фразеологическое выражение	Н.М. Шанский <sup>5</sup>	пословицы, аналитические номинации
связанное словосочетание	И.Е. Аничков <sup>6</sup>	отсутствие свободы замены компонентов в любом сочетании
фразаема	В.Л. Архангельский <sup>7</sup>	отсутствие свободы в замене компонентов

Прецедентные феномены как фактор стабильности дискурса медиа...

1	2	3
устойчивая фраза	Тот же автор	устойчивая воспроизводимость предложения
фразеологизм	Д.Н. Шмелев <sup>8</sup>	внутренняя и внешняя связность
фразеосхема	Тот же автор	фиксированность грамматической структуры
	В.Н.Телия <sup>9</sup>	невозможность дословного перевода на другие языки, номинативная функция
фразеологическая единица (ФЕ)	В.П.Жуков <sup>10</sup>	невыводимость значения сочетания из значений слов, членимость на компоненты, способность выражать оценку
фразеологизированная конструкция	Н.Ю.Шведова <sup>11</sup>	нечленимость фразы
коллокация	Е.Г.Борисова <sup>12</sup>	утрата связи одного из компонентов со своим исходным значением при сохранении этой связи у второго, невозможность синонимической замены, низкая степень образности

В основе теоретического подхода А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского лежит представление о том, что «фразеологизмы являются не только чисто языковым, но и когнитивным феноменом. Это значит, что образная составляющая фразеологизма, даже если она не влияет непосредственно на актуальное значение, является частью плана содержания»<sup>13</sup>.

Таким образом, большинство исследователей отмечает наличие образной составляющей как причины появления несвободных сочетаний разного уровня.

### 1.3. Вариативность паремий

Будучи воспроизводимой единицей языка, несвободное сочетание характеризуется постоянством состава и структуры, но при этом в определенной мере может допускать отклонения.

Варьирование фразеологизма, как правило, рассматривается при сохранении тождества его целостного значения или образа. Большинство ученых признает, что «варианты фразеологического

Е.П. Буторина

оборота – это его лексико-грамматические разновидности, тождественные ему по значению и степени семантической слитности»<sup>14</sup>. Н.М. Шанский отмечает, что «как варианты могут выступать фразеологические единицы, различающиеся грамматической структурой, семантически пустыми компонентами или представляющие собой полную и сокращенную версии»<sup>15</sup>.

Таблица 2

Вариативность несвободных сочетаний  
на различных уровнях языковой системы

Автор	Фонетика	Лексика	Морфология	Слово-образование	Синтаксис
В.П. Жуков <sup>16</sup>	+	+	+	+	+
А.М. Бабкин <sup>17</sup>	+	–	+	+	+
Н.Д. Фомина	+	–	+	+	+
В.М. Мокиенко	+	+	+	+	+

Таким образом, по данным, приведенным в таблице, можно видеть, что не все исследователи признают варьирование паремий возможным на всех уровнях языковой системы. Например, по мнению Н.Д. Фоминой, лексические замены во фразеологических оборотах ведут к образованию синонимов, а не вариантов<sup>18</sup>. Согласно В.М. Мокиенко, отказ от квалификации несвободных сочетаний, опирающихся на близкие образы (инвариант прецедентного феномена в нашей терминологии), как лексических вариантов может привести к их отождествлению с синонимами (*откинуть лапти – сыграть в ящик – дать дуба*)<sup>19</sup>. В пословицах и поговорках, в отличие от идиом, вариативность может касаться, как правило, только отдельных слов и никогда не распространяется на весь лексический состав, «ввиду чего образуется относительно небольшое количество разновидностей одной и той же пословицы»<sup>20</sup>.

Один из крупнейших отечественных паремиологов Г.Л. Пермяков при описании пословиц и поговорок народов Востока столкнулся с проблемами, т. к. все классификации, которые применялись до этого времени (алфавитная, лексическая, монографическая, генетическая, тематическая и пр.), оказались практически неприменимыми. Поэтому им была разработана система формообразующих и предметно-тематических групп с перебором всех воз-

никающих логико-семиотических вариантов<sup>21</sup>. Эта система позволила всесторонне охватить паремиологический фонд фольклора отдельно взятого народа. Невозможность наложения классификации несвободных сочетаний, полученной на материале европейских языков, на явления, представленные в другой языковой картине мира, также подтверждает правомерность рассмотрения паремий как языкового выражения пространства прецедентных феноменов.

Некоторые авторы предлагают разграничивать языковые средства несвободных сочетаний как единиц языка и как единиц контекста, поскольку в последнем может наблюдаться окказиональное изменение несвободного сочетания, обусловленное «стилистическими и художественно-изобразительными функциями»<sup>22</sup>.

В последнее время помимо привычного варьирования паремий, сохраняющих основной образ без изменений, в средствах массовой информации можно наблюдать игровые трансформации несвободных сочетаний – динамические изменения их смысла, иногда называемые «антиполовицами»<sup>23</sup>. Но и в этих новообразованиях ассоциативная связь с исходным сочетанием (сочетаниями) остается достаточно прочной, поэтому базовый прецедентный феномен легко вычислим (*Дареному коню палец в рот не клади*).

Итак, сопоставление взглядов различных исследователей позволяет выявить прецедентный феномен как инвариант основы паремии. На поверхностном уровне он может быть представлен различными языковыми средствами.

#### 1. 4. Классификация типов варьирования фразеологизмов

А.Н. Баранов в статье, посвященной варьированию паремий в СМИ, говорит о том, что «информация о частотных характеристиках варьирования фразеологизмов, продуктивности моделей варьирования необходима как для выявления потенциалов развития фразеологической системы, так и для осмысления значимости тех или иных характеристик фразеологизмов и влияния этих характеристик друг на друга»<sup>24</sup>. В его статье приводятся следующие классы вариантов паремий:

Классы вариантов паремий (по А.Н. Баранову)

№ п/п	Тип варьирования	Примеры
1	Замена компонентов паремии	<i>Еда не приходит одна</i>
2	Расширение/редукция структуры паремии	<i>Лежачего не бьют, а помогаю<u>т</u> подняться, Береги платье снову, а честь смолоду → Честь – смолоду!</i>
3	Изменение порядка следования компонентов	<i>Дорога ложка к обеду → Ложка дорога к обеду, Долг платежом красен → Платеж долгом красен</i>
4	Изменение коммуникативной направленности	<i>Москва слезам не верит?</i>
5	Введение отрицания (или снятие имевшегося отрицания)	<i>«Горбатого» (и) могила не исправит</i>
6	Изменение грамматических характеристик	<i>Слава богу, что бодливой корове бог рог не дал</i>

Кроме того, автор отмечает случаи сочетания перечисленных параметров варьирования.

Представляется, что для подобных типов варьирования можно говорить о таких прецедентных феноменах дискурса, как прецедентные аллюзии или реминисценции, в то время как буквальное воспроизведение паремии относится к цитации.

#### 1.5. Оценка количественного распределения видов варьирования

По данным А.Н. Баранова<sup>25</sup>, наибольшее количество модификаций приходится на случай варьирования, связанный с заменой компонентов паремии – около 35% от общего массива. Трансформация замены компонента паремии количественно лидирует с заметным отрывом от других параметров. Таким образом, можно сделать вывод: фактор структурной стабильности очень важен для паремий. Трансформация расширения / редукции структуры паремии хотя и заметно отстает по продуктивности от преобразования первого типа, тем не менее оказывается довольно частотной (16%). Менее употребительно изменение коммуникативной направленности паремий – около 12%. Следующим по частоте случаем преобразования формы паремий оказываются различные

грамматические изменения словоформ, входящих в состав паремий (7%). При этом наиболее типично изменение лица, числа и временных параметров глагольных форм. Относительно широко представлена и операция введения в паремию отрицания – количество зафиксированных случаев составляет 5% от общего числа. Сравнительно редко при варьировании происходит изменение порядка следования компонентов – 3% от общего количества рассмотренных случаев.

## 2. Сравнительный анализ и классификация прецедентных феноменов в заголовках газеты «Московский комсомолец»

### 2.1. Исследование и анализ прецедентных феноменов в заголовках газеты «Московский комсомолец» за 1961 г. (январь – апрель)

Проведем случайную выборку и анализ прецедентных феноменов и их вариантов в заголовках газеты «Московский комсомолец» за 1961 г. (январь – апрель). Было зафиксировано всего 60 заголовков с прецедентными феноменами.

Прецедентные именованья в выборке составили 4% (например, *комсомольцы-добровольцы* (МК 10.01.1961)). Больше всего отмечено прецедентных цитаций – 52% от общего количества. Это либо буквальное воспроизведение названия выступления политического деятеля: *Родина или смерть?* (выступление Ф. Кастро) (МК 03.01.1961), либо строки из песни: *Весна идет, весне – дорогу* (МК 05.03.1961; ср. Песня из к/ф «Весна», В. Лебедев-Кумач), название фильма: *Путевка в жизнь* (МК 18.03.1961), цитата из литературного произведения: *Душой исполненный полет* (МК 03.01.1961). Можно встретить также идиомы: *Молодо-зелено* (МК 08.01.1961), *Ломать – не строить* (МК 07.02.1961).

Прецедентные аллюзии составили 37% от общего числа заголовков в выборке: например, *О курице, яйце и уране* (МК 01.01.1961). Остальные случаи употребления измененных паремий приходятся на реминисценции: например, Больше, лучше, дешевле (МК 01.02.1961; ср.: быстрее, выше, сильнее).

Итак, в заголовках газеты «Московский комсомолец» за январь–апрель 1961 г. обнаружено 60 прецедентных феноменов. Большинство их представляют собой цитации, в то время как наименований, аллюзий и реминисценций, создаваемых вариантами паремий, гораздо меньше.

Е.П. Буторина

## 2.2. Исследование прецедентных феноменов в заголовках газеты «Московский комсомолец» за 2009 г. (январь–апрель)

Проведем исследование и анализ прецедентных феноменов в заголовках газеты «Московский комсомолец» за 2009 г. (январь – апрель) и затем сопоставим с выборкой 1961 г. Используются online-версии газеты <http://www.mk.ru>, <http://www.zagolovki.ru>, <http://www.oldgazette.ru>.

Сразу можно заметить, что прецедентных феноменов в газетных заголовках 2009 г. гораздо больше – выборка за 4 месяца составляет 194 единицы. Заметно отличается и структура выборки. Так, цитации составили всего 10% (например, *Душа обязана трудиться* (МК 12.01.2009)). Число прецедентных имен – 7% (например, *Милиционер оказался не на коне из-за Ловеласа* (МК 15.01.2009)). Число аллюзий заметно возросло – 63% (например, *ЕГЭ слепили из «забродившего» теста?* (МК 10.01.2009)), как и число реминисценций: *Рубик изобрел шарик* (МК 10.01.2009) – 20%.

Таким образом, можно видеть, что в номерах газеты 2009 г. заголовки выглядят неожиданными и разнообразными (*надеяться больше не на 100* (МК 12.01. 2009; Ср.: *надеяться больше не на что*)), *Пришло время гействовать* (МК 15.01.2009). Тем не менее все они в рассмотренной выборке сводимы к прецедентным феноменам, которые хорошо известны носителям русскоязычной культуры.

Наибольшее количество прецедентных феноменов (72%) наблюдается при обсуждении тем, входящих в информационную повестку дня. Эти данные получены путем анализа всех заголовков в номерах за один месяц 2009 г.

Сами же механизмы варьирования фиксированных выражений не претерпевают изменений, и их процентное соотношение и в выборке 1961 г., и в выборке 2009 г. отличается от данных А.Н. Баранова<sup>26</sup> лишь в пределах статистической погрешности.

### Заключение

1. В заголовках «Московского комсомольца» можно наблюдать отражение лингвокультурных особенностей языковой личности предполагаемого читателя на конкретном отрезке времени.

2. Количество прецедентных феноменов в заголовках МК 2009 г. значительно превосходит их число в 1961 году.

3. Предпочитаемая разновидность прецедентного феномена в заголовках 1961 года – цитация, в 2009 году – аллюзия. Не исключено,



что смещение выбора в сторону игровых, креативных вариантов паремий в заголовках связано не только с возрастанием конкуренции за внимание аудитории. Согласно данным статистики<sup>27</sup>, значительная часть информации приходит к представителям многих социальных групп в виде устного пересказа газетных статей. Игровой вариант лучше запоминается и вызывает желание им поделиться. Эта тенденция усиливается размещением текстов современных СМИ в Интернете, способствующем конвергенции языковых средств, используемых в устной и письменной речи<sup>28</sup>.

4. Сами механизмы варьирования прецедентных феноменов в дискурсе медиа не претерпели изменений, что позволяет говорить о стабильности коммуникативного пространства при разнообразии его вариантов.

5. Представляется, что полученные результаты служат подтверждением гипотезы Ю.Е. Прохорова о скрепляющей роли прецедентных феноменов для различных вариантов коммуникативного пространства<sup>29</sup>.

6. Наиболее активное использование прецедентных феноменов в заголовках наблюдается в материалах на самые актуальные и дискуссионные темы

7. Не исключено, что возрастание варьирования паремий в заголовках связано с размещением современных газет в web-среде и особенностями восприятия текста с экрана. Для того чтобы прочесть статью целиком, нужно нажать на ссылку, заголовок очевидно должен обещать, что это усилие будет не напрасным.

#### Примечания

- <sup>1</sup> Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс: Учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2009. С. 155.
- <sup>2</sup> Там же. С. 157.
- <sup>3</sup> Использованы материалы выполненной под руководством автора курсовой работы студентки ИЛ РГГУ А. Покатиловой.
- <sup>4</sup> Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // В.В.Виноградов Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977. С. 140–161.
- <sup>5</sup> Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. М.: Специальная литература, 1996.
- <sup>6</sup> Аничков И.Е. Идиоматика и семантика // Вопросы языкознания. 1992. № 5. С. 140–148.

Е.П. Буторина

- <sup>7</sup> *Архангельский В.Л.* Устойчивые фразы в современном русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии – Ростов н/Д.: Изд-во РГУ, 1964. С. 310 .
- <sup>8</sup> *Шмелев Д.Н.* Современный русский язык. Лексика. М.: Либроком, 2009.
- <sup>9</sup> *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996.
- <sup>10</sup> *Жуков В.П.* Русская фразеология. М.: Высшая школа, 1986.
- <sup>11</sup> *Шведова Н.Ю.* *Шведова Н.Ю.* О некоторых типах фразеологизированных конструкций в строе русской разговорной речи// *Вопр. языкознания.* 1958. № 2.
- <sup>12</sup> *Борисова Е.Г.* *Борисова Е.Г.* Коллокации. Что это такое и как их изучать. М.: 1995.
- <sup>13</sup> *Баранов А.Н., Добровольский Д.О.* Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008. С. 21.
- <sup>14</sup> *Шанский Н.М.* Фразеология современного русского языка. М.: Специальная литература, 1996. С. 97.
- <sup>15</sup> Там же. С. 51
- <sup>16</sup> *Жуков В.П.* Русская фразеология. М.: Высшая школа, 1986.
- <sup>17</sup> *Бабкин А.М.* Русская фразеология, её развитие и источники. – М.: Посвещение, 1970.
- <sup>18</sup> *Фомина Н.Д., Бакина М.А.* Фразеология современного русского языка. М.: Изд-во Университета дружбы народов, 1985.
- <sup>19</sup> Там же.
- <sup>20</sup> *Жуков В.П.* Указ. соч. С. 86.
- <sup>21</sup> *Пермяков Г.Л.* Пословицы и поговорки народов Востока. Систематизированное собрание изречений двухсот народов. М.: Издательство: «Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1979.
- <sup>22</sup> *Мелерович А.М., Мокиенко В.М.* Фразеологизмы в русской речи. М.: АСТ, 2005. С. 83.
- <sup>23</sup> *Вальтер Х., Мокиенко В.М.* Антипословицы русского народа. СПб: Издательский дом «Нева», 2005. 576 с.
- <sup>24</sup> *Баранов А.Н.* Варьирование пословиц в СМИ: содержание и форма // *Вопросы культуры речи/Отв. ред. А.Д. Шмелёв.* М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2011. С. 274.
- <sup>25</sup> Там же. С. 274–289.
- <sup>26</sup> Там же. С. 274–289.
- <sup>27</sup> *Сухотерин Л., Юдинцев И.* Информационная работа в государственном аппарате. М.: Издательство «Европа», 2007. С. 55.
- <sup>28</sup> *Буторина Е.П.* А поговорить? Интернет как лингвистический феномен// *«Мир медиа XXI»,* 1999, № 1. URL: [http://www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/28\\_50](http://www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/28_50) (дата обращения 28.07.2012)
- <sup>29</sup> См.: *Прохоров Ю.Е.* Указ. соч.

А.М. Бекина

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПОРТИВНОЙ МЕТАФОРЫ  
В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ  
(НА МАТЕРИАЛЕ ИЗДАНИЙ «РУССКИЙ РЕПОРТЕР»  
И «РУССКИЙ NEWSWEEK» 2007–2010 гг.)

В статье анализируются случаи употребления спортивных терминов в заголовках еженедельных изданий «Русский репортер» и «Русский Newsweek». На основании проведенного исследования спортивный термин характеризуется как выразительное средство, повышающее эмоциональность общественно-политического текста. Автор делает вывод о том, что спортивная метафора в современном тексте подвержена стереотипизации, и выявляет причины данного явления.

*Ключевые слова:* публицистика, заголовок, спорт, термин, метафора, текст.

Спортивная тематика – одна из наиболее востребованных в современной российской печати. Это стало следствием того, что сегодня спорт – синкретическое единство политики, экономики, шоу-бизнеса и азарта, того, что больше всего интересует читателя<sup>1</sup>.

Кроме того, сейчас Россия находится в центре мировых спортивных событий: в 2014 г. в Сочи пройдут XXII зимние Олимпийские игры, а в 2018 г. страна примет чемпионат мира по футболу. Другие, менее значимые международные соревнования, – такие как мировые первенства, этапы Кубка мира, чемпионаты Европы по разным видам спорта – все чаще приезжают в Россию: с каждым годом их количество увеличивается в разы<sup>2</sup>.

В этих условиях пресса уделяет спортивным событиям особое внимание. Поэтому представляется актуальным исследование спортивной журналистики и ее влияния на публицистику в целом.

А.М. Бекина

Спортивная журналистика быстро развивается, причем не только в узкоспециальных изданиях, но и в изданиях широкого профиля, где появляются и углубленно ведутся спортивные отделы, а под материалы соответствующей тематики отдается по несколько полос в каждом номере.

На стиль спортивной публицистики оказывают влияние такие особенности спорта, как дух состязания, творчество, драматизм борьбы, массовость и эстетичность<sup>3</sup>. Все эти качества обуславливают определенный набор языковых средств и манеру изложения в публикациях на спортивные темы.

Спортивная журналистика немыслима без специальной спортивной лексики – слов и словосочетаний, относящихся к данной сфере деятельности человека и не являющихся общеупотребительными.

Наличие в языке специальной лексики дает возможность говорить о возникновении и развитии спортивного дискурса, транслирующего смыслы, которые определяют спортивную деятельность<sup>4</sup>. Основой спортивной лексики является терминология<sup>5</sup> – официальная система знаков, относительно изоморфная системе спортивных понятий и обслуживающая коммуникативные потребности спорта.

Изучение употребления спортивной терминологии на страницах СМИ, не относящихся к числу узкоспециальных спортивных, призвано не только углубить анализ собственно спортивной публицистики, но также выявить некоторые особенности общественно-политической публицистики.

В данной статье анализируется употребление спортивных терминов в заголовках общественно-политических материалов еженедельных журналов «Русский репортер» и «Русский Newsweek» за 2007–2010 гг. Выбор дат обуславливается тем, что именно в эти годы оба издания выходили одновременно: до 2007 г. не существовало журнала «Русский репортер», а в 2010 г. закрылся «Русский Newsweek». Оба еженедельника являлись (а «Русский репортер» продолжает быть) ведущими представителями либеральной публицистики в России, они имеют сопоставимую структуру и во многом общую тематику. Заголовки этих изданий удобны для изучения интеграции спортивных терминов в материалы на общественно-политические темы и коннотаций, приносимых ими в текст.

Прежде всего, необходимо отметить, что оба издания регулярно используют спортивные термины в заголовках, причем их ко-

личество колеблется приблизительно в одном диапазоне и существенно не меняется с течением времени. Например, в 2008 г. журнал «Русский репортер» использует в заголовках своих материалов в 49 номерах 79 спортивных терминов. Из них часть представляет собой заголовки статей спортивного отдела (например, «Один шаг до *турника*»<sup>6</sup> (курсив везде мой. – А. Б.)), часть – заголовки материалов, связанных со спортом (в рубрике «7 вопросов» материал «7 вопросов Сергею Рачинскому, *тяжелоатлету* из Петербурга»<sup>7</sup>). Остальные 22 спортивных термина используются журналистами в заголовках, не имеющих прямого отношения к спорту.

Термины, употребляемые в публицистических текстах, могут иметь как прямое, так и метафорическое значение. Несомненно, в заголовках термины часто употребляются в прямом значении: «велосипед», «гольф», «кроссовки», «рекорд», «спортсмен», «физкультура» и другие, однако термины в метафорическом значении употребляются не в пример чаще.

Возьмем, например, журналы «Русский репортер» и «Русский Newsweek» за 2008–2009 г. В «Русском репортере» в 2008 г. в заголовках найден всего один термин в прямом значении, зато в метафорическом – 11. В 2009 г. соотношение 5 к 13 соответственно. В журнале «Русский Newsweek» в 2008 г. в заголовках в прямом значении употреблялось 7 терминов, а в переносном – 33. В 2009 г. разница в цифрах стала менее весомой, но все равно весьма заметной: 6 против 24. Следовательно, можно сделать вывод, что в 3–4 раза чаще журналисты используют спортивные термины для придания заголовку метафоричности и эмоциональной окраски. Под метафорой в данном исследовании понимается употребление слова или выражения в переносном значении, основанное на сходстве, сравнении или аналогии<sup>8</sup>.

Например, в рубрике «Репортаж» в статье «Как выжить в офисе» один из подзаголовков – «Деловые *игры*»<sup>9</sup>. В толковом словаре под редакцией С.А. Кузнецова в определении значения слова «игра» указывается: «Занятие, определенное совокупностью определенных правил, и служащее для заполнения досуга, для развлечения, являющееся видом спорта». Соответственно слово «игра» может рассматриваться как спортивный термин. Однако, несомненно, коннотация слова «игра» сейчас весьма широка, вследствие чего употребление его в неспортивном заголовке привносит в него несколько дополнительных оттенков.

Работа в офисе, безусловно, подходит под определение прямого значения слова «игра»: это занятие, определенное совокупностью правил. Кроме того, в офисе присутствует и элемент состязания: сотрудник старается показать себя лучшим профессионалом, чем его коллеги. Термин «игра» ассоциируется также с борьбой, интригой, азартом – всем тем, что обычно сопровождает спортивные соревнования. Поэтому слово нередко используется в повседневной речи как обозначение интриг, тайных замыслов. В данном подзаголовке этот оттенок тоже актуализирован.

Многозначный заголовок «Деловые игры» сразу настраивает читателя на соответствующий лад: его ожидает захватывающая статья, раскрывающая борьбу героев, их интриги, – причем с каким-то конкретным результатом, ведь игра всегда заканчивается определенным счетом, даже если это ничья. Можно сделать вывод о том, что данный спортивный термин придал заголовку яркую эмоциональную окраску.

Спортивный термин несколько отличается от терминов других областей, характеризующихся отсутствием эмоциональности, несущих только конкретную фактическую информацию. Спорт сам по себе – эмоциональное явление, и его терминология эмоционально окрашена. Читатель, болельщик, зритель постоянно сталкиваются со спортивной терминологией в современной публицистике: значительная часть этой словарной группы переместилась в общеупотребительную лексику, сделав ее более выразительной.

В 2008 г. термин «игра» использовался в «Русском репортере» в заголовках различных общественно-политических статей дважды, а в 2009 г. – 5 раз. Например, в рубрике «От редактора» колонка называлась «Честная *игра*»<sup>10</sup>, а в рубрике «Сцена» в статье «Детский суд» есть подзаголовок «*Игра* в убийство»<sup>11</sup>. В целом за 4 года термин «игра» (и глагол «играть») встречается в заголовках и подзаголовках неспортивных статей 20 раз: всякий раз авторы используют его, когда хотят показать дух соперничества, состязания, интриг.

В журнале «Русский Newsweek» положение аналогичное: за 4 года термин «игра» используется в заголовках материалов на общественно-политические темы 24 раза. При этом при подсчетах не учитывались такие производные от слова, как «проиграть», «выиграть», «проигравший», «выигравший».

Широко распространены в публицистике и термины, связанные с победой и поражением – этими неизменными спортивными явлениями. В качестве примера можно привести заголовок

к статье о мультфильмах: «*Победа зеленых*»<sup>12</sup> – о том, что мультфильмы определенного рода вытеснили с экранов все остальные, то есть победили в соревновании за зрителей. В целом в журнале «Русский Newsweek» термины «победа», «победить» и их производные встречается за 4 года 17 раз.

В «Русском репортере» термин «победа» попал в заголовки 12 раз за тот же период 2007–2010 гг. Во всех материалах раскрывается тема противостояния, соперничества, лидерства, достижения результата – или невозможности его достижения. Например: заголовок «*Победить, чтобы выжить*» о региональных выборах в России<sup>13</sup>.

Тема выборов вообще одна из тех, для освещения которых журналисты часто прибегают к спортивной терминологии – она подходит для создания параллелей со спортивной площадкой, боксерским рингом, футбольным полем. Для того чтобы описать выборы, авторы используют не только такие спортивные термины, как «игра» или «победа», но также «лидер», «борьба», «бой», «нокаут», «чемпионский пояс», «запрещенный прием». Особенно популярны именно боксерские термины, поскольку цель политика очень схожа с целью боксера, выходящего на ринг: ему необходимо победить соперника в нужный отрезок времени, причем желательно так, чтобы тот больше не смог бороться<sup>14</sup>.

Например, в «Русском Newsweek» можно найти такие заголовки, относящиеся к выборам: «*Ничья по очкам*»<sup>15</sup> (подзаголовок материала «Уравнение с двумя известными»), «*Политический футбол*»<sup>16</sup>, «*Удар мимо пояса*»<sup>17</sup>.

Военные противостояния, гражданские войны, революции – в публикациях на эти темы авторы также используют спортивные термины для усиления впечатления. Здесь спортивный дискурс пересекается с военным. Война подразумевает кровавые столкновения, а спорт чаще всего – мирное соперничество, но для описания этих процессов употребляются одни и те же слова.

Например, в «Русском репортере» в статье «*Дальнейшая война негодна Богу*» стоит подзаголовок «*Определение травмы*»<sup>18</sup>, а материал «*Полураспад ненависти*» содержит подзаголовок «*Фанаты*»<sup>19</sup>.

Немало спортивных терминов можно увидеть в обоих анализируемых журналах в заголовках раздела «Наука». Научная деятельность также имеет нечто общее со спортивной: ученые соревнуются друг с другом в борьбе за гранты, за поддержку госу-

дарства, за славу. Возможно, этим объясняется большое количество спортивных терминов в заголовках материалов, посвященных научным исследованиям и открытиям. Например: «*Ловить* больше нечего» – так названа в журнале «Русский Newsweek» статья о закрытии учреждения по обнаружению паранормальных явлений<sup>20</sup>; материал «Самая красивая молекула» в «Русском репортере» имеет подзаголовок «Углеродный *футбол*»<sup>21</sup>. Всего за 4 изучаемых года в статьях «Русского Newsweek», посвященных науке, можно найти 16 спортивных терминов, а в материалах «Русского репортера» – 19. Чаще других встречаются термины «игра», «борьба», «гонка», «победа».

В журнальных заголовках используются преимущественно общезыковые и общелитературные метафоры. Среди общезыковых можно встретить такие термины, как «бросать», «бегать», «команда», «старт». Общелитературные метафоры в обоих журналах встречаются в два раза чаще. Это, например, «черный пояс», «айкидо», «нокаут», «флэш-рояль», «рокировка», «ладья».

Авторские спортивные метафоры тоже не редкость, особенно в журнале «Русский Newsweek», которому свойственна игра со словообразованием. Такие заголовки, как, например, «*Медальновидная политика*»<sup>22</sup>, «*Фальшфиниш*»<sup>23</sup>, «*Победительная корзина*»<sup>24</sup>, «*Олимпиадские муки*»<sup>25</sup>, вносят разнообразие в общую картину.

Нельзя не обратить внимание на процесс стереотипизации спортивной метафоры. Из-за небольшого количества используемых терминов заголовки в определенной степени дублируют друг друга. Так, однотипны заголовки с конструкциями «*игра* во что-либо» (футбол, убийство, суд, выборы), «*победить* кого-либо» (соперника, рак, лейкемию, движение), «*борьба* с чем-либо» (курением, коррупцией, теплом, неизбежностью), «*бежать* от чего-либо» (старости, катастрофы, коррупции, рекламы) и так далее.

Одинаковые заголовки можно обнаружить даже в соседних номерах журнала или внутри одного номера. Например, в № 43 и № 50 журнала «Русский Newsweek» за 2008 г. встречается заголовок «*И поражение от победы*» – причем один раз он использован в статье о выборах, а второй – о футболе<sup>26</sup>. В 2010 г. авторская метафора «медальновидный» также возникает в двух номерах – № 6 и № 11<sup>27</sup>.

Кроме того, «Русский репортер» и «Русский Newsweek» иногда используют одинаковые термины и обороты, создавая похожие друг на друга заголовки. Например, словосочетание «турецкий



гамбит», ставшее популярным после выхода одноименного романа Б. Акунина, можно найти в обоих журналах: в «Русском репортере» этот заголовок не изменен<sup>28</sup>, а «Русский Newsweek» преподносит его как «Тибетский *гамбит*»<sup>29</sup>.

Уникальные заголовки, основанные на спортивных метафорах, используются относительно редко – видимо, потому, что эти термины не слишком распространены, словосочетания на их основе непривычны глазу читателя и могут вызвать отторжение. Однако они не лишены выразительности: «*Айкидо* с городом»<sup>30</sup>, «*Эстафета* наступания на грабли»<sup>31</sup>, «Расстроенный *флэш-рояль*»<sup>32</sup>, «*Пас* на крови»<sup>33</sup> и другие.

Спортивный дискурс частично пересекается с дискурсами других областей. Данное явление широко используется современными СМИ для создания приемов выразительности. Однако надо отметить, что количество самих спортивных терминов, функционирующих в заголовках публицистических материалов, заметно ограничено. Выбор слова из спортивного словаря с целью метафоризации определяется его известностью широкой аудитории. Следовательно, развитие спортивной публицистики, влекущее за собой популяризацию спортивной терминологии, будет и в дальнейшем способствовать эволюции публицистики общественно-политической, которая использует спортивные термины в качестве выразительных средств.

#### Примечания

- <sup>1</sup> Жебелев Д. Аналитическая работа в спортивной прессе // Проблемы массовой коммуникации на рубеже тысячелетий. Воронеж: Факультет журналистики ВГУ, 2003. С. 28.
- <sup>2</sup> Календарь основных спортивных мероприятий ОКР // Официальный сайт Олимпийского комитета России. [М., 2011]. URL: <http://www.olympic.ru/ru/SportCal.asp> (дата обращения: 03.12.2011).
- <sup>3</sup> Солганик Г.Я. О языке спортивной журналистики // Спорт в зеркале журналистики (о мастерстве спортивного журналиста). М.: Мысль, 1989. С. 144.
- <sup>4</sup> Никитина Э.Г. Особенности спортивного дискурса // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2010. № 7. С. 75–78.
- <sup>5</sup> Кожевникова И.Г. Русская спортивная лексика: Структурно-семантическое описание. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2004. С. 35.
- <sup>6</sup> Русский репортер. 2008. № 37 (67).
- <sup>7</sup> Там же. № 8 (38).

А.М. Бекина

- <sup>8</sup> Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. С. 537.
- <sup>9</sup> Русский репортер. 2008. № 12 (42).
- <sup>10</sup> Там же. 2009. № 39 (118).
- <sup>11</sup> Там же. № 9 (88).
- <sup>12</sup> Русский Newsweek. 2007. № 20 (145).
- <sup>13</sup> Русский репортер. 2009. № 8 (87).
- <sup>14</sup> *Chen L.* The metaphorical use of boxing terms in everyday language. Kristianstad: Kristianstad College, 2009. P. 26.
- <sup>15</sup> Русский Newsweek. 2010. № 23 (291).
- <sup>16</sup> Там же. 2008. № 22 (195).
- <sup>17</sup> Там же. 2009. № 47 (266).
- <sup>18</sup> Русский репортер. 2007. № 1 (1).
- <sup>19</sup> Там же. № 27 (27).
- <sup>20</sup> Русский Newsweek. 2007. № 8 (134).
- <sup>21</sup> Русский репортер. 2007. № 26 (26).
- <sup>22</sup> Русский Newsweek. 2010. № 23 (280).
- <sup>23</sup> Там же. 2007. № 44 (168).
- <sup>24</sup> Там же. 2008. № 14(188).
- <sup>25</sup> Там же. № 16 (190).
- <sup>26</sup> Там же. № 43 (215); № 50 (222). Аллюзия на стихотворение Б.Л. Пастернака «Быть знаменитым некрасиво».
- <sup>27</sup> Русский Newsweek. 2010. № 6 (275); № 11 (280).
- <sup>28</sup> Русский репортер. 2010. № 34 (162).
- <sup>29</sup> Русский Newsweek. 2008. № 16 (190).
- <sup>30</sup> Русский репортер. 2010. № 28 (156).
- <sup>31</sup> Там же. 2009. № 14 (93).
- <sup>32</sup> Русский Newsweek. 2009. № 30 (251).
- <sup>33</sup> Там же. № 43 (262).

## Библиография

---

М.П. Нагибина

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: БАСИНСКИЙ П.В.  
ЛЕВ ТОЛСТОЙ: БЕГСТВО ИЗ РАЯ.  
М.: Астрель: АСТ, 2011. 636 с.

Книга «Лев Толстой. Бегство из рая» П. Басинского – не просто очередная версия ухода из дома и последовавшей вскоре смерти писателя. Автор исследования на основе документального материала предлагает реконструкцию событий, шаг за шагом прослеживая жизнь Толстого, пытаясь разобраться в семейной драме писателя.

Бесспорно, книга весьма интересна и тому читателю, кто хочет узнать больше о судьбе писателя, и тому, кого привлекает рассмотрение его творчества. Но есть еще один аспект, мимо которого не может пройти тот, кого интересует не только Толстой-прозаик, но и Толстой-публицист. Басинский уделяет особое внимание тем произведениям, которые были написаны после 1881 г., т. е. после кризиса конца 1870 – начала 1880-х гг., ставшего причиной кардинального изменения в мировоззрении Толстого, приведшего также и к конфликтам в семье.

Басинский не противопоставляет публицистику Толстого его художественным произведениям, напротив, подчеркивает их взаимосвязь. Известно, что Толстой за всю жизнь получил около 50 тысяч писем (сам послал около 8 тысяч). Писали ему люди разного социального положения и происхождения, возраста и образования. Письма были для Толстого важным источником знания о том, что происходит с людьми в разных странах – известны статьи писателя, написанные в эпистолярной форме: «Письмо к индусу», «Письмо к китайцу», «Письмо к польской женщине». Так происходило столь важное для писателя живое общение с людьми, то, что он называл «самым важным делом».

М.П. Нагибина

Толстой откликался на то, что происходило в разных уголках России, он писал статьи о положении крестьян («Стыдно!» – против телесных наказаний), о голоде в деревне («О голоде» и «Открытое письмо редактору “Русских ведомостей”»), о проблемах образования («О народном образовании»).

Басинский неоднократно упоминает о принадлежности Толстого и некоторых членов его семьи к вегетарианцам. Однако эта тема, к сожалению, не получает должного развития, хотя вегетарианство занимало важное место в системе мировоззрения Толстого. Принадлежность к вегетарианству он считал признаком «добротного человека», живущего в скромности. Толстой осуждал потребительское отношение к животному миру и стремление современников получать удовольствие от еды (в том числе от мясной) и роскоши. Об этом Толстой пишет в статье «Первая ступень», которую можно считать этической основой российского вегетарианского движения.

Толстой воспринимал также вегетарианство как материализацию идеи о непричинении вреда любому живому существу – недаром писатель создал эссе «Бойня», в котором воплотил впечатления от посещения места забоя скота недалеко от Ясной Поляны, выразительно передав ужас и страдания животных, предчувствующих смерть.

Толстой сыграл ведущую роль в развитии вегетарианского движения в России. Возникшие в середине XIX в. вегетарианские общества сначала в Англии, а затем в Западной Европе и США стали достаточно влиятельными, напротив, петербургское общество вегетарианцев превратилось в объект насмешек современников. Даже статья авторитетного ученого А.А. Бекетова «Питание человека в его настоящем и будущем» не изменила ситуацию существенно.

Лишь после статьи Толстого «Первая ступень» о вегетарианстве в России заговорили серьезно. Писатель и члены его семьи сделали очень много для популяризации вегетарианского образа жизни. Под влиянием публицистических произведений Толстого вегетарианцами стали Николай Лесков, Николай Ге, Илья Репин и многие другие деятели культуры.

Благодаря Толстому был опубликован русский перевод ряда зарубежных монографий и статей, посвященных вегетарианству. В издательстве «Посредник», которым руководил В.Г. Чертков – друг и ученик Толстого, вышли статьи «Научные основания вегетарианства или безубойного питания» доктора А. Кингсфорд,

Рецензия на книгу: Басинский П.В. Лев Толстой: бегство из рая.

«Этика пищи, или нравственные основы безубойного питания для человека» Г. Уильямса и т. д.

Дело Толстого продолжало жить и после его смерти. Активную деятельность вели вегетарианские общества во многих городах России (Москва, Санкт-Петербург, Киев и т. д.). Идеи писателя начали осваиваться прессой. В 1916–1917 гг. Чертков выпускал журнал «Единение», в котором нашли отражение этические взгляды Толстого – в том числе, и относительно вегетарианства, которому был посвящен отдельный раздел издания.

Повторим: очень жаль, что такая важная тема для судьбы Толстого (сторонником вегетарианства он был последние двадцать лет жизни) осталась вне поля зрения исследователя. Тем не менее П. Басинский сумел, по нашему мнению, показать, что публицистические работы Толстого, написанные ярко и полемично, словно запечатлели голос автора, его интонацию, взволнованную, напряженную, звучащую, как будто писатель обращается непосредственно к нам, читателям, даже сегодня, спустя сто лет после его смерти.

В.Н. Тищенко

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: THE ECONOMIST.  
STYLE GUIDE. THE BESTSELLING GUIDE  
TO ENGLISH USAGE.  
L.: MACMILLAN, 2010. 264 p.

Рецензируемая книга – своего рода сборник рекомендаций по написанию журналистских текстов, прежде всего экономического характера. Эти рекомендации основаны на опыте редакторов британского делового журнала «The Economist». По традиции самого журнала, в котором материалы печатаются без подписи, словно от лица редакции, ни составитель, ни тем более автор в выходных данных не указаны. «Гид» также не имеет конкретного автора. При этом в предисловии сказано, что большая часть материалов подготовлена Джоном Гримондом, в течение многих лет выполнявшим обязанности редактора британского, американского и международного блоков новостей в журнале The Economist.

Книга состоит из трех частей. Первая часть построена как словарь, содержащий расположенные в алфавитном порядке статьи о тех аспектах политической, социальной и культурной жизни, освещение которых может вызвать у журналиста затруднения – например, такие статьи, как «Аббревиатуры», «Устаревшие термины», «Эвфемизмы», «Метафоры», «Сленг». Вторая часть посвящена сравнительному анализу британского и американского вариантов современного английского языка. Третья часть включает в себя справочный материал: основные бизнес-термины и экономические понятия, сведения из истории и теории экономики и социологии.

Как отмечают авторы, исходное требование к тексту состоит в том, что он должен легко читаться и пониматься. Внятность изложения определяется четкостью мышления, поэтому каждая идея должна быть выражена максимально просто. Потому авторы сборника призывают не злоупотреблять метафорами и другими

© Тищенко В.Н., 2012

фигурами речи, исключить заимствования и использование терминов в тех случаях, когда можно найти нейтральные эквиваленты.

Далее рекомендуется привлечь внимание читателя с первой фразы. Журналист должен сразу обозначить суть проблемы, выстраивая, по мере написания, систему аргументации, держа тем самым читателя в напряжении. Каждый абзац текста должен служить очередным звеном в цепи рассуждений автора, и читатель должен чувствовать, что он движется последовательно от начала к заключению. По словам авторов, «параграф есть прежде всего единица мысли, а не объема; он должен быть однородным по смыслу и последовательным по форме». Параграф может состоять лишь из одного предложения, но таким приемом не следует злоупотреблять.

Только логика и последовательность изложения могут помочь журналисту доказать свою правоту. Кроме того, авторы советуют относиться к читателю уважительно, избегая как приятельского тона, так и чрезмерной назидательности. Если в тексте встречаются предложения, начинающиеся со слов *сравните*, *примите во внимание*, *заметьте*, *посмотрите* или *запомните*, у читателя может возникнуть ощущение, что перед ним учебник.

Авторы считают, что стремление тщательно править материал, доводя его до совершенства, может привести к обратному результату и стать причиной «правильной невыразительности»: «Существует риск, что газета превратится в набор из семидесяти–восемидесяти статей, которые выглядят так, словно являются результатом труда всего нескольких людей». Хотя, как уже отмечалось, все материалы журнала The Economist идут без подписи, редакция все же советует, чтобы стили, повествовательная манера корреспондентов отличались; в противном случае читатель может задать вопрос: может быть, все издание готовится в Лондоне, силами двух-трех человек. Поэтому, заключают авторы, журналист должен стремиться выработать индивидуальный стиль.

Во втором разделе, где анализируются различия британского и американского английского, подчеркивается необходимость быть внимательным в отборе языковых средств, потому как по обе стороны Атлантики одни и те же фразы и выражения могут иметь различные коннотации, а то и означать нечто совсем различное. Авторы указывают на важные различия между британским и американским синтаксисом, пунктуацией, орфографией и словоупотреблением. Письменный американский английский тяготеет к большей повествовательности, чем британский, наречия и при-

В.Н. Тищенко

даточные предложения в предложении часто располагаются иначе. Британский язык склонен к употреблению придаточных предложений, в то время как американский тяготеет к более простым структурам. В целом же в Великобритании менее охотно, чем в Соединенных Штатах, принимают новые слова и подозрительнее относятся к сокращениям.

Особое внимание уделяют авторы диалектизмам. Здесь встречаются интересные наблюдения: например, британский английский изобилует терминами, позаимствованными из игры в крикет, тогда как американский английский предпочитает бейсбольную лексику. Поэтому авторы советуют журналисту, пишущему для периодической печати в Великобритании, и США, выбирать корректные образы, чтобы быть понятным читателям.

Книга «Руководство по словоупотреблению в английском языке, изданное журналом The Economist» может быть полезна журналистам любых специализаций, а также исследователям современных СМИ и всем тем, кто хотел бы научиться выразительно писать на английском языке.



## Abstracts

M.M. Aliyeva

### “RUSSIA 24” TV-CHANNEL AS A STAGE OF DEVELOPMENT OF INFORMATION BROADCASTING

New technologies have changed the qualitative ability of communication process participants. Modern news inseparably linked to Internet. The article describes interactivity and networking as crucial processes forming the new media concept. Special attention is drawn to the active role of new media audience in implementing these media models. In a globalizing society demand for information and the value of the information context are greatly increasing. The viewer wants to get the product that interests him online. That was the reason for creation of 24-hour information channels. Special features of such channels are the subject of the article.

*Key words:* mass media, TV broadcasting, news, 24-hour information TV-channels, Internet, “Russia 24” TV-channel.

N.A. Bachinskaya

### PUBLICISM OF IVAN THE TERRIBLE (DIPLOMATIC LETTERS WRITTEN UNDER THE NAME OF BOYARS)

The article analyzes several diplomatic epistles of the 16th century that were written under the name of boyars and contain a number of traits which indicate that Ivan the Terrible took an active part in their creation. The author researches into stylistic features, recipes of persuasion and manipulation and topics that were typical for Ivan’s IV political essays and which are also presented in these texts.

*Key words:* Ivan IV the Terrible, diplomatic correspondence, publicism, recipes of persuasion, manipulation, irony, foreign policy, epistles under the name of boyars, literary style.

M. Baykina  
SOVIET CINEMA OF THE 1920–1930S  
IN M. KOLTSOV'S JOURNALISM

The purpose of this article is to study the creative heritage of well-known Soviet journalist Mikhail Koltsov, dedicated to the cinema. This work is concentrated on those articles by Koltsov, where he wrote about challenges, that the cinema faced in the 1920–1930s. Author analyzes the journalist's contribution to the development of film criticism in the Soviet Union, as well as his participation in newspaper discussions, raising important questions for the cinema. This work also mentions Koltsov's own participation in movies, that influenced his subsequent publications on the "tenth muse". The main source for the analysis are his articles, published in "Pravda" in that period.

*Key words:* journalism of the 1920–1930s, M.E. Koltsov, film criticism, challenges of cinema in the 1920–1930s, newspaper "Pravda".

A.M. Bekina  
SPORTS METAPHOR IN PUBLICISTIC TEXT  
(ON THE MATERIAL OF "RUSSIAN REPORTER"  
AND "RUSSIAN NEWSWEEK" MAGAZINES 2007–2010)

The article analyses sport terms, usually used in headlines of weekly magazines "Russian reporter" and "Russian Newsweek". The author assumes that the function of a sport term in social and political text is to be an expressive tool, because of emotional tinge of it. Sport term often helps to transmit the character of article. The author concludes that nowadays sports metaphor in a modern text becomes stereotypical and reveals reasons of this phenomenon.

*Key words:* publicism, headline, sport, term, metaphor, text.

E.P. Butorina

PRECEDENT PHENOMENA AS A STABILITY FACTOR  
OF DISCOURSE MEDIA. ON THE MATERIAL  
OF THE NEWSPAPER “MOSKOVSKY KOMSOMOETS”  
(1961 VS 2009)

The article compares the precedent phenomena in the headlines of the newspaper “Moskovsky Komsomoets” in 1961 and 2009. Some features of the use of such phenomena in modern texts are under discussion. Web-space and its influence upon newspaper texts and headlines in online editions are regarded as causes of the above features.

*Key words:* precedent phenomena, stability, discourse, mass-media, web-sites, information space.

T.A. Chubasova

“UTRENNYI SVET” MAGAZINE AS AN EXAMPLE  
OF MASONIC JOURNALISM

The article studies the “Utrennyi Svet” magazine, published by the famous Russian enlightener and mason N.I. Novikov in the second half of the XVIII century. The author of the article studies the history of the magazine, analyses materials placed there. The author comes to the conclusion that “Utrennyi Svet” belonged to Masonic journalism and turned the journalism of Catherine the Great into the cultural phenomenon.

*Key words:* N.I. Novikov, “Utrennyi Svet” magazine, “Vecherniaya Zaria” magazine, M.N. Muraviev, “Preduvedomlenie”.

S.E. Ehrlich

“PUSHKIN WAS NEVER ASSOCIATED WITH  
THE DECEMBRISTS”: A MODERN MONARCHIC  
PUBLICISM ABOUT THE MYTHOLOGICAL  
PAIR “PUSHKIN – DECEMBRISTS”

The Myth about the Decembrists the freedom fighters is strongly associated with the myth about Pushkin, as the founder of Russian literature. According to public opinion, these two phenomena constitute the mythological pair. However, at present another myth appears, that

there is a gap between Pushkin and the Decembrists, and that these two historical and cultural phenomena cannot be correlated. This myth is developed in the publications of the right-wing monarchists, who often call themselves “orthodox monarchists”.

*Key words:* A. Pushkin, Decembrists, orthodox monarchists, modern myths, publicism.

D.M. Feldman

THE ASPECTS OF THE SCANDAL.  
“A STORY OF THE UNEXTINGUISHED MOON”  
BY B.A. PILNYAK IN THE JOURNALISM OF THE 1920S

The article deals with the story of one of the loudest literary scandals of the 1920s, a publication of the B.A. Pilnyak’s book “A Story of the Unextinguished Moon” containing some transparent hints to the rumours that M.V. Frunze was killed by J.V. Stalin’s order. The author of the article proves that the appearance of the book was part of the conspiracy of the Communist Party elite groups opposed to Stalin and led by L.D. Trotsky. The aim of these groups was to compromise Stalin and as the next step to remove him from his post of General secretary of the Communist Party.

*Key words:* B.A. Pilnyak, “A Story of the Unextinguished Moon”, M.V. Frunze, J.V. Stalin, L.D. Trostky, “Pravda”, “Izvestiya”, “Rabochaya gazeta”.

V.L. Gopman

RECEPTION OF ARTHUR CLARKE’S SCIENCE  
FICTION NOVELS IN RUSSIAN PERIODICALS  
OF THE SECOND HALF OF THE XXTH CENTURY.

The author of the article studies the reception of Arthur Clarke’s science fiction novels in Russian periodicals, starting from the very first publications on Clarke in the 1960s up to the beginning of the XXI century. The author of the article analyses the publications in various newspapers and magazines, specialized in literary criticism as well as in popular editions, and shows dynamics of the reception.

*Key words:* A. Clarke, science fiction novel, reception, Russian press.

A.G. Gotovtseva  
«MY “ARCHIV” WILL BE OFFICIAL MAGAZINE  
OF THE MINISTRY OF PUBLIC EDUCATION».  
ABOUT ONE FAILED JOURNALISTIC PROJECT  
BY F.V.BULGARIN.

The present article is about one of the abortive projects of Faddey V. Bulgarin – about the transformation’s project of his journal “Severny archive” into official journal of Ministry of spiritual affairs and public education. In spite of the fact that the traces of this project were noticed by scholars in the correspondence of that time the official documents which could confirm the existence of such project have not been found so far. The article is intended to fill out this gap in the history of Russian journalism of the first quarter of 19th century. The «Project of transformation of “Severny archive”» made up by Bulgarin and the sent to Ministry of spiritual affairs and public education is published in an appendix.

*Key words:* Faddey Bulgarin, Alexander Golitsyn, Dmitry Runich, Nikolay Ostolopov, “Severny archive”, “Journal departamenta narodnogo prosveshchenija”, the project of journals’ amalgamation.

L.V. Hochunskaya  
THE MODERN MEDIA IMAGE  
AS AN ARCHETYPE

The article is dedicated to actual problems of journalistic work connected with the archetypical determination of media text. Author suggests a hypothesis that media image of the modern world is constructed on archetypical values of information activity subject and information consumer. In the center of this process there is an archetypical dialogue of information maker and consumer, who to some extent, is also its maker.

In the article the media image of Ivan Ochlobystin as a symbolic figure in the considered context is analysed.

*Key words:* media text, media image, archetypical determination, dialogue, Ivan Ochlobystin, author, audience.

E.M. Ivanitskaya

THE JOURNAL "SOREVNOVATEL PROSVESHENIA  
I BLAGOTVORENIA" IN THE HISTORICAL  
AND LITERARY CONTEXT OF THE 1820S

This article is about the magazine "Sorevnovatel". It is one of the most interesting magazines of the 1820s, it was published by Free society of supporters of the Russian Literature. The history of the study of this magazine was analysed in this article, as well as the main issues discussed in the magazine. The political life of the Pushkin's era is also studied in the article.

*Key words:* Magazine "The Supporter of Enlightenment and Charity", A.N. Golitsyn, F.N. Glinka, A.D. Borovkov, K.F. Ryleev, enlightenment, charity.

L.F. Katsis

TOWARDS THE PROBLEM OF READING  
AND PERCEPTION OF A CRITICAL ARTICLE  
IN NEWSPAPERS, BOOKS AND POSTHUMOUS  
COLLECTIONS OF ARTICLES. BERKOVSKY.  
MANDELSTAM. PASTERNAK

Presented article is dedicated to the comparison of readers and professional critical evaluation of perception of literary criticism read from authentic sources (such as newspapers and books) published by authors and in authors collections and memorial publications prepared by relatives of an author or historians of literature. An author shows that some specific features of a newspapers sheet (such as advertising, announcements and so on) can become a key to adequate understanding of real context and essence of critics positions. At the same time the author shows that in some cases it is possible to speak about an influence of Naum Berkovsky's articles 1928–1930th upon the classic images of Boris Pasternak's poetry ("Waves", "An Artist" and so on). So, such articles can become a real source of the poetic polemics on the Soviet "flat" that reflected in poems of both poets: Boris Pasternak and Osip Mandelstam.

*Key words:* N. Berkovsky, O. Mandelstam, B. Pasternak, Literary Criticism, "The Read Newspaper. Evening Issue".

O.I. Kiyanskaya

CONCERNING THE HISTORY OF THE NEWSPAPER  
“SEVERNAYA PTCHELA”. F.V. BULGARIN  
AND THE RUSSIAN-AMERICAN COMPANY

The article studies the publications in the newspaper “Severnaya Ptchela” devoted to the activity of The Russian-American Company in 1825. The author of the article analyses relations between F.V. Bulgarin, an editor of the newspaper “Severnaya Ptchela”, and K.F. Ryleev, a chief manager of The Russian-American Company. The author comes to the conclusion that it was K.F. Ryleev who wrote some articles for “Severnaya Ptchela”.

*Key words:* K.F. Ryleev, F.V. Bulgarin, N.I. Grech, O.M. Somov, “Severnaya Ptchela” (“The Northern Bee”), The Russian-American Company, poem “Voinarovskiy”, almanac “Polarnaya Zvezda” (“Polaris”).

T.S. Kutarenkova

RUSSIAN PRESS IN FRANCE IN THE 1920S.  
TYPOLOGY AND PROBLEMS  
OF DEVELOPMENT

The article considers the reasons and the historical context of developing of Russian first wave emigration’s press in France. It analyses various types of classification of the Russian press and the specifics of the journalists’ work in the conditions of emigration in the 1920s.

*Key words:* Russian emigration, France, periodicals, political polemics, bolshevism, publishing.

M.M. Lipkin

V. JABOTINSKY-JOURNALIST  
ON THE “WOMEN QUESTION”.  
PROFESSIONAL SECRETS

An article considers the sources of early journalism by Vladimir Jabotinsky in the newspaper “Ha Tzofe’ (in Hebrew “Observant”) concerned with the so called “women question”. The author finds for one of early Hebrew articles by Jabotinsky its thematic source in a second-

rate series of articles by almost unknown author who wrote under a pen name of 'Chevonibar' in Russian provincial newspaper "Elisavetgrad News". Jabotinsky used this Russian series as a background, transformed its plot (prostitution, women's lawlessness) and wrote his own quite original and skillful text in Hebrew where one can find the first traces of the future remarkable journalist.

*Key words:* Vladimir Jabotinsky, Chevonibar, Russian provincial early XXth century press, early XXth century Hebrew press in Russia, Ha Tzofe, "Elisavetgrad News", prostitution, Jewish problem.

D.P. Lyschinskaya

THE JOURNAL "OTECHESTVENNIE ZAPISKI"  
BY P.P. SVINYIN IN THE POLITICAL CONTEXT  
OF THE 1820S

The article is devoted to the history of the journal "Otechestvennie zapiski" by P.P. Svinyin in the political context of the 1820s. Svinyin's political views have been analyzed in this paper. The article shows the proximity of the Svinyin's and A.S. Shishkov's views. Shishkov was a well-known admiral and linguist. The paper provides a comparative analysis of their texts. It is concluded that Svinyin tried to seek for A.A. Arakcheev's protection so as to get the favourable attitude of Shishkov.

*Key words:* "Otechestvennie zapiski", P.P. Svinyin, A.S. Shishkov, A.A. Arakcheev, political context, Russian journalism.

A.V. Nesterov

"OUR CASE IS OF ANTHROPOLOGICAL PERSPECTIVE  
IN SOME KIND...". POLITICAL PUBLICISM  
OF J. BRODSKY AND W.H. AUDEN

The article deals with the late poetry by Joseph Brodsky. A great deal of his late poetic production is of publicist kind and inspired by disgusting to the world of mob and mentality of the crowd. Looking for some support in it, Brodsky turns to the heritage of W.H. Auden and makes a lot of allusions to the poems of the British poet. These allusions are rather systematic in Brodsky's poetry, from his point of view



W.H. Auden demonstrated us a possibility for a poet to stay socially responsible without social engagement.

*Key words:* Joseph Brodsky, W.H. Auden, Vladimir Mayakovsky, publicism, anthropology, XX century poetry.

A.A. Novikova

THE TV PICTURE OF THE WORLD  
AS AN OBJECT OF STUDY  
IN THE JOURNALISM

This article analyzes the prospects of using the term “world picture” with respect to the results of television interpretation of reality. Based on studies of domestic and foreign scholars dedicated to the specific nature of television, the author makes an attempt to define concept of “television screen picture of the world”.

*Key words:* the world picture, television, the interpretation of reality.

M.P. Odesskiy

M. BAKUNIN'S AUTOBIOGRAPHICAL PUBLICISM  
AND THE IDEOLOGY OF “SLAVIC MUTUALITY”

The article analyzes Mikhail Bakunin's “Confessions” written in the Russian prison and demonstrates its connection with the ideology of so called “Slavic Mutuality” (formulated in the XIXth century by Czech and Slovak intellectuals). Bakunin used the ideas and the images of “Slavic Mutuality” trying to reach not the Slavic unity but his main aim – the world revolution.

*Key words:* autobiographical publicism, Slavic Mutuality, Slavic mutuality, revolution, M.A. Bakunin, “Confessions”.

A.A. Simon

HUMAN-FACED SCIENCE  
(ABOUT THE ANTHROPOCENTRISM  
IN THE POPULAR SCIENCE MEDIATEXT)

In this paper the verbal methods of «humanization» in the texts of popular science magazine «Znanie – sila» (1960, 1980, 2010–2011 years of publishing) are examined. The author discovered syntactic, lexical and stylistical methods of bringing into the text some information about persons of science (scientists). Also it is analyzing the character of these expressivity methods' application during the above periods of magazine's history.

*Key words:* stylistics, popular science style, anthropocentrism, humanitarization, expressivity.

S.M. Voloshina

PROBLEM OF LIFE-CREATION  
IN THE AUTOBIOGRAPHY BY V.S. PETCHERIN  
“MEMOIRS OF BEHIND THE TOMB”  
 (“ZAMOGIL'NYE ZAPISKI”)  
AND G. SAND'S “SPIRIDION”

The article analyses autobiographic essay by V.S. Petcherin “Memoires of behind the tomb” (“Zamogil'nye zapiski”) as a reflection active “life-creation” realized by the author as well as his application of certain literary schemes. The facts selected by the author, the way they are being interpreted and careful construction of the author's literary publicistic image are completely detemined by his purposes, namely justification or “apologia” of his way of life and actions before readers. Creating the image of a hero in the memoirs was held within the literary tradition of romanticism which explains its following literary samples, the novel “Spiridion” by G. Sand in the first place.

*Key words:* literary memoirs, autobiographic literature, history of publicism, “life-creation”, V.S. Petcherin, G. Sand.

## Сведения об авторах

- Алиева Марьян* – аспирант кафедры журналистики Института массмедиа РГГУ, Aliyeva.maryan@gmail.com.
- Байкина Маргарита Наильевна* – аспирант кафедры телевизионных, радио- и интернет-технологий Института массмедиа РГГУ, старший социолог группы телевизионной аналитики отдела социологических исследований аналитического центра Видео Интернешнл, listrella@list.ru.
- Бачинская Наталья Александровна* – аспирант кафедры литературной критики Института массмедиа РГГУ, panisa@mail.ru.
- Бекина Анна Михайловна* – аспирант кафедры литературной критики Института массмедиа РГГУ, sportotdel@gmail.com.
- Буторина Елена Петровна* – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Института лингвистики РГГУ, butorinaelena@gmail.com.
- Волошина Светлана Михайловна* – соискатель на степень кандидата филологических наук кафедры литературной критики Института массмедиа РГГУ, S.M.Voloshina@gmail.com.
- Горман Владимир Львович* – канд. филол. наук, проф. кафедры литературной критики Института массмедиа РГГУ, vlgorman@mtu-net.ru.
- Готовцева Анастасия Геннадьевна* – д-р филол. наук, доцент кафедры литературной критики Института массмедиа РГГУ, brunhilda@yandex.ru.
- Иваницкая Екатерина Михайловна* – аспирант кафедры литературной критики Института массмедиа РГГУ, katty1987@yandex.ru.
- Кацис Леонид Фридович* – д-р филол. наук, проф. кафедры истории классической русской литературы и Российско-американского учебно-научного центра библеистики и иудаики РГГУ, katsis@gesharim-msk.ru.
- Киянская Оксана Ивановна* – д-р истор. наук, проф. кафедры литературной критики Института массмедиа РГГУ, kianoks@inbox.ru.

- Кутаренкова Татьяна Сергеевна* – аспирант кафедры литературной критики Института массмедиа РГГУ, kutarenkova@yandex.ru.
- Липкин Михаил Михайлович* – аспирант кафедры литературной критики Института массмедиа РГГУ, lipkin\_m@yahoo.com.
- Лыщинская Дарья Павловна* – аспирант кафедры литературной критики Института массмедиа РГГУ, chatterbox26@mail.ru.
- Нагибина Мария Павловна* – аспирант кафедры литературной критики Института массмедиа РГГУ, nach-san@yandex.ru.
- Нестеров Антон Викторович* – канд. филол. наук, доц. кафедры английского перевода МГЛУ, avnesterov@gmail.com.
- Новикова Анна Алексеевна* – канд. искусствоведения, проф. факультета медиакоммуникаций НИУ «Высшая школа экономики», преподаватель Института массмедиа РГГУ, a.a.novikova@gmail.com.
- Одесский Михаил Павлович* – д-р филол. наук, проф., зав. кафедрой литературной критики Института массмедиа РГГУ, modessky@mail.ru.
- Симон Анна Александровна* – аспирант кафедры литературной критики Института массмедиа РГГУ, annasimon@gmail.com.
- Тищенко Валерия Николаевна* – аспирант кафедры литературной критики Института массмедиа РГГУ, yunaya\_ledi@inbox.ru.
- Фельдман Давид Маркович* – д-р истор. наук, проф. кафедры литературной критики Института массмедиа РГГУ, dmfeld@inbox.ru.
- Хочунская Людмила Викторовна* – канд. филол. наук, доц. кафедры массовых коммуникаций Российского университета дружбы народов, luraho@yandex.ru.
- Чубасова Татьяна Александровна* – аспирант кафедры литературной критики Института массмедиа РГГУ, t.chubasova@rian.ru.
- Эрлих Сергей Ефреимович* – канд. ист. наук, директор издательства «Нестор-История», ehrlich@mail.ru.

## General data about the authors

- Aliyeva Maryan* – postgraduate student, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, Aliyeva.maryan@gmail.com.
- Bachinskaya Natalia A.* – postgraduate student, Literature Criticism Department, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, nanisa@mail.ru.
- Baykina Margarita N.* – postgraduate student, Television, Radio and Internet-technology Department, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, senior sociologist, Analytical Center, Video International Group, listrella@list.ru.
- Bekina Anna M.* – postgraduate student, Literature Criticism Department, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, sportotdel@gmail.com.
- Butorina Elena P.* – PhD in Philology, associate professor, Russian Language Department, Russian State University for the Humanities, butorinaelena@gmail.com.
- Chubasova Tatiana A.* – postgraduate student, Literature Criticism Department, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, t.chubasova@rian.ru.
- Ehrlich Sergei E.* – PhD in History, Director, “Nestor-Historia” Publishing House, ehrlich@mail.ru.
- Feldman David M.* – Dr. in History, Professor, Literature Criticism Department, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, dmfeld@inbox.ru.
- Gopman Vladimir L.* – PhD in Philology, Professor, Literature Criticism Department, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, vlgopman@mtu-net.ru.
- Gotovtseva Anastasiya G.* – Dr. in Philology, associate professor, Literature Criticism Department, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, brunhilda@yandex.ru.
- Hochunskaya Liudmila V.* – PhD in Philology, associate professor, Mass Communication Department, People Friendship University of Russia, lupaho@yandex.ru.

- Ivanitskaya Ekaterina M.* – postgraduate student, Literature Criticism Department, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, katya1987@yandex.ru.
- Katsis Leonid F.* – Dr. in Philology, professor, History of Classic Russian Literature Department, Russian-American Center for Bible and Jewish Studies, Russian State University for the Humanities, katsis@gesharim-msk.ru.
- Kiyanskaya Oksana I.* – Dr. in History, professor, Literature Criticism Department, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, kianoks@inbox.ru.
- Kutarenkova Tatiana S.* – postgraduate student, Literature Criticism Department, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, kutarenkova@yandex.ru.
- Lipkin Mikhail M.* – postgraduate student, Literature Criticism Department, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, lipkin\_m@yahoo.com.
- Lyschinskaya Daria P.* – postgraduate student, Literature Criticism Department, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, chatterbox26@mail.ru.
- Nagibina Mariya P.* – postgraduate student, Literature Criticism Department, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, nachy-san@yandex.ru.
- Nesterov Anton V.* – PhD in Philology, assistant professor, English Translation Department, Moscow State Linguistic University, avnesterov@gmail.com.
- Novikova Anna A.* – PhD, professor, Faculty of Media Communications, Higher School of Economics, senior lecturer, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, a.a.novikova@gmail.com.
- Odesskiy Mikhail P.* – Dr. in Philology, professor, head of a chair, Literature Criticism Department, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, modessky@mail.ru.
- Simon Anna A.* – postgraduate student, Literature Criticism Department, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, annacimon@gmail.com.

*Tichshenko Valeriya N.* – postgraduate student, Literature Criticism Department, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, [yunaya\\_ledi@inbox.ru](mailto:yunaya_ledi@inbox.ru).

*Voloshina Svetlana M.* – applicant for PhD in Philology, Literature Criticism Department, Institute of Massmedia, Russian State University for the Humanities, [S.M.Voloshina@gmail.com](mailto:S.M.Voloshina@gmail.com).

Заведующая редакцией *И.В. Лебедева*  
Художник *В.В. Сурков*  
Художник номера *В.Н. Хотеев*  
Корректор *Е.В. Побережнюк*  
Компьютерная верстка *Г.И. Гаврикова*

Формат 60×90<sup>1</sup>/<sub>16</sub>.  
Уч.-изд. л. 18,5. Усл. печ. л. 19,0.  
Тираж 1050 экз. Заказ № 174.

Издательский центр  
Российского государственного  
гуманитарного университета  
125993 Москва, Миусская пл., 6  
[www.rggu.ru](http://www.rggu.ru)  
[www.knigirggu.ru](http://www.knigirggu.ru)